

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЁННОЕ ВОЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» ИМЕНИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Калинин Олег Игоревич

Функциональный потенциал метафоры в дискурсе

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:

доктор педагогических наук,
доцент Гурулева Т.Л.

Москва 2022

Оглавление

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	22
1.1 МЕТАФОРА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОДЫ	22
1.1.1 Семантический подход к исследованию метафоры	25
1.1.2 Прагматический подход к исследованию метафоры	33
1.1.3 Когнитивный подход к исследованию метафоры.....	39
1.2 ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИИ В РАМКАХ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МЕТАФОРЫ.....	51
1.2.1 Теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон).....	52
1.2.2 Гипотеза первичных (примарных) метафор (Дж. Грейди)	56
1.2.3 Теория концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тёрнер).....	60
1.2.4 Теория контекстуальной метафорической интерпретации (Д. Ритчи).....	64
1.2.5 Теория преднамеренной метафоры (Дж. Стен).....	70
1.2.6 Концептуальное картирование (К. Аринс)	75
1.2.7 Теория атрибутивной категоризации (С. Глюксберг).....	76
1.2.8 Теория карьеры метафоры (Д. Гентнер, Б. Боудл).....	79
1.3 ДИСКУРСИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ	81
1.3.1 Теория дискурса и когнитивная лингвистика	81
1.3.2 Онтологический уровень дискурсивного направления исследований метафоры.....	85
1.3.3 Аксиологический уровень дискурсивного направления метафорологии: критические и дескриптивные исследования	90
1.3.4 Гносеолого-квантитативный уровень дискурсивного направления метафорологии: количественные и качественные методы исследования	104
1.4 МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА МЕТАФОР	113
1.4.1 Идентификация метафоры в тексте.....	113
1.4.2 Методы MIP и MIP VU	114
1.4.3 Автоматизированные методы идентификации метафоры	121
1.4.4 Вычисление уровня метафоричности дискурса	124

ГЛАВА 2 ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ	142
2.1 ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	143
2.2 ВЗАИМОСВЯЗЬ КОЛИЧЕСТВА МЕТАФОР И РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	156
2.3 ЗАВИСИМОСТЬ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ОТ НОВИЗНЫ (ИНТЕНСИВНОСТИ) МЕТАФОР	171
2.4 ЗАВИСИМОСТЬ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ ОТ СОДЕРЖАНИЯ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА И СФЕРЫ-ЦЕЛИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА	182
2.5 ОПЫТ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТАФОР ПОСРЕДСТВОМ ВЫЯВЛЕНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ	203
2.5.1 <i>Формирование отношения к социально значимой проблеме (эпидемия коронавируса) посредством метафорической репрезентации вируса в СМИ РФ и КНР.....</i>	204
2.5.2 <i>Метафорическая репрезентация образа армии в СМИ РФ и КНР..</i>	214
2.6 ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТАФОР ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ФУНКЦИЙ МЕТАФОР В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ	222
2.7 РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ПОЗИЦИЯ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ	232
2.8 РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ ТЕКСТА	244
 ГЛАВА 3 АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧНОСТИ ДИСКУРСОВ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ	 270
3.1 МЕТОД КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧНОСТИ ДИСКУРСА	270
3.2 МЕТАФОРИЧНОСТЬ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	279
3.2.1 <i>Результаты анализа метафоричности политических текстов типа «обращение к нации» .....</i>	281
3.2.2 <i>Результаты анализа метафоричности политических текстов типа «выступление на международном форуме» .....</i>	292
3.2.3 <i>Результаты анализа метафоричности политических текстов типа «новогоднее обращение» .....</i>	300
3.2.4 <i>Результаты анализа метафоричности политического дискурса на материалах русского, английского и китайского языков.....</i>	309

3.3 РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧНОСТИ ТЕКСТОВ ОФИЦИАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ДИСКУРСА	314
3.3.1 Результаты анализа метафоричности текстов военных доктрин	315
3.3.2 Результаты анализа метафоричности текстов официальных документов ООН	323
3.4 РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНЕНИЯ МЕТАФОРИЧНОСТИ ТЕКСТОВ МЕДИАДИСКУРСА....	331
3.4.1 Результаты анализа функционального потенциала метафор в текстах медиадискурса информационного характера.....	333
3.4.2 Результаты анализа метафоричности текстов медиадискурса оценочного характера.....	344
3.5 ВАЛИДНОСТЬ МЕТОДА КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧНОСТИ ДИСКУРСА	362
ГЛАВА 4 ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТАФОР .	374
4.1 ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕТАФОРИЧНОСТИ И ТИПА ДИСКУРСА	374
4.2 МЕТАФОРИЧЕСКОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ДИСКУРСЕ	382
4.3 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕТАФОРИЧНОСТИ И КУЛЬТУРЫ.....	404
4.4 МЕТАФОРИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУРСА.....	408
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	421
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:	433

Введение

Диссертация посвящена изучению проблемы реализации функционального потенциала метафоры в дискурсе, а также разработке концепции метафорического речевого воздействия в дискурсе и комплексного метода анализа метафоричности как способа выявления этого воздействия.

В качестве **объекта исследования** выступает метафора в ее контекстуальной обусловленности в дискурсах разного вида в типологически различных языках (китайском, английском, русском). **Предметом** исследования является функциональный потенциал метафоры в дискурсе, то есть возможность употребления разных по интенсивности, форме и позиции в тексте метафор в их взаимосвязи с прагматическими установками и культурной спецификой порождения дискурса.

В современном обществе дискурс является активным средством формирования картины мира. «Постправда», «фейк-ньюс», «инфодемия», «информационно-психологическое воздействие» – эти понятия не только прочно вошли в научный обиход и стали предметом междисциплинарных исследований, все это уже стало новой реальностью, с которой мы сталкиваемся ежедневно. На самом высоком уровне политического руководства упоминается такое явление как «ментальная война», то есть война за мировоззрение, которая «ведется на когнитивном уровне посредством технологий и психо-эмоциональных факторов»¹.

Очевидно, что в этой связи все большую значимость приобретают средства персуазивности и суггестивности, непосредственно связанные с когнитивными процессами концептуализации и категоризации действительности. Особую актуальность для лингвистики приобретает проблема изучения функционально-воздействующего потенциала языковых средств, которые непосредственно связаны с процессами познания и

---

¹ См. <https://zvezdaweekly.ru/news/20214211636-jxgHZ.html>

осмысления окружающей действительности.

Одним из средств концептуализации признанно считается метафора. Произошедшее в конце 20 века всеобщее признание метафоры в качестве одной из основных ментальных операций в процессах познания, оценки и объяснения мира позволило по-новому взглянуть на этот языковой феномен. Многократно выражаемые философами мысли о мифологичности и символичности нашего мышления оформились в теорию концептуальной (когнитивной) метафоры, согласно которой «наша концептуальная система в значительной степени метафорична, так как то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [Лакофф, Джонсон, 2004: 25]

При этом метафора как языковой и когнитивный феномен является также способом отражения и одновременно конструирования языкового сознания как системы национально-специфичных и универсальных особенностей мышления, характерных для определенной лингвокультурной общности. Метафора, по сути, является одним из способов организации культурно-исторического опыта человека и неотъемлемой культурной парадигмой носителей любого языка.

Учитывая подобный синтетический характер метафоры как точки пересечения языка, мышления и культуры, мы должны также подчеркнуть особую роль метафоры в дискурсе, так как любые общественные процессы требуют субъективной интерпретации участниками дискурсивного процесса. В то же время интерпретация окружающей действительности происходит через концептуализацию и категоризацию, одним из механизмов которых может считаться метафорический перенос. При этом языковые реализации концептуальных метафор крайне частотны во всех формах коммуникации.

Отдельно стоит отметить, что практические исследования в области нейролингвистики однозначно описывают особую активность головного мозга при восприятии метафорических проекций [Anaki, Faust, Kravetz, 1998; Coulson, Petten Van, 2002; Mashal, Faust, Hender, 2005; Pynte и др., 1996]. Метафора

признается инструментом формирования мнения относительно сложных социальных вопросов [Thibodeau, , 2011] и влияет на выбор человека при принятии проблемных решений [Thibodeau, Boroditsky, 2013]. Кроме того, многие исследователи подчеркивают особую роль метафорических проекций в формировании общественно-политических концептов в медиадискурсе [Воеунаемс и др., 2017; Larina, Ozyumenko, Ponton, 2019], а также значимость метафор при формировании отношения к заболеваниям и эпидемиям [Sandahl, 2001; Trčková, 2015; Wallis, Nerlich, 2005]. Перечень сфер, которые находят метафорическую репрезентацию, можно продолжать, однако неизменным выводом всех проведенных в последние годы исследований является тот факт, что метафоры оказывают имплицитное когнитивное воздействие. В то же время именно с этих позиций они *исследованы в недостаточной степени*.

Очевидным является тот факт, что материалом для изучения речевых форм реализации метафор и их последующей интерпретации всегда является дискурс. При этом в дескриптивных исследованиях метафор, проводимых на материале разных дискурсов и лингвокультур, в меньшей степени затрагивается аспект реализации функционального потенциала метафоры как способа формирования новых концептов и изменения содержания уже имеющегося знания, а проблемы роли метафоры в организации дискурса и метафоричности как специфической характеристики дискурса, связанной с его прагматическим потенциалом, по-прежнему *относятся к числу малоизученных*.

Стоит отметить, что в современной лингвистике разработаны некоторые частные методы количественного исследования реализаций метафор в дискурсе. Например, в работе А. Н. Баранова и Й. Цинкена осуществлен количественный подсчет метафорических дескрипторов в политическом дискурсе эпохи перестройки [Baranov, Zinken, 2003], разработаны методика кластерного анализа метафор [Koller, 2003] и метод определения индекса силы метафоры [Landtsheer De, 2009; Landtsheer De, 2014].

При безусловных достоинствах вышеперечисленных количественных методов исследования, ни один из них не предлагает решения проблемы

выявления метафорического речевого воздействия в дискурсе, то есть не предлагает метод определения функционального потенциала метафор. Так, методика кластерного анализа В. Коллер ориентирована на выявление, подсчет и анализ заранее определенных исследователем метафорических моделей. Вычисление индекса силы метафоры (К. де Ландтсхеер) не является универсальным для всех типов дискурса и не предполагает возможности интерпретации применительно к типу речевого воздействия.

Анализ разработанности проблемы показал, что несмотря на то, что в современном языкознании метафора исследуется довольно интенсивно, проблема реализации функционального потенциала метафор в дискурсе относится к числу **малоизученных**, а аспекты выявления метафоричности дискурса во взаимосвязи с речевым воздействием остаются **неизученными**. *Это определяет актуальность научного изучения проблемы реализации функционального потенциала метафор в дискурсе и разработки метода его выявления и анализа.*

Концепция предлагаемого исследования заключается в том, что метафора в диссертации рассматривается не как средство образной репрезентации мира, но как средство разноуровневого имплицитного воздействия на адресата: семантического, когнитивного и коммуникативного. Степень и форма речевого воздействия зависит от типа метафоры, ее интенсивности, позиции в тексте и количества метафор на определенный объем текста. Степень выраженности этих особенностей функционирования метафор в тексте и дискурсе являют собой метафоричность, которую следует полагать как неотъемлемую характеристику дискурса, специфическую особенность реализации функционального потенциала метафор в дискурсе. При этом метафоричность дискурса как совокупность особенностей функционирования метафор в дискурсе может быть выявлена количественно, а конкретные числовые значения метафоричности могут быть интерпретированы в их соотнесенности с разными формами речевого воздействия.

Проведенное исследование позволяет ответить на ряд фундаментальных для современной когнитивной лингвистики, теории дискурса и теории речевого воздействия вопросов, а именно: каковы основные характеристики функционирования метафоры в дискурсе? Как связано речевое воздействие конкретного текста или дискурса с использованием метафор? Какие аспекты функционирования метафоры в дискурсе наиболее релевантны с точки зрения выявления речевого воздействия? Как можно выявить уровень метафоричности текста и дискурса и как интерпретировать полученные данные? С чем связана разница в метафоричности разных типов дискурса? Чем обусловлены отличия в употреблении метафор в рамках разных лингвокультур? Какое именно речевое воздействие оказывают разные типы метафор?

С этих позиций в работе формулируются базовые положения *когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию метафоры как средства имплицитного речевого воздействия.*

Целью работы является выявление и установление релевантных качественных и количественных характеристик функционального потенциала метафор в текстах различной дискурсивной направленности в языковом, когнитивном и дискурсивном аспектах. Работа нацелена на разработку и апробацию метода комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA - Metaphor-Driven Discourse Analysis) и на создание программного обеспечения для практической реализации этого метода, а также на изучение метафоричности как специфической характеристики дискурса, детерминирующей речевое воздействие дискурса и обусловленной его лингво- и социокультурной характеристикой.

Названные цель, объект, предмет и концепция исследования обусловили необходимость решения следующих взаимосвязанных **задач**:

– рассмотреть метафору с точки зрения семантического, прагматического, когнитивного и дискурсивного подходов;

– детально изучить дискурсивное направление исследований метафоры, выявить и описать уже разработанные подходы к выявлению уровня метафоричности дискурса;

– провести анализ взаимосвязи речевого воздействия с плотностью метафор, их интенсивностью, семантикой сферы-источника и сферы-цели метафоры, функциями и распределением метафорических переносов в частях композиционной структуры и тема-рематической иерархии текста;

– разработать метод комплексного анализа метафоричности дискурса, основанный на вычислении индексов метафоричности и интерпретации числовых значений индексов в их соотнесенности с типами речевого воздействия; создать программное обеспечение, позволяющее цифровизировать математическую часть определения уровня метафоричности;

– на аутентичном языковом материале на китайском, английском и русском языках провести комплексный анализ метафоричности текстов политического, официально-документального и медиадискурсов;

– выявить показатели метафоричности дискурсов в каждом из языков и провести сравнительный анализ параметров метафоричности по типам дискурса, прагматическим характеристикам текстов и лингвокультурам, в рамках которых исследуемые тексты были созданы;

– на основе соотнесения показателей индексов метафоричности с положениями теории речевого воздействия определить количественные маркеры разных типов речевого воздействия метафор в дискурсе и разработать процедуру интерпретации индексов метафоричности;

– рассмотреть проблематику взаимосвязи полученных числовых показателей индексов метафоричности дискурса и его лингво- и социокультурных характеристик.

В качестве **методологической основы** использовался философско-когнитивный подход к метафоре (Э. Кассирер, Ш. Балли, А. Ричардс, Дж. Лакофф, М. Джонсон) в его соотнесенности с теорией дискурса (Т. Ван Дейк, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик), критическим дискурс-анализом

(Р. Водак, М. Фарклав) и теорией речевого воздействия (Г.Г. Почепцов, О. С. Иссерс, Е.И. Шейгал, М.Р. Желтухина, Е.Ф. Тарасов).

Среди различных научных подходов к метафоре в диссертационном исследовании особое место занимает когнитивно-дискурсивный (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, А. Музолфф, Л. Камерон, А. Н. Баранов, С. Н. Кубрякова), который позволил рассмотреть метафоричность как неотъемлемую специфическую характеристику дискурса.

Теоретическую основу исследования составили теоретические положения семантического подхода к рассмотрению метафоры (Аристотель, М. Блэк, Э. Ортони, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, В.Г. Гак, Г. Н. Складарская); прагматический подход к метафоре (К. Качиари, С. Глюксберг, Дж. Серль, В. Н. Телия); теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон); теория преднамеренной метафоры (Дж. Стен); теория карьеры метафоры (Д. Гентнер, Б. Боудл); теоретические основы дискурсивной метафорологии (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О.А. Солопова, Дж. Чартерис-Блэк, Л. Камерон, А. Дейгнан, К. Аринс); теория культурных вариаций метафоры (З. Ковечеш); исследования, связанные с количественными показателями функционирования метафор в дискурсе (А. Н. Баранов, Й. Цинкен, К. де Ландтсхеер, В. Коллер); теоретические основания изучения речевого воздействия метафор (К. Аринс, С. ван Стее, П. Тибодо, Л. Бородицки, П. Сопори, Д. Гентнер, В. Оттати, Р. Ренстром); ключевые положения теории речевого воздействия (Е. Ф. Тарасов, О. С. Иссерс, В.И. Карасик, Р. Блакар, Л. Л. Федорова, Г. Г. Почепцов, М. Р. Желтухина).

Методический инструментарий диссертации представлен совокупностью традиционно сложившихся методов теоретического исследования (изучение и кросс-культурный анализ отечественных и зарубежных авторов, метод теоретического анализа и синтеза, абстрагирования и конкретизации, обобщения) и эмпирического анализа речи и текста (семантический анализ, дискурс-анализ, контент-анализ, концептуальный анализ, интенциональный анализ, лингвокультурологический анализ).

Также использовались экспериментальные методики: анкетирование, опрос экспертной группы и метод лингвистический эксперимент. При обработке полученных результатов использовались количественные методы (шкалирование, подсчет процентных и абсолютных величин, корреляционный анализ), статистические методы верификации результатов (подсчет значения критерия Стьюдента и критерия Манна-Уитни), а также обобщение эмпирических данных.

В диссертационном исследовании мы опирались на частный метод критического анализа метафоры (Дж. Чартерис-Блэк), метод вычисления силы метафоры (К. де Ландтсхеер) и методику идентификации метафор в тексте MIP VU (Дж. Стен и Metaphor Lab).

В рамках диссертационного исследования нами был разработан и апробирован собственный метод комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA), который включает в себя вычисление индексов метафоричности – плотности (MDI^2), интенсивности (MII^3), функций метафор ($MfTI^4$), а также распределения метафор по внешней композиционной ($MStI(ex)^5$) и внутренней тема-рематической ($MStI(in)^6$) структурах текста.

Единицей исследования явились частные речевые проявления концептуальных метафорических переносов в их дискурсивной обусловленности, исследованные **на материале** политического, официально-документального и медиадискурсов на китайском, английском и русском языках общим объемом 255 119 слов.

Для исследования метафоричности политического дискурса нами было выбрано и проанализировано 18 текстов публичных выступлений лидеров

---

² Metaphor Density Index – индекс плотности метафор

³ Metaphor Intensity Index – индекс интенсивности метафор

⁴ Metaphor Functional Typology Index – индекс функциональной типологии метафор

⁵ Metaphor Structural Index (external) – индекс взаимосвязи внешней структуры текста и метафоричности

⁶ Metaphor Structural Index (internal) – индекс взаимосвязи внутренней структуры текста и метафоричности

России, КНР и США, сгруппированных по прагматическим и экстралингвистическим характеристикам на тексты выступлений перед представительным законодательным органом, тексты выступлений на международных форумах по экономике и новогодние поздравления. Официально-документальный дискурс представлен документами военно-политического (военные доктрины) и дипломатического характера (доктрины ООН). Дискурс массмедиа исследовался на материале новостных сообщений из официальных СМИ, опубликованных на русском, китайском и английском языках в официальных новостных агентствах. Эти тексты мы условно разделили на два типа: новостные сообщения преимущественно информационного характера, которые в работе представлены корпусами «Коронавирус» и корпуса «Россия» (китайский, английский), «Китай» (русский, английский), «США» (русский, китайский), которые были идентифицированы нами как тексты с «проблемной повесткой».

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

1. Изложены теоретико-методологические основы функционального потенциала метафоры в дискурсе, проявляющегося как инструмент речевого воздействия на коммуникативном, когнитивном и семантическом уровнях.

2. Разработан метод комплексного анализа метафоричности дискурса (Metaphor-Driven Discourse Analysis), состоящий в количественном выявлении уровня метафорического речевого воздействия и последующей идентификации типа этого воздействия.

3. Предложены и введены в научный оборот понятия:

- «метафоричности» как специфической характеристики дискурса, отражающая реализацию в нем функционального потенциала метафор;

- «метафорического речевого воздействия» как имплицитного речевого воздействия, интенционально и неинтенционально оказываемого автором речевого сообщения посредством использования в разных частях композиционной структуры и тема-рематической иерархии речевого сообщения метафор разного типа и разной интенсивности.

4. Изучена и эмпирически доказана взаимосвязь между плотностью метафор и воздействующим потенциалом речевого сообщения.

5. Доказана взаимосвязь между интенсивностью метафор, их языковой формой, определяющейся функциями в тексте, и типом речевого воздействия.

6. Впервые применены эмпирические методы исследования взаимосвязи между содержанием метафорического переноса и возможностью выявления речевого воздействия.

7. Доказана взаимосвязь между внутренней тема-рематической структурой текста и метафоричностью в контексте речевого воздействия;

8. На основе обширного языкового материала изучены показатели метафоричности разных дискурсов на разноструктурных языках, и тем самым исследована взаимосвязь использования метафор с прагматическими характеристиками дискурса, типологическими характеристиками языка и спецификой культуры.

9. Выявлены точные количественные показатели, отражающие уровень метафоричности, характерный для разных дискурсов, определены опорные значения индексов метафоричности для идентификации типа метафорического речевого воздействия.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке базовых положений концепции речевого воздействия метафоры с учетом ее дискурсивной природы.

Наше исследование развивает лингвистический подход к дискурсу с точки зрения исследования его метафорического потенциала и расширяет методологию лингвистического анализа языковых форм когнитивных метафор. В частности, сделан существенный вклад в развитие когнитивно-дискурсивного подхода к метафоре, а также в развитие когнитивных и дискурсивных методов исследования.

Значимым с теоретической точки зрения результатом исследования является выявление аспектов взаимосвязи между метафоричностью и речевым

воздействием, а именно рассмотрение функционально-воздействующего потенциала на разных уровнях, сопряженных с плотностью метафор в тексте, их интенсивностью, функциями и распределением метафор относительно тематической иерархии текста.

Результаты проведенного исследования показали новые возможности и перспективы анализа речевого воздействия дискурса. Полученные эмпирические данные по взаимосвязи между метафоричностью и речевым воздействием, а также показатели метафоричности разных дискурсов на разных языках служат дальнейшему теоретическому осмыслению метафорических ресурсов китайского, английского и русского языков.

Проведенное исследование также позволяет расширить научные знания об особенностях и принципах имплицитного речевого воздействия, осуществляемого в дискурсе в результате использования метафор. Этим обуславливаются его перспективность и вклад в развитие теорию речевого воздействия, социокультурных теорий языка, общей теории языка в целом.

Практическая значимость работы исследования состоит в создании комплексного метода анализа метафоричности дискурса (MDDA), использование которого упрощается применением разработанного нами специального программного обеспечения Metaphor Index Calculator. Этот метод может быть использован лингвистами, которые занимаются прикладными исследованиями в области дискурса, концептуальной метафоры и речевого воздействия, а также специалистами в области спецпропаганды и информационно-психологической борьбы.

Разработанный метод MDDA (анализ метафоричности дискурса) может стать действенным инструментом выявления имплицитного речевого воздействия в текстах медиа дискурса на материале любого языка, а поэтому его применение имеет практическую значимость при проведении мониторинга образа государственных институтов России в зарубежном политическом медиадискурсе, что особенно актуально в условиях информационного противоборства.

Кроме того, лежащий в основе MDDA количественный подход к анализу метафоричности дискурса способствует диффузному накоплению эмпирических данных о дискурсивных процессах и закладывает основания для будущих исследований метафоры в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Теоретические выводы и эмпирические результаты исследования также могут быть использованы чтении курсов по когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, теории межкультурной коммуникации, теории речевого воздействия, лингвопрагматики, теории дискурса, общественно-политического и военного перевода. Материалы диссертации могут найти применение в сфере военной журналистики, теории PR, нейромаркетинге, НЛП.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Метафоричность является характеристикой дискурса, которая проявляется в совокупной реализации функционального потенциала отдельных метафор в дискурсе, то есть в употреблении разных по интенсивности, форме и функциям метафорических проекций в их обусловленности прагматическими установками и культурной спецификой порождения дискурса.

2. Плотность метафор в тексте влияет на степень речевого воздействия, однако это влияние может ограничиваться показателями воспринимаемой уместности, которую можно определить как соотносимость тех или иных лексических единиц с контекстом, целями речевого сообщения и когнитивными особенностями реципиента сообщения. При порождении речевого сообщения автор будет подсознательно стремиться использовать больше метафор для описания позиции, наиболее близкой ему, однако конкретная плотность метафор соотносится со стилевыми особенностями речевого сообщения.

3. Конвенциональные и новые метафоры по-разному воспринимаются реципиентами речевого сообщения. Конвенциональные метафоры влияют на когнитивное восприятие текста, делая речевое сообщение более понятным и

легким для восприятия посредством снижения сложности воспринимаемого сообщения и повышения качества воспринимаемых аргументов. Новые метафоры позволяют увеличить эмоциональную привлекательность сообщения и возбудить воображение реципиента речевого сообщения, тем самым улучшая эмоциональное восприятие речевого сообщения.

4. Семантика сферы-источника и сферы-цели метафоры может быть связана с речевым воздействием, однако степень этого воздействия обусловлена социокультурными ценностями, психологическими особенностями и жизненным опытом реципиента речевого сообщения. При этом качественно-количественный анализ содержания метафорических проекций также применим для выявления функционального потенциала метафор, который может реализовываться в формировании социально значимых концептов, конструировании общественного мнения и создании образа государственных институтов.

5. Ориентационные, онтологические и структурные метафоры играют разные функции в дискурсе: репрезентативную, идентификационную и когнитивно-трансформационную, они отличаются разной формой языковой репрезентации, а их количественный анализ может являться одним из показателей метафоричности дискурса, отражающим доминирующую функцию метафоры в дискурсе.

6. Использование метафор в разных частях композиционной структуры текста отражает разные функции метафоры: во введении – суггестивно-идентификационную, в основной части – аттрактивную, в заключении – персуазивную. Метафоры, соотносимые с разными частями тематической иерархии текста, также выполняют разные функции в тексте: «тематические метафоры» концептуализируют тему высказывания, формируя отношение к основной мысли высказывания, воздействующий потенциал «тематических метафор» состоит в изменении содержания предмета речевого сообщения за счет изменения аргументов вокруг темы.

7. Для анализа метафоричности дискурса может использоваться метод комплексного количественного анализа метафоричности (MDDA), который состоит в вычислении индекса плотности метафор, отражающего количество метафор на 100 слов, индекса интенсивности метафор, который показывает соотношение количества конвенциональных и новых метафор, индекса функциональной типологии, который отражает доминирующую функцию метафоры в тексте, и индекса взаимосвязи внешней и внутренней структуры текста и метафоричности, связанного с ролью метафор в композиционном и тема-рематическом построении речевого высказывания. В целом, выявление функционального потенциала метафор представляет собой последовательность из нескольких шагов по вычислению вышеуказанных индексов метафоричности, комплексный анализ числовых значений которых показывает степень имплицитного речевого воздействия.

8. Функциональный потенциал метафор реализуется в разных типах речевого воздействия в дискурсе на разных уровнях: когнитивном, языковом и коммуникативном. Речевое воздействие на когнитивном уровне проявляется в подборе конвенциональных или новых метафор, что отражается в значении индекса интенсивности метафор (МИ). Мы полагаем, что показатель $МИ > 1,5$ будет свидетельствовать о наличии аффективного эмоционально-оценочного воздействия, тогда как $МИ < 1,5$ – о наличии категоризационного рационально-оценочного когнитивного воздействия. На языковом уровне речевое воздействие метафоры может быть выявлено вычислением индекса функциональной типологии метафоры (MfTI). Мы полагаем, что, если $MfTI < 1,5$, то метафоры реализуют свой функциональный потенциал в репрезентативном воздействии, если $1,5 < MfTI < 2,1$, то оказывается идентификационное воздействие, если $MfTI > 2,1$, то в тексте метафоры больше реализуют функцию трансформационного семантического воздействия. На коммуникативном уровне речевое воздействие проявляется в позиции метафор относительно внешней и внутренней структуры текста как коммуникативной единицы. Структурно-коммуникативное воздействие отражается в индексе

взаимосвязи метафоричности с внешней структурой текста ($MStI(ex)$): если значение $MStI(ex) < 1,2$, то метафоры реализуют аттрактивное воздействие, если $1,2 < MStI(ex) < 1,5$, то суггестивное воздействие, если $MStI(ex) > 1,5$, то персуазивное воздействие, а также в индексе взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста ($MStI(in)$): если значение $MStI(in) < 2$, то метафоры реализуют референциальное воздействие, если $MStI(ex) > 2$, то аргументативное воздействие.

9. Разница в уровне метафоричности сходных по прагматическим характеристикам дискурсов на типологически разных языках объясняется спецификой лингво- и социокультуры, представленной репрезентацией культуры в графическом, фонетическом, лексическом и синтаксическом аспектах языка, а также особенностях дискурса. Это может быть обусловлено типологическими характеристиками и конкретными характеристиками культуры и мышления носителей языка.

Апробация работы. Основные положения диссертации и результаты проведенного исследования отражены в 2 монографиях автора и 25 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Предложенные концепция и метод были апробированы на международных и межвузовских научных конференциях в Будапеште, Москве, Челябинске, Нижнем Новгороде, Тамбове, Севастополе.

Структура диссертации определяется проблематикой исследования, представленной спецификой объекта и предмета, целью исследования и поставленными задачами. Работа имеет традиционную компоновку и состоит из введения, четырех глав, заключения, и библиографического списка.

Во **введении** приведено обоснование выбора темы диссертационного исследования на основании анализа ее актуальности, раскрывается научная новизна исследуемой проблематики, описываются теоретическая значимость и практическая ценность. На основании объекта и предмета научных изысканий определены задачи, методический инструментарий и материал исследования.

Также изложена научная концепция и выносимые на защиту положения, приводятся данные об апробации и структуре работы.

Глава первая «Теория метафоры: истоки формирования и современное состояние» посвящена описанию теоретических оснований исследования метафоры как семантической аномалии, имеющей когнитивную природу и реализующую свой функциональный воздействующий потенциал в дискурсе. Нами были последовательно описаны структурно-семантический, прагматический, когнитивный и дискурсивный подходы к исследованию природы и структуры метафоры.

Глава вторая «Выявление функционального потенциала метафоры в дискурсе» посвящена осмыслению природы функционально-воздействующего потенциала метафор в дискурсе. Нами изучена взаимосвязь природы метафоры и разных аспектов ее функционирования в дискурсе с потенциальным речевым воздействием, а также предложен количественный подход к выявлению функционального потенциала метафор, основанный на вычислении числовых показателей использования метафорических проекций в тексте и дискурсе.

В третьей главе «Анализ метафоричности дискурсов разноструктурных языков» проводится апробация разработанного метода анализа метафоричности дискурса с целью выявления функционально-воздействующего потенциала метафор в политическом, официально-документальном и медиадискурсах на китайском, английском и русском языках. Мы описали и изучили применимость специально разработанного программного обеспечения Metaphor Index Calculator, которое позволяет исследователю последовательно и в удобной форме вычислять индексы метафоричности дискурсов.

В четвертой главе «Прагматический и культурный аспекты реализации функционального потенциала метафор» была предложена авторская модель интерпретации количественных показателей индексов метафоричности, по которым можно условно классифицировать тот или иной дискурс как информативный или воздействующий. Были изучены три уровня

метафорического речевого воздействия: когнитивное (рационально-оценочное, эмоционально-оценочное), семантические (репрезентативное, идентифицирующее, трансформирующее) и структурно-коммуникативное (суггестивное, аттрактивное, персуазивное, референциальное, аргументативное). Опираясь на данную таксономию типов метафорического речевого воздействия, мы определили опорные числовые показатели, позволяющие провести идентификацию реализации в дискурсе определенных типов речевого воздействия, что позволяет определять тип и степень речевого воздействия в будущих исследованиях.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования и определены дальнейшие перспективы.

В библиографическом списке приведен перечень использованных источников и литературы.

Глава 1. Теория метафоры: истоки формирования и современное состояние

1.1 Метафора: семантический, прагматический и когнитивный подходы

В настоящее время некоторые ученые отмечают, что исследований метафоры настолько много, что «постепенно стала складываться легенда об априорной непостижимости метафорического объекта исследования» [Лагута, 2003: 7]. Обилие разнонаправленных исследований метафоры, как описывающих общетеоретические и философские проблемы метафорического моделирования, так и содержащих результаты практических изысканий в области описания конкретных метафорических моделей, на данный момент по-прежнему не существует какой-либо общей теории метафоры, которая учитывала бы все аспекты этого явления. Как отмечает в своих работах Г. Н. Складывающаяся, «современная лингвистическая теория метафоры только складывается» [Складывающаяся, 1993: 4], и это утверждение двадцатилетней давности не потеряло актуальности и по сей день. Особенного уточнения, на наш взгляд, требует проблема функционирования метафорических моделей в рамках определенных дискурсов.

О. Н. Лагута отмечает, что «до сих пор нет единой общей типологии метафор, не выявлен полный набор мотивирующих метафорический перенос признаков, нет подробного описания метафоризируемой лексики хотя бы на материале одного языка, в литературе непоследовательно разработан вопрос о моделях метафоризации-кодирования и декодирования, комплексно эти модели не описаны» [Лагута, 2003: 10].

Последние десятилетия исследований не добавили разъяснений по вышеперечисленным проблемам метафоры, скорее наоборот, появились новые вопросы: как метафора реализуется в дискурсе, как соотносятся метафора и сознание с нейролингвистической точки зрения, насколько стабильны и

устойчивы метафорические модели, является ли метафоричность культурологической особенностью языкового коллектива, связана ли метафора с типологическими характеристиками языка, каков функциональный потенциал метафоры в конкретном речевом произведении, каковы функции метафоры в дискурсе. Список вопросов, нерешенных проблем и противоречий в области метафорологии только множится в процессе увеличения объема лингвистического научного знания в свете увеличивающейся междисциплинарности исследований языка и речи.

При этом описать объект исследования метафорологии можно только при помощи инструментария разных разделов языкознания и смежных гуманитарных (культурология, политология, этнопсихология, когнитивная социология, философия) и естественно-научных дисциплин (нейрофизиология, нейрокогнитивистика).

Анализ исследований по классификации метафор и истории изучения этого явления в рамках науки о языке представлен в работах Р. Шинера [Shiner, 1982] Г. Н. Скляревской [Скляревская, 1988; Скляревская, 1993], О. Н. Лагуты [Лагута, 2003], Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [Будаев, Чудинов, 2006], Т. Таиры и Т. Куцуми [Taira, Kusumi, 2011] и многих других исследователей, однако на сегодняшний день он требует уточнения и расширения.

Исходный противоречивый научный статус метафоры, а также разница в специфических функциях в языке и речи привели к своего рода рассредоточению исследований в области метафоры. Исследования метафоры отличаются значительной широтой объектных и предметных границ, что, по мнению Э.В. Будаева «отражает неоднозначность решения проблемы метафоры в современной науке» [Будаев, Чудинов, 2006].

Разные ученые выделяют разные направления исследования метафоры: семиотическое (как отражение взаимодействия языковых знаков), семантическое или семасиологическое (как отражение языковых значений), ономасиологическое (как способ номинации); гносеологическое (как способ познания окружающего мира); собственно лингвистическое (как языковое

явление); лингво-стилистическое (как способ украшения речи); психолингвистическое (с точки зрения порождения и восприятия высказывания); экспрессиологическое (как способ выражения экспрессии); лингвистико-литературоведческое (как особенность языка художественной литературы); лексикологическое (как один из способов словообразования); прагматическое (как способ воздействия), герменевтическое (с точки зрения интерпретации метафорических переносов), социолингвистическое (как способ отражения общественных изменений в языке), дискурсивное (как характерная черта и способ организации дискурса), нейролингвистическое (как способ изучения нейрофизиологических особенностей передачи образности).

Большое количество подходов к изучению метафоры обусловлено тем, что «под метафорическим переносом на современном этапе понимаются не только языковые явления, связанные со смысловым переносом семантики одной лексической единицы на другую, но и вся деятельность человека по постижению окружающего его мира посредством переноса признаков одних предметов и явлений на другие» [Калинин, Гурулева, 2019: 130].

На наш взгляд, совершенно очевидно, что перечисленные выше подходы не только взаимодополняемы, но и во многом пересекаются друг с другом. Если рассмотреть принципиально отличные друг от друга взгляды на вопросы метафоры и метафоричности, то следует выделить 3 основных направления:

1. Структурно-семантический.
2. Прагматический.
3. Когнитивный.

Кроме трех основных, в данной работе будет уделено особое внимание функциональному потенциалу метафоры в рамках дискурса и сформировавшемуся в последние годы дискурсивному направлению метафорологии.

Э. В. Будаев указывает, что в самом широком приближении все исследования метафоры можно разделить на риторическое и когнитивное направления, подчеркивая, что «риторическое направление будет

использоваться как обобщающее для всех некогнитивных теорий, рассматривающих метафору, в первую очередь, как феномен языка, средство украшения речи, семантическую аномалию, способ воздействия на аудиторию, но не как феномен сознания» [Будаев, 2011: 76]. Нам кажется, что такая классификация не в полной мере отражает важные отличия между семантическим и прагматическим подходами, которые, к слову сказать, породили множество научных споров и дискуссий. В этой связи риторическое направление в нашей работе будет соотноситься с семантическим (структурно-семантическим), а прагматический подход будет рассмотрен отдельно.

Выявление этих подходов, причем именно в такой последовательности, во многом соотносится также и с историей изучения метафоры в рамках науки о языке.

1.1.1 Семантический подход к исследованию метафоры

Метафора как «перенос смысла» изучалась учеными и философами еще в Античности. Античная философия определяет метафору как перенос смысла (метафор ‘перенос’ ‘переносить’), который происходит на основании сходства и смежности агентов метафоризации: «Переносное слово (метафор) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 2007: 54].

Множество философов и ученых Древней Греции и Древнего Рима продолжили рассмотрение разных аспектов использования метафорического переноса. Так, Теофраст полагал, что метафора служит целям пополнения слов в языке, а Деметрий Фалерский считал метафору неотъемлемым атрибутом высокого стиля общения и инструментом, используемым для украшения речи.

«Также стоит вспомнить и о теории субституции и сравнения, также зародившейся в трудах античных исследователей. В рамках этой теории метафора рассматривается как явление языка, то есть как средство риторического оформления текста. Именно в теории субституции и сравнения была заложена основа риторического подхода к изучению метафоры, который

впоследствии сложился в языкознании как структурно-семантический» [Калинин, Гурулева, 2019: 128].

К риторическому направлению, помимо структурно-семантического подхода, примыкает также литературоведческое и стилистическое понимание метафоры. Первое, литературоведческое, предполагает рассмотрение метафоры как средства украшения речи, способ выражения образности и создания красочности. Стилистический подход, который изучает языковые средства выразительности, также рассматривает метафоры под углом «средства образности в художественном тексте». В стилистике «метафора – это троп, то есть перенос смысла, основанный на сходстве двух предметных областей» [Калинин, Радус, 2017: 157].

Семантический подход несколько расширяет литературоведческое понимание метафоры как средства украшения речи и тем самым включает его в себя. В западном языкознании широкое распространение получили исследования метафоры М. Блэка [Блэк, 1990] и Э. Ортони [Ортони, 1990]. Несмотря на то, что воззрения ученых во многом соотносятся с когнитивным подходом, который нами будет описан далее, в их трудах большее внимание уделяется семантическим трансформациям значений при образовании метафоры, следовательно, их взгляды могут быть соотнесены с основами семантического подхода.

Исследования М. Блэка, посвященные метафоре, конкретизируют идею метафорического переноса, используя понятие «проекции» некоторых характеристик объекта В на объект А. При описании модели метафоризации М. Блэк делает упор на семантику. Согласно его воззрениям, образование метафоры «обязательно предполагает изменение значения исходного выражения» [Блэк, 1990: 155], суть которого состоит в расширении семантического поля, что приводит к появлению метафорического значения. При этом утверждается, что «одно и то же выражение может иметь два вида значения – буквальное и метафорическое, проявляющееся в конкретных актах речевого употребления» [Блэк, 1990: 156].

Идеи М. Блэка получили свое дальнейшее развитие в теории семантического поля, истоки которого лежат в основных положениях структурализма. Как известно, Ф. де Соссюр предложил теорию о языке, в основе которой лежит символ (знак) как системообразующий языковой фактор. При этом постулировалось, что лексическое значение слова не является изолированным, унифицированным и закрепленным за каким-либо знаком, а язык не ограничен в выборе средств для выражения смысловых ассоциаций [Соссюр, 1977].

Структуралисты, научная парадигма которых базируется на идеях Ф. де Соссюра, подчеркивают смысловую двойственность метафоры. Однако этот взгляд во многом соотносится с теорией метафоры Аристотеля. Прикладывая это аристотелевское понимание метафоры к изменениям в семантике слова, «структурализм определяет метафору как один из типов переносного значения слова, основанный на сходстве, или, шире, – как любое переносное значение» [Калинин, Гурулева, 2019: 131].

Таким образом, основой структурно-семантического подхода к метафоре является акцент на отражающей метафору семантическом переносе, а сама метафора определяется как один из лексико-семантических вариантов многозначной лексической единицы. Это позволяет рассматривать метафоризацию в рамках описываемого подхода как один из способов расширения словарного запаса всего языка.

Э. Ортони в своих трудах также уделяет метафоре много внимания [Ортони, 1990; *Metaphor and Thought*, 1993]. Автор полагает, что проблема метафоры имеет отношение к трем аспектам: интеграции, отношению и сходству. В рамках семантического подхода, когда метафорический перенос рассматривается как наложение семантических значений, особое внимание в работах Э. Ортони уделяется сходству. При этом главным аспектом метафорического переноса автор полагает смысловую интеграцию, подчеркивая, что образование метафоры не есть наложение смыслов. Данный постулат во многом сближает автора со взглядами когнитивистов.

Э. Ортони в своих трудах отделяет метафору от сравнения и уподобления: «Тот факт, что метафоры часто употребляются для сравнения, не значит, что метафоры являются сравнениями. Метафора – это тип употребления языка, в то время как сравнение – тип психологического процесса» [Ортони, 1990: 222].

Взгляды Э. Ортони базируются на том, что метафора, будучи лишенной языковых показателей, в отличие от, например, уподобления, базируется на особом рода семантическом сдвиге, в основе которого лежит «невозможность выразить прямое значение» (inexpressibility) [Ortony, 1975: 54].

Преодоление этой невозможности при восприятии метафоры, по мнению автора, и представляет собой главную языковую способность человека: «Если бы в языке было конкретное слово для передачи каждого отдельного оттенка значения, то нашего языка бы не существовало. Метафора спасает нашу речь от такого унижения» [Ortony, 1975: 53].

Итак, в западном языкознании семантический подход базируется на том, что смысловой перенос от одного структурированного и взаимосвязанного значения к другому семантическому полю приводит к реорганизации семантического поля и в конечном счете к сдвигу в значении. Такие переносы отделяются от сравнения и уподобления, которые осуществляются сугубо лингвистическими средствами. Способность к таким переносам является важной структурными особенностями языка как такового.

В отечественном языкознании структурно-семантический подход получил дальнейшее развитие, и его представители, основываясь на понимании метафоры как процесса переноса лексического значения с одного предмета на другой, внесли важный вклад в понимание как структуры, так и семантики метафоры.

Так, Н. Д. Арутюнова, называя метафору «колыбелью семантики всех полных и служебных слов» [Арутюнова, 1999: 348], полагает, что «важной характеристикой метафоры как лексической единицы является ее семантическая двупланность, поскольку она состоит в употреблении слова,

обозначающего некоторый класс предметов и явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова, 1999: 296].

Н. Д. Арутюнова так же определяет метафору, как один из наиболее продуктивных способов словообразования: «Акт метафорического творчества лежит в основе многих семантических процессов — развития синонимических средств, появления новых значений и их нюансов, создания полисемии, развития систем терминологии и эмоционально-экспрессивной лексики» [Арутюнова, 1990: 9].

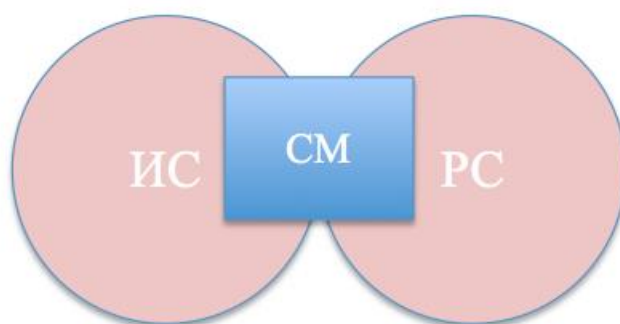
Научная теория Н. Д. Арутюновой базируется на идее взаимосвязи трех элементов: метафоры, образа и символа. Метафора – это следствие категориального сдвига концептуального значения объекта, и включения образа этого объекта в новый класс образов. Как указывал Р. И. Зарипов, «образ психологичен, символ функционален, метафора семантична» [Зарипов, 2016: 37].

Аналогичные заключения делает Ю. Д. Апресян, рассматривая пути объективного языкового проявления коннотаций. По мнению ученого, «все коннотации материализуются в переносных значениях, метафорах и сравнениях. В свою очередь, в формировании коннотаций решающую роль играет господствующий тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, а также традиции литературной обработки лексемы, исторический, политический, религиозный, психологический и другие культурные контексты – внешние по отношению к функционированию метафоры в языке факторы» [Апресян, Апресян, 1993: 27-35].

Структурно-семантический подход к метафоре также реализован в работах В. Г. Гака, описывающего метафору как «яркий пример динамики в сфере лексической семантики» [Гак, 1988: 11]. С точки зрения соотношения формы и значения он различает полную метафору, «при которой формирование переносного значения не связано ни с какими изменениями структуры слова»,

и частичную метафору, «когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова... в переносном значении». Приверженность семантическому подходу не препятствует В. Г. Гаку в выражении мысли о том, что выявление закономерностей переноса понятий из одной сферы в другую, отражающуюся в изменениях значений слов, было бы чрезвычайно ценным для лингвистики, теории познания и психологии [Гак, 1988: 14-15].

Исследователи в рамках семантического подхода к метафоре обычно

уделяют много внимания структуре метафоры и процесса метафоризации. Так, В. Г. Гак и Г. Н. Складеревская приводят трёхчленную схему метафоризации, компонентами которой являются исходное слово, результирующее слово и общее для них промежуточное понятие, или, в терминологии Г. Н. Складеревской, «семантический посредник, символ метафоры» [Складеревская, 1993]. Выявление данного промежуточного понятия базируется на исследованиях А. А. Потебни, который выделял опосредующее звено в номинации между двумя предметами, называя его средством апперцепции. Г. Н. Складеревская указывает, что семантический посредник – это «такой общий для двух значений элемент, который в обоих значениях выполняет структурно-дифференциальные функции, входит в денотативное ядро и потому одинаково релевантен для исходного и метафорических значений» [Складеревская, 1993: 45-46].

Представим воззрения Г. Н. Складеревской относительно процесса метафоризации в виде схемы:

Рисунок 1 – Процесс метафоризации с точки зрения семантического подхода
(по Г. Н. Складьевской)

В формате изображено семантическое значение слов, где ИС – это исходное слово, РС – это результирующее слово, а СМ, выделенный синим, – это «символ метафоры», объединяющий по смежности или сходству две семантические области.

Нельзя не обратить внимание на выводы Г. Н. Складьевской относительно системного характера литературных метафор. Исследователь обнаружила, что «в процесс метафоризации вовлекаются сущности реального мира, которые представлены семантическими сферами, охватывающими все материальные и идеальные объекты действительности. Материальные объекты представляют предмет, животное, человека, физический мир, психический мир и абстракции. Метафорический перенос совершается в определённых направлениях в достаточно жёсткой последовательности из одной семантической сферы в другую» [Складьевская, 2004: 73–103].

Н. Д. Арутюнова, указывая, что в основе любого метафорического переноса лежит сравнение, подчеркивает, что «в образовании метафоры принимают участие четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты метафоры, которые являются либо материальными референтами, либо понятиями в сознании, и свойства каждого объекта или класса объектов, которые являются либо психологическими, либо лингвистическими категориями» [Арутюнова, 1999: 367]. Мы можем отразить точку зрения Н. Д. Арутюновой в виде нижеследующей схемы:

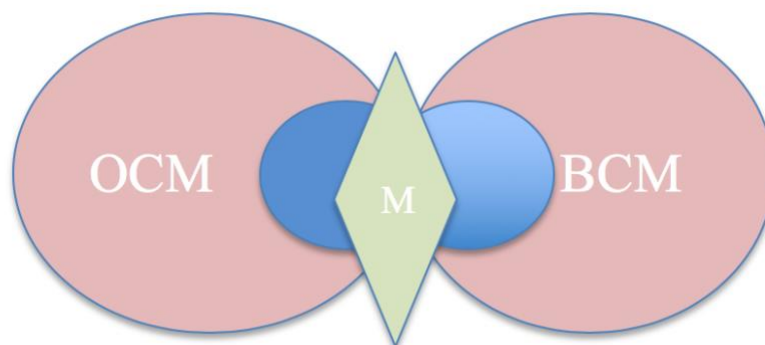

Рисунок 2 – Процесс метафоризации с точки зрения семантического подхода
(по Н. Д. Арутюновой)

На этой схеме отмечены основной (ОСМ) и вспомогательный (ВСМ) субъекты метафоры, которые обладают общими соотносимыми свойствами. На пересечении этих общих свойств, то есть на соединении образов, и образуется метафора (М). Значение метафоры, по мнению Н. Д. Арутюновой, определяется «признаками вспомогательного субъекта и создается путем предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта» [Арутюнова, 1999: 368].

При этом вопрос о сущности метафоризации в рамках структурно-семантического подхода решается неоднозначно. Н. Д. Арутюнова указывает: «Вопрос о природе основной действующей силы механизма метафоризации (признаках вспомогательного субъекта), по-видимому, должен решаться по-разному применительно к разным типам метафоры – субстантивной метафоре, пользующейся идентифицирующей лексикой, и метафоре, действующей в среде предикатов» [Арутюнова, 1999: 369].

Основные положения структурно-семантического подхода к метафоре, который включил в себя множество поднаправлений (риторическое, стилистическое, семасиологическое, семиотическое и др.), можно определить следующим образом:

1. Рассмотрение метафоры как одного из видов тропов, наряду с метонимией, сравнением, гиперболой, синекдохой и т. д.

2. Определенное противопоставление метафоры другим тропам как специфического переноса по аналогии.

3. Понимание метафоры как семантического способа деривации, играющего главную роль в развитии значений и пополнении словаря.

4. Рассмотрение метафоры как отражения семиотической природы языка, которая выполняет характеризующую функцию через семантическую трансформацию.

5. Изучение метафоры как системного языкового явления и частое противопоставление языковой и художественной метафоры.

6. Рассмотрение в качестве основы процесса метафоризации смешения основных и вспомогательных семантических значений языковых единиц.

Структурно-семантическое описание метафоры, при всей своей плодотворности, недостаточно всеохватно. Как мы указывали ранее, «акцентированное внимание на лексико-семантическом моделировании метафоризации посредством строгих методов позволяет установить компоненты семантической структуры метафоры» [Калинин, Гурулева, 2019: 131]. Однако при исследовании метафоры только с точки зрения семантики агентов метафоризации мы неизбежно сталкиваемся с игнорированием вопросов роли метафоры в речи, проблемы порождения и восприятия метафорических переносов, потенциального речевого воздействия образного языка. Эти и другие вопросы функционирования метафоры раскрываются в исследованиях прагматического направления изучения метафоры.

1.1.2 Прагматический подход к исследованию метафоры

Прагматический подход к метафоре, основанный на отношении знака к интерпретации, позволил взглянуть на метафору с новой точки зрения. Прагматика в значительной степени расширила структурно-семантическое понимание метафоры, базирующееся на соотношении значения к знаку.

Как известно, прагматика, основы которой были заложены в начале 20

века Ч. Пирсом и Ч. Моррисом, имеет предметом исследования взаимоотношение языкового знака и субъекта-интерпретатора. Соответственно, к метафоре в прагматических исследованиях подходят с точки зрения порождения и восприятия высказывания, изучая прежде всего заложенную при порождении метафору интенцию и рассматривая интерпретационное восприятие.

К. Качиари и С. Глюксберг описывают прагматический подход как «модель несоответствия», показывая, что основой для появления несоответствия семантического значения является контекст, в котором буквальное значение становится «неподходящим». [Cacciari, Glucksberg, 1994: 456]. Авторы указывают, что исследования прагматического аспекта в целом начинаются с основ генеративной семантики. Согласно такому мнению, буквальное значение превращается в метафорическое из-за нарушений в грамматическом построении предложений.

Другой аспект исследования прагматики метафор во многом базируется на теории речевых актов Дж. Серля, которая поменяла фокус исследователей на метафору. Метафору стали изучать как явление из сферы прагматики, рассматривать отношения метафорического выражения с адресатом речевого сообщения.

Согласно Дж. Серлю «проблема метафоры затрагивает отношения между значением слова и предложения, с одной стороны, и значением высказывания или значением для говорящего, с другой» [Searle, 1979: 76].

Дж. Серль указывает, что понимание метафорических значений слова и предложения выходят за пределы семантической теории о значении слов, так как ключевым является интенциональный выбор говорящего той или иной лексической единицы со всеми ее значениями, чтобы коммуникация была успешной. Классический пример автора: «В комнате было жарко». Интерпретировать значение этого предложения безотносительно референтной ситуации и интенции автора невозможно, потому что любая подобная семантическая интерпретация сталкивается с огромным количеством

условностей [Searle, 1979: 80].

Критикуя семантический подход к метафоре, базирующийся на теориях сравнения и уподобления, автор ставит вопросы, касающиеся функционирования метафоры: «Почему мы употребляем метафорические высказывания, вместо того чтобы точно и буквально сказать то, что мы имеем в виду? Как функционируют метафорические высказывания, другими словами, как говорящим удается с их помощью сообщить нечто слушающим, при том, что они говорят не то, что на самом деле имеют в виду?» [Searle, 1979:76]

По мнению Дж. Серля, наиболее значимым и при этом малоизученным вопросом в области исследований метафоры является соотношение и расхождение буквального и метафорического значений слова, предопределяющихся речевой интенцией адресанта сообщения.

Главной проблемой теории метафоры с точки зрения прагматики становится выявление принципов, которые позволяют порождать, понимать и интерпретировать метафорические проекции.

Прагматическая теория метафоры ориентирована на поиск вариантов соотношения S (субъектное выражение), P (произносимый предикат) и R (подразумеваемый предикат). Дж. Серль указывает, что «в общем случае метафорическое высказывание – это, когда говорящий произносит предложение вида «S есть P», имея в виду метафорически, что S есть R» [Searle, 1979: 84].

Вопросы соотношения трех элементов метафоры распадаются на три части:

1. Соотношение субъектного S с объектом предикации, для референции к которым оно употреблено.
2. Соотношение P с его буквальным значением.
3. Соотношение R с истинностью предикации, определяющее метафорическое значение.

Решение трех вышеуказанных соотношений должно привести к пониманию того, почему, говоря S есть P, говорящий на самом деле имеет в

виду S есть R.

Дж. Серль утверждает, что «метафоризация состоит в усилии как автора, так и реципиента речевого сообщения, и невозможна без учета коммуникативной ситуации» [Searle, 1979: 86]. При этом особое внимание уделяется восприятию и интерпретации метафоры: «в случае метафорического высказывания слушающему требуется нечто большее, чем знание языка, осведомленность об условиях произнесения высказывания и владение общими с говорящим фоновыми представлениями. Он должен располагать какими-то дополнительными принципами, или дополнительной фактической информацией, или какой-то комбинацией того и другого, которая позволила бы ему распознать, что, говоря «S есть P», говорящий имеет в виду «S есть R»» [Searle, 1979: 86].

Воззрения Дж. Серля относительно процесса метафоризации мы представили в виде схемы:

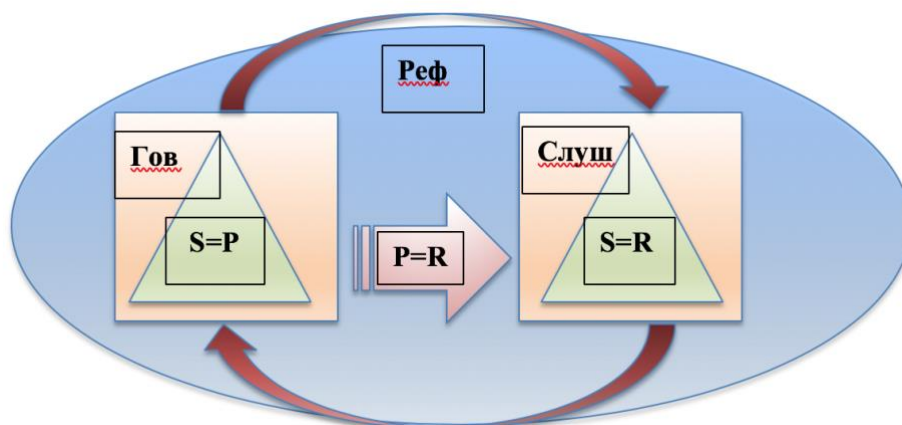

Рисунок 3 – Метафоризация с точки зрения прагматического подхода (по Дж. Серлю)

На схеме мы видим, что говорящий в условиях конкретной референтной ситуации порождает высказывание $S=P$, при этом подразумевая, что к субъектному S вместо P предикативно относится R . Слушающий таким образом интерпретирует буквальную модель $S=P$ в метафорическую модель $S=R$. Стрелки на схеме отображают интенцию автора и понимание объективных особенностей реципиента относительно автора.

Отметим, что вопросы, поставленные Дж. Серлем к феномену метафоры и метафоризации, не получили цельного оформления в какую-либо «прагматическую теорию метафоры». Это вполне объяснимо, так как сам предмет прагматики предполагает появление нового взгляда на языковые явления, но при этом не противоречит существующим взглядам на язык. Прагматический подход расширил границы понимания метафоры как следствия интенции автора и интерпретации реципиента речевого сообщения.

Следует отметить, что вопросы функционального аспекта порождения и восприятия метафоры продолжились исследоваться разными авторами. Например, С. Глюксберг, основываясь на прагматике, разрабатывает теорию восприятия метафоры, которая включает три аспекта: языковой, психологический и философский [Glucksberg, 2014]. Языковой аспект предполагает наличие семантического смещения, философский аспект – общего фона знаний говорящего и слушающего, а психологический – наличие возможностей для интенции и для интерпретации метафорического переноса.

«Скрытому» прагматическому аспекту значительное внимание уделял Р. Гиббс [Gibbs, Tendahl, Okonski, 2011; Hamblin, Gibbs, 2003]. В его исследованиях, обращенных в сторону практической психолингвистики, доказывалось, что «типичное значение, которое может быть извлечено слушающим из простого метафорического переноса «А – это В», во многом зависит от контекста». Экспериментально показано, что именно он во многом предопределяет прагматическое содержание речевого сообщения [Gibbs, Tendahl, Okonski, 2011].

В отечественном языкознании большое внимание прагматике метафоры уделяла В. Н. Телия, которая в рамках описания эмоционально-экспрессивной функции метафоры многократно затрагивала и проблематику функционирования метафорическую проекций в речи. В. Н. Телия указывала, метафора в речи предполагает «не только способы воздействия, вызывающие исходно эмоциональные реакции... но все средства воздействия, связанные с целеполагающей языковой деятельностью (команды, умалчивание или,

наоборот, экспликацию коммуникативных намерений и т. п.)» [Телия, 1988: 28].

Исследователь предлагает свою модель осуществления метафорического процесса, который определяется как взаимодействие «замысла, цели, основания, вспомогательного понятия – сопровождающихся ассоциативным комплексом (знаниями или собственно личными представлениями) и «языковым чутьём» (осознанием ассоциативного ореола значения и звучания)» [Телия, 1988: 30].

Так, основные положения прагматического подхода к метафоре можно определить следующим образом:

1. Рассмотрение метафоры как коммуникативного явления, определяющегося контекстом.
2. Изучение вопросов интенциональности метафоры.
3. Исследование процесса порождения и восприятия метафоры.
4. Определение общего для говорящего и слушающего контекста как ведущего фактора метафоризации.

Прагматический подход к метафоре, заложенный Дж. Серлем, переориентировал исследование метафоры, изменив фокус внимания со знака на его интерпретацию. Поставленные Дж. Серлем вопросы о причинах порождения и условиях восприятия метафоры предопределили множество исследований метафоры в русле психолингвистики, которые, в частности, доказали, что конкретный метафорический перенос возможен только в условиях определенной коммуникации, где актуализируется семантика исходной области и переносимое семантическое значение. Именно в рамках прагматического подхода был впервые поднят вопрос функционального потенциала метафоры в речи, метафора стала рассматриваться не только как языковое, но и как коммуникативное явление.

Дальнейшее исследование вопросов, поставленных к сущности метафоры в рамках прагматики, было возможно в рамках иной парадигмы исследования языка как такового. Такой подход стал возможен с появлением

когнитивного направления в языкознании.

1.1.3 Когнитивный подход к исследованию метафоры

Сложившейся теории когнитивной метафоры предшествовали исследования природы метафоры с разных точек зрения, прежде всего в философии, где активно обсуждался вопрос соотношения языка, познания и сознания.

Так, философская парадигма обнаруживает в метафоре фундаментальную знаковую функцию, что, с одной стороны, несколько напоминает семантическую теорию в лингвистике, а с другой – открывает новые возможности рассмотрения метафоры.

Например, Ф. Ницше, рассуждая об антропоморфной сущности языка полагал, что все имена, по сути, метафоричны. Философ пришел к выводу, что метафорично и само познание: «Что такое истина? Движущая толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, – короче, сумма человеческих отношений... истины – иллюзии, о которых позабыли, что они таковы, метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными» [Ницше, 1912: 396].

Идеи Ф. Ницше относительно метафоричности познания получили развитие в философско-культурологической мысли Западной Европы. В частности, ее активно подхватил Э. Кассирер, который уделил немалое внимание проблематике метафоры в своем труде «Язык и мир».

В своих работах Э. Кассирер, подчеркивая соотношение языкового и мифологического, пишет о том, что как бы ни различались по содержанию язык и миф, «им свойственна одна и та же концептуальная форма - метафорическое мышление» [Кассирер, 1990: 33].

Э. Кассирер исходил из того, что метафоризация – есть необходимое условие развития духовного в человеке, так как «человек независимо от его желания вынужден говорить метафорически, и вовсе не потому, что не мог обуздать своей поэтической фантазии, а скорее потому, что должен был напрячь ее до крайней степени, чтобы найти выражение для все возрастающих

потребностей своего духа» [Кассирер, 1990: 34].

Немецкий учёный предположил, что происхождение метафоры определяется мифологическими фантазиями, находящими свое выражение через язык. Э. Кассирер выдвинул понятие «базисной метафоры», в основе которой лежит потребность человека символического (*homo symbolycus*) передать образ в звук. По мнению автора, мыслительные образы в языке не могут быть выражены вне языка, и язык представляется первичной субстанцией для отражения мифологического в сознании человека.

Философ, рассуждая о природе взаимоотношения языка и мифа, пишет о том, что «когда слово создается с целью художественного самовыражения, оно обретает полноту жизни» в отрыве от мифа [Кассирер, 1990: 41]. То есть Э. Кассирер в сугубо философском ключе затрагивает две важных языковых проблемы метафоричности: отражение когнитивных переносов через язык, то есть рассматривает метафору как способ категоризации окружающего мира, и вопрос целенаправленности или интенциональности метафоризации, которую мы часто наблюдаем в художественных текстах, и непреднамеренной метафоры, отражающей мифологичность нашего мышления.

Весьма показательно, что лингвист Ш. Балли, ученик Ф. де Соссюра и последователь структурализма в языкознании, описывая метафору в своем фундаментальном труде по стилистике, приходит к чисто философским рассуждениям о природе метафоризации. Он указывает, что метафора является следствием несовершенства разума человека, которое «состоит в том, что он [человек] неспособен к абсолютной абстракции; он не может выделить чистое понятие, воспринять идею вне всякой связи с конкретной действительностью. Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры» [Балли, 2001: 221].

Эти и другие философские исследования, взявшие за основу изучение связи мышления человека с окружающей его действительностью, во многом проложили дорогу для развития нового направления в науке – когнитивистики,

«в центре внимания которой находятся познание мира, усвоение, хранение и переработка информации, классификация, категоризация и оценка действительности» [Калинин, Гурулева, 2019: 132].

Отдельно выделяют когнитивную лингвистику, «которая исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах обобщения человеческого опыта» [Калинин, Гурулева, 2019: 132]. Это направление языкознания исследует также ментальные связи, то есть в когнитивные особенности человека, в части касающейся порождения и восприятия речи, а также формы взаимодействия языковых и ментальных структур.

Так, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский отмечали, что «когнитивная лингвистика, обращаясь к категории знания как базовой, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов» [Баранов, Добровольский, 1997].

При этом исследования метафоры занимают если не центральное, то одно из лидирующих мест в когнитивной лингвистике. Согласно Э. В. Будаеву, «центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как форма проявления аналоговых возможностей человеческого разума» [Будаев, 2007: 19].

Одним из первых с позиций когнитивной лингвистики метафора была рассмотрена А. Ричардсом, который критиковал подход к метафоре исключительно как к средству образности и исключительно языковому явлению, отстаивая мнение, что метафора – это свойство языка, его «вездесущий принцип» и утверждая, что «в обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры» [Ричардс, 1990: 46]. Ученый считает, что мысль «метафорична ... и развивается через ассоциативное сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс, 1990: 47]. Суть процесса метафоризации по А. Ричардсу состоит

прежде всего в синтезе двух мыслей о двух разных вещах в одном слове. Ученый критикует разрозненность в терминологии описания метафоризации, указывая, что слишком общие термины («понятие», «образ», «значение») вносят путаницу в понимание структуры метафоры. Он предлагает двухсоставную структуру метафоры: *vehicle* («оболочка»), *tenor* («содержание»). Под первым понимается языковая форма, под вторым – конкретный оттенок значения слова, который, будучи определенным контекстом, порождает определенное когнитивное напряжение. А. Ричардс указывает на нерушимое единство формы и содержания метафорического выражения, утверждая, что во всех случаях использования метафоры итоговое значение является результатом одновременного сосуществования «оболочки» и «содержания» и не может возникнуть без их взаимодействия» [Ричардс, 1990].

Основой для метафорического переноса признается сравнение, однако, по мнению автора, важно акцентировать внимание не просто на сопоставлении двух семантических значений, а на том эффекте, который подобное сопоставление вызывает в сознании: «Попытаемся теперь детально рассмотреть, что происходит в нашем сознании, когда мы объединяем, неожиданно и впечатляюще, два предмета, относящихся к двум весьма отличным друг от друга сферам опыта. Помимо общего смятения и напряжения чувств, мы достигаем самого важного – усилия сознания, чтобы соотнести эти предметы друг с другом. Если два соположенных предмета отличаются друг от друга в большей степени, чем другие пары предметов, возникшее напряжение, естественно, усиливается» [Ричардс, 1990: 63-64].

При этом одним из наиболее важных нам представляется общефилософский вывод А. Ричардса о взаимосвязи метафоры и окружающего мира: «Метафорические процессы в языке, взаимообмен между значениями слов, накладываются на воспринимаемый нами мир, сам по себе также являющийся продуктом более ранней или непредумышленной метафоры» [Ричардс, 1990: 56]. Этот постулат лег в основу дальнейших научных

изысканий, по сути, выводя метафору из разряда лингвистического феномена в разряд когнитивного явления.

Продолжение идей А. Ричардса мы находим в трудах М. Блэка, который стал основоположником интеракционистского взгляда на метафору [Black, 1955; Black, 1977]. Мы уже упоминали этого исследователя в рамках структурно-семантического подхода, который также соотносится с его взглядами, особенно в части описания субституциональной и сравнительной метафор.

Субституциональный взгляд на метафору, согласно М. Блэку, состоит в том, что «метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения» [Блэк, 1990: 158]. Здесь подразумевается полная субституция буквального выражения метафорическим при полном совпадении их смыслов, и задача читателя совершить обратную замену для понимания метафоры. Роль такой метафоры состоит в покрытии языковых лакун буквальных наименований.

Сравнительная метафора во многом сходна по способам организации с субституциональной за тем исключением, что она выражена более явно, чаще всего при помощи языковых способов сравнения.

От этих двух типов М. Блэк четко отделяет интеракционистскую метафору. М. Блэк интерпретирует тезис А. Ричардса о взаимодействии «двух мыслей о двух различных вещах», где «основа» создает референцию, а «носитель» - способ мышления следующим образом: «Для того чтобы метафора работала, читатель постоянно должен сознавать расширение значения и обращаться к старому и новому значениям одновременно» [Black, 1977].

С точки зрения структуры, М. Блэк описывает метафору как соотношения фокуса (focus), то есть основного значения и рамки (frame), то есть смыслового окружения метафоры. Взаимодействие рамок одного фокуса, происходящее на почве ассоциативного мышления, «обеспечивает формирование системы импликаций при наложении представлений, связанных

с одним предметом, которые переносятся на концепт рассматриваемого денотата» [Калинин, Гурулева, 2019: 132].

Значимым результатом взаимодействия (интеракции) двух систем импликаций М. Блэк называет обретение метафорой особого когнитивного содержания [Блэк, 1990: 153-173]. Так М. Блэк вводит тезис о том, что метафора имеет когнитивную природу, но с точки зрения своей формы относится к предмету изучения семантики. Сам процесс характеризуется достаточно метафорично: «Импликации метафоры подобны обертонам музыкального аккорда: приписывать этим импликациям слишком большую «силу» было бы столь же нелепо, как стараться заставить звучать обертоны так же громко, как основные тоны» [Блэк, 1990: 166].

Попытаемся представить интеракционистский взгляд на метафоризацию по М. Блэку в виде схемы:

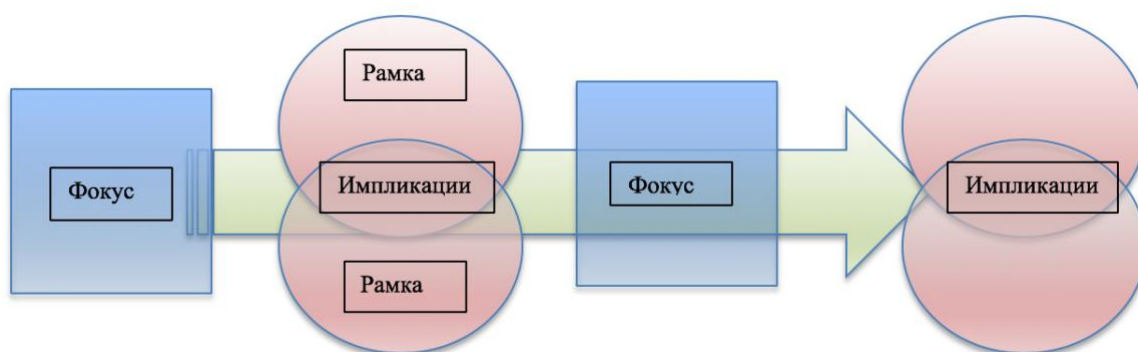

Рисунок 4 – Метафоризация с точки зрения интеракционистского подхода М. Блэка

На схеме мы видим, что у фокуса (1) буквального значения есть некоторое количество рамок, на пересечении которых рождается импликация, переносимая смысловым усилием интеракции на смысловые значения (рамки) метафорического оборота, которые меняют буквальное значение фокуса (2).

Как писал М. Блэк, механизм метафоры состоит в том, что «одному субъекту прилагается система ассоциируемых импликаций, связанных с другим субъектом», а сама метафора в имплицитном виде есть не что иное, как

«суждения об одном субъекте, которые прилагаются к другому субъекту» [Блэк, 1990: 167], что и отражено в нашей схеме.

Важно отметить, что ключевым свойством метафоры М. Блэк считал универсальность ее образования, которая заключается в отсутствии каких-либо принципов, которые позволяют систематизировать причины происходящих переносов. Одним из возможных факторов, которые влияют на метафоричность, по мнению ученого, является прагматический, так как «вычленение и интерпретация метафоры может нуждаться в обращении к особым обстоятельствам ее произнесения» [Блэк, 1990: 157].

Так, М. Блэк, рассматривая метафору как порождение мысли, когнитивной системы человека, заложил основы для дальнейшего углубления этого подхода, то есть рассмотрения метафоры как когнитивного механизма.

При описании предпосылок формирования теории концептуальной метафоры также необходимо упомянуть «мыслительную модель метафоры», разработанную К. Бюлером в середине 20 века. Автор отталкивается от истории исследований метафоры, рассматривая прежде всего смысловые сдвиги сематологического ядра метафоры. Задаваясь вопросом о причинах широкого распространения метафоры, К. Бюлер указывает, что «метафора — одно из важнейших средств обозначения комплексов представлений, не имеющих еще адекватных наименований» [Бюлер, 1993: 317]. В этом постулате автор отражает семантический подход к метафоре, подчеркивая важную роль метафоры в словообразовании.

Далее К. Бюлер отмечает, что употребление метафоры во многом определяется внутренней потребностью человека, так как в большинстве случаев метафора может быть замещена буквальным выражением. Кроме того, автор уделяет внимание и системе метафорических моделей как отражению народного сознания: «в выборе метафорического выражения проявляются различия индивидуальных интересов, а из совокупности метафор, ставших в языке узувальными, можно видеть, какие интересы преобладали в народе» [Бюлер, 1993: 319].

Для построения модели метафоризации немецкий ученый прибегает к интересному сравнению из области фототехники. Он описывает эксперимент Гальтона по созданию «типового портрета», который через проекционную решетку накладывал фотоизображения двух и более людей. К. Бюлер называет перекрывание областей видимости на двух изображениях эффектом перекрывания и именно в этом видит суть процесса метафоризации.

Так же как при наложении двух снимков друг на друга, некоторые элементы двух концептуальных полей в процессе метафоризации отсеиваются, так как оказываются «перекрытыми», а некоторые выступают на передний план.

Процесс метафоризации по К. Бюлеру можно представить в виде такой схемы:

Рисунок 5 – Модель метафоризации по К. Бюлеру

На Рисунке 5 мы видим, как два значения в сознании накладываются друг на друга, как бы «перекрещиваются», образуя новое метафорическое значение. В описании подобного перекрывания значений лексических единиц автор подчеркивает, что метафора является не суммой смыслов, а их наложением друг на друга.

В рамках описанного подхода также стоит упомянуть представления о метафоре, разрабатываемые Г. Блюменбергом в рамках концепции философской метафорологии.

Г. Блюменберг описывает метафору как когнитивное явление, которое во многом отражает определенные модели мышления: «Метафора позволяет сделать выводы о существовании глубинных структур, участвующих в формировании высказывания.... Метафора – это имплицативная модель; это

означает, что метафора существует не только в языковой форме; реципиент определяет связь между высказываниями, т. е. определяет концепт, к которым они относятся» [Цит по: Лапшина, 2006: 16-17].

По мнению исследователя, метафора не может поддаваться логическому описанию, так как ее суть состоит в «рефлексии по отношению к другому предмету» [Цит по: Цилл, 2010: 156], что вытекает у автора из кантовского понимания символа.

Структурно метафору Г. Блюменберг использует термины фокуса и рамок, разработанные М. Блэком, но переносит их в философско-историческую плоскость и рассматривает культурные модели. «Сущность культурных моделей состоит в фундаментальных оценках, формирующих наши ожидания, отношение к происходящему в данную эпоху, иными словами, данная теория утверждает, что каждой эпохе присущ свой особенный тип метафоризации, определяющий структуру мышления эпохи в целом» [Blumemberg, 1960: 173-185].

Рассмотренные исследования во многом способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре. Однако всестороннее исследование метафоры как когнитивного феномен началось с выходом книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live by)» [Лакофф, Джонсон, 2004; Lakoff, Johnson, 1980], положившая начало многочисленным исследованиям взаимосвязи метафоры и мышления, которые в итоге сложились в теорию концептуальной метафоры (Conceptual Metaphor Theory - CMT), в некоторых отечественных источниках называемую теорией когнитивной метафоры.

Исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона систематизировали предшествующие исследования в области метафорологии, позволили не просто рассмотреть метафору как когнитивный механизм, но и системно его описать. Теория концептуальной метафоры заложила основу для множества эмпирических исследований в данной области, которые проводятся и по настоящее время.

В основе теории концептуальной метафоры лежит идея о том, что метафора – это ментально-когнитивный феномен, так как наша речь лишь отражает мыслительные процессы. «Языковые метафоры являются поверхностным отражением концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [Калинин, Гурулева, 2019: 133]. Авторы пишут, что если «наша концептуальная система в значительной степени метафорична, тогда то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [Лакофф, Джонсон, 2004: 25].

В основе теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона лежат основные тезисы когнитивной семантики, где постулируется тезис о воплощенной когниции, под которой обычно понимается отражение телесного, физического опыта взаимодействия с окружающим миром в языке. При этом конструирование семантического значения слова основано на концептуализации, а метафоризация воспринимается одним из способов концептуализации.

Вот как тезис воплощенной когниции применительно к метафоре описывают Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... Наши понятия упорядочивают воспринимаемую реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности» [Лакофф, Джонсон, 1990: 387].

Механизм метафоризации согласно теории концептуальной метафоры состоит в переосмыслении структур знаний, которые представляют собой обобщенный опыт взаимодействия индивида с окружающим миром. Метафоризация по Дж. Лакоффу и М. Джонсону основана на взаимодействии двух структур – сферы-источника (source domain) и сферы-цели (target domain).

В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона четко разграничивались концептуальные и языковые метафоры. По мнению авторов теории,

«концептуальная метафора» – это своего рода когнитивная схема, отраженная в сознании, которая используется для образования метафорических номинаций. Концептуальные метафоры принято фиксировать по формуле А – это В, где А отражает сферу цели, а В – сферу-источник. К концептуальным метафорам в первую очередь относятся базовые, наиболее значимые для носителей языковой картины мира ментальные схемы.

Так, концептуальную метафору можно определить как особый прием или механизм установления связей между концептами, относящимися к разным структурам знания. Следовательно, метафора, являясь формой мышления, может рассматриваться как средство познания и объяснения действительности.

Теория концептуальной метафоры получила широкое распространение в лингвистических исследованиях, положив начало новым теориям и подходам, в которых более детально изучается сущность концептуализации. Кроме того, на базе этой теории проведено множество исследований эмпирического характера, рассматривающих культурные вариации метафорических моделей, аспекты порождения и восприятия метафорического высказывания. Исследований в этой области настолько много, что их более детальному описанию будет посвящен следующий параграф нашей работы.

В целом с точки зрения когнитивного подхода к изучению метафоры следует выделить нижеследующие постулаты:

- 1) метафора – явление не только и не столько языковое, сколько ментальное;
- 2) метафора является одним из способов категоризации действительности;
- 3) метафора может рассматриваться как один из способов организации культурно-исторического опыта человека;
- 4) сущность метафоризации состоит в смысловом сдвиге или переносе аспектов значения одного объекта на другой;
- 5) метафора базируется на взаимодействии двух и более ментальных структур.

Выводы:

Таким образом, с точки зрения разных научных парадигм в исследованиях метафоры можно выделить семантический, прагматический и когнитивный подходы. Важно отметить, что в современном языкознании данные подходы как бы сосуществуют, не опровергая, а взаимодополняя друг друга, расширяя поле исследования метафорических переносов.

С формальной точки зрения, то есть с позиции изучения основ построения метафорического переноса, все вышеперечисленные теории и гипотезы можно обобщить в три основных:

1. Теория сравнения.

Это базовая для семантического подхода теория, которая основана на представлении о метафорическом переходе как о сравнении двух топиков (topic, focus) на основании общего признака (vehicle). В данной теории метафора строго отделяется от других средств образности: метонимии, прямого сравнения, гиперболы. При восприятии метафоры слушающий как бы достраивает сравнительную конструкцию, превращая метафору в сравнение: ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ = *«Написание диссертации похоже на работу на каменоломне»*.

2. Теория замещения.

Это также разновидность семантического подхода, когда топик метафоры замещает выражаемый признак или свойство объекта, то есть, когда создается метафора ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ, автор изначально замещает признак «тяжелый труд» топиком «каменоломня». Слушающий при этом также подыскивает замену топиком, среди присущих ему признаков, то есть отделяет от всех признаков «каменоломни» подходящий – «тяжелый труд». Метафора также чаще всего рассматривается отдельно от других средств образности.

3. Теория атрибуции.

Это базовая теория прагматического подхода, в основе которого лежит идея о том, что перенесение признаков с топика на топик возможно только в

коммуникативном контексте. Различные признаки топика могут быть активизированы только в результате интенции автора и интерпретированы только при наличии необходимого контекста. Метафора ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ может быть спродуцирована и понята только в контексте описания трудностей написания научной работы и трудоемкости этого процесса.

Когнитивный подход, обусловленный развитием когнитивной лингвистики как таковой, обобщает достижения семантических и прагматических исследований. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается и как результат сравнения, и как результат замещения, и как следствие атрибуции одновременно, при этом подчеркивается, что все эти процессы имеют когнитивную природу и связаны с человеческим мышлением.

Для более глубокого понимания когнитивного подхода к изучению метафоры описанных выше истоков формирования этих воззрений и основ теории концептуальной метафоры недостаточно. Далее мы рассмотрим более детально накопленное в рамках когнитивной парадигмы теоретическое знание о природе и сути метафоризации, изучим в числе прочего и проблематику функционирования метафоры, то есть ее функциональный потенциал.

1.2 Теории и концепции в рамках когнитивного подхода к изучению метафоры

Ранее мы описали имеющиеся в лингвистике подходы к рассмотрению метафоры: структурно-семантический, прагматический, когнитивный. Восприятие метафоры как средства и отражения результата переосмысления окружающего мира, концептуализации мира в языке, было заложено М. Блэком [Блэк, 1990], А. Ричардсом [Ричардс, 1990] и К. Бюлером [Бюлер, 1993], а основные постулаты рассмотрения метафоры как одного из способов организации мышления человека были сформулированы Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в теории концептуальной метафоры [Lakoff, 1993; Lakoff, 2008; Lakoff, Johnson, 1980].

В этой части работы мы более детально опишем теорию концептуальной метафоры и ее развитие в рамках когнитивной лингвистики, с тем чтобы отразить последовательное формирование в когнитивной метафорологии альтернативных концепций.

1.2.1 Теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон)

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний, который обычно описывается как «концептуальный перенос значения сферы-источника на сферу-цель, где под воздействием различных индивидуально и социально обусловленных когнитивных факторов сфера-цель приобретает новую семантическую проекцию, которая становится метафорической» [Калинин, 2020d: 32]. Иными словами, метафоризация есть ни что иное как однонаправленная концептуальная проекция из сферы-источника в сферу-цель (metaphorical mapping).

Данная проекция возможна только в результате взаимодействия человека с окружающим физическим миром, что известно в когнитивной науке как «воплощенное познание» (embodied cognition). Суть когнитивного потенциала метафоры состоит в том, что знание о физическом мире и опыте взаимодействия с ним, отраженное в семантике сферы-источника, проецируются на концептуальное содержание сферы-цели. По утверждению самих авторов теории концептуальных метафор «первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных образов-схем» [Лакофф, Джонсон, 2004].

Классический пример, который приводят сами авторы теории концептуальной метафоры, это – метафорическая модель ARGUMENT IS WAR (СПОР — это ВОЙНА). «Можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем, можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец,

участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником» [Лакофф 2004: 26-27]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора в данном случае не описывает спор, просто приводя сравнение с войной, в скорее являет собой устойчивый способ категориального осмысления спора.

Важным постулатом теории концептуальной метафоры является тот факт, что метафоры признаются «неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210], так как они укоренены в сознании людей и настолько привычны, что их языковые проявления нередко не осознаются как метафоры.

Здесь в теории концептуальной метафоры отражается связь метафор с культурным опытом носителей того или иного языка, и мы находим подтверждение мысли К. Бюлера о том, что описание системы или совокупности метафорических моделей может рассматриваться как характеристика того или иного культурно-исторического сообщества. В теории концептуальной метафоры авторы больше внимания уделили тому, что метафоры являются одновременно отражением культуры и способов формирования новых культурных ценностей.

Изначально авторы теории указывали преимущественно на базовые систематические переносы, как например, СПОР – это ВОЙНА [Lakoff, Johnson, 1980], в дальнейшем типология переносов была расширена и дополнена. Сейчас принято различать три вида проекций: одноразовые (ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ), систематические (ВОЙНА – это СОРЕВНОВАНИЕ) и общие, схематические или структурные (УСПЕХ – это ВЕРХ).

Наглядно процесс метафоризации согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона представлен в следующей схеме.

Рисунок 6 – Процесс метафоризации согласно теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон)

В самой базовой форме метафорический перенос представлен концептуальной проекцией сферы-источника (Сф-И) на сферу-цель (Сф-Ц), которая обусловлена физическим опытом и знаниями об окружающем мире.

Еще одним важным пунктом теории концептуальной метафоры является признание того, что метафорическая проекция может осуществляться между структурами концептуальных доменов, то есть переносятся не отдельные области сферы-источника, а вся структура сферы-источника целиком. Подобное дополнение к теории концептуальной метафоры стало результатом исследований в рамках идеи концептуального смешивания, которую мы опишем ниже. Предположение о сохранении или несохранении структуры сферы-источника называется «гипотезой инвариантности» [Lakoff, 1993; Lakoff, 2008], так как перенос структуры концептуального знания, хоть и частичный, приводит к вариациям языковой реализации метафоры.

Иными словами, вследствие свойства инвариантности метафоры становятся возможными метафорические следствия или импликации (entailments). Данные импликации не выражены прямо в языковом выражении метафоры, они декодируются реципиентом на основании фреймового знания о сфере-источнике и сфере-цели, которое в метафорическом выражении не выражено, но выводятся реципиентом сообщения на основе имеющегося

фреймового знания. Так, если мы возьмем для примера метафору ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ, то ее импликациями могут быть: НАПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ – это РАБОТА НА КАМЕНОЛОМНЕ, АВТОР – это КАМЕНОТЕС, ТЕКСТ ДИССЕРТАЦИИ – это КАМНИ.

Теория концептуальной метафоры, которая в самом базовом, абстрактном виде сосредоточена на анализе реализованных в языке деконтекстуализированных метафорических переносов, определила направление, новый угол зрения на метафору. Публикация монографии «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 2004] дала новый толчок исследованиям метафоры представителями разных направлений языкознания, которые стремились восполнить пробелы, оставленные в рамках классической теории.

Исследование метафоры вышло за рамки когнитивной лингвистики; представители лингвокультурологии, психолингвистики, теории дискурса и других смежных дисциплин также стали рассматривать метафору, используя заложенные в теории концептуальных метафор основы. Все это, по словам Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «привело к диффузному расширению теории Дж.Лакоффа и М.Джонсона, ее дополнению и переосмыслению» [Будаев, Чудинов, 2006].

Так, Э. В. Будаев в своем фундаментальном труде «Сопоставительная политическая метафорология» отмечает: «На современном этапе можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры» [Будаев, 2011: 62].

Все теории и работы сводятся к обсуждению таких вопросов, как методология выявления и анализа когнитивных структур в разных языках и культурах, исследование разных типов и форм языковой реализации концептуальной метафоры, анализ процесса метафорического моделирования с точки зрения рецепции речевого сообщения. Обсуждаются вопросы самого

механизма метафоризации и его направленности, проблемы интерпретации содержания языковых метафор на разных этапах когнитивной обработки.

Рассмотрим другие теории и гипотезы, разрабатываемые в рамках когнитивной парадигмы понимания метафоры.

1.2.2 Гипотеза первичных (примарных) метафор (Дж. Грейди)

Гипотеза первичных метафор, разработанная Дж. Грейди [Grady, 1996; Grady, 1997; Grady, 2005a], является существенным дополнением к теории концептуальной метафоры. Данная гипотеза не только не противоречит взглядам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, но органично их дополняет, расширяя понимание когнитивной сущности метафоризации.

В гипотезе первичной метафоры предпринята попытка объяснить причины появления концептуальных метафор и их цикличность, также уделяется внимание эмпирическому подтверждению производных основ между некоторыми сферами-источниками и сферами-целями. Важно отметить, что гипотеза первичных метафор была полностью интегрирована в теорию концептуальных метафор и стала ее важным дополнением в последующих работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1999].

Ключевая идея теории первичных метафор состоит в том, что основой для всех концептуальных метафорических проекций являются базовые эмпирические модели, которые являются отражением базового опыта взаимодействия человека с миром вокруг, то есть напрямую коррелируют с физическим восприятием окружающего мира человеком.

Дж. Грейди полагает, что сферой-источником может быть только когнитивная модель или ментальный паттерн, основанный на примитивном локализованном опыте человеческой деятельности, обладающий самыми базовыми характеристиками.

Согласно гипотезе Дж. Грейди сферы-источники отличаются нижеследующими характеристиками:

- 1) определяются сенсорным восприятием; в их основе лежит самое

примитивное чувственное отображение происходящего процесса или объекта;

- 2) более абстрактны и отделены от культурного аспекта;
- 3) соотносятся с простейшим опытом жизнедеятельности в феноменологическом смысле;
- 4) исключают детализацию исходного опыта;
- 5) тесно связаны с другими объектами нашего исходного опыта;
- 6) относятся к общечеловеческим универсалиям, универсальной абстракции опыта;
- 7) должны быть предсказуемым образом связаны с нашими целями или действиями, направленными на достижение цели, поскольку они должны быть тесно связаны с некоторыми другими областями опыта [Grady, 1996].

Так, согласно гипотезе Дж. Грейди следует, что первичные исходные домены относятся к свойствам вещей (тяжесть, глубина, высота), отношениям между вещами (близость, притяжение) или действиям, связанным с вещами (раскалывание, погружение, падение), но не к объектам как таковым (камни, река) [Grady, 1997].

Например, все вокруг нас, включая наши собственные тела, имеет определенный вес, который мы естественным образом воспринимаем, когда поднимаем или переносим его. Подъем или переноска вещей являются естественными действиями во взаимодействии любого человека с миром, поэтому ощущение «веса» присуще нашей природе. Так же действие по разделению объекта при помощи ножа, то есть нарезка, отражает взаимодействие человека с физическим миром и является естественным для человека. Подобные домены, по мнению Дж. Грейди, как раз и являются метафорическим паттерном для первичных метафор.

Сферы-цели, согласно теории первичных метафор, имеют нижеследующие особенности:

- 1) являются элементами того же опыта, который находит свое отражение в реализации сферы-источника;

2) относятся к базовым единицам или параметрам когнитивной функции на тех уровнях, к которым у человека есть сознательный доступ [Grady, 1997].

В подходе к определению сферы-цели мы находим основное отличие от классической теории концептуальных метафор, где целевые домены полагались новыми, абстрактными и часто незнакомыми, и именно поэтому нуждались в опосредовании через когнитивное восприятие.

В гипотезе первичных метафор целевые домены так же знакомы, как исходные домены, поскольку они являются результатом осознания человеком своего повторяющегося первичного опыта.

Так, сфера-источник более конкретно соотносится с ощущениями от взаимодействия с объектами физического мира, в то время как сфера-цель связана с индивидуальным восприятием этого взаимодействия. Сфера-источник имеет объективное содержание, тогда как сфера-цель более субъективна, более привязана к внутренним состояниям

Например, если мы рассмотрим метафору ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМНОЛОМНЯ, то согласно гипотезе первичных метафор, в основе этой проекции будет лежать физический опыт поднятия тяжестей, то есть ОЩУЩЕНИЕ ТЯЖЕСТИ – это ТЯЖЕЛАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ РАБОТА, что основано на понимании когнитивной связки КАМНИ – это ТЯЖЕСТЬ. Таким, образом опыт человека, явленный в поднятии тяжестей, дает основание для такого концептуального переноса.

Рассмотрим теперь, каким образом представлялся процесс метафоризации согласно представлениям Дж. Грейди. В основе теории концептуальной метафоры лежит предположение о том, что метафоры генерируются путем полного перенесения сферы-источника на концептуальную область сферы-цели, что сохраняет когнитивную соотнесенность исходного домена в полном соответствии с внутренней структурой целевого домена.

С точки зрения теории первичных метафор процесс представляет собой когнитивное представление повторяющегося вида физического опыта, который можно охарактеризовать на локальном уровне без многих деталей. Исходные и целевые домены могут быть когнитивно объединены, если они имеют общие структуры на уровне физического восприятия.

Рассмотрим процесс метафоризации согласно теории первичных метафор Грейди.

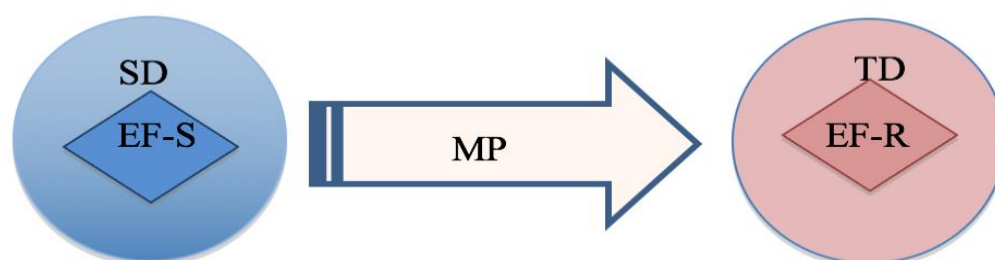

Рисунок 7 – Процесс метафоризации согласно гипотезе первичных метафор (Дж. Грейди)

Дж. Грейди полностью исключает контекст в том или ином смысле из процесса метафоризации, доводя метафорическую проекцию (MP - metaphorical mapping) до максимального уровня абстракции. То есть на SD (сферу-источник) и TD (сферу-цель) ничто не влияет, они существуют априорно, как результат чувственно-физического, а не ментального осмысления нашего опыта. При этом концептуализация SD основана на фрейме сенсорного стимула EFS (Experiential Frame Sensory), то есть является результатом физического осмысления сферы-источника. Например, ТЯЖЕСТЬ, которая ощущается как физическая характеристика объекта, у которого есть вес. В свою очередь результатом концептуализации TD будет являться фрейм ответа на сенсорный стимул EFR (Experiential Frame Response), то есть своего рода опыт, результирующий опыт относительно сенсорного фрейма EFS. Например, результирующими опытом для ТЯЖЕСТИ будет ощущение тяжелого, то есть тот комплекс физических ощущений на уровне мышц, который испытывает человек при поднятии тяжестей. На основании соотношения двух этих фреймов

происходит моделирование значения концептуальной метафоры [Lima, 2006].

Предположение Дж. Грейди о первичных метафорах состоит в том, что они являются частью универсального человеческого опыта, поскольку не включают культурные аспекты, а, следовательно, должны быть общими для всех языков. На наш взгляд, данное утверждение несколько противоречиво, так как несмотря на глобализацию, культурные отличия между разными народами настолько велики, что они непосредственно связаны даже с самым примитивным универсальным опытом, в том числе с физическим. Например, сибиряки известны тем, что по-своему воспринимают холод и мороз. Иными словами, универсальным может быть содержание сферы-источника, в то время как его интерпретация, даже максимально абстрактная, едва ли может восприниматься как нечто абсолютно исключаящее культурный аспект.

1.2.3 Теория концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тёрнер)

Теорию концептуальной интеграции (также называют концептуальное смешение/смешивание, блендинг) иногда полагают развитием идей Дж. Грейди о примарных и сложных метафорах [Novitskaya, 2019]. При этом взгляды М. Тёрнера и Ж. Фоконье дополняют и развивают и теорию концептуальной метафоры. В частности, авторы подвергают критике гипотезу инвариантности метафоры в рамках теории концептуальной метафоры.

При этом данная теория выходит за рамки рассмотрения метафоры как таковой. Теория блендинга или теория смешения (blending theory), также именуемая теорией концептуальной интеграции, представляет собой отдельное направление в когнитивной семантике. М. Тёрнер и Ж. Фоконье сформулировали своего рода обобщающую теорию, описывающую и порождение, и восприятия информации, что стало важным дополнением и расширением представлений о метафоризации, описанным в рамках классической теории концептуальной метафоры [Fauconnier, 1985; Fauconnier, 1997; Fauconnier, Turner, 2002; Fauconnier, Turner, 2008] .

Центральное отличие между теорией концептуальной метафоры и

теорией концептуальной интеграции состоит в том, что Дж. Лакофф и М. Джонсон преимущественно исследуют природу метафоры, изучают конвенциональные метафорические проекции, то есть устоявшиеся, систематические когнитивные связи между двумя концептуальными доменами, тогда как теория концептуальной интеграции акцентирует свое внимание на процессе метафоризации, то есть на авторских метафорах, которые отличаются ярко выраженным окказиональным характером.

Ж. Фоконье и М. Тёрнер утверждают, что модель, представленная в теории концептуальной метафоры, которая предполагает два когнитивных домена: сферу-источник и сферу-цели, является слишком абстрактной и схематичной. Такое понимание метафоры как бы лишает исследователей возможностей изучать процесс метафорического творчества в процессе его порождения. Предложенные авторами теории концептуальной интеграции «ментальные пространства» более конкретны, и потому могут быть использованы для анализа локального понимания метафоры в конкретной ситуации речевого общения.

Процесс концептуального смешения по М. Тёрнеру и Ж. Фоконье несколько сложнее, чем в теории концептуальной метафоры. Это обусловлено прежде всего тем, что «в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора рассматривается как почти единственный когнитивный механизм, в то время как метафора – лишь один из способов мышления, направленных на осмысление сложных идей» [Будаев, Чудинов, 2006: 98].

Авторы теории полагают именно процесс смешения определяющим фактором не только процесса метафоризации, но и человеческого мышления вообще. Ж. Фоконье и М. Тёрнер характеризуют концептуальное смешение как «выдающуюся интеллектуальную способность, которая в наиболее развитой «би-компонентной» форме обеспечила нашим предкам превосходство над другими видами и, к счастью или к несчастью, сделала нас такими, какие мы есть. Мы исследуем принципы концептуального смешения, его впечатляющую

динамику и его решающую роль в том, как мы мыслим и живем» [Fauconnier, Turner, 2002].

Еще одним важным отличием от теории концептуальной метафоры стало структурное изменение процесса концептуализации от двухдоменного к модели с несколькими пространствами (many domain model) [Fauconnier, Turner, 2008].

Согласно Ж. Фоконье и М. Тёрнеру концептуальное смешение включает в себя два ментальных пространства (input spaces), по сути являющихся, как и в теории концептуальной метафоры, доменом с концептуальным источником для метафоризации и ментальным пространством, на которое накладываются характеристики сферы-источника. Кроме того, в процессе блендинга появляется некоторое общее пространство (generic space), которое представляет собой ментальное отражение характеристик, общих для обоих input space. Речь идет о наиболее абстрактных элементах (ролях, схемах, фреймах), выступающих абстрактным основанием метафоризации.

Еще одним новым элементом становится пространство смешения (blending space), или сфера концептуальной интеграции, которая частично вбирает в себя элементы и структуру ментальных пространств. Пространство смешения обладает своей собственной структурой и набором когнитивных свойств. В пространстве смешения объединяются отдельные концептуальные характеристики фреймов исходных пространств, в результате чего формируется новая концептуальная структура. По выражению самих авторов теории, «это новое концептуальное образование не связано какой-либо зависимостью от исходных пространств и, как следствие, может развиваться самостоятельно, бленд живет своей собственной жизнью» [Turner, Fauconnier, 2000: 137].

Попробуем схематично представить теорию концептуальной интеграции.

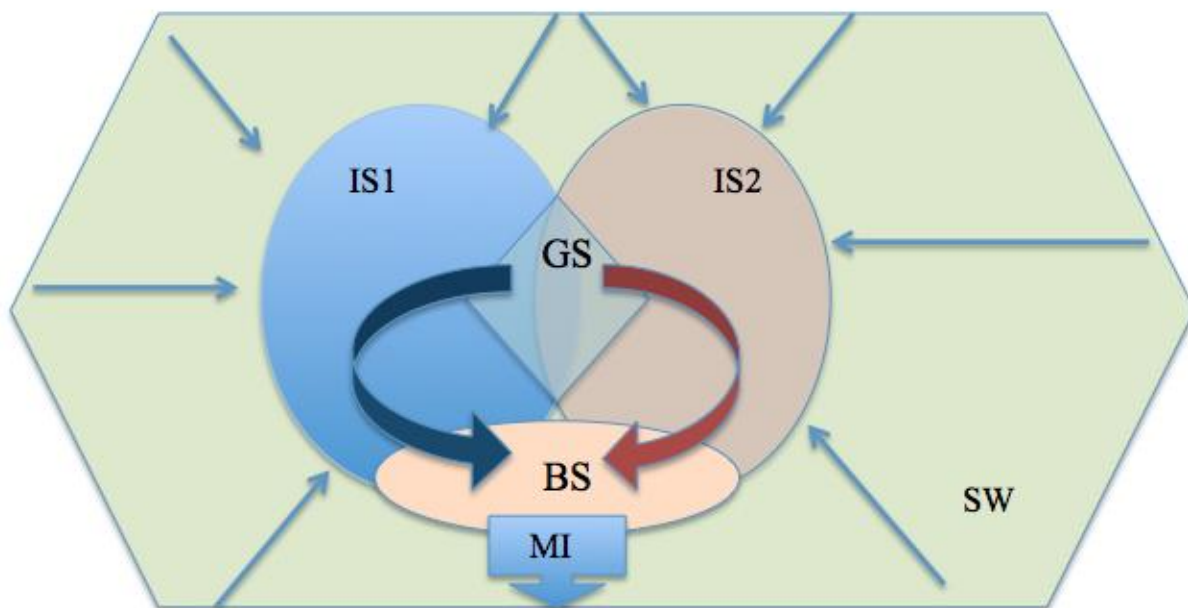

Рисунок 8 – Метафоризация согласно теории концептуального смешения
(Ж. Фоконье, М. Тернер)

На схеме мы видим общее пространство SW, что, как и в случае с теорией концептуальной метафорой, обозначает окружающий мир, то есть культурно-языковую среду, в которой происходит процесс метафоризации. Оба ментальных пространства (IS1 и IS2), что в терминологии теории концептуальной метафоры именовалось сферой-источником и сферой-целью, опосредованы этой культурно-языковой средой общего культурно-языкового пространства SW. На стыке семантических значений IS1 и IS2 образуется GS (genetic space – общее пространство), в котором отражены базовые характеристики, общие для обеих сфер, и определяющие саму возможность метафорического смешения. Отдельные элементы семантического значения, присущие как IS1, так и IS2, и опосредованные в GS, переносятся в общее поле BS (blending space – пространство смешения), то есть в поле когнитивного смешения, где происходит метафоризация и появляется метафора M1, оказывающая в свою очередь влияние на культурно-историческое пространство SW, что отвечает принципу двунаправленности метафорической интеграции.

Так, рассматривая метафорический перенос ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ, мы должны выделить элементы значения двух исходных

областей (ДИССЕРТАЦИЯ и КАМЕНОЛОМНЯ) в одну общую область: физический труд, интеллектуальный труд. Далее эти общие значения смешиваются в понятия: трудоемкость, длительность работы. На основании этого смешения может быть образована и интегрирована в национально-культурную среду метафора ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ.

Важное отличие теории концептуального смешения от взглядов Дж. Лакоффа и М. Джонсона состоит в отрицании всеобщности принципа однонаправленности метафорической проекции, так как восприятие этого концептуального процесса как однонаправленного «не отражает многослойности и сложности метафоры» [Fauconnier, 1997]. Иными словами, Ж. Фоконье и М. Тернер подчеркивают, что метафоры не только отражают, но и формируют национально-культурное сознание.

Важно иметь в виду широкую трактовку понятия «блендинг». Оно служит не только для обозначения метафоризации в различных ее проявлениях, но также представляет собой значимую характеристику целого множества когнитивных процессов. Блендинг – «когнитивный механизм, охватывающий многие (возможно, все) когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, интерференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив» [Fauconnier, Turner, 2008]. Из определения следует, в теории концептуальной интеграции «метафора воспринимается только лишь как один из многих когнитивных механизмов, метафорическая проекция является разновидностью универсального механизма концептуального блендинга» [Будаев, 2011: 86].

1.2.4 Теория контекстуальной метафорической интерпретации (Д. Ритчи)

Теория контекстуальной метафорической интерпретации, разработанная Д. Ритчи [Ritchie, 2003; Ritchie, 2004a; Ritchie, 2004b; Ritchie, 2006] на основе теории концептуальной метафоры, во многом стала продолжением взглядов на метафоризацию в рамках теории концептуального смешения Ж. Фоконье и

М. Тёрнера и объединением когнитивного и прагматического понимания метафоры.

Во главу понимания процесса метафоризации Д. Ритчи ставит вопрос интерпретации метафоры в конкретном коммуникативном контексте, полагая, что анализ метафор возможен с позиций как порождения, так и восприятия метафоры, а конкретно, с точки зрения их взаимодействия [Ritchie, 2003]. Здесь теория контекстуальной интерпретации отталкивается от прагматического подхода к метафоре.

Д. Ритчи указывает, что «метафоры надлежит анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, что включает в себя детальное представление о самом акте коммуникации и его участниках, в особенности из персонального опыта относительно тела (topic) и признаков (vehicle) метафоры» [Ritchie, 2004a].

Он утверждает, что тело метафоры (topic), то есть ее базовое значение, обсуждать в отрыве от коммуникативного контекста не совсем верно, так как метафора не может быть одинаково интерпретирована в разных контекстах. «Каждая метафора интерпретируется в конкретном коммуникативном контексте, в котором она встречается, и отдельные интерпретации не обязательно будут совпадать, если только когнитивные представления индивидов об концептуальных доменах не схожи» [Ritchie, 2003].

Основным недостатком классической теории когнитивной метафоры Д. Ритчи полагает определенную абстрактность восприятия предмета исследования, то есть самой метафоры, которая изучается без учета конкретного воплощения когнитивных процессов в нервной системе человека. Кроме того, по мнению автора, теория концептуальной метафоры достаточно сильно оторвана от социального и коммуникативного контекста. Исследователь полагает, что все абстрактные научные изыскания в области метафорологии должны подвергаться проверке на предмет совместимости с конкретными особенностями мышления человека.

Теория контекстуальной метафорической интерпретации Д. Ритчи восполняет этот пробел, совмещая представления о метафоре с концепцией когерентной среды и контекста, предложенную Д. Спербер и Д. Уилсон.

Согласно представлениям Д. Спербер и Д. Уилсон, успешная коммуникация возможна только в условиях наличия взаимной когнитивной среды, которая определяется Д. Ритчи вслед за Д. Спербер как «совокупность всех явных для индивидуума фактов» то есть всех фактов, которые индивид может представить мысленно» [Ritchie, 2006: 139]. Немаловажным также является понятие контекста, который определяется как «набор предпосылок для интерпретации высказываний, подмножество предположений слушателя о мире» [Ritchie, 2006]. Д. Ритчи утверждает, что контекст важен в каждый конкретный момент времени осуществления коммуникации, так как каждый конкретный контекст будет «использоваться для осмысления конкретного коммуникативного акта» [Ritchie, 2006: 78].

Контекст рассматривается как некоторая основа для когнитивного уровня коммуникации, однако одного контекста недостаточно, контекст важен только тогда, когда он отражается в сознании участников коммуникации. В этой связи важную роль играет теория рабочей памяти [Нахбу и др., 1995; Smith, Jonides, 1997], которая предлагает основу для интеграции взаимного когнитивного окружения с его нейрофизиологическим воплощением.

Когнитивный эффект можно рассматривать с точки зрения степени, в которой обработка коммуникативного акта приводит к перестройке сети нейронных связей в рабочей памяти – созданию новых синоптических соединений, а также изменению силы ранее существующих нейронных связей. Таким образом, поиск релевантности – это поиск набора нейронно-воплощенных воспоминаний или идей, которые могут легко сформировать связи с некоторыми аспектами новой идеи, представленной в коммуникативном акте, и ускорить набор изменений в нейронных связях. «Люди могут создавать и интерпретировать сообщения только на основе своего понимания ситуации, поскольку они не имеют прямого доступа к мыслям других людей, и их

понимание часто является неполным или ошибочным. Чтобы понять, как на самом деле оценивается релевантность и на самом деле осуществляется интерпретация, нам необходимо помнить о нейронном воплощении общих позиций в форме активированных нейронных связей» [Ritchie, 2008].

Метафорические переносы могут стать активированными в процессе коммуникации и войти в сеть значений, которая создается и поддерживается во время разговора, по крайней мере, двумя способами. Основные метафоры могут быть частью общих культурных знаний обоих участников, существовать в сознании обоих коммуникантов в виде нейронных связей между связанными понятиями, и, следовательно, можно предположить, что они доступны как часть общего знания. Но если они еще не известны как часть общедоступной точки соприкосновения, может потребоваться создание метафорических связей посредством расширенной обработки, в которой устанавливаются или усиливаются вторичные нейронные связи между атрибутами тела метафоры и ее признаков.

Д. Ритчи уделяет огромное внимание контекстуальной относительности метафоры и предполагает, что концептуальная метафора не предшествует лингвистическому выражению. Более того, он утверждает, что концептуальное осмысление начинается с акта интерпретации конкретного сообщения. Согласно его теории, говорящий или слушающий не обязательно будут черпать различные выражения сферы-цели из одной общей концептуальной сферы-источника, как утверждается в теории концептуальной метафоры.

Теория контекстуальной интерпретации Д. Ритчи имеет некоторое сходство с теорией концептуальной интеграции или концептуального смешивания Ж. Фоконы и М. Тёрнера, поскольку согласно данной теории в процессе метафоризации устанавливается связь на нейронном уровне между контекстно-значимыми аспектами отдельных концепций сферы-источника и сферы-цели, то есть Д. Ритчи признает наличие концептуального смешения на «нейронном уровне».

Однако в отличие от теории концептуального смешивания, теория контекстуальной интерпретации не предполагает дублирования концептуальных элементов в отдельном когнитивном «пространстве», гораздо больший акцент делается на когнитивном представлении общих позиций, активируемых в рабочей памяти адресата речевого сообщения, который интерпретирует метафору.

Основная суть взглядов Д. Ритчи относительно метафоры заключается в том, что мы не можем что-либо утверждать о «значении метафоры» априори, так метафора не имеет одного четко определенного значения. Напротив, определенная метафора в конкретной коммуникативной ситуации имеет предназначенную интерпретацию и независимо интерпретируется каждым слушателем: если предположения участников об общей основе верны, и у каждого есть подобный набор идей, активированных в рабочей памяти, то их интерпретации, вероятно, будут очень похожи. Если когнитивные контексты участников не совпадают, их интерпретации могут сильно отличаться друг от друга.

Таким образом процесс метафоризации по теории контекстуальной интерпретации Д. Ритчи можно представить следующим образом:

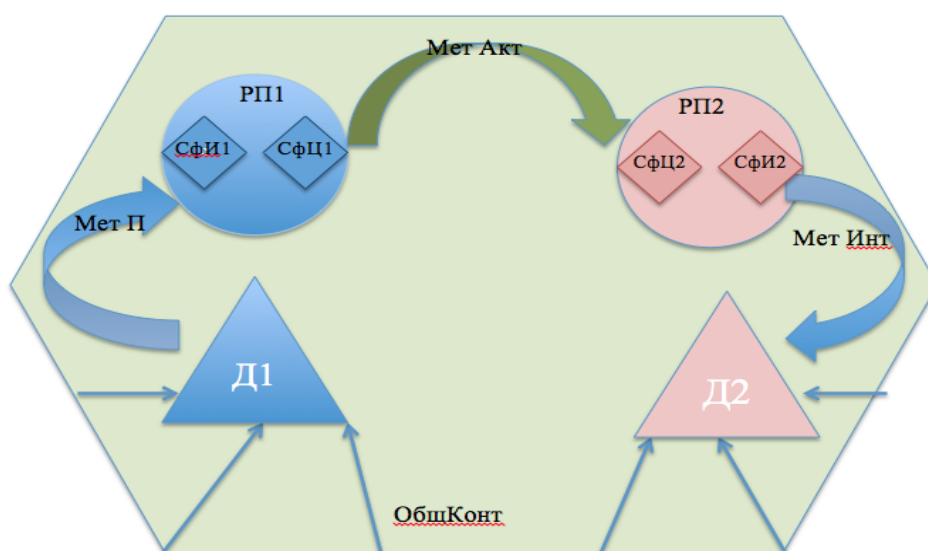

Рисунок 9 – Метафоризация согласно теории контекстуальной интерпретации (Д. Ритчи)

На схеме мы видим значительное усложнение процесса метафоризации, который, в отличие от теории концептуальной метафоры, непосредственно подвержен влиянию общего для Д1 (деятель 1 – говорящий или пишущий) и для Д2 (деятель 2 – читающий или слушающий) контекста речевой коммуникации (на схеме - Общ Конт). Сам процесс порождения и восприятия метафоры разделен на три этапа. На первом этапе Д1 осуществляет со своей Рабочей памяти (РП1) метафорическую проекцию (Мет П) из сферы источника (Сф-И1) в сферу цель (Сф-Ц1). После этого происходит метафорическая активизация (Мет Акт), сопряженная во времени с актом речевой коммуникации, именно на этом этапе в РП2, рабочей памяти Д2, происходит отражение метафорической проекции, созданной Д1. При этом она может быть идентична таковой же у Д1, либо отличаться, в зависимости от контекста и множества других условий, социальных и культурных, без отрыва от которых метафоризация невозможна в принципе. Третий этап представляет собой метафорическую интерпретацию (Мет Инт) проекции Д2 в его рабочей памяти и восприятие метафоры в сознании Д2.

Если продолжить анализ предложенной метафоры ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ с точки зрения контекстуальной теории метафорической интерпретации Д. Ритчи, то данное метафорическое выражение может быть проанализировано только с точки зрения понимания того, кто его спродуцировал, кому оно адресовано и каков контекст коммуникации. Мы можем предположить, что данная метафора может быть понятна широкому кругу научной общественности, так как большинство ученых осознает трудоемкость интеллектуального труда, который можно сравнить с трудом каменотеса.

Так, теория контекстуальной интерпретации метафоры еще более детально рассмотрела вопросы, поставленные Дж. Серлем ранее. Д. Ритчи, не отрицая когнитивной природы метафоры, подчеркнул значимость коммуникативного аспекта порождения и восприятия метафоры, где ключевую роль играет контекст и общность культурного и социального знания участников

коммуникации.

1.2.5 Теория преднамеренной метафоры (Дж. Стен)

Детальное внимание процессу порождения метафоры, а также вопросам классификации метафоры по коммуникативному и прагматическому признакам уделено в теории преднамеренной метафоры (Deliberate Metaphor Theory - DMT), разрабатываемой группой исследователей, объединенных в Metaphor Lab, во главе с Джерардом Стеном.

В этой теории исходным понятием является «преднамеренная метафора» (deliberate metaphor) в своей оппозиции к «непреднамеренной метафоре» (non-deliberate metaphor). Дж. Стен определяет преднамеренную метафору довольно просто: «интенциональное, то есть намеренное, использование образного выражения между отправителем и получателем речевого сообщения» [Steen, 2017: 1]. Ключевым в этом простом определении является осознание отправителем речевого сообщения метафоричности своего высказывания, то есть осознанного метафорического переноса значения сферы-источника на сферу-цель. Под преднамеренной метафорой подразумевается, что автор речевого сообщения «как бы настраивает адресата своего сообщения установить в своем сознании определенную сферу-источник посредством прямого употребления соотносимых с этой сферой-источником лексических единиц» [Steen, 2011: 56].

Теория преднамеренной метафоры дополняет и дискутирует с теорией концептуальной метафоры в части касающейся исходной плоскости для метафорического моделирования. Одно из направлений теории концептуальной метафоры основано на предположении о примарных метафорах Дж. Грейди [Grady, 2005a], это направление во многом развивается в работах психолингвистов Р. Гиббса [Gibbs, 2006], С. Глюксберга [Glucksberg, 2014]. В рамках данного направления полагается, что метафорическое моделирование формируется в сознании преимущественно на основе физического и ментального опыта человека и потом находит свое отражение в языковой

практике.

В теории преднамеренной метафоры, как и в теории контекстуальной метафорической интерпретации Д. Ритчи, обращается особое внимание на коммуникативный аспект, с ней соединяются теория речевой коммуникации и представления о концептуальной природе метафорического переноса, то есть постулируется возможность формирования концептуальных связей между сферой-источником и сферой-целью, основанная на речевой ситуации и сформированная конкретным автором речевого сообщения.

Необходимость включения коммуникативного аспекта обусловлена дискурсивностью речевой коммуникации, что понимается как «использование текста в контексте», то есть в зависимости от экстралингвистических условий коммуникации [Steen, 2017: 6]. В этом свете одна из целей теории преднамеренной метафоры состоит в изучении зависимости метафорического моделирования от дискурсивных особенностей текстов, где дискурс понимается как осознанная и целенаправленная языковая деятельность.

Дж. Стен утверждает, что «любое, в том числе метафорическое использование языка, любой речевой акт включает в себя три составляющих: языковой, концептуальный и коммуникативный уровни, которые являются по сути тремя измерениями одного феномена» [Steen, 2015: 69].

Исходя из описанных выше теоретических предпосылок, Дж. Стен предлагает две дополнительные оппозиции в дополнение к уже имеющейся оппозиции (конвенциональная/новая метафоры) – это разграничение прямых и непрямых, преднамеренных и непреднамеренных метафор.

По мнению автора, «некоторые метафорические выражения, являясь по контекстуальному значению метафорическими, концептуально метафорическими не являются, так как не происходит концептуального перехода от сферы-источника к сферы-цели. Слова, употребляются в прямом значении, но метафорический контекст позволяет наблюдать метафорический перенос не внутрифразовый, а внутритекстовой» [Steen, 2010: 50].

Характерной чертой прямой метафоры является то, что

«концептуальный домен-источник представлен в тексте напрямую, а не имплицитно, как в не прямой метафоре, а прямые концептуальные структуры интегрируются в целевой домен, но при этом сохраняют свою автономность» [Steen, 2008].

Анализ проблематики прямых и не прямых метафор в дискурсе приводит к понятию преднамеренности метафоры. Автор указывает, что прямые и не прямые метафоры коммуникативно отличны, так как «прямая метафора не оставляет адресату сообщения выбора, кроме как обратить внимание на сферу-источник именно как на метафорическую сферу-источник, поэтому прямые метафоры преднамеренно метафоричны» [Steen, 2011: 56].

Авторы теории преднамеренной метафоры, отталкиваясь от дихотомии прямая-не прямая метафора, строят трехмерную модель метафоры [Steen, 2008; Steen, 2007], которая предполагает рассмотрение метафоры с лингвистической, концептуальной и коммуникативной точек зрения.

Так, лингвистический подход предполагает разделение метафоры на прямую и не прямую, то есть высвечивает имплицитную лингвистическую выраженность метафоры, которая в речи выражается в сравнительных оборотах.

Концептуальный подход обращает внимание на степень новизны процесса концептуализации, который именуется конвенциональностью (интенсивностью или устойчивостью) метафоры. Очевидно, что авторские метафоры не концептуализированы в когнитивной системе носителей языка и не активизированы в сознании большинства носителей культуры. Это новые метафорические проекция, отличающиеся слабой устойчивостью, которые еще не зафиксированы в словарях. «Конвенциональные метафоры, в свою очередь, отличаются фиксированной репрезентацией в толковых словарях и сложившейся концептуализацией в когнитивной системе индивидов, что влечет их непосредственную активизацию из концептуальных систем, минуя процесс наложения концептуального домена-источника на целевой домен» [Steen, 2007].

Коммуникативный подход предполагает дифференциацию метафор по преднамеренности, которая по словам Дж. Стена, «связана с осознанностью и речевой интенцией автора сообщения» [Steen, 2017]. Как указывалось выше, «преднамеренность означает осознанное использование метафоры в рамках коммуникации, что подразумевает некоторую степень осведомленности членов коммуникации об интенции в использовании метафоры» [Steen, 2017]. «Намеренная метафора – это явное, очевидное «приглашение» со стороны отправителя адресату выйти за рамки основной области дискурса (целевого домена) и посмотреть на нее из другой области (домена-источника). Иными словами, преднамеренная метафора в коммуникативном отношении имеет целью изменить отношение адресата к происходящему в данный момент дискурсивному событию, то есть явно обозначить происходящую в этом дискурсивном событии концептуальную интеграцию» [Steen, 2017].

Согласно теории преднамеренной метафоры, «все прямые метафоры, образованные путем прямого сравнения, и авторские метафоры, базирующиеся на новой модели концептуальной интеграции, являются преднамеренными, так как они предполагают сознательное целенаправленное обращение к домену-источнику» [Steen, 2017].

Другими словами, согласно теории преднамеренной метафоры именно интенция автора речевого сообщения по созданию метафорического переноса является во многом определяющей в той роли, которую будет играть метафора в речевом сообщении. Преднамеренная метафора, активизирующая когнитивную систему реципиента сообщения извне, призвана создать новый метафорический перенос, обратив внимание на его содержание, а непреднамеренная метафора фиксирует уже сложившуюся модель концептуализации окружающей действительности говорящего безотносительно участия реципиента речевого сообщения.

Для наглядности возьмем хрестоматийный пример концептуальной метафоры СПОР – это ВОЙНА и «просклоняем» его по всем типам метафор, предложенным Дж. Стеном:

1. Он победил в споре. (*непрямая, конвенциональная метафора, скорее непреднамеренная*).

2. Он просто разбомбил ее в том споре. (*непрямая, авторская метафора*).

3. Он спорил так, будто от этого зависела его жизнь. (*прямая, конвенциональная метафора*).

4. Он сыпал аргументами будто палил из станкового пулемета по наступающему противнику. (*прямая, авторская метафора, скорее преднамеренная*).

В приведенных выше примерах мы с легкостью можем соотнести использованные метафорические переносы по лингвистическому и концептуальному принципам, то есть соотнести метафору с разрядом прямой или не прямой, а также конвенциональной и новой. При этом очевидно, что преднамеренность указанных примеров может быть определена только лишь в большем коммуникативном контексте. Однако, скорее всего пример 1 будет непреднамеренной метафорой, пример 4 будет однозначно преднамеренной метафорой.

Основной тезис теории преднамеренной метафоры Дж. Стена, состоящий в трехмерной форме метафоры, включающей коммуникативный, лингвистический и концептуальный аспекты, в настоящее время дискутируется. В частности, Р. Гиббс подверг критике данную теорию, полагая, что коммуникативный аспект во многом определяется когнитивным, и выделение понятия преднамеренности для метафоры излишне [Gibbs, 2015a; Gibbs, 2015b]. Тем не менее, проводятся также и практические исследования в этой сфере, результаты которых подтверждают применимость гипотезы Дж. Стена [Kalinin, Mavleev, 2020; Musolff, 2016; Nacey и др., 2019].

На основании своих исследований Дж. Стен определяет восемь областей исследования метафоры на современном этапе:

«1) языковая метафора в системе символов в грамматической системе языка;

- 2) языковая метафора в системе символов в тексте;
- 3) концептуальная метафора в системе символов в грамматической системе языка;
- 4) концептуальная метафора в тексте и дискурсе;
- 5) языковая метафора как результат речевого поведения, включающего в себя сохранение, приобретение или утрату устойчивого значения;
- 6) психологический аспект языковой метафоры в процессе воспроизведения и восприятия речи, отражающий когнитивный опыт индивида в конкретной речевой ситуации;
- 7) концептуальная метафора как результат речевого поведения, включающего в себя сохранение, приобретение или утрату устойчивого значения;
- 8) психологический аспект концептуальной метафоры в процессе воспроизведения и восприятия речи, отражающий когнитивный опыт индивида в конкретной речевой ситуации» [Steen, 2010].

Таким образом, теория преднамеренной метафоры совершает обратный поворот в исследовании метафоры от когнитивного к языковому, соединяя при этом когнитивный и прагматический подходы. Метафора рассматривается как единство лингвистической, концептуальной и коммуникативной составляющей, разные уровни которого проявляются в разных типах метафорических выражений в дискурсе. Особое внимание уделяется интенциональности метафоры, то есть ее преднамеренному характеру, который обусловлен контекстом, но также зависит от ее лингвистических (форма выражения) и когнитивных (глубина концептуализации) составляющих.

1.2.6 Концептуальное картирование (К. Аринс)

Весомый вклад в развитие теории концептуальной метафоры также был внесен исследованиями К. Аринс и ее коллег, которые разработали метод концептуального картирования [Ahrens, 2001; Ahrens, 2010; Ahrens, Chung, Huang, 2003] и изучили на практике вопросы конвенциональности метафор

[Ahrens и др., 2007].

Согласно К. Аринс, все метафоры можно классифицировать на: конвенциональные метафоры, новые метафоры, которые соответствуют модели концептуальной проекции, новые метафоры, которые не соответствуют модели концептуальной проекции, и новые (аномальные) метафоры [Ahrens, 2010].

Определяя при помощи этой модели концептуального картирования метафоры как новые или конвенциональные, К. Аринс далее проводит детальный анализ восприятия языковых реализаций данных метафор, эмпирически доказывая, что выбор сферы-источника для сферы цели определяется множеством социокультурных факторов, и классическая теория концептуальной метафоры не достаточно внимания уделяет вопросу конвенциональности или новизны метафорического выражения, тем самым опровергая теорию первичных метафор. Вследствие большой вариативности в реализации новых метафор К. Аринс полагает, что при анализе концептуальных метафор невозможно говорить об универсальности концептуального языкового осмысления, а процесс метафоризации, полагаемый как отражение когнитивных способностей человека, во многом зависит от социокультурной среды и контекста.

1.2.7 Теория атрибутивной категоризации (С. Глюксберг)

Вышеупомянутые теории и гипотезы при всем своем многообразии в целом не противоречат основным положениям теории концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Однако в русле когнитивной лингвистики был разработан ряд альтернативных гипотез, которые рассматривают процессы порождения и восприятия метафоры с иных методологических оснований.

Одним из самых активных критиков теории концептуальной метафоры является С. Глюксберг, который совместно со своей исследовательской группой, которые рассматривает процесс метафоризации, агентируясь на восприятии метафоры, с точки зрения когнитивной психологии [Cacciari,

Glucksberg, 1994; Glucksberg, 2011; Glucksberg, Keysar, 1990].

В основу взглядов на порождение образной речи С. Глюксберг ставит категоризацию как процесс соотнесения признака конкретного объекта с признаками всей категории или категорий, в которые он входит. Этот подход обычно называется теорией атрибутивной или признаковой категоризации [Glucksberg, Keysar, 1990; Glucksberg, Keysar, McGlone, 1992].

В рамках данной концепции отвергается тезис о том, что метафора базируется на сравнении, то есть топик метафоры не сравнивается по признакам, также отвергается процесс переноса концептуального знания с одного домена на другой. Основой теории является тезис о категоризации топика метафоры через ее источник. С. Глюксберг «устанавливает факт членства топика метафоры в более абстрактной атрибутивной категории, обозначенной средством выражения метафоры. При этом образуется новая, сиюминутная категория (*ad hoc category*), которая является общей для обоих концептов» [Novitskaya, 2019: 84].

Рассмотрим наш пример метафорического переноса ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ. С точки зрения теории атрибутивной категоризации топик метафоры ДИССЕРТАЦИЯ в сознании должен попасть в ту же категорию, в которую входит КАМЕНОЛОМНЯ, тем самым будет возможен метафорический перенос. Эта категория, например, ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД. Соотношение ДИССЕРТАЦИИ с ФИЗИЧЕСКИМ ТРУДОМ позволяет наделить этот концепт признаками этой категории.

Таким образом, процесс метафоризации в своей основе имеет не сравнения двух концептов, он базируется на категоризационном абстрагировании. Важно отметить, что триггером, способным запустить процесс категоризации для топика метафоры, будет являться смысловая ложность прямого значения метафорического выражения. Так, утверждение ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ в прямом смысле неистинно, что запускает процесс поиска той потенциально общей для источника и цели субординантной категории, которая позволяла бы совершать такой метафорический перенос.

Процесс восприятия метафоры обратно направлен. Для релевантного распознавания смысла получателю сообщения необходим определенный объем знаний о топике метафоры, что позволит ему оценить, насколько правомерна для топика включенность в ту или иную атрибутивную категорию без утраты смысла.

И. В. Новицкая, анализируя теорию атрибутивной категоризации, указывает: «При интерпретации метафоры новые сиюминутные категории могут формироваться как на основе признаков, типично ассоциируемых с источником, так и на основе очень обобщенных, абстрактных признаков источника» [Novitskaya, 2019: 84].

В нашем примере категоризация может происходить и на более абстрактном уровне: ДИССЕРТАЦИЯ и КАМЕНОЛОМНЯ входят в более широкую, субординантную категорию ТРУД или также в категорию ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ТРЕБУЮЩАЯ БОЛЬШИХ УСИЛИЙ или ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРЕБУЮЩАЯ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ВРЕМЕНИ.

Так, мы получаем иерархию общностей атрибутивных категорий, в которых признаки источника и цели метафоры объединяются. Если подобное объединение невозможно на уровне самой близкой категории, процесс переходит на следующую стадию. Новое семантическое значение как бы собирается по кусочкам из категорий разного уровня.

По мнению авторов теории, «в каждом конкретном случае свойства новой атрибутивной категории реализуются по-разному, поскольку при восприятии новаторских метафор концепт-источник может допускать различные интерпретации, и, следовательно, допускать формирование различных атрибутивных категорий» [Glucksberg, McGlone, 1999: 1556].

Нельзя не отметить, что теория атрибутивной категоризации крайне удобна для эмпирических исследований образного языка на базе компьютерного анализа. В частности, один из подходов к автоматизированному анализу тональности (sentiment analysis) во многом базируется на составлении категоризационных кластеров, которые позволяют выявлять семантические

сдвиги в узусе и анализировать эмоциональный вокабуляр [Hobbs, Gordon, 2011].

1.2.8 Теория карьеры метафоры (Д. Гентнер, Б. Боудл)

Своего рода продолжением взглядов С. Глюксберга на процесс метафоризации является гипотеза карьеры метафоры [Bowdle, Gentner, 2005; Gentner, Bowdle, 2001; Wolff, Gentner, 2011]. Авторы данной гипотезы Д. Гентнер и Б. Боудл опираются на идею о том, что разные типы метафоры (новая/авторская, конвенциональная и стертая) могут быть этапами существования той или иной смысловой проекции в языке, то есть метафора как бы «проживает свою карьеру». По мысли авторов, «в процессе обработки метафоры задействованы различные ментальные процессы, когда дело касается новой/авторской (в начале карьеры), конвенциональной (в середине карьеры) и стертой метафоры (в конце карьеры)» [Bowdle, Gentner, 2005].

Д. Гентнер и Б. Боудл утверждают, что процесс обработки метафор разного типа отличается друг от друга, и нельзя утверждать, что доминирует: категоризация, то есть абстрагирование, как утверждает С. Глюксберг, или концептуальная проекция, то есть сравнение, как постулируется в теории концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

По мнению И. В. Новицкой «главный вклад теории карьеры метафоры заключается в выявлении того факта, что на процесс обработки метафоры (посредством сравнения или категоризации) влияет не только ее новаторский или конвенциональный характер, но и то, что концептуальные параметры метафоры взаимодействуют с языковой формой, в которой отображена проекция концептуальных областей» [Novitskaya, 2019: 85].

В этом ключе достижения авторов гипотезы карьеры метафоры Д. Гентнер и Б. Боудл отчасти соотносятся с теорией преднамеренной метафоры Дж. Стена, где постулируется трехуровневая модель метафорической проекции: когнитивная, языковая и коммуникативная. В результате исследований авторы выяснили, что «интерпретация

конвенциональных образных выражений происходила быстрее, чем интерпретация авторских метафор. При этом была установлена корреляция между конвенциональностью и грамматической формой выражений: новаторские сравнения интерпретировались быстрее, чем новаторские метафоры, а конвенциональные метафоры – быстрее, чем конвенциональные сравнения» [Gentner, Bowdle, 2008: 121].

Выводы:

Резюмируя все вышеперечисленные теории и концепции, мы прежде всего должны отметить, что когнитивный взгляд на природу метафоры открыл новые возможности по исследованию образного языка. В современных исследованиях метафоры когнитивный подход тесно переплетается и с семантическим (в части, касающейся структуры метафоры и образования сдвига в семантическом значении), и с прагматическим подходом, так как изучение образности в отрыве от процесса коммуникации и понимания интенциональности речевого сообщения невозможно.

Теория концептуальных метафор, положившая начало «метафорическому буму» в лингвистических исследованиях, способствовала разработке отдельной научной концепции, которую можно назвать «теория метафоры». Однако ни одна из ныне существующих теорий и гипотез не может быть признана всеобъемлющей и всесторонне объясняющей феномен метафоры.

Тем не менее анализ теоретического материала, посвященного процессу порождения и восприятия метафоры, позволяет нам сделать несколько выводов, которые лягут в основу дальнейшего исследования:

1. Метафора базируется на концептуализации и/или категоризации двух когнитивных доменов знаний.
2. Метафоризация в основе своей имеет процесс когнитивного смешивания, который приводит к семантическому сдвигу.
3. Метафора может отражать результаты базового взаимодействия

человека с окружающим физическим миром.

4. Метафора может отражать взаимодействие человека с его социальным и культурным окружением.

5. В основе порождения и восприятия авторских, конвенциональных и стертых метафор могут лежать разные когнитивные механизмы.

6. При порождении и восприятии метафоры важную роль может играть коммуникативный контекст.

7. Метафора одновременно отражает имеющиеся концептуальные переносы и формирует новые, что отражает двунаправленный характер взаимодействия языка и мышления вообще.

Базовые положения теории метафоры стали основой для дальнейших исследований метафоры, которые проводились в более практическом ключе. Данное направление стало основой для анализа метафорических моделей, а именно исследования вариативности концептуальной метафоры как внутри определенной культуры, так и между культурами. Эмпирические исследования продемонстрировали разницу в используемых для построения метафорических проекций когнитивных доменов, что стало толчком для развития направления, которое можно охарактеризовать как сравнительно-историческая метафорология.

Кроме того, использование отдельных метафор и метафорических моделей в рамках разных дискурсов на разных языках породило когнитивно-дискурсивный подход к метафоре. Использование теоретических достижений метафорологии применительно к теории дискурса открыло новые возможности по анализу образности порождения и восприятия высказывания.

1.3 Дискурсивное направление современной метафорологии

1.3.1 Теория дискурса и когнитивная лингвистика

Отдельным направлением исследований метафор является дискурсивное, которое сформировалось на стыке двух направлений языкознания: когнитивной лингвистики и теории дискурса.

Каждый раз, когда исследователь сталкивается с понятием дискурс, он неизбежно становится заложником многоаспектности его значения. Как отмечает Г. Г. Слышкин, «неоднократная эксплуатация термина дискурс современной лингвистикой привела к тому, что этот термин приобрел статус модного, что, в свою очередь, вызвало некую беспорядочность его употребления и расплывчатость значения» [Слышкин, 2000: 28].

Сущность эволюции понятия дискурс и причины его вариативности выразила Е. С. Кубрякова, указывая, что «интуитивное обращение к новому понятию было вызвано не просто модой и не только содержанием слова дискурс. Оно было связано с необходимой потребностью в создании такого концепта, который соединил бы существующие в неясном и смутном виде представления в единый гештальт и помог бы отразить в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связанную с самими коммуникативными условиями этого порождения» [Кубрякова, 2004: 524].

В самом общем виде можно выделить 4 основные характеристики дискурса:

- «дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщений;

- дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта;

- дискурс отражает субъективную психологию человека, и, следовательно, он не может быть отчужден от говорящего;

- дискурс – когнитивное явление, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Калинин, 2018: 13].

Так, как мы уже указывали ранее, «дискурс чаще всего рассматривается как сложносоставное коммуникативное явление, представляющее собой единство языковой формы, значения и действия, которое отражает социальный контекст и субъективную психологию человека» [Калинин, 2020g: 52]. Дискурс не может быть не связан с когнитивной парадигмой, так как по своей природе отражает социальный и психологический аспекты,

Автор теории критического дискурс-анализа Р. Водак подчеркивает важность когнитивных исследований «как посредника между дискурсом и обществом, так как процессы производства и понимания текста зависят от имеющихся в сознании реципиента информации когнитивных моделей и рамок, которые связаны с социальными стереотипами и предрассудками» [Wodak, 2006]. Иными словами, когнитивная лингвистика становится для теории дискурса своего рода «отсутствующим звеном», которое соединяет дискурсивные и общественные практики.

Стоит отметить, что Т. ван Дейк, один из основоположников теории дискурса и дискурс-анализа, в своих исследованиях также затрагивает когнитивную парадигму дискурса. Исследователь разрабатывает теорию контекстуальных моделей, которые рассматриваются им одновременно в социолингвистическом и когнитивном ключе. По мнению Т. ван Дейка, «контекстуальные модели (КМ) это – недостающее звено между дискурсом, коммуникативной ситуацией и общественными процессами» [ван Дейк, 2000: 39].

Т. ван Дейк рассматривает концептуальный контекст с точки зрения субъективности, полагая его конструктом, характерным для когнитивной системы каждого индивида. Как указывает Э.В. Будаев, «основным выводом из подобного восприятия контекста является идея о том, что любые социальные ситуации могут находить отражение в дискурсе только после их субъективного когнитивного осмысления участниками дискурсивного процесса» [Будаев, 2011: 128].

Контекстуальные модели по мысли Т. ван Дейка – это такие ментальные модели, которые могут отражать релевантные свойства коммуникативного окружения в эпизодической памяти, и через это отражение именно субъективный контекст контролирует производство и понимание дискурса. «При этом контекст культурно-специфичен, так как контекстуальные модели содержат набор общих для определенной культуры категорий и универсальных данных, без которых участники коммуникации не смогли бы в доли секунд понимать сложные социальные ситуации» [Будаев, 2011: 129].

Как указывает ван Дейк, «теория дискурса не может обойтись без когнитивных компонентов, а именно общих знаний, идеологий, норм, ценностей, а также уникальных ментальных моделей отдельных людей. Недостаточное внимание к когнитивной проблематике заметно тормозит развитие дискурс-анализа» [Dijk Van, 2008].

К. Харт и Д. Лукеш также представили таксономическую классификацию всех возможностей совмещения подходов когнитивной лингвистики и критического дискурс анализа [Hart, Lukes, 2007]. Авторы, опираясь на классификацию ментальных конструкторов Р. Крофта и В. Круза [Berbeira Gardón, 2006], применили возможности их реализации в разных дискурсивных стратегиях. Под дискурсивными стратегиями авторами понимаются «намеренные языковые практики, реализация которых приводит к достижению определенного когнитивного, эмотивного или социального эффекта». Предложено было 4 основных когнитивных измерения: гештальт, сравнение, привлечение внимания и перспективизация, и под реализацией этих измерений понимается «конституирование у реципиента речевого сообщения определенного концепта о ситуации или событии» [Hart, Lukes, 2007].

К. Харт и Д. Лукеш предложили нижеследующую взаимосвязь между дискурсивными стратегиями и ментальными конструкторами.

System		Gestalt	Comparison	Attention	Perspective
Strategy					
Structural Configuration	Construal operations	Schematization			
			Categorization		
		Metaphor			
Framing				Profiling	
				Scanning	
				Scalar adjustment	
Identification					Deixis
					Modality
Positioning					

Рисунок 10 – Ментальные конструкции и дискурсивные стратегии (К. Харт, Д. Лукеш)

В строках вы видите выделенные авторами дискурсивные стратегии, а в столбцах – ментальные операции. Например, при фрейминге, основанном на сравнении, происходит категоризация и метафоризация.

Так, в условиях междисциплинарности современного научного знания и с учетом актуальности сочленения когнитивной парадигмы лингвистического знания с теорией дискурса нам кажется важным рассмотреть имеющиеся исследования в области функционального потенциала метафоры в рамках дискурса.

1.3.2 Онтологический уровень дискурсивного направления исследований метафоры

Анализ метафор и метафорических моделей в рамках анализа дискурса является одной из точек соприкосновения дискурсивных исследований и когнитивной лингвистики. Следует отметить, что пересечение двух областей, когнитивной метафорологии и дискурс-анализа, породило разнонаправленные исследования. Часть из них отталкивается от исследования метафор в дискурсе, то есть изучаются метафорические модели в рамках дискурса [Баранов, 2014; Будаев, Чудинов, 2006; Flusberg, J.S., Matlock, T., Thibodeau, 2018; Kryshaleva, 2019; Landtsheer De, 2009] и, тем самым, метафоричность становится одной из

характеристик дискурса. Другие исследования опираются на дискурс при анализе сущности метафорического переноса [Воеунаемс и др., 2017a; Gong, Ahrens, 2007; Kövecses, 2018; Xu, Zhang, Wu, 2016], при этом дискурсивность становится характеристикой метафоры.

Безусловно, эти два направления взаимосвязаны и дополняют друг друга, тем не менее, как мы указывали ранее, «они имеют базисные онтологические отличия на уровне «предмет и цель»: в первом случае мы используем исследование метафоры как средство, во втором – как цель. Так, одно направление становится исследованием метафоричности дискурса, а второе – дискурсивности метафоры» [Калинин, 2020g: 54].

Исследование метафоричности дискурса базируется прежде всего на анализе не отдельных метафор, а метафорических моделей или даже системы метафорических моделей. В то же время исследование дискурсивности метафоры часто сконцентрировано на одном метафорическом переносе и его свойствах в рамках определённого дискурса.

Основы дискурсивного понимания метафоры, то есть дискурсивности метафоры, были разработаны немецкими лингвистами Й. Вальтером, Й. Хелмигом, Р. Хюльссе [Hülse, 2003; Walter, Helmig, 2005]. Основная идея их исследований состоит в том, что метафора не столько индивидуально-когнитивна, сколько социально-когнитивна, то есть способность к метафоризации является одной из характеристик языковой общности в целом, а не соотносится ментальной деятельностью конкретного индивида как носителя культуры. Метафора в данной концепции воспринимается «как отражение общих для определённой группы людей имплицитных категоризационных структур, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности»» [Будаев, 2011].

Вышеописанные идеи методологически объединяются в направление исследований, которое можно именовать как дискурсивное понимание метафоры (the discursive notion of metaphor). Основным постулатом этого направления исследований является идея о том, что дискурс порождает

метафоры. Й. Вальтер и И. Хелмиг указывают на необходимость пересмотра взгляда на метафору и призывают обращать внимание на то, как говорят в социальном контексте, тем самым подчеркивая важную роль метафоры в дискурсе [Carver, 2008].

Свое определение дискурсивной метафоры дает Й. Цинкен: «относительно стабильная метафорическая проекция, которая функционирует как ключевой фрейм внутри определенного дискурса на протяжении некоторого времени» [Zinken, Hellsten, Nerlich, 2008].

Анализируя данное определение, мы отмечаем содержащиеся в нем основные характеристики дискурсивной метафоры: «протяженность, стабильность, фреймовый характер и принадлежность к определенному дискурсу. Только при наличии всех особенностей метафору можно назвать дискурсивной, также именно эти особенности свидетельствуют о метафорической модели внутри дискурса» [Калинин, 2020f: 214].

Под протяженностью понимается периодическое повторение метафоры в разных дискурсивных реализациях на протяжении определенного времени. Будучи повторенной из текста в текст на протяжении некоторого времени в определенном дискурсе, концептуальная проекция в виде разных языковых метафор как бы закрепляется за определенным дискурсом и становится его лингвистической особенностью. Многократное повторение способствует фиксации новых метафорических проекций или концептуальной активизации и уточнения уже устоявшихся метафор.

Стабильность метафоры в дискурсе – это повторение метафорической проекции на протяжении некоторого времени в дискурсе в форме разных метафорических импликаций, которые могут отличаться друг от друга по семантике и внутренней форме, но при этом отражать одну главную концептуальную проекцию. В качестве наглядного примера можно привести использованные для метафорической репрезентации коронавируса модели: ВИРУС это ВРАГ порождает проекции БОРЬБА С ВИРУСОМ – это ВОЙНА, КИТАЙ – это ПОЛЕ БОЯ и так далее [Калинин, 2020a].

«Дискурсивная принадлежность» - это своего рода «закрепленность метафорического переноса за определенными экстралингвистическими факторами и прагматическими установками» [Калинин, 2020f: 214]. Например, метафора ЕС – это ОБЩИЙ ДОМ доминантна для политического дискурса европейских стран [Drulak, 2004].

Согласно определению Н. Н. Болдырева, фрейм – это «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [Болдырев, 2014: 36]. То есть фреймовый характер метафоры предполагает, что «метафорическая проекция, будучи «погруженной в жизнь» вместе с текстом, становится не просто отражением переноса двух концептуальных областей, она либо становится частью системы, или, по Н. Н. Болдыреву, «пакета» таких переносов, или сама закладывает такую систему концептуальных метафорических переносов» [Калинин, 2020f: 215].

Так, метафора как форма реализации социальной ментальности может формировать внутреннее концептуальное содержание того или иного дискурса. При этом одна или несколько связанных общей концептуальной моделью языковых метафор, будучи многократно повторенными в дискурсе, становятся как бы дискурсообразующими, так как все концептуальное содержание дискурса как бы переносится в семантическое поле одной концептуальной метафорической проекции и становится подчиненным этому концептуальному переносу.

Как пишет А. Музолфф, «метафора в дискурсе имеет два основных эффекта: она активизирует нейрофизиологические метафорические структуры в нашем сознании, и это, в свою очередь, создает своего рода фильтр для понимания целевых концептов посредством одновременного скрывания одних аспектов нового знания и подчеркивания других» [Musolff, 2019].

Например, мы описывали медиадискурс китайских СМИ начала 2020 года и подчеркивали, что он «был всецело посвящен метафорической проекции БОРЬБА С ВИРУСОМ – это ВОЙНА и вытекающими из нее импликациями, о которых

писали выше. При этом мы могли наблюдать в реальном времени, как под воздействием экстралингвистических факторов, таких как количество заболевших, смертность, число выздоровевших, метафора эволюционировала и меняла свое внутреннее содержание. Сначала «борьба с вирусом» была «обороной, защитой», потом стали возникать проекции, связанные с «контрнаступлением, ответным ударом», далее тексты новостных сообщений перешли к «атаке, наступлению» на вирус. При всех отличиях, все эти импликации относились к одной дискурсообразующей проекции БОРЬБА С ВИРУСОМ – это ВОЙНА» [Калинин, 2020а: 27].

В то же время стоит отметить, что, безусловно, в дискурсе могут быть использованы концептуальные метафоры, конвенциональные или авторские, однако, которые, не будучи повторенными на протяжении некоторого периода времени, не могут считаться дискурсивными по природе. Концептуальная метафора в языке отражает имеющееся знание, например, классический пример, ЖИЗНЬ – это ПУТЕШЕСТВИЕ. Анализируя эту проекцию, исследователь может найти внутрикультурные или межкультурные вариации, что позволяет сделать выводы о разнице в процессах концептуализации элементов окружающей действительности среди отдельных социальных или национально-культурных групп.

Как мы указывали выше, второе важное направление исследований нацелено на изучение метафоричности дискурса. Мы более подробно опишем конкретные подходы и приемы исследования в следующем параграфе. В этой области разработаны количественные методы исследования, а анализ метафор признается, например, важным аспектом изучения социально-политических кризисов [Landtsheer De, 1994; Landtsheer De, 2007; Landtsheer De, 2009]. Также посредством изучения систем метафорических моделей исследуется идеология эпохи [Baranov, Zinken, 2003] или репрезентация тех или иных общественных институтов [Калинин, 2018b].

Довольно популярными в этом плане являются сопоставительные исследования разных метафор в дискурсах на разных языках. При проведении

подобных сравнительных исследований авторы стремятся к анализу социальных и политических процессов, используя описание систем метафорических моделей в качестве основного инструмента и материала исследования. Так, П. Друлак, который анализирует закономерности метафорической репрезентации концепта «европейский дом» на материале публикации СМИ и в выступлениях политиков из 28 стран, утверждает, что «международные отношения и структура международного устройства может изучаться посредством анализа метафор» [Drulak, 2004].

Таким образом, взаимосвязь метафоры и дискурса предоставляет широкие возможности для разных исследований, которые в целом можно разделить на два больших направления: исследование метафоричности дискурса, где предметом исследования становится определенный дискурс, а функционирование метафор в дискурсе рассматривается как его характеристика, и исследование дискурсивности метафоры, где функционирование метафоры в дискурсе рассматривается как коммуникативный аспект метафорического переноса. Оба этих направления отличаются как шириной предмета изучения, так и возможностью использовать разные методы исследования.

Э. В. Будаев предложил оригинальную классификацию методологии исследования метафоры в рамках дискурсивного подхода. Автор рассматривает методы исследования метафоры «с точки зрения аксиологического уровня, разделяя их на критические и дескриптивные исследования, и с точки зрения гносеолого-квантитативного уровня, выделяя качественный, квантитативный анализы и отбор источников по релевантности» [Будаев, 2011]. Мы использовали предложенную Э. В. Будаевым классификацию и далее более подробно рассмотрим указанные автором направления.

1.3.3 Аксиологический уровень дискурсивного направления метафорологии: критические и дескриптивные исследования

Критический дискурс-анализ (CDA) лег в основу критических

исследований метафоры, то есть это направление методологически связано с идеями Р. Водак, М. Мейера, Н. Фейрклава и других исследователей [Dijk van, 1993; Fairclough, 2013; Simpson, Mayr, Statham, 2018a; Wodak, 2011; Wodak, Meyer, 2009].

Критический подход направлен на анализ проблем общества, например, социального неравенства или отношения власти и граждан, особенностей формирования идеологии, которые проявляются в дискурсе. «Основной задачей критического исследования метафоры становится интерпретация метафорических моделей и анализ их использования применительно к экстралингвистическим факторам. В рамках критического анализа на первый план выходит не формирование и восприятие метафорических моделей, а то воздействие, которые могут оказать метафоры на коллективное сознание» [Калинин, 2020g: 55].

Как указывает Э. В. Будаев, «несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа метафорики, это направление нельзя считать самостоятельной методологией» [Будаев, 2011: 106]. По мнению автора, «критический дискурс-анализ – это набор общих принципов, применяемых преимущественно в аксиологическом и этическом измерении исследований, в то время как методологической базой исследований обычно становятся иные подходы» [Будаев, 2011: 106].

Теория критического анализа метафоры (Critical Metaphor Analysis Theory), разработанная Дж. Чартерис-Блэком представляет собой совмещение критического дискурс-анализа, теории концептуальной метафоры и методов исследования корпусов текстов. [Charteris-Black, 2004a]. «В подходе автора происходит поворот к прагматической роли метафоры как инструмента воздействия и формирования общественного сознания, например политического и религиозного» [Калинин, 2020h: 214]. При этом автор совершает обратный поворот к метафоре, рассматривая ее как средство «когнитивной риторики», то есть как инструмент образности, но при этом отражающий концептуальные основы. Дж. Чартерис-Блэк настаивает на

построении трехуровневой системы функционирования метафоры в дискурсе, а именно предлагает рассматривать метафору на индивидуальном, текстовом и социальном уровнях. «Так можно проследить, каким образом конкретный метафорический перенос через дискурс переходит из концептуальной системы индивида к концептуальной системе языкового сообщества» [Charteris-Black, 2004a].

Практическое исследование политического, медиа- и религиозного дискурсов посредством методики Дж. Чартериса-Блэка на основе количественного исследования корпуса текстов показало, что метафора есть мощный инструмент критического анализа текстов [Charteris-Black, 2004a; Charteris-Black, 2016]. В работе Дж. Чартерис-Блэка мы видим, что критический анализ представляет собой только ценностную ориентацию исследования, тогда как практическая методологическая база опирается на корпусный анализ.

Методика исследования Дж. Чартериса-Блэка нашла свою практическую реализацию в форме специального метода исследования – критического анализа метафоры (Critical Metaphor Analysis). В этом подходе интегрированы критический дискурс-анализ, достижения корпусной лингвистики, основы прагматики и когнитивной лингвистики.

Ранее мы указывали, что «критический анализ метафоры направлен на выявление имплицитных интенций автора, скрытых за системами метафорических проекций в дискурсе» [Калинин, 2020g: 55]. Эта методология показала себя очень удобной для проведения практических исследований разных дискурсов на разных языках. Например, Ли анализирует публичные выступления официальных лиц Сингапура на тему реформы образовательной системы и рассматривает метафорические модели как доказательство «авторитарного характера» проводимой в этой области политики [Lee, 2015]. Лингвисты из Нигерии Агбо, Кадири и др. используют данную методологию для анализа скрытых манипулятивных стратегий в текстах публичных выступлений нигерийских политиков с 1980 по 2018 года [Agbo, Kadiri, Ijem, 2018]. А. Мубарак рассматривает юмористические метафоры в американском

политическом дискурсе, демонстрируя имплицитно выраженные расовые и социальные противоречия американского общества [Mubarak, 2018]. Также исследуется соотношение имплицитной и эксплицитной информации в текстах публичных выступлений политиков [Калинин, Мавлеев, 2019a].

В коллективной монографии [Cognitive Linguistics in Critical Discourse Studies: Application and Theory, 2007] представлено сразу несколько возможных подходов к совмещению критического дискурс-анализа и методов когнитивной лингвистики. Например, А. Музолфф рассматривает диахронический аспект метафоричности дискурса, описывая, как менялись метафорические модели в политическом дискурсе ЕС в течение времени [Musolff, 2007]. К. де Ландтсхеер провела исследования публичных выступлений лидера Европейской арабской лиги на предмет выявления кризисной риторики через количественный подсчет метафорических моделей [Landtsheer De, 2007]. Э. Джонсон проводит критический анализ использования метафор в дискурсе массмедиа, доказывая что системы метафорических моделей что во многом формируют общественное мнение [Johnson, 2007]. К. Харт изучает языковую репрезентацию деятельности Британской национальной партии посредством критического анализа ментальных пространств, используя методологию, разработанную в рамках теории концептуальной интеграции [Hart, 2007].

В свете критического подхода к изучению метафоры также необходимо отдельно рассмотреть взгляды А. Музолффа относительно вклада исследований в области когнитивной метафорологии в разработку критического дискурс анализа. Автор указывает, что «критический подход продемонстрировал важную прагматическую функцию метафоры в рамках дискурса, подчеркивая, что анализ метафор позволяет пролить свет на конкретные дискурсивные практики и межкультурную вариацию дискурса. Все это демонстрирует, что теоретические основы теории концептуальных метафор несколько устарели и требуют дополнений относительно применения метафор в дискурсе» [Musolff, 2012].

А. Музолфф пишет о дискурсивной важности метафоры, что отвергалось в классической теории. Эта важность предопределяет и подход к главному постулату теории Дж. Лакоффа о том, что «большая часть нашей когнитивной системы метафорична по своей природе». Автор для доказательства своих взглядов прибегает к теории релевантности [Carston, Wearing, 2011; Gibbs, Tendahl, 2006] и указывает на то, что метафоричность в дискурсе базируется на «свободных интерпретациях» (loose interpretations), которые предшествуют концептуализации. Иными словами, когнитивная метафора в дискурсе сначала анализируется буквально, и только потом концептуально. По мнению автора, «прагматический подход, основанный на критическом анализе имеет преимущество, так как является более психологически правдоподобным и, кроме того, соответствует принципу экономии языковых средств, так как не требует сложных и громоздких концептуальных структур» [Musolff, 2012: 306].

Резюмируя все вышесказанное относительно интеграции критического дискурса анализа с теорией метафоры, мы должны отметить, что хотя критический подход к дискурсу позволил изменить направление исследований в области метафорологии, перенаправив их в более практическую область. Подобное интегративное объединение подходов породило метод критического анализа метафоры [Charteris-Black, 2004a], который показал свою валидность в эмпирических исследованиях и заложил основу для новой методологии исследований. Кроме того, огромное количество практических исследований в этой области поставило новые теоретические вопросы перед теорией метафоры [Gibbs, Tendahl, Okonski, 2011; Musolff, 2012], еще раз показав, что изучение концептуальных метафор в отрыве от коммуникативного контекста и прагматической составляющей невозможно. Стоит отметить, что и в настоящее время критический подход к метафоре является действенным методом эмпирических исследований [Đurović, Silaški, 2018; Kodak, Awino, 2019; Liu, 2019; Otieno, 2019; Seo, 2019; Silaški, Đurović, 2019].

Обычно дескриптивный подход противопоставляется критическому. Как указывает Э. В. Будаев, «при дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки» [Будаев, 2011: 151]. Сторонники дескриптивного подхода объясняют отсутствие анализа идеологической составляющей метафоры необходимостью научной объективности, а критический подход при этом не позволяет анализу быть объективным априори, так как базируется на субъективной интерпретации метафорических проекций в дискурсе.

В этой связи дескриптивные исследования метафоры в рамках того или иного дискурса сосредоточены на описании метафорических моделей, систем метафорических проекций. «При этом интерпретация этих моделей как бы остается за скобками, дескриптивный подход в чистом виде предполагает только описание и анализ лингвистических особенностей метафорических проекций» [Калинин, 2020g: 55]. Иными словами, в исследованиях такого типа исследователь выявляет модель ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ и ее импликации и вариации, быть может, сравнивает метафорические проекции в разных культурах, но не стремится к интерпретации этой модели применительно к социальным и тем более идеологическим основам.

Так, А. Н. Баранов разработал дескрипторную теорию метафоры, которая стала одной из возможных методологий исследований метафорических моделей дискурса. Сам автор определяет свою теорию как своего рода ответвление от теории когнитивной метафоры, которое призвано стать удобным инструментом исследования конкретного дискурса: «Последняя представляет собой попытку формализации когнитивной теории метафоры для формализованного описания большого корпуса контекстов использования метафор, то есть для исследования метафорики дискурса в целом» [Баранов, 2014: 14].

Согласно теории А. Н. Баранова, процесс метафоризации – это процесс отображения элементов области отправления в области прибытия. В

терминологии А. Н. Баранова «под областью отправления понимается сфера-источник (source domain), а под областью прибытия – сфера-цель (target domain). На языковом уровне метафора представлена в виде набора лексических единиц, репрезентирующих когнитивные элементы областей источника и цели, а именно кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов» [Баранов, 2014:14].

Область источника представляет собой языковую совокупность усвоенных знаний, то есть «множеством сигнификативных дескрипторов, то есть слов и словосочетаний, отражающих опыт взаимодействия с окружающей действительностью» [Баранов, 2014:14]. Денотативные соотносятся с областью цели, а именно «представляют собой набор слов и словосочетаний, описывающих ту сферу, к которой происходит приложение сигнификативных дескрипторов в процессе метафоризации» [Баранов, 2014:14].

Отображение определенной структуры знаний происходит «посредством лексикализации одного из множества сигнификативных дескрипторов через денотативный дескриптор, который в результате целенаправленного познавательного акта выбран для идентификации некоторого элемента окружающей нас действительности» [Баранов, 2014: 15].

Попробуем схематично представить процесс образования метафоры согласно дескрипторной теории.

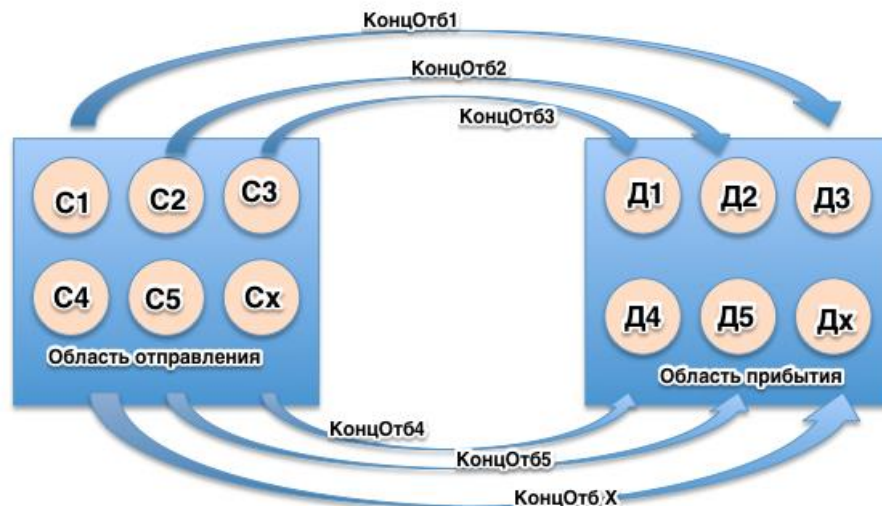

Рисунок 11 –. Метафоризация согласно дескрипторной теории метафоры
(А. Н. Баранов)

Сама схема метафоризации, согласно дескрипторной теории А. Н. Баранова, не является фундаментально новой относительно известной теории концептуальной метафоры. Мы видим, что сигнификативные дескрипторы области отправления (С1, С2 ... Сх) посредством концептуального отбора (Конц Отб) лексикализируются через денотативные дескрипторы области прибытия (Д1, Д2 ... Дх). Отличие от модели Лакоффа и Джонсона состоит в том, что области источника и цели представлены не ментальным конструктом, единицей концептуального знания, а комплексом или множеством дескрипторов.

Однако более значимым для данной теории является возможность анализа систем сигнификативных и денотативных дескрипторов. А. Н. Баранов заявляет о возможности «абстрактизации подмножества сигнификативных и денотативных дескрипторов, что позволяет упорядочивать множества сигнификативных и денотативных дескрипторов и обрабатывать их при помощи методов компьютерной лингвистики с использованием корпусов текстов» [Баранов, 2014: 15]. Тем самым открываются большие возможности для анализа метафоричности дискурса в целом.

Важную роль в дескрипторной теории метафоры играют так называемые М-модели, которые представляют собой множества сигнификативных дескрипторов, объединенных общей темой. При этом, по мнению автора, «каждая М-модель может быть иерархически описана деревьями сигнификативных дескрипторов» [Баранов, 2014: 15]. Автор говорит о возможности количественного подсчета и систематизации различных М-моделей для каждого дискурса каждого языка.

В качестве обоснования для введения в научный оборот нового понятия, А. Н. Баранов раскрывает отличительные особенности предложенных М-моделей:

- 1) «в более всеобъемлющем характере М-модели (последняя может включать в себя несколько схем образов);
- 2) в наглядной структурной организации элементов (элементы М-модели иерархично расположены в виде семантического дерева);
- 3) во взаимосвязи различных М-моделей между собой (благодаря наличию парадигматических связей между дескрипторами, которые, в свою очередь, могут входить в несколько моделей);
- 4) в более «языковой» природе М-модели (репрезентациями модели являются дескрипторы – слова и словосочетания)» [Баранов, 2014: 17].

Важно отметить, что в теории А. Н. Баранова М-модель – есть языковая модель, наделенная большой степенью абстрактности, в то время как в теории концептуальной метафоры метафорические модели являются результатом конкретной речевой проекции, то есть речевыми моделями.

Дескрипторная теория предлагает методологию количественной оценки метафоричности, или по определению автора, «метафорической нагруженности» того или иного дискурса. Ключевым достоинством предложенной А.Н. Барановым методики является тот факт, что «вычленяя различные М-модели и входящие в них деревья сигнификативных дескрипторов, исследователь может посчитать, сколько денотатов в данном дискурсе соответствует тому или иному дескриптору, тем самым мы можем

делать вывод о конкретных метафорических особенностях осмысления действительности и дискурсивной практики» [Калинин, 2020g: 56]. Так, в своих практических исследованиях А.Н. Баранов использует М-модели в качестве инструмента «мониторинга общественного сознания по данным политического дискурса».

Таким образом, дескрипторная теория метафоры – это своего рода переработка теории концептуальной метафоры в более практическую плоскость. Рассмотрение сферы-источника и сферы-цели как областей источника и цели, представляющих собой множества дескрипторов (словозначений), является более удобным для количественного подсчета метафорических моделей, а предложенная автором система построения иерархии М-моделей является действенным механизмом анализа метафоричности дискурса.

Дескрипторная теория метафоры А. Н. Баранова легла в основу множества исследований, проводимых российскими учеными. Совмещение эмпирических методов корпусной лингвистики и теоретических основ когнитивного понимания метафоры послужило толчком для изучения метафорических моделей в СМИ разных стран. Так, Р. И. Зарипов и Т. Г. Попова активно исследуют метафорический образ России во французских массмедиа, всецело опираясь на методологию анализа М-моделей [Зарипов, 2015a; Зарипов, 2015b; Зарипов, 2017; Попова, Зарипов, 2017]. А. В. Карташова анализирует сигнификативные и денотативные дескрипторы концептуальной области «альтернативная энергетика» с целью выявления особенностей процесса метафоризации научных текстов [Карташова, 2013]. Во многом с опорой на дескрипторную теорию выполнено исследование метафорического образа К. Собчак как кандидата на пост Президента России [Кондратьева, 2019]. Е. А. Нечаева изучила текст политических лозунгов на предмет выявления особенностей речевого воздействия [Нечаева, 2017]. Дескрипторная теория легла в основу изучения образа ЕС в российском медиадискурсе [Мелизова, 2019]. Во многом на сходную методологию опирается и ряд зарубежных

исследований, например, В. Фланик описывает метафорические модели концепции национальной обороны США [Flanik, 2019], а Б. Бок сравнивает метафорические модели времени в русском и немецком политической дискурсах [Bock, Manerova, 2019].

Дескриптивный подход помимо описания систем метафорических моделей ориентирован на дальнейшее углубление понимания сути метафоры, исследователи опираются на описание метафорических переносов с учетом разных референций. Очень часто подобные исследования нацелены на выявление разного рода метафорических вариаций, внутрикультурных и межкультурных. Вопрос вариации метафорических моделей не касается вычленения важного с точки зрения критического анализа идеологического разнообразия.

Большинство исследований выполнены в описательном ключе, разница в метафорических проекциях демонстрирует разнообразие культур. З. Ковечеш дал детальное описание внутрикультурных и межкультурных вариаций метафор. Автор убежден, что «метафора отличается одновременно универсальностью и вариативностью, при этом универсальность метафоры соотносится с когнитивным уровнем, а вариативность метафоры происходит исключительно в дискурсе и связана с культурой» [Kövecses, 2005]. Дескриптивные лингвокультурологические методы исследования, заложенные З. Ковечешем, также получили широкое распространение, так как позволяют, оттолкнувшись от описания метафорических моделей, перейти к описанию моделей культурных.

Приведем в качестве примера исследование А. Музолффа, технология которого базировалась на опросе респондентов из 10 разных стран, относящихся, соответственно, к разным культурам [Musolff, 2016]. Респондентам должны были объяснить метафорическое выражение *body politic* применительно к своей языковой культуре. Полученные результаты продемонстрировали, что вариативность в интерпретации метафор довольно велика. Автор указывает, что «многие из респондентов, обращая особое

внимание на исходную концептуальную проекцию, развивали вариации метафоры на основе своего культурно-исторического опыта с целью усиления прагматического эффекта. Так, например, носители китайской культуры преимущественно использовали географию страны в качестве сферы-источника, в то время как представители Европы обращали внимание на государственное устройство, а американцы в качестве сферы-источника использовали разный национальный состав американского народа». [Musolff, 2016: 212].

Многие исследователи традиционно обращались к проблеме внутрикультурной варитивности метафор, предлагая разнообразные методологии и исследовательский материал. Я. Ковар анализирует предвыборные манифесты чешских политических партий, выпущенные для выборов в Европейский парламент 2004, 2009 и 2014 годов [Kovar, 2019]. Дж.Литтлмор (2019) фокусируется на воплощенной телесной метафоре и исследует источники ее вариаций, включая, например, форму тела, возраст, пол, душевное состояние, физические нарушения, личность, идеологию, политическую позицию, религиозную принадлежность и убеждения. Он изучает разнообразные вариации метафорического опыта людей, который может меняться во времени, как в рамках одного коммуникативного события так и на протяжении всей жизни.

В современном российском языкознании активно разрабатывается когнитивно-дискурсивный подход к анализу метафор [Баранов, 2014; Будаев, Чудинов, 2006; Кубрякова, 2004]. Эта концепция во многом представляет собой дескриптивную парадигму исследований, так как нацелена больше на описание лингвистических и дискурсивных особенностей метафоры, чем на анализ общественных и идеологических процессов посредством анализа метафоричности.

Когнитивно-дискурсивный подход состоит в том, что метафора рассматривается как средство концептуализации окружающего мира, что свойственно когнитивному подходу, при этом исследуемые метафорические

модели признаются неотъемлемой частью живой коммуникации в рамках того или иного дискурса.

В основе когнитивно-дискурсивного подхода лежит тезис о невозможности чёткого разграничения когнитивного и дискурсивного направлений в изучении метафоры. «Одностороннее рассмотрение метафоры (только когнитивное или только дискурсивное) препятствует её адекватному описанию, не позволяет увидеть в ней одновременно и ментальный, и лингвосоциальный феномен» [Будаев, Чудинов, 2006: 62].

При когнитивно-дискурсивном подходе метафора описывается одновременно и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен, так как, по мнению исследователей, только когнитивная или только дискурсивная трактовка метафоры препятствует ее адекватному описанию: «Усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова, 2004: 520].

Стоит отметить, что большая часть исследований метафоры в современном российском языкознании базируется именно на этом подходе, так как одновременное признание метафоры и когнитивным, и дискурсивным явлением открывает широкие возможности как для анализа собственно дискурса, так и для анализа свойств метафоры.

Множество исследований в области практической лингвистики направлены на выявление метафорических моделей в разных типах дискурса и базируется именно на когнитивно-дискурсивном подходе с уклоном на дескриптивность. Так, мы можем без труда найти исследования религиозного [Литвиненко, 2015; Brdar-Szabo, Brdar, 2003], политического [Зарипов, 2014], экономического [Hu, Xu, 2017], военно-политического [Калинин, 2018b] и даже парфюмерного [Остапова, Островская, Миронова, 2016] дискурсов.

В исследованиях Б. Н. Жантуриной анализируется признаковая семантика свойств с перцептивным компонентом, а также имена прилагательные в русском и английском языках, в значении которых выражена

языковая интерпретация способов восприятия, наблюдаемости в том числе. На материале перцептивных и экспериенциальных компонентов значения рассматривается метафоризация прототипического перцептивного значения в зонах перцептивов зрения, звука, цвета и вкуса, устанавливающая системность производных значений при прототипической полисемии [Жантурина, 2010; Жантурина, 2016].

Весьма примечательный количественный анализ соотношения исследований метафоры в критическом и дескриптивном ключе был проведен Э. В. Будаевым и А. П. Чудиновым в монографии «Метафора в политическом интердискурсе» [Будаев, Чудинов, 2006]. Авторы составили своего рода корпус практических исследований в области политической метафорики и количественно распределили их согласно подходам (риторический и когнитивный), типам анализа (критический и дескриптивный) и происхождению авторов исследований (Россия, Европа, Северная Америка), что, по словам авторов, отражает определенный глобальный вектор исследований. Интересно, что, несмотря на безусловные трудности, которые могут сопутствовать сбору подобного рода корпуса исследований, на момент выхода публикации дескриптивные исследования доминировали во всех исследованиях по всему миру: в России – 100%, в Европе – 85%, в Северной Америке – 75% [Будаев, Чудинов, 2006: 77]. На наш взгляд, к настоящему моменту ситуация несколько поменялась, и критических исследований метафоры стало больше, чем в 2006 году, однако мы не ставим целью опровергать приведенные в монографии данные.

Выводы:

Таким образом, исследования метафоры на современном этапе тесно связаны с теорией и методологией изучения дискурса. Будучи рассмотренной под углом «дискурсивности», метафора не перестает быть одним из способов категоризации и абстрактного описания окружающего мира. Наоборот, дискурсивная реализация когнитивной метафоры в виде каскада различных

языковых метафор становится ценным материалом для установления связей между различными экстралингвистическими факторами и когнитивными процессами, происходящими в сознании массового адресата, является своего рода «мостиком» между прагматикой, теорией дискурса и когнитивными исследованиями.

В этой области применяется широкий спектр методологических подходов, в частности, широко используются критический анализ и дескриптивное описание метафорических моделей в рамках определенного дискурса. Оба подхода становятся методологической основой для количественных и качественных исследований.

1.3.4 Гносеолого-квантитативный уровень дискурсивного направления метафорологии: количественные и качественные методы исследования

Мы также можем классифицировать исследования в рамках дискурсивного подхода к метафоре с точки зрения формы их познания и конкретных методических подходов к изучению в дискурсе. Этот уровень классификации, вслед за Э. В. Будаевым можно назвать гносеолого-квантитативным, где выделяются два ключевых направления: количественный и качественный анализ [Будаев, 2011].

Как отмечает Э.В.Будаев, «гносеолого-квантитативный уровень не противоречит аксиологическому (критический и дескриптивный анализ), то есть исследование метафоричности дискурса и дискурсивности метафоры может быть одновременно дескриптивным и количественным или, например, критическим и качественным» [Будаев, 2011: 86].

Количественный анализ во многом соотносится с корпусными исследованиями, хотя и не тождественен ему. В их основе количественных исследований в любом случае лежит контент-анализ, который бывает двух видов: количественный или качественный [Neuendorf, 2017]. Как отмечал В. А. Ядов, «контент-анализ – это перевод в количественные показатели

массовой текстовой информации с последующей статистической ее обработкой» [Ядов, 1995: 117].

Количественный контент-анализ, подразумевающий статистический подход к языковым явлениям, состоит в выявлении в тексте определенных ключевых слов и их последующий подсчет, что и является основанием для некоторых выводов теоретического или практического порядка. В своей работе мы отмечаем отличия между качественным и количественным подходами: «Качественный контент-анализ базируется на интегральном сборе данных посредством контекстуального проникновения в смысл исследуемого текстового массива. Применительно к исследованиям метафоры количественный анализ предполагает анализ объемного корпуса текстов с целью выявления числовых статистических закономерностей употребления метафор в дискурсе» [Калинин, 2020g: 55].

Довольно популярным направлением в этой области являются корпусные исследования метафоры, которые соединяют в себе особенности и подходы количественного и качественного контент-анализа. Ранее мы разделили эти исследования на три типа:

1. «Составление собственного корпуса текстов какого-либо дискурса с целью количественного и качественного анализа метафорических моделей;
2. Анализ существующего корпуса текстов (национального или специального) с целью выявления метафорических моделей;
3. Составление корпуса метафор» [Калинин, 2020g: 56]

Одним из первых исследования метафор с применением собственного корпуса текстов проводил Дж. Чартерис-Блэк, который на основании собранного корпуса публичных выступлений политиков сравнил метафоры со сферой-целью «политика и социальное развитие» по сферам-источникам, выявив серьезные межкультурные отличия. Например, «в британском корпусе много метафор опирается на сферы-источники, связанные с растениями и природным миром, а в американском довольно частотны были сферы-источники ОГОНЬ, СВЕТ, ТЕПЛО» [Charteris-Black, 2004b].

Методика Дж. Чартерис-Блэка была в дальнейшем усовершенствована в соответствии с развитием компьютерных технологий. В другой своей работе автор анализирует дело Э. Сноудена на базе корпуса британских СМИ [Branum, Charteris-Black, 2015]. В исследовании, помимо прочего, также демонстрируется разница в метафоризации событий шпионского скандала с позиций политических отличий двух стран.

Метафорические проекция в медиатекстах, отражающие ту или иную социально значимую проблему, также часто подвергаются анализу с использованием корпусного подхода. Например, с этих позиций был проведен анализ метафорической репрезентации вируса Эбола в британских СМИ [Trčková, 2015]. Нами ранее было проведено похожее корпусное исследование, где на основании контент-анализа, совмещающего особенности как качественного, так и количественного анализа, были проанализированы метафорические модели вируса на примере репрезентации лихорадки Эбола и коронавируса в китайских СМИ [Kalinin, 2020], также мы сравнили метафорическую репрезентацию вируса в китайских и корейских СМИ [Калинин, Мавлеева, 2020], а также в СМИ РФ [Kalinin, 2021].

К этому типу исследований относятся также изучение метафор художественного произведения, где весь литературный текст становится как бы корпусом текстов, а его анализ осуществляется с использованием специальных программ-конкордансов, например AntConc [Anthony, 2013].

Так, К. Паттерсон изучила метафорические модели в американской литературе 19 века [Patterson, 2018]. Автор анализирует список ключевых слов, их сочетаемость и на основе большого количества данных анализирует метафорические сочетания. Китайские лингвисты также использовали именно такой методологический подход при изучении концептуальных метафорических моделей в произведении П. С. Бака «Участь женщины» [Zhao, Han, Zhao, 2019].

Вторым типом корпусных исследований являются исследования на базе уже существующих корпусов национальных языков или специальных корпусов.

К национальным корпусам можно отнести, например, Национальный корпус русского языка, British National Corpus, The Modern Chinese Language Corpus, Open American National Corpus, а к специальным корпусам – корпус медиатекстов, корпус политических текстов, поэтический корпус и так далее.

Основным методом исследования уже существующих корпусов является количественный. Так как корпуса в открытом доступе являются результатом отбора большого количества текстов и имеют колоссальную текстологическую базу, то в данном случае для исследователей более значимым становится именно статистический анализ тех или иных метафорических моделей. Кроме того, многие современные корпуса имеют внутреннее деление и разметку, например, Национальный корпус русского языка включает в себя такие подразделы, как основной корпус, корпус газетных текстов, корпус поэтических текстов, корпус региональной и зарубежной прессы. Разнообразие корпусов, их объем, удобство использования – все это открывает широкие возможности для исследователей по анализу метафорических моделей в разных ключах.

К. Аринс в своей статье детально описывает возможности проведения практических исследований на базе сопоставительного корпуса политических текстов, включающего выступления политиков Британии, США, Гонконга, Тайваня и КНР. Автор разработала пошаговую методику верификации метафор внутри корпуса на китайском языке, предлагая использовать данный подход и на других языках [Ahrens, Jiang, 2020]. Другой китайский лингвист Луо Жуйфэн проанализировал метафорическую проекцию со сферой-целью ЖИЗНЬ на основе данных Chinese Linguistic Corpus [Luo, 2018].

Поэтический корпус английского языка анализировался в исследовании К. Кесарвани и коллег, которые смогли усовершенствовать настройки поиска метафорических выражений в поэтических текстах и довести показатель точности до 0,89 [Kesarwani и др., 2017].

М. Завиславска провела анализ специального корпуса текстов блогосферы, который базируется на семантико-грамматическом анализе

[Zawisławska, 2019]. Она анализирует метафорические модели, касающиеся доменов органов чувств в польском языке. Сравнивая аналогичные модели с другими языками, автор приходит к выводу о необходимости создания универсальной теории метафоричности чувств человека.

А. Вежик на основе British National Corpus и National Corpus of Polish проводит сопоставительное исследование метафорической репрезентации концепта ГОРДОСТЬ в польском и английском языках. Автор выявляет общие сходства и указывает на значительные отличия в метафорических проекциях, что объясняет тем, что концепт ГОРДОСТЬ в польском языке, в отличие от английского, представлен двумя лексемами, которые отражают разное концептуальное содержание [Wężyk, 2019].

Оригинальная методика исследования метафоры и ее проявления в дискурсе представлена в работе Л. Камерон и А. Дейгнан [Cameron, Deignan, 2003]. Авторы комбинируют исследования на базе собственного корпуса малого объема и корпуса национального языка. На базе маленького корпуса разговорной речи (около 28 тыс. лексических единиц) анализируются потенциально метафорические модели. Авторы уделяют особое внимание лексическим единицам, которые могут быть индикатором преднамеренной метафоры (*наподобие, похоже, будто*).

Этот подход был продолжен Л. Камерон и коллегами, которые разработали дискурсивно-динамический подход к метафоре, положенный в основу метода «метафорического анализа дискурса» (metaphor-led discourse analysis) [Cameron и др., 2009; Cameron, Maslen, 2010]. Метафорический анализ дискурса направлен прежде всего на устную диалогическую речь, где исследователь в процессе интервью как бы подталкивает респондента на производство метафоры. Записанные диалоги потом анализируются исходя из принципов синтактико-семантического развертывания высказывания. Метод включает в себя идентификацию, кодирование, подсчет и классификацию метафор. Получая в результате интервью «живую матрицу» метафор в дискурсе, автор считает возможным анализ больших корпусов текстов при

помощи контент-анализа. Данный метод полагается продолжением исследований в области критического анализа метафоры и развитием метода критического анализа метафоры Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black, 2004b]. Методика Л. Камерон была многократно апробирована в практических исследованиях, например, анализировался дискурс терроризма и насилия в Британии и Бразилии [Cameron, Pelosi, Feltes, 2014].

Активно анализируется на предмет метафоричности и Национальный корпус русского языка. Например, А. И. Бардовская анализирует цвето-звуковые метафоры [Бардовская, 2013], а Л. В. Балашова – медицинские концептуальные метафоры [Балашова, 2018]. На базе НКРЯ проводятся даже весьма необычные исследования, например, группа исследователей изучает способы вербализации метафоры «умный дом» в политическом дискурсе [Бородулина, Макеева, Апраксина, 2018].

Отечественные лингвисты также прибегают к возможностям, предоставляемым Национальным корпусом русского языка, сопоставляя данные из НКРЯ с другими корпусами. В частности, О. А. Солопова и А. П. Чудинов детально рассмотрели разные формы метафорической репрезентации Дня Победы в русской культуре и V-Day в Британии в диахроническом аспекте [Солопова, Чудинов, 2018]. Также было проведено сопоставительное исследование антропоцентрической метафоры «труда» в русском и английском языках [Матова, Будаев, 2019].

Третьим типом корпусных исследований метафор являются научные изыскания, связанные с созданием специальных корпусов метафор (metaphor corpus). Одним из первых подобных корпусов стал корпус метафор VU Amsterdam metaphor corpus, разработанный в Metaphor Lab Амстердамского свободного университета под руководством Дж. Стена, автора теории преднамеренной метафоры. Все метафоры в VU Amsterdam metaphor corpus были разделены на 4 регистра: новостные тексты, академические тексты, тексты разговорной речи и художественные тексты. Как указывают авторы, «основной целью создания такого корпуса является анализ контекстуальной

употребимости концептуальных метафор, а именно выявление, какие метафоры используются в каких контекстах и в каких формах» [Krennmayr, Steen, 2017]. Стоит отметить, что VU Amsterdam Metaphor Corpus помимо теоретической значимости стал базой для дальнейших исследований Лаборатории в рамках теории преднамеренных метафор [Reijniere и др., 2018; Reijniere и др., 2019].

Кроме того, создание именно этого корпуса, равно как и метод идентификации метафор, на котором он базируется, легли в основу некоторых корпусов метафор на других языках. Например, в Китае был разработан Метафорический корпус китайского языка (Metaphor-annotated corpus of Mandarin Chinese) общим объемом более 30 тысяч слов. В метафорическом корпусе на китайском языке, также как и в VU Amsterdam Metaphor Corpus, есть разбивка текстов по регистрам на новостные, художественные и академические тексты [Lu, Wang, 2017].

К сожалению, русскоязычный корпус концептуальной метафоры, который разрабатывался группой исследователей с опорой на процедуру MIP VU и корпусную разметку с использованием инструмента BRAT, так и не был завершен [Бадрызлова и др., 2013; Бадрызлова, Керимов, Шехтман, 2013]. Работы в данном направлении, к сожалению, далеки от завершения.

Есть еще ряд корпусов метафор, опубликованных в открытом доступе. Например, корпус авторских метафор [Dinh Do, Wieland, Gurevych, 2018], метафорический корпус японской литературы [Terai, Sugyo, 2019], корпус польских синтетических метафор [Zawisławska, Falkowska, 2019]

Таким образом, корпусные исследования являются крайне популярным методом анализа метафоричности дискурса. Анализ корпусов может использоваться в том числе и для последовательного описания роли метафоры в дискурсе. Развитие современных технологий в области компьютерной обработки естественного языка, создание и постоянное совершенствование ПО для автоматизированного анализа текстов открывают новые возможности в этом направлении. Корпуса национальных языков являются своего рода базами данных о языковых метафорах, которые могут использоваться как для

верификации найденных в дискурсе метафорических проекций, так и для изучения культурно-обусловленных метафорических моделей. Научный подход, в основе которого лежит составление собственного корпуса текстов, объединенных какой-либо темой, дает возможность анализировать метафоры в привязке к определенному тематическому дискурсу. Корпуса метафор разных языков становятся важным инструментом для анализа системы концептов и категорий, характерных для определенного языкового сообщества.

Выводы:

Дискурсивное направление, представленное на современном этапе довольно многочисленными и разными с методологической точки зрения исследованиями, может считаться как самостоятельное и независимое направление в науке о языке.

В результате обзора научной литературы мы выделили его характерные черты:

1. Метафора кодирует общественные процессы в текстах дискурса, и потому может считаться лингвосоциальным явлением.
2. Метафора может выполнять дискурсообразующую функцию, то есть система метафорических проекций может структурировать концептуальное содержание дискурса.
3. Исследования языковых метафор и выявление характерных концептуальных метафорических моделей – это эффективное средство исследования дискурса.
4. Дискурсивность как способность разворачиваться в определенную систему метафорических моделей является характерной особенностью концептуальной метафоры.
5. Изучение метафоры в рамках дискурса может осуществляться с применением дескриптивного или критического анализа.
6. Действенный метод характеристики метафоричности дискурса – контент-анализ.

7. Корпусные исследования – основа исследования метафоры с точки зрения ее роли в дискурсе.

Обзорным обобщением всего массива теоретических и практических исследований, относящихся к дискурсивному направлению метафорологии, служит следующая схема.

Рисунок 12 – Уровни и подходы к дискурсивному направлению исследований метафоры

Как следует из схемы, все исследования, выполненные на стыке метафорологии и теории дискурса, в зависимости от своего предмета онтологически классифицируются на два вида:

- 1) посвященные метафоричности дискурса;
- 2) сфокусированные на дискурсивности метафоры.

Каждое из этих направлений может быть изучено с дескриптивной и критической позиций. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что изучению метафоричности дискурса более способствует критический подход, а дискурсивность метафоры раскрывается преимущественно с помощью дескриптивных характеристик. Кроме того, в каждом направлении исследований могут применяться количественные и качественные методы, реализуемые, как правило, посредством контент-анализа.

1.4 Методы идентификации и количественного анализа метафор

1.4.1 Идентификация метафоры в тексте

Анализ метафор в рамках любого текста или дискурса неизбежно упирается в проблематику идентификации метафоры, то есть вопроса относительно того, что считать метафорой, а что нет. С одной стороны, мы с легкостью определим предложение «Написать диссертацию – это как скалу передвинуть» как метафорическое, основанное на концептуальной метафоре ДИССЕРТАЦИЯ – это КАМЕНОЛОМНЯ. При этом решение, является ли выражение «Написание диссертации – это тяжелый труд» метафорой или нет, далеко не такое очевидное и может вызвать споры среди исследователей.

Главные вопросы, касающиеся практической плоскости исследования метафоры и метафоричности, были и остаются таковыми:

1. Как исследователь может точно определить то или иное языковое выражение как метафорическое?
2. Каков надежный эмпирический способ признания определенного выражения метафорическим?

В основе семантического понимания метафоры лежит взгляд на метафору как на перенос по смежности, то есть семантическое значение одной лексемы переносится на другое на основании смежности свойств объектов, которые они вербализуют. Следовательно, самый простой способ распознать метафору состоит в анализе прямого и непрямого значения словоупотреблений, которые можно анализировать посредством статистической сочетаемости. То есть исследователь может «выявить наиболее базовое частотное значение лексической единицы и признать все иные ее значения метафорическими» [Neuman и др., 2013: 2].

Именно эта идея заложена в идею выборочной преференции сочетаемости (selectional preference), разработанную Й. Вилксом [Wilks, 1975; Wilks, 2007]. Под выборочной преференцией подразумевается склонность определенной лексической единицы сочетаться с другой. Этот принцип был

развит М. Лайтом [Light, 2002] и М. Хоуи [Hoeу, 2005], которые пишут о том, что нарушение принципа преференции сочетаемости может свидетельствовать об образности.

Этот подход критикуется в работе Я. Ноймана и коллег [Neuman и др., 2013], где на основании теории концептуальной метафоры авторы проводят статистический анализ сочетаемости некоторых лексических единиц в больших корпусах текстов, демонстрируя, что самое частотное значение не обязательно является базовым, поэтому его отклонение от наиболее частотного значения не может быть образным. Базовым значением признается то, которое основано на физическом опыте взаимодействия с миром, как и постулируется в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В качестве примера авторы приводят сочетаемость слова *great*, где самым частотным значением будет *великий* (*great deal, great job, great depression*), но базовым при этом является значение *крупный, большой* (*great doors, great sword*). На этом основании аргумент о необходимости использовать наиболее общее, то есть частотное значение слова как основу для выявления образности признается неверным [Neuman и др., 2013: 3].

В этой связи появилась необходимость разработки валидной, отвечающей требованиям научности, методики идентификации метафоры, которая смогла бы минимизировать возможность ошибки при идентификации метафор.

1.4.2 Методы MIP и MIP VU

На данный момент наиболее разработанной и апробированной методикой считается метод MIP (Metaphor identification procedure процедура идентификации метафоры) [PragglejazGroup, 2007]⁷. MIP – это последовательность их нескольких аналитических шагов, которая при

---

⁷ Название исследовательской группы Pragglejaz является акронимом, образованным из имен ее участников: Peter Crisp, Ray Gibbs, Alan Cienki, Graham Low, Gerard Steen, Lynne Cameron, Elena Semino, Joe Grady, Alice Deignan, Zoltán Kövecses

соблюдении всех условий становится надежным методом определения метафор в любом тексте. Главная особенность МІР состоит в работе с информацией непосредственно в исследуемом тексте, то есть этот метод является эмпирически-ориентированным. В целом, МІР – это анализ текста, включающий в себя четыре этапа:

- 1) «чтение текста с целью установления общего понимания дискурса;
- 2) определение лексических единиц, составляющих данный текст, то есть разделение текста на минимальные неделимые лексические единицы и определение связей между ними;
- 3) определение базового и контекстуального значений лексических единиц:
  - а) определение контекстуального значения каждой лексической единицы текста в соответствии с лексическим окружением и контекстом;
  - б) определение современного базового значения каждой лексической единицы в соответствии со словарным значением. Чаще всего базовое значение более конкретно, соотносимое с ним понятие более очевидно, его можно ощутить, оно соотносится с телесной активностью, оно более точно и появилось раньше. При этом базовое значение не всегда самое частотное.
  - в) если лексическая единица имеет базовое значение, которое отличается от контекстуального, то необходимо выявить контрастирует ли контекстуальное значение с базовым и может ли оно быть понято в сравнении с базовым;
- 4) маркирование лексической единицы как метафоры при наличии контрастности и сходства контекстуального и базового значений» [PragglejazGroup, 2007: 3].

Ключевым во всей многоступенчатой процедуре идентификации метафоры является этап определения контекстуального и базового значений лексических единиц и последующее выявление их контрастности. Создатели МІР для этой цели рекомендуют опираться на словарные дефиниции, представленные как минимум в двух словарях. «Метафорическим признается

только такое выражение, где в основе соотношения базового и контекстуального значений одновременно лежат контрастность и возможность сравнения» [PragglejazGroup, 2007: 4].

При этом важно отметить, что «вывод о том, что отдельная лексическая единица употреблена метафорически вовсе не означает, что автор речевого сообщения намеренно его использовал как метафору, и что реципиент сообщения распознал его как метафору» [Dorst, 2011: 61]. Результат идентификации предполагает лишь, что данная лексическая единица потенциально может быть рассмотрена как метафора в данном контексте.

Несмотря на апробацию метода на эмпирических данных [Steen и др., 2010a] возникло несколько проблемных вопросов. Например, нужно ли проводить идентификацию лексических единиц в устных дискурсах, меняются ли контекстуальные значения в зависимости от типов дискурса и так далее. На этих основаниях процедура MIP была усовершенствована, и в 2010 году была предложена процедура MIP VU [Steen и др., 2010c].

Новый метод главным образом базируется на положениях теории преднамеренной метафоры Дж. Стена [Steen, 2009; Steen, 2010]. Основным отличием от MIP можно считать расширение сфер применения метода. Новый метод фокусируется на идентификации всех «метафороориентированных» выражений, таких как собственно метафоры, метонимия, сравнения и так далее. Основным критерием становится наличие «междоменного смыслового переноса в концептуальной структуре» [Dorst, 2011: 102]. В описании процедуры MIP VU отдельно подчеркивается, что, так как метафора общепризнанно считается явлением когнитивным, то при анализе конкретных текстов в качестве концептуальной метафоры можно маркировать любое языковое выражение, в основе которого лежит концептуальный перенос между двумя когнитивными доменами.

Согласно Дж. Стену, MIP VU – это такой «метод, который позволяет идентифицировать метафоры на основе индуктивного подхода, то есть предполагает изучение лексических единиц в контексте на предмет наличия

непрямого значения одновременно с определенной корреляцией концептуального значения этой лексической единицы с другим доменом в контексте» [Steen и др., 2010с].

Опишем ниже основные этапы идентификации метафоры согласно MIP VU [Steen и др., 2010с]:

1. Нахождение в тексте потенциально метафоричных выражений (metaphor-related words) посредством пословного анализа.

2. Маркировка выражения как метафоричного при наличии непрямого значения и потенциально возможного концептуального переноса. Этот этап во многом коррелирует с этапами 2–3 MIP. Он проводится на базе как минимум двух словарей с проверкой словарных значений.

При сравнении контекстуального метафорического значения с базовым словарным необходимо учитывать, что, если лексическая единица в рамках своей грамматической категории имеет более одного описания смысла, то эти смыслы маркируются как разные значения. Также если в пределах своей грамматической категории у этой лексической единицы только один смысл, то любые отклонения от него маркируются как достаточно значимые для определения метафоричности.

3. Выражение маркируется как прямая метафора (direct metaphor-related word), если слово используется в прямом значении, но соотносится с другой лексической единицей посредством концептуального переноса, то есть сравнение происходит небуквально и имеет под собой когнитивную основу.

4. Выражение маркируется как скрытая метафора (implicit metaphor-related word), если оно используется как замещение отсутствующего в контексте слова, но при этом наблюдается значимый концептуальный перенос, то есть расхождение между прямым значением слова-заместителя и его контекстуальным значением, обусловленным замещенным словом.

5. Маркировка выражения как намеренно метафорического при наличии маркеров сравнения, то есть эксплицитно выраженных слов-сравнений: *похож, подобен, как* и так далее.

б. Маркировка слова как потенциально метафорического, если оно является авторским неологизмом.

Как мы видим, в MIP VU включены положения теории о трехуровневом устройстве метафоры, так как исследователь, проходя через все ступени идентификации, может сразу же классифицировать метафору как прямую или непрямую. Так же этот метод предполагает возможность идентификации скрытых метафор.

Так как в некоторых случаях определение базового значения лексической единицы остается проблемным, то процедура MIP VU предусматривает также применение обновляющихся корпусов устных и письменных текстов. Подробно методика уточнения базового значения лексической единицы посредством корпуса описана в работе А. Дейнан. Исследователь уточняет положения этого метода, предлагая «опираться на результаты корпусного анализа или на результаты лексикографического анализа, полученные на основе проведенного ранее корпусного анализа, для поиска «более базового значения лексемы» (more basic meaning)» [Deignan, 2015: 145].

Авторы методики обращают особое внимание на то, что базовое значение отличается большей конкретностью и широтой дискурсивного применения, контекстуальное значение в свою очередь более узкое, специфическое, а его семантическое значение уточняется исключительно в контексте.

Опыт применения MIP VU был подробно описан в монографии «Метод идентификации лингвистической метафоры» [Steen и др., 2010с], где приведены результаты его апробации на материале художественного, академического, медиадискурса и устной коммуникации в английском и голландском языках. Надежность предложенного способа, по мнению автора, подтверждается низким количеством лексических единиц, которые не удалось соотнести ни с метафорическими выражениями, ни с лексическими единицами с буквальным значением - около 5%. При этом нельзя не отметить, что

правильное и точное применение данного метода требует большого количество времени, а также высокого уровня компетентности исследователей, так как результаты по каждому тексту обычно уточняются несколькими исследователями индивидуально, а потом в процессе коллективного обсуждения.

Приведем пример некоторых результатов использования MIP VU для анализа метафор. Так, впервые этот подход был имплементирован для анализа текстов BNC-Baby, краткой версии Британского Национального Корпуса. Этот корпус состоит из 4 млн. размеченных слов, а представленные тексты разделены на несколько категорий: новостные сообщения, академические тексты, художественные произведения и устная коммуникация. В результате практического исследования в новостных текстах было выявлено наибольшее количество метафор, около 18%, в то время как в художественном и разговорном дискурсах количество метафор составило 11 и 7 процентов соответственно [Steen и др., 2010b].

А. Дорст составила корпус художественных текстов на базе произведений современной литературы и на его основе изучила возможности обнаружения метафоры в художественных текстах, выявив что «в художественном дискурсе по сравнению со всеми другими типами дискурса преобладают прямые метафоры. Так, если процентная доля от общего количества использованных в текстах прямых метафор в художественном тексте составляет 49,1%, то в новостном дискурсе это 33,3%, в научном – 11,9%, в разговорном – 5,7%» [Dorst, 2015].

Методика MIP VU получила широкое распространение для исследования метафор в разных дискурсах на других языках. Так, исследователь из ЮАР А. Нокеле выявляет при помощи MIP VU метафоры в публичных выступлениях Нельсона Манделы [Nokele, 2014]. В другой работе представлены результаты исследования понятия «душа» в переводах романа Ф. М. Достоевского на разные языки, среди прочих также анализируются метафоры, выявленные методом MIP VU [Ostanina-Olszewska, Despot, 2017].

М. Галлямова и Т. Баклыкова изучают музыкальные метафоры, выявляя их методом MIP VU в текстах статей британского музыкального издания [Галлямова, Баклыкова, 2017]. В другом исследовании изучаются психологические особенности студентов как потенциальных работников на основе анализа метафор, которые испытуемые используют в ответах на вопросы на собеседовании с работодателем [Creed, McIlveen, 2018]. В своей работе П. Шитиков анализирует при помощи MIP VU библейские тексты [Shitikov, 2018]. Л. Борт-Мир преобразовывает методику MIP VU в FILMIP для анализа визуальных метафор в фильмах [Bort-Mir, 2019]. Нами был использован данный метод для анализа метафоричности текстов военно-политического дискурса [Калинин, Мавлеев, 2019а; Калинин, Селезнёва, 2019].

В 2019 году вышла коллективная монография, посвященная применению MIP VU в разных дискурсах разных языков [Metaphor Identification in Multiple Languages, 2019]. Монография состоит из 15 отдельных глав, каждая из которых представляет собой отдельное исследование, базирующееся на MIP VU. Основная цель монографии состоит в том, чтобы изучить трудности, с которыми сталкиваются исследователи при обнаружении метафор в языках разной типологии, с тем чтобы повысить надежность метода в будущем. Помимо описания самого метода и особенностей его применения (Главы 1-3), в монографии также представлены результаты анализа метафор во французском (Глава 4), голландском (Глава 5), немецком (Глава 6), скандинавских языках (Глава 7), литовском (Глава 8), польском (Глава 9), сербском (Глава 10), узбекском (Глава 11), китайском (Глава 12) и других языках.

В заключение опишем оценку соответствия процедуры идентификации метафоры MIP VU критериям подлинной научности метода [Mishlanova, Suvorova, 2017]. Авторы статьи опираются на общие требования, предъявляемые к подлинно научному методу, которые сформулировали И. Н. Кузнецов [Кузнецов, 2006] и М. Ф. Шкляр [Шкляр, 2009]:

- 1) «детерминированность метода теорией, объектом и предметом исследования;

- 2) заданность метода целеустановкой исследователя;
- 3) результативность и надежность;
- 4) экономичность и эффективность метода;
- 5) ясность и эффективная распознаваемость
- 6) воспроизводимость метода;
- 7) обучаемость методу;
- 8) допустимость с точки права;
- 9) безопасность для здоровья и жизни людей» [Кузнецов, 2006: 14]

[Шкляр, 2009: 101].

В результате пошагового анализа каждого критерия исследователи приходят к выводу, что метод идентификации метафоры MIP VU «соответствует всем девяти критериям, по которым можно оценивать метод на предмет подлинной научности» [Mishlanova, Suvorova, 2017: 50]. Кроме того, авторы подчеркивают необходимость комбинирования MIP VU с пятишаговым анализом метафоры Дж. Стена, что «в совокупности позволит переходить от метафоры в языке к метафоре в мысли, что открывает широкие возможности для исследования метафорической природы языка и мышления» [Mishlanova, Suvorova, 2017: 51].

При всех очевидных достоинствах процедура MIP VU имеет один значительный недостаток – трудоемкость. Для того, чтобы пройти по всем этапам, очерченным создателями, требуется высокая квалификация исследователя, который проводит анализ, и большое количество времени, так как решение о соотношении выражения с метафорой принимается на основании двухфакторной проверки по словарю и по корпусу текста. При анализе метафор на языке, неродном для исследователя, мы неизбежно сталкиваемся с высокой вероятностью ошибки и еще большим увеличением времени анализа.

1.4.3 Автоматизированные методы идентификации метафоры

Вследствие этого в целях упрощения процесса идентификации метафоры разрабатываются автоматизированные методы идентификации

метафоры. В целом они базируются на трех основных подходах: различение лексической многозначности слова (Word Sense Disambiguation), категоризация и кластеризация.

Первый подход нацелен на создание алгоритмов, которые могут выявить в контексте многозначные слова и определить в каком значении оно использовано: прямом или метафорическом. Процесс различения многозначности слова известен как процесс выбора наиболее корректного значения слова в заданном контексте. Исследователи в области искусственного интеллекта указывают, что «многие элементы программ компьютерной обработки речи, такие как выделение информации, машинный перевод, автоматизированный анализ контента в своей основе имеют процесс различения лексической многозначности, который является важным базисным шагом для них» [Al-Tashi, 2019].

Подход, основанный на различении лексической многозначности, также становится базой для некоторых исследований в области автоматизированного выявления образного языка, в том числе метафор. Например, японские исследователи Хашимото и Кавахара создали корпус идиоматических выражений на японском языке, в состав которого вошли 146 идиом и более 100 тысяч их употреблений в прямом и образном смыслах [Hashimoto, Kawahara, 2009]. Далее на базе данного корпуса авторы исследования проанализировали 90 идиом и их употребления в корпусе посредством автоматизированного анализа лексической многозначности. Алгоритм показал точность определения образных значений 89,25%. При этом стоит отметить, что, хотя в основе большинства идиом лежат метафоры, определение образности в идиоматических выражениях более тривиальная задача, чем в классических метафорах.

В работе М. Ниссима и К. Маркета представлены результаты автоматического выявления метонимических высказываний [Nissim, Markert, 2003]. Они используют алгоритм, основанный на лексической многозначности,

и обучают его на определенных контекстах. Сходная методика представлена в исследовании Дж. Бирке и А. Саркхара [Birke, Sarkar, 2006].

В показавшем высокий уровень точности выявления метафорических значений исследовании П. Терни метод различения лексической многозначности комбинируется с подходом на разделение метафор на три грамматических типа, среди которых исследователи анализируют метафорические выражения, построенные по модели «прилагательное + существительное» [Turney и др., 2011]. Авторы предположили, что в основе метафоричности может лежать абстрактность значения существительных и конкретность значения прилагательных во фразе, что было названо Concrete-Abstract algorithm. Этот метод показал точность в 79%.

Второй подход базируется на категоризации и ориентирован на использование категорий на базе статистических языковых данных, например, WordNet. В таких базах данных множество слов уже распределены по категориям, например в WordNet более 68 тысяч существительных классифицированы по 25 категориям (артефакт (стул), еда (хлеб)).

На этом же принципе построено исследование [Neuman и др., 2013], которое является продолжением алгоритма П. Терни [Turney и др., 2011] и также основано на алгоритме абстрактного и конкретного значения. Главной особенностью является тот факт, что этот алгоритм также распространён на две других грамматических модели построения метафоры: «А является Б» и «Глагол – фокус метафоры + существительное». Кроме того, этот новый алгоритм базируется на правилах (rule-based), для его использования не требуется обучение на корпусе. Также абстрактность автоматически проверяется в категориях WordNet. Усовершенствованный алгоритм показал точность в 71%.

На основе использования категоризации системы WordNet также базируются исследования С. Кришнакумарана [Krishnakumaran, Zhu, 2007] Б. Кирсти [Cirstea, Chiru, 2013], М. Копера [Köper, Schulte im Walde, 2017] У Чухуань [Wu и др., 2018] и других.

Метод статистического анализа метафоры на основе кластеризации в WordNet, совмещенного с принципами машинного обучения, разрабатывается в Computer Lab Кембриджского университета группой исследователей во главе с Е. Шутовой [Dankers и др., 2019; Shutova, Teufel, Korhonen, 2013]. Интересное исследование было проведено относительно метафорического корпуса Амстердамского свободного университета [Leong, Beigman, Klebanov, Shutova, 2018]. На базе составленного корпуса метафорических употреблений, о котором мы писали выше, были протестированы различные имеющиеся модели автоматизированной идентификации метафор. Также были изучены возможности автоматической идентификации метафор в текстах разных дискурсов применительно к разным грамматическим моделям. Анализ показал, что наибольшая степень выявления присуща моделям, построенным на глаголах. Среди дискурсов лучше всего метафоры были выявлены в академических текстах, тогда как подкорпус разговорного языка показал слабый результат.

Стоит отметить, что данное направление компьютерной лингвистики развивается очень активно, модели автоматической идентификации применяются не только к английскому языку. Например, есть исследования на базе греческого [Florou, Perifanos, Goutsos, 2019] и украинского [Romanyshyn, Dosyn, Levchenko, 2019]. Кроме того, разработка алгоритмов постоянно совершенствуется, в последних исследованиях сообщается о достижении 97% точности в распознавании метафор в грамматических формах «прилагательное+существительное» [Torres Rivera, Oliver, Coll-Florit, 2020].

1.4.4 Вычисление уровня метафоричности дискурса

Кроме очевидного использования корпусов текстов и классического контента-анализа для анализа метафоричности дискурса существует ряд специальных методик для выявления количественных показателей метафоричности дискурса.

Одним из первых исследований в этой области стала совместная работа

А. Н. Баранова и Й. Цинкена, которые анализировали политический дискурс эпохи перестройки в России и Нового курса в Германии [Baranov, Zinken, 2003]. Авторы провели большую работы, собрав более 8000 различных метафор на двух языках, и проанализировали их статистически и содержательно. Методика анализа впоследствии легла в основу дескрипторной теории метафоры [Баранов, 2014]. Исследование включало в себя нижеследующие шаги:

- 1) количественный подсчет метафорических дескрипторов;
- 2) выбор среди этих дескрипторов тех, которые соотносятся с исследуемыми доменами;

- 3) фиксация доменов с частотностью более 100 контекстов;

- 4) подсчет индивидуальных употреблений метафорических моделей.

Таким образом стали видны те модели, которые легли в основу кластеров когнитивных метафорических моделей;

- 5) исследование кластеров на предмет когнитивной устойчивости, под которой понимается существование внутри кластера прагматически релевантных семантических отношений [Baranov, Zinken, 2003: 93-94].

Подход, реализованный в этом исследовании, стал первой попыткой приложения количественных методов анализа к теории концептуальной метафоры. Авторы, по сути, выбирают наиболее характерные для дискурса сферы-цели и вычисляют количественно наиболее характерные языковые сочетания с определенными сферами-источниками. Такой подход действительно позволяет установить наиболее характерные метафорические модели для определенного тематического дискурса. Несомненным достоинством методики можно признать тот факт, что она позволяет одновременно количественно выявить метафоричность дискурса посредством простого сравнения выявленных метафорических моделей на определенный объем текста и проанализировать содержательную сторону этих моделей.

Так, в результате исследования А. Н. Баранова и Й. Цинкена было выявлено, что тексты политического дискурса на русском языке более метафоричны, что, по мнению авторов, объясняется большей кризисностью

ситуации в России на момент проведения исследования. С содержательной точки зрения метафорические модели были во многом сходны; в дискурсах на обоих языках доминировали модели, где человек метафорически осмысливается как активный преобразователь мира вокруг (метафорическая модель ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ПЕРЕМЕН), при этом в немецком дискурсе было чуть больше метафор, где субъект перемен, наоборот, выполняет роль стороннего наблюдателя (ПЕРЕМЕНЫ – РАСТЕНИЯ, ПЕРЕМЕНЫ – ПОГОДА) [Baranov, Zinken, 2003: 120].

Авторы продолжили исследования собранных текстов и провели анализ метафорических моделей, объединённых в тематический кластер ФЛОРА [Baranov, Zinken, 2004].

Еще одним оригинальным подходом к изучению метафоричности дискурса стала серия работ К. де Ландтсхеер, которая так же, как А. Н. Баранов и Й. Цинкен, изучала кризисный дискурс. В частности, в одной из работ К. де Ландтсхеер доказала, что в период политических и экономических кризисов значительно возрастает количество политических метафор [Landtsheer De, 1994; Landtsheer De, 2007]

Квантитативный подход, предложенный К. де Ландтсхеер для определения метафоричности дискурса в кризисные периоды, был реализован в методике подсчета индекса силы метафоры (Metaphor Power Index). На основе разработанной методики количественного анализа К. де Ландтсхеер и ее коллеги провели масштабное исследование текстов политического медиадискурса, по результатам которого как раз и выдвинули предположение о том, что дискурсы могут отличаться степенью метафоричности [Hart, 2006; Landtsheer De, 2009; Landtsheer De, 2014].

По мнению Р. Р. Мавлеева, «метод определения индекса силы метафоры (MPI) позволяет дать количественную оценку эмоциональной силе в публичном дискурсе. Данный метод направлен на определение количественного показателя метафорической (а также эмоциональной, риторической) силы текста» [Мавлеев, Фомин, 2017: 115].

В общих чертах данный метод включает в себя три этапа:

- 1) подсчет метафор;
- 2) классификация метафор по интенсивности;
- 3) классификация метафор по содержанию сферы-источника.

На основании этих этапов исследователи предложили принцип подсчета индекса силы метафоры (MPI, Metaphor Power Index), который представляет собой простое произведение значения индекса частотности метафоры (MFI, Metaphor Frequency Index), индекса интенсивности метафоры (MII, Metaphor Intensity Index) и индекса содержания метафоры (MCI, Metaphor Content Index).

Индекс частотности метафоры отражает частотность языковых метафор (me) на каждые 100 слов (w) текста. Чем выше количество метафор по отношению к количеству слов, тем выше индекс частотности метафоры (MFI) [Landtsheer De, 2014: 8]:

$$MFI = nme \times 100/w$$

Индекс интенсивности метафоры (MII) представляет собой показатель уровня конвенциональности метафоры. Под конвенциональностью метафоры здесь подразумевается определенный уровень устойчивости между сферой-источником и сферой-целью.

Вопрос конвенциональных метафор один из центральных в метафорологии, по сути оригинальная версия теории концептуальных метафор изначально основывалась на анализе устойчивых метафорических выражений, то есть конвенциональных метафор. Именно они признавались тем самым отражением основ взаимодействия человека с окружающим миром. Тем не менее, почти сразу был поставлен вопрос о необходимости анализа новых (авторских, креативных) метафор. В частности, в своем исследовании Гун Шивон и К. Аринс [Gong, Ahrens, 2007] экспериментально доказали, что при порождении и восприятии конвенциональных и новых метафор задействованы разные нейронные механизмы. В работах С. Кнудсен [Knudsen, 2005] и У. Гомез-Морено [Ureña Gómez-Moreno, 2016] показаны отличия в использовании конвенциональных и новых метафор в специализированных

дискурсах. Серьезные отличия между конвенциональными и авторскими метафорами выявлены и на нейрофизиологическом уровне в результате проведенных нейролингвистических экспериментов [Khaleghi и др., 2019; Rapp и др., 2018; Thibodeau, Durgin, 2008].

В работе Р. Р. Мавлеева интенсивность метафоры объясняется посредством силы привязки к буквальному значению метафоры. Автор со ссылкой на работу Р. Гиббса и Х. Колстона [Gibbs, Colston, 2012] пишет, что «в оригинальных метафорах значение первого порядка все еще прочно присутствует, а различие или несоответствие между значениями «вспомогательного» и «основного субъекта» является значительным, настолько, что придает метафоре яркий характер» [Мавлеев, Фомин, 2017: 116].

Для вычисления степени интенсивности метафоры К. де Ландтсхеер предлагает рассматривать так называемое семантическое «напряжение» каждой отдельной метафоры и присваивать метафорическим выражением значения интенсивности: ««слабые» (w – weak, коэффициент 1), то есть «стертые метафоры», которые реализуют стандартные метафорические переносы значения, «средние» (a – average, коэффициент 2), то есть «конвенциональные» метафоры, незафиксированные как словарные значения, и «сильные» (s – strong, коэффициент 3), то есть новые, «креативные» метафоры)» [Landtsheer De, 2014:9]. Индекс интенсивности метафоры равен сумме значений интенсивности метафоры, поделенной на общее количество метафор (nme):

$$MI = (1w + 2a + 3s) / nme$$

В методике К. де Ландтсхеер также учитывается семантика сферы-источника, для анализа влияния которой предлагается вычислять индекс содержания метафоры (MCI).

По мнению автора определенные метафоры обладают большей воздействующей силой, так как концептуальная область сферы-источника соотносится с более концептуально значимой тематической областью. Например, предполагается что метафоры спорта или болезни сильнее связаны с речевым воздействием, чем например природоморфные метафоры.

Р. Р. Мавлеев указывает, что «посредством использования конкретных метафор для деструктивных целей может эксплуатироваться чувство тревоги или беспокойства» [Мавлеев, Фомин, 2017: 116].

Индекс содержания метафоры, предложенный К. де Ландтсхеер, включает 6 исходных областей: «повседневная жизнь» (популярные метафоры, P), «природа» (метафоры природы, N), «политика, интеллект, технологии» (технологические метафоры, T), «насилие и катастрофы» (метафоры, относящиеся к смерти и стихийным бедствиям, D), «спорт, игры, театр» (спортивные и игровые метафоры, Sp), а также «смерть, тело и заболевания» (медицинские метафоры и метафоры болезни, M)» [Landtsheer De, 2014:10].

Практические исследования К. де Ландтсхеер дали ей основания для присвоения разным метафорам с выявленной семантикой сферы-источника разных коэффициентов от 1 до 6. «Каждая характеристика получила коэффициент на основе шкал значений, взятых из таких областей, как социальная психология (включая модель «кризисного поведения» Х. Гаусса [Gauss, 1981]) и психолингвистика» [Мавлеев, Фомин, 2017: 117].

Так, популярные метафоры (P) получили самый низкий коэффициент – 1, метафоры природы (N) – коэффициент 2, так как они схожи с популярными (P), но имеют амбивалентную природу. Коэффициент 3 был присвоен политическим, интеллектуальным и технологическим метафорам (T). Метафоры бедствий (D), которые часто отражают панику, агрессию, войну, наделяются коэффициентом 4. Спортивные, игровые и театральные метафоры (Sp), будучи понятными широкой языковой аудитории, отличаются высоким манипулятивным уровнем и имеют коэффициент 5. Медицинские метафоры (M) рассматриваются в качестве метафорических проекций, которые потенциально могут отражать такие важные темы как здоровье и смерть и поэтому они были наделены максимальным коэффициентом – 6.

Формула для индекса содержания метафоры представлена ниже:

$$MCI = (1P+2N+3T+4D+5Sp+6M)/me$$

Как указывает автор методики, «в случае высокой социальной и экономической напряженности в обществе финансовые, политические и медиа элиты, вероятнее всего, будут использовать метафоры с наиболее высоким коэффициентом, которые вызывают самые сильные эмоции (коэффициенты от 4 до 6) и имеют максимальное значение MCI» [Landtsheer De, 2014: 3].

Расчет индекса силы метафоры MPI это произведение значений трех индексов: частотности, интенсивности и содержания:

$$MPI = MFI \times MI \times MCI$$

Описанная выше методика была апробирована К. де Ландтсхеер на большом корпусе политических речей, и был сделан вывод о возможности подсчета метафоричности дискурса. Автор утверждает, что «дискурс с высоким MPI является дискурсом, в котором используется «метафорический стиль». Данный тип дискурса характеризуется эмоциональной составляющей, высокой степенью персуазивности и использованием риторических тропов, что, в свою очередь, обеспечивает прямой и живой контакт с аудиторией» [Landtsheer De, 2014: 5].

Соответственно, «дискурс с низким индексом силы метафоры (MPI) свидетельствует об «информационном стиле». Данный тип дискурса в первую очередь опирается не на эмоции, а на аргументацию и логику» [Landtsheer De, 2014: 5].

К. де Ландтсхеер изучила большое количество практического материала, преимущественно тексты политического дискурса, где последовательно применила предложенную методику. В результате, автор определила, что среднее значение MPI для публичных выступлений политиков равно 5. Как указывает автор методики, «в данном случае цифра «5» является точкой отсчета: индекс силы метафоры (MPI) со значением выше 5 указывает на «метафорический стиль» дискурса, ниже 5 — на «содержательный стиль» и низкую метафорическую силу дискурса» [Landtsheer De, 2009].

Методика К. де Ландтсхеер была использована нами для анализа военно-политического дискурса на примере нескольких текстов: публичные

выступления Президента России В. В. Путина и Председателя КНР и военные доктрины России и Китая [Калинин, Мавлеев, 2019а]. Также мы сравнили метафоричность новогодних поздравлений за 2016, 2017 и 2018 года политических лидеров России, КНР, США и Республики Корея [Калинин, Селезнёва, 2019].

Использование методики на практике показало ряд достоинств и недостатков подсчета индекса силы метафоры. К несомненным достоинствам стоит отнести возможность переноса абстрактных понятий «метафоричность, персуазивность, красочность» в конкретные количественные показатели. Это открывает большие возможности по сопоставительным межъязыковым исследованиям метафоричности дискурсов и даже отдельных лингвокультур.

Недостатками методики являются:

1. Отсутствие специальной процедуры идентификации метафоры. В наших исследованиях мы опирались на метод MIP VU.

2. Недостаточность обоснования разделения интенсивности метафоры на слабые, средние и сильные. В наших практических исследованиях мы использовали также национальные корпуса, соответственно, слабыми признавались метафоры, зафиксированные в словаре, средними по интенсивности – метафоры, не зафиксированные в словаре, но встречающиеся в корпусах, а сильными – метафоры, которые не зафиксированы ни в словаре, ни в корпусе.

3. Недостаточность обоснования распределения коэффициентов содержания метафоры. К. де Ландтсхеер разрабатывала MPI для текстов политического дискурса с высоким уровнем риторики, то есть публичных выступлений. В этой связи, возможно, наделение спортивных метафор коэффициентом 5 выглядит обоснованным. Однако, на наш взгляд, это неочевидно для других дискурсов. На наш взгляд, индекс содержания метафоры требует пересмотра на основании современных нейролингвистических и нейрофизиологических исследований.

4. Отсутствие учета языковой формы метафоры: прямая и непрямая. Многие исследователи, как например лингвисты, работающие в рамках теории преднамеренной метафоры, уделяют языковой форме метафоры большое внимание [Brugman, Burgers, Vis, 2019; Heerik van den и др., 2020].

Методика кластерного дискурсивного анализа метафор была разработана В. Коллер, которая провела серию исследований, посвященных критическому анализу бизнес дискурса английского языка [Koller, 2002; Koller, 2003; Koller, 2004a]. В своей теории В. Коллер использовала взгляды М. Халлидэя относительно мета-функций языка [Halliday, 1978; Halliday, 1994] применительно к метафоре в речи. М. Халлидэй выделял три мета-функции языка: межличностная, когда отправитель и получатель речевого сообщения активно принимают на себя свои роли в речевой коммуникации; идентификационная функция, которая предполагает, что язык служит установлению некоторых идейных установок и правил; текстуальная функция, которая определяет релевантность речевого сообщения контексту [Halliday, 1994].

Отталкиваясь от этой теоретической базы и опираясь на автоматизированные средства анализа текстов – конкордансы (типа WordSmith, AntConc), В. Коллер разработала нижеследующую методологию системно-функционального кластерного анализа метафор в дискурсе:

1. Составление списка слов, которые могут входить в определенную метафорическую проекцию. Так, например, для бизнес-дискурса, В. Коллер выделила три наиболее характерные метафоры (ВОЙНА, СПОРТ, ИГРА), соответственно список слов касался этих концептуальных областей (*боевой, матч, делать ставку* и так далее).

2. Проверка составленного списка слов через программу-конкордансер на предмет выявления их метафорического использования.

3. Анализ распределенности метафорических выражений по структуре текста при помощи функции *dispersion plot*, которая позволяет увидеть в какой части текста (начало, середина, конец) встречается то или иное

словосочетание. Этот этап В. Коллер именует анализом метафорических кластеров, и именно он является ключевым в ее методике. По мнению автора, «на основании анализа распределения метафорических кластеров можно судить о функции метафоры в конкретном тексте» [Koller, 2003: 119]. Так, метафора в начале текста выполняет идентификационную функцию (по М. Халлидэю), так как участвует в постановке проблемы, в середине текста – межличностную функцию, так как помогает утвердить аргументацию позиции автора; в конце текста – также межличностная функция, но с большим персуазивным эффектом. Кластерный анализ – это макроуровень метафор в дискурсе.

4. Анализ цепочек метафоры. Согласно теории В. Коллер, которая опирается на взгляды С. Кирациса [Kyratzis, 1997], метафоры имеют склонность к разворачиванию своего смысла внутри дискурса, образуя так называемые метафорические цепочки, то есть метафоры как бы цепляются одна к другой, взаимодополняя свои смыслы. В. Коллер разработала 8 возможных способов отношений между смежными метафорами в дискурсе от ослабления до усиления [Koller, 2003: 123]. Анализ семантических цепочек – это микроуровень метафор в дискурсе и исследование текстуально мета-функции языка (по М. Халлидэю).

5. Сравнение результатов анализа метафор с грамматическими показателями. В. Коллер считает необходимым также сравнить полученные на анализе макроуровня и микроуровня данные с грамматическими показателями текста: время, залог, модальность.

Методика системно-функционального кластерного анализа, несмотря на трудоемкость, является действенным инструментом критического анализа дискурса. Например, она была использована для масштабного исследования медицинского дискурса на предмет метафор насилия при описании тяжелых заболеваний, в частности, при описания онкологических заболеваний [Demmen и др., 2015; Semino и др., 2017].

Предложенная В. Коллер методика имеет ряд неоспоримых достоинств:

1) позволяет делать выводы о функциях метафоры на основании структуры текста;

2) позволяет детально анализировать отношения между тематически и концептуально объединенными метафорами в дискурсе.

При этом макроанализ метафоры, то есть изучение места метафорического переноса в построении развернутого высказывания, применим к ограниченному числу текстов определенного жанра, прежде всего к медиатекстам. В то время как использовать его для анализа текстов других жанров, и тем более для анализа устного дискурса, значительно сложнее.

Отношения внутри метафорических цепочек выявлены нечетко и часто пересекаются по значению, что также сильно затрудняет анализ микроуровня метафоры.

Начальный этап анализа метафор сильно зависит от экспертности исследователя, который составляет список потенциально метафорических слов. Безусловно, этот недостаток можно нивелировать при помощи более детальных методов, как например, метод метафорического картирования К. Аринс.

Самый большой недостаток методики кластерного анализа заключается в том, что исследователь может анализировать только те метафорические проекции, которые он сам считает значимыми для того или иного дискурса. При этом в дискурсе могут существовать и другие метафорические проекции. Например, в бизнес дискурсе могут быть иные метафоры, кроме метафор СПОРТА, ВОЙНЫ и ИГРЫ. Таким образом, кластерный анализ позволяет проводить детальный критический анализ уже выявленных метафорических проекции, то есть это не анализ метафоричности дискурса, это изучение функционирования метафоры в рамках определенного дискурса.

Еще один вспомогательный метод, который может быть полезен исследователю метафоричности дискурса, это так называемая модель концептуального картирования, разработанная Кэтлин Аринс и Чун Шивон [Ahrens, 2001; Ahrens, Chung, Huang, 2003]

Исследователи отталкивались от фундаментальной теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и продолжили исследования Ж. Фоконье и Дж. Грейди в сфере, касающейся эмпирического подтверждения существования концептуальных метафор в целом и в области их порождения и восприятия в частности.

Основным направлением исследований К. Аринс и Ч. Шивон стали модели концептуального картирования, что представляет собой оригинальный подход, который может применяться онлайн и офлайн с целью определения наиболее характерных сфер-целей для определенных сфер-источников. Концептуальная проекция, иначе называемая концептуальным картированием, основана на классической системе составления ментальных карт-ассоциаций, связанных с тем или иным понятием. Ценность методики К. Аринс состоит в том, что простая и понятная схема, практически применяемая для запоминания иностранной лексики и составления записей конференций и совещаний, была перенесена на плоскость когнитивной лингвистики и психолингвистики и стала одним из наиболее доступных психолингвистических экспериментов для когнитивной метафорологии.

Суть метода концептуальной проекции состоит в поэтапном выделении сфер-источников для той или иной сферы-цели. Концептуальное картирование сначала проводится на экспертной группе специалистов в сфере лингвистики, имеющих представление, что такое концептуальная метафора, и обладающими значительными знаниями в области исследуемого языка.

Метод концептуальной проекции в общих чертах представляет собой последовательность из нескольких этапов исследования:

1. мозговой штурм, где члены экспертной группы предлагают объяснимые существующие сферы-источники для исследуемой сферы-цели.
2. Предложенные экспертами сферы-источники группируются с целью определения наиболее характерных и подходящих вариантов.

3. Сферы-источники, сгруппированные по семантическому принципу проверяются на предмет адекватности, что осуществляется посредством обсуждения группой экспертов.

4. Содержание отобранных и верифицированных сфер-источников уточняются посредством вопросов, позволяющих связать эти концептуальные области с реальным миром. Например, Каковы реальные проявления названной сферы-источника? Какие качества присущи названной сфере-источнику? Что может делать/ для чего используется сфера-источник?

5. После уточнения результатов и расширения семантики предложенных в качестве источника концептуальных областей происходит генерирование конкретных предложений на основании заданной сферы-цели и выявленных наиболее релевантных сфер-источников.

6. Выявляется, относится ли полученная метафора к конвенциональным метафорам или к новым (авторским) метафорам. Если хотя бы один из членов группы считает, что метафора не конвенциональная, то это выражение исключается из списка конвенциональных. То есть для определения уровня конвенциональности требуется согласие всей экспертной группы.

7. Следующий этап посвящен связи метафорического моделирования с окружающим миром. То есть тот же список вопросов задается уже относительно сферы-цели.

8. Осуществляется соотнесение полученных результатов, подведение итогов и уточнение полученных результатов

Данная методика признается авторами не единственно возможной и открыта для дополнения. Она апробирована на разных языках и экспертных группах, а полученные данные подтверждены посредством использования корпусов текста [Burgers, Ahrens, 2020; Skorczynska, Ahrens, 2015].

Выводы:

Таким образом, несмотря на внушительное количество практических исследований, проблемы идентификации метафор в дискурсе и

количественного анализа метафоричности дискурса по-прежнему остаются актуальными и малоизученными.

Базово в основе всех методик идентификации метафоры лежит семантический принцип. Исследователь должен выявлять отклонения от базового значения в контексте и определять степень смыслового напряжения данного отклонения.

Наиболее надёжная методика выявления метафоры в текстах разной дискурсивной и жанровой принадлежности, MIP VU, исходно базируется на этом принципе. Однако ее использование является весьма трудоемким процессом, так как исследователь должен анализировать базовые значения по словарям и корпусам текстов, а методики автоматизированного выявления образного языка еще несовершенны и едва ли применимы ко всем типам текстов.

Методы количественного анализа метафоричности метафоры также имеют ряд недостатков. Многие из них ориентированы на выявление либо уже известных метафорических моделей (методика кластерного анализа В. Коллер), либо на выявление и подсчет наиболее значимых по мнению исследователей моделей (Й. Цинкен, А. Н. Баранов). Метод подсчета индекса силы метафоры (К. де Ландтсхеер) на данный момент выглядит наиболее релевантным целям анализа метафоричности отдельного текста и дискурса в целом, однако эта методика требует доработки. Один из индексов, разработанных К. де Ландтсхеер, а именно индекс содержания метафор, разрабатывался специально для анализа кризисного дискурса и едва ли может быть применен к остальным дискурсам. Кроме того, методика де Ландтсхеер не учитывает позицию метафоры в тексте и ее лингвистическую форму.

Таким образом, среди имеющихся методов идентификации метафор в тексте наиболее валидным является MIP VU, который, несмотря на свою трудоемкость, позволяет с достаточно высокой долей вероятности выявлять большую часть метафорических проекций, стертых, конвенциональных и новых, содержащихся в тексте. Методики анализа метафоричности дискурса

как способа выявления функционального потенциала метафор в дискурсе требуют доработки и переосмысления.

Выводы по главе 1

Метафора как предмет исследования разных отраслей знания человека за 2000 лет прошла путь от «украшения речи» к «средству категоризации действительности» и «способу формирования дискурса». Метафорический бум в среде лингвистических исследований в последние десятилетия породил множество разнонаправленных взглядов на этот феномен языка и мышления.

На данный момент в области языкознания, которую можно условно назвать теория метафоры, нет единой системы понятий, а многочисленные концепции и гипотезы порой противоречивы. В этой связи проведенный описательный анализ имеющихся достижений в области теории метафоры актуален и на сегодняшний день.

Нами были последовательно описаны структурно-семантический, прагматический, когнитивный и дискурсивный подходы к исследованию природы и структуры метафоры.

Семантический подход концентрируется на форме метафоры, разрабатывая структурно-семантическое понимание метафоры как смыслового переноса, который может быть основан на сравнении и на категоризации. Прагматика обратила внимание на функционирование метафоры в контексте, были сделаны значительные шаги в направлении изучения процессов порождения и восприятия метафорического переноса.

Когнитивный подход определил метафору как одно из средств категоризации окружающей действительности. В рамках когнитивного подхода родилось множество теорий и гипотез: теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теория примарной метафоры (Дж. Грейди), теория контекстуальной метафорической интерпретации (Д. Ритчи), теория преднамеренной метафоры (Дж. Стен), теория карьеры метафоры (Д. Гентнер, Б. Боудл). Каждая из них пополняет общую копилку знаний о метафоре, которая

на данный момент рассматривается одновременно как языковое, коммуникативное и когнитивное явление.

Когнитивная парадигма исследования метафоры как (де)кодирующего механизма продемонстрировала, что метафора является не только характеристикой мышления отдельного человека, этот же механизм реализуется в «интерпретации языковых знаков в терминах культурной и исторической памяти народа» [Телия, 1996: 227]. Соответственно, метафора является одновременно еще и культурным феноменом.

При этом метафора как когнитивный и культурный феномен является и способом отражения (стертые концептуальные метафоры), и способом формирования (новые авторские метафоры) языкового сознания как системы «национально-специфичных» и «универсальных» особенностей мышления, характерных для определенной лингвокультурной общности. Метафора, по сути – это один из способов организации культурно-исторического опыта человека.

Совмещение теории дискурса с достижениями когнитивной лингвистики позволило также рассмотреть метафору как дискурсивное явление. В рамках дискурсивной лингвистики метафорические проекции рассматриваются как один из приемов организации дискурса, что одновременно обращает внимание на специфические дискурсивные свойства и самой метафоры. Так, в рамках дискурсивного направления с онтологической точки зрения одновременно исследуются и дискурсивность метафоры, и метафоричность дискурса. Разработаны дескриптивные и критические подходы к анализу метафоры в дискурсе, основанные на качественных и количественных методах. В настоящее время для анализа метафоры все чаще используются достижения корпусной лингвистики, где ведутся работы по трем основным направлениям: анализ метафоричности на базе корпусов национальных языков, анализ метафоричности специально собранного корпуса или составление корпуса метафор.

Проведенный анализ имеющихся теоретических представлений о

природе метафоры и сути процесса метафоризации позволяет нам сделать вывод о том, что метафора, представляя собой по форме семантический перенос, имеет когнитивную природу, которая реализуется в способности концептуализировать и категоризировать окружающую действительность, при этом метафора функционирует в дискурсе и отражает/формирует национальную культуру, что позволяет выделить метафоричность как специфическую дискурсивную характеристику. Использование метафор в дискурсе связано с отражением и конструированием социокультурной реальности, так как, будучи многократно повторенной, метафорическая проекция закрепляется в национальном языковом сознании как когнитивная модель, которая может или отражать имеющиеся категоризационные структуры или формировать новые связи между концептами.

Одной из ключевых проблем теории метафоры на сегодняшний день – это проблема идентификации метафоры. Самая надёжная методика выявления метафоры в текстах разной дискурсивной и жанровой принадлежности – MIP VU. Однако ее надежность сочетается с необычайной трудоемкостью. С другой стороны, методики автоматизированного выявления образности все еще несовершенны. В частности, они едва ли применимы ко всем типам текстов.

Методы количественного анализа метафоричности также далеки от идеала. Они рассчитаны или на описание уже известных метафорических моделей (методика кластерного анализа В. Коллер), или на выявление и подсчет тех моделей, которые субъективным исследовательским мнением отнесены к наиболее значимым (методика Й. Цинкен, А. Н. Баранова). Методика вычисления индекса силы метафоры К. де Ландтсхеер на данный момент выглядит наиболее соответствующей задачам анализа метафоричности отдельного текста и дискурса в целом, однако и эта методика нуждается в доработке.

Таким образом, несмотря на очевидную значимую роль метафоры в дискурсе как когнитивной модели, одновременно отражающей и формирующей массовое сознание, методы выявления функционального

потенциала метафорических проекции малоисследованы и практически не разработаны.

Далее мы более подробно изучим проблему определения функционального потенциала метафор в дискурсе, последовательно изучив взаимосвязь метафоричности и речевого воздействия посредством анализа разных дискурсивных проявлений метафор.

Глава 2 Выявление функционального потенциала метафоры в дискурсе

Метафора как семантический перенос, организующий основные когнитивные механизмы человека: концептуализацию и категоризацию, отражающий и формирующий национальное языковое сознание, реализует свой функциональный потенциал в дискурсе. Как указывал Т. ван Дейк, «любые социальные ситуации могут влиять на дискурс только после их субъективной интерпретации участниками дискурсивного процесса» [Цит по: Будаев, 2011: 129], и одним из способов этой субъективной интерпретации метафора и является.

При этом, как мы указывали в Главе 1, особую значимость приобретает изучение метафоричности дискурса, то есть выявление функционального потенциала используемых в дискурсе речевых форм концептуальных метафор.

Термин метафоричность не является широко распространенным в научной литературе. Обычно под метафоричностью понимается образность, выразительность, иносказательность того или иного речевого высказывания. Именно в таком контексте термин метафоричность встречается в многочисленных исследованиях на русском языке [Великова, 2014; Должикова, 2008; Ковальчук, 2019].

В нашей работе под термином метафоричность будет подразумеваться более широкий спектр значений. Метафоричность воспринимается как дискурсивная характеристика, представляющая собой набор отражающих, интерпретирующих или формирующих имеющиеся в языковом сознании когнитивных моделей, обусловленных принадлежностью участников коммуникации к определенной лингвокультуре. Метафоричность – это реализация функционального потенциала метафор разного типа в тексте и дискурсе, те специфические функции, которые играют метафорические модели в дискурсе, а именно когнитивная, суггестивная, персуазивная, сенсуарная, эмоциональная, оценочная и так далее.

На наш взгляд, метафоричность связана с прагматическим потенциалом, в частности, с интенцией автора речевого сообщения, так как, будучи использованной преднамеренно, метафора, по выражению Дж. Стена, является своего рода «приглашением со стороны отправителя адресату выйти за рамки основной области дискурса (целевого домена) и посмотреть на нее из другой области (домена-источника)» [Steen, 2017]. Концептуальная или стертая метафора, будучи использованной непреднамеренно, все равно актуализирует имеющиеся в индивидуальном языковом сознании и закрепленные в коллективном речевом сознании когнитивные модели и, тем самым, направляет когнитивную обработку в соответствии с авторской интенцией. Так, мы полагаем, что метафора является одним из средств имплицитного речевого воздействия, а метафоричность – есть дискурсивная характеристика, отражающая функциональный воздействующий потенциал метафор в тексте и дискурсе.

Однако вопрос выявления метафоричности остается малоизученным в современном языкознании. Наша основная задача состоит в изучении взаимосвязи функционирования метафор в дискурсе и речевого воздействия, то есть в выявлении конкретных особенностей дискурсивной реализации концептуальных метафор в их взаимосвязи с речевым воздействием. Мы также разработали метод анализа метафоричности дискурса, который предполагает количественное вычисление уровня метафоричности, базируясь на последовательности шагов по вычислению числовых показателей использования метафор в тексте и дискурсе.

2.1 Функциональный потенциал метафоры как средства речевого воздействия

Как было выяснено в Главе 1, метафора в современном языкознании понимается как способность структурировать, преобразовывать и создавать новые знания, а также вызывать эмоции и оценки влияния [Блэк, 1990; Лакофф, Джонсон, 2004; Ричардс, 1990; Turner, Fauconnier, 2000]. Кроме того, немало

исследователей метафоры указывают на особую роль метафоры в создании или усилении речевого воздействия и персуазивности высказывания [Charteris-Black, 2016; Graesser, Mio, Millis, 1989; Ottati, Renstrom, 2010; Stee Van и др., 2018].

Речевое воздействие метафоры непосредственно связано с особенностями восприятия речевого высказывания, содержащего образность. Отметим, что нейролингвистические исследования подтверждают особую роль, которую играет метафора при восприятии речевого сообщения. Например, в экспериментальном исследовании Дж. Боттини, где в качестве инструмента использовался анализ кровообращения головного мозга, было выяснено, «что восприятие и интерпретация языковых сообщений задействует множество отделов головного мозга в обоих полушариях, при этом правое полушарие играет особую роль в восприятии метафор» [Bottini и др., 1994: 1241]. Этот вывод был подтвержден и в последующих исследованиях, проведенных такими методами как ERP (Event-related brain potentials), фМРТ и другими [Anaki, Faust, Kravetz, 1998; Coulson, Petten Van, 2002; Mashal, Faust, Hendler, 2005; Pynte и др., 1996].

Дальнейшие нейролингвистические исследования подтвердили предположения о том, что метафора не является гомогенным языковым феноменом. Так, К. Аринс с коллегами проанализировала метафоры на примере китайского языка при помощи функциональной магнитно-резонансной томографии, доказав разницу в нейрофизиологической обработке разных типов метафоры [Ahrens и др., 2007]. Эти выводы подтверждены результатами других исследований [Eviatar, Just, 2006; Stringaris и др., 2007].

В настоящее время разрабатывается нейролингвистическая теория метафоры, согласно которой предлагается, что метафора служит средством категоризации культурных, абстрактных и теоретических концептов. С другой стороны, считается, что концептуальные метафоры представляют собой кортежи нейронов, расположенные в разных частях мозга и соединенные синоптическими связями [Anaki, Faust, Kravetz, 1998; Andreou, Galantomos,

2019; Coulson, Petten Van, 2002; Eviatar, Just, 2006; Mashal, Faust, Hendler, 2005; Pynte и др., 1996; Stringaris и др., 2007].

В исследованиях, в которых был проведен мета-анализ персуазивного эффекта, который оказывает метафора в коммуникации [Sopory, 2006; Stee van, 2018], количественно показан воздействующий потенциал метафорических переносов в конкретных актах речевой коммуникации. Например, С. ван Стее вычислила размер персуазивного эффекта по сравнению с буквальными выражениями: он выше на 95% при статистической точности $r = 0.09$ при $p < .001$ [Stee van, 2018: 1051].

П. Тибодо и Л. Бородицки рассмотрели проблематику влияния метафор на наши суждения о сложных социальных вопросах и явлениях общественного характера. В исследовании было обнаружено, что «даже одна метафора влияет на то, как люди пытаются решать социальные проблемы, такие как преступность, и как они собирают информацию для принятия хорошо обоснованных решений» [Thibodeau, Boroditsky, 2011].

Не все исследователи соглашались с тем, что метафорическое выражение непосредственно связано с суггестивностью речевого сообщения. Так, в исследовании Я. Босмана изучалось влияние метафор на политические установки [Bosman, 1987]. Участники читали метафорическое описание политической партии, а затем заполняли анкету об этой партии. Результаты показали, что метафорическое описание систематически влияло на идеи и установки участников, однако это влияние нельзя назвать закономерностью, так как некоторые метафорические проекции оказывали обратный эффект. По мнению Я. Босмана, суггестивное воздействие метафоры на поведенческие решения реципиента зависит от содержания сферы-источника метафорической проекции [Bosman, 1987: 112].

Интересно отметить, что дальнейшие исследования автора показали, что метафоры не обязательно сильнее влияют на принятие политических решений, чем буквальное выражения. При этом указывается, что метафоры оказывают

большее влияние на принятие решений в противоречивых ситуациях [Bosman, Nagendoorn, 1991].

Т. Белт, который изучил воздействие визуальных, аудиальных и текстовых метафор, также полагает, что метафоры не обязательно убедительны сами по себе, но должны взаимодействовать с определенными характеристиками аудитории, чтобы быть эффективным средством персуазивности. Эти характеристики включают в себя учет определенных социальных и культурных ценностей аудитории. Эмоциональное взаимодействие метафорического послания является эффективным тогда, когда использование метафор соотносится с особенностями реципиента речевого сообщения [Belt, 2003].

Проблема речевого воздействия метафоры неизменно связана с вопросом восприятия метафоры и базируются на основных теориях и подходах к изучению метафоры в целом: семантическом, прагматическом и когнитивном. П. Сопори [Sorogy, 2006] детально проанализировал все взгляды и концепции на природу функционального метафоры, классифицировав все разработанные концепции речевого воздействия и выявив 6 основных механизмов воздействия метафоры:

1. Удовольствие и облегчение (Pleasure or Relief).

Эта концепция базируется на структурно-семантическом подходе к метафоре, где предполагается что, что метафорическое выражение – это семантическая аномалия, восприятие которой приводит к некоторому «негативному напряжению» [Bowers, Osborn, 1966; Reinsch, 1973]. В рамках данного понимания предполагается, что при восприятии метафорического выражения задействованы три стадии: восприятие «семантической ошибки», связанной с новизной метафоры, семантический конфликт и разрешение конфликта, которое рассеивает негативное напряжение, приводя к когнитивному облегчению. Таким образом, возникающее удовольствие от снятия семантического напряжения как бы приводит к усилению метафорического смысла и ассоциируемой с ним оценки. Буквальные

выражения, напротив, не содержат никакой «семантической головоломки» и, следовательно, не дают при восприятии ни удовольствия, ни облегчения [Soroty, 2006: 385].

2. Доверие к собеседнику (Communicator credibility).

Эта концепция основана на риторическом подходе к метафоре, который рассматривает метафору как средство усиления образности. Под «доверием к собеседнику» предполагается, что речевые сообщения участников коммуникации, содержащие метафоры, считаются более достоверными, чем сообщения выраженные неметафорически [Bowers, Osborn, 1966; McCroskey, Combs, 1969].

Повышение доверия к собеседнику, использующему метафоры, по мнению П. Сопори, происходит по двум причинам. Во-первых, как утверждал Аристотель в «Поэтике»: «Самое великое на сегодняшний день – это быть мастером метафоры. Это единственное, чему нельзя научиться у других; это также признак гениальности». То есть, ораторов, использующих метафоры, исторически оценивали весьма положительно. Вторая причина предполагает, что так как метафоры могут указывать на ранее неизвестное сходство между сущностями, то эта вновь обретенная ценность знания является источником интереса для реципиента сообщения и формирует благоприятное впечатление об авторе речевого сообщения [Soroty, 2006: 385].

3. Снижение контраргументов (Reduced Counterarguments).

Согласно концепции о снижении контраргументов [Guthrie, 1972] процесс восприятия метафоры приводит к образованию в сознании большого количества ассоциаций, что вызывает своего рода «перегрузку ментальной схемы реципиента» [Guthrie, 1972:4], и в результате достигается большее согласие с содержанием речевого сообщения. Эта точка зрения основана на том, что при восприятии речевого сообщения все реципиенты склонны к тому, чтобы противопоставлять свое мнение тому, которое высказывается в сообщении. Следовательно, раз когнитивная обработка метафорических сообщений потребляет больше ресурсов, это ослабляет возможные

контраргументы реципиента, что приводит к усилению речевого воздействия метафорического высказывания [Sopory, 2006: 386]. Очевидно, что данная концепция базируется на прагматическом и когнитивном понимании метафоры.

4. Сопоставление когнитивных ресурсов (Resource matching).

Данная концепция также базируется на когнитивно-прагматическом понимании метафоры и основана на идее необходимости тратить когнитивные ресурсы на обработку метафоры [Ortony, 1979] и на предположении о том, что потраченные на эту обработку ресурсы определенным образом соотносятся друг с другом [Jaffe, 1988]. Когда когнитивные ресурсы, необходимые для понимания метафорического выражения, доступны реципиенту, достигается максимальная обработка речевого выражения, содержащего метафору и, таким образом, максимальное понимание. При наличии несоответствия в виде слишком малого количества когнитивных ресурсов происходит меньшее понимание, и убедительность метафоры падает. С этой точки зрения метафоры обладают высоким воздействующим потенциалом только в условиях многократного повторения сферы-источника, то есть когда сам метафорический перенос знаком реципиенту [Sopory, 2006: 386].

5. Стимулируемая когнитивная обработка (Stimulated elaboration).

Концепция стимулируемой обработки связана с двумя различными теориями восприятия метафоры. Первая основана на теории структурного переноса (structure-mapping) Д. Гентнер [Gentner, 1983]. В ней предполагается, что большее количество семантических связей в метафоре приводит к необходимости большей когнитивной обработки содержания сообщения, что, в свою очередь, приводит к увеличению убедительности. Так, Б. Уэйли предложил, что определенные типы метафоры обладают высоким уровнем персуазивности, так как их когнитивная обработка приводит к более глубокому пониманию сообщения, чем обработка буквальных выражений [Whaley, 1991].

Согласно второй точке зрения, основанной на теории дисбаланса семантической приоритетности (salience-imbalance theory) Э. Ортони [Ortony, 1975], когнитивная обработка метафоры вызывает большое число валентных

размышлений, которые приводят к большей убедительности. Напротив, для извлечения смысла буквального выражения нет необходимости в когнитивном напряжении, и, следовательно, в глубинном анализе содержания речевого сообщения.

Суть речевого воздействия, лежащего в основе концепции стимулированной когнитивной обработки, заключается в том, что метафоры вызывают большее количество адекватно оцененной когнитивной информации, чем восприятие буквальной информации [Sorogy, 2006: 386].

6. Лучшая структурная организация сообщения (Superior organization).

Эта концепция также базируется на теории структурного переноса (structure-mapping) Д. Гентнер [Gentner, 1983] и предполагает, что метафора помогает структурировать и организовывать аргументы сообщения лучше, чем буквальный язык [Read и др., 1990]. Метафора вызывает больше семантических ассоциаций, и когда эти ассоциации согласуются с метафорой, различные аргументы соединяются более логично через множество доступных семантических путей. Следовательно, реципиентам речевых сообщений легче связывать аргументы друг с другом и, поскольку они метафорически выделены, эти аргументы будут когнитивно обработаны с большей вероятностью. Ключевая идея здесь заключается в том, что метафора обеспечивает соответствующие семантические ассоциации, с помощью которых аргументы сообщения становятся взаимосвязанными, что приводит к более высокому уровню речевого воздействия [Sorogy, 2006: 387].

К перечисленным выше и представленным в мета-анализе П. Сопори [Sorogy, 2006] 6 концепциям, на которых строится предположение, что метафора делает речевое сообщение более убедительным, в дальнейшем С. ван Стее добавила еще одну [Stee van, 2018]:

7. Внимание (Attention).

Концепция, согласно которой использование метафорических выражений является более воздействующим [McGuire, 2000; Mothersbaugh,

Huhmann, Franke, 2002], основана на семантическом подходе к метафоре, а именно на тезисе, что риторические тропы - это «категория риторических приемов, характеризующихся отклонением от буквального языка с точки зрения их структурны; это хитрые отклонения в использовании языка», которые могут принимать различные формы» [Mothersbaugh, Huhmann, Franke, 2002: 589]. Кроме того, в этой концепции утверждается, что метафорическое сообщение может первоначально привлечь внимание или интерес, что может привести к большей когнитивной обработке и, как следствие, убеждению реципиента, однако сила воздействия этого метафорического выражения может быть разной [Stee van, 2018].

В работе В. Оттати и Р. Ренстрема представлен еще один подход к объяснению и классификации причин потенциального речевого воздействия метафор [Ottati, Renstrom, 2010]. По мнению исследователей, «метафора выполняет множество функций в убеждении, а взаимосвязь метафоры с речевым воздействием потенциально опосредована несколькими психологическими механизмами» [Ottati, Renstrom, 2010: 784]. В. Оттати и Р. Ренстром на основании анализа всех предшествующих теорий выделяют среди них три основных идеи:

1. «Метафорические высказывания могут активировать информацию, которая непосредственно относится к теме коммуникации и тем самым влиять на отношение к теме речевого сообщения.

2. Использование метафор может влиять на впечатления относительно автора речевого сообщения и, таким образом, оказывается влияние и на отношение к теме этого сообщения.

3. Метафоры могут влиять на отношение к теме коммуникации, воздействуя на направление или степень когнитивной обработки, которая происходит, когда реципиент речевого сообщения воспринимает это сообщение» [Ottati, Renstrom, 2010: 785].

Авторы полагают, что «будущие исследования в каждом из этих направлений должны быть сосредоточены на двух взаимосвязанных вопросах:

при каких условиях метафора вызывает определенный психологический процесс в сознании реципиента (например, картирование атрибутов, перенос когнитивной валентности), и при каких условиях данный процесс приведет к увеличению по сравнению со снижением убедительности?» [Ottati, Renstrom, 2010: 793].

В серии исследований, которые проводили Л. Бородицки и П. Тибодо также изучается персуазивность метафоры, выраженная во влиянии на умозаключения (reasoning), которые делают реципиенты речевого сообщения. Анализ преимущественно проводился на материале политического дискурса [Thibodeau, Boroditsky, 2011; Thibodeau, Boroditsky, 2013].

Авторы убеждены, что особая роль метафоры в персуазивности обусловлена ее фреймовым характером: «Метафоры в языке отражают фрейм-согласованные структуры знания и вызывают структурно последовательные умозаключения. Метафоры не просто расцветают в риторике, они оказывают глубокое влияние на то, как мы концептуализируем знание и действуем в отношении важных общественных проблем» [Thibodeau, Boroditsky, 2011].

Л. Бородицки и П. Тибодо указывают, что метафоры влияют на рассуждения людей даже тогда, когда существует набор альтернативных решений для сравнения и выбора. «Эти данные свидетельствуют о том, что метафоры могут влиять не только на то, какое решение приходит на ум в первую очередь, но и на то, какое решение, по мнению людей, является наилучшим, даже если им предоставляется возможность явно сравнивать альтернативы» [Thibodeau, Boroditsky, 2013]. Основной причиной подобного персуазивного эффекта метафорических переносов в коммуникации исследователи считают когнитивную природу метафоры. Они подчеркивают, «что большинство реципиентов не могли выделить метафору в тексте или не признавали метафору как языковое средство, которое как-либо воздействует на них» [Thibodeau, Boroditsky, 2013]. Таким образом, метафора в данном исследовании определяется как средство «скрытого воздействия на принятие решений».

Отметим, что выводы исследователей во многом коррелируют с данными, полученными Дж. Джонсоном и С. Тэйлором [Johnson, Taylor, 1981]. Они указывали, что метафоры, будучи использованными в политической медиакommunikации, являются персуазивными в отношении сложных объектов, что объясняется фреймовым характером метафорического переноса.

Выше мы описали основные исследования в области речевого воздействия метафоры, которая изучается с разных точек зрения и с использованием разных методологий. Большинство исследований свидетельствуют о значительном влиянии метафоры на прагматический эффект речевого сообщения, что подтверждается в том числе и числовыми данными. Также мы привели ключевые концепции, объясняющие феномен речевого воздействия метафоры. Далее мы изучим вопрос, какие именно характеристики природы метафоры и особенности ее употребления в коммуникации проявляют воздействующий функциональный потенциал.

Стоит отметить, что и мета-анализ П. Сопори [Sopory, 2006] и исследование С. ван Стее [Stee van, 2018], которое является его продолжением, приводят данные практических исследований, которые изучают гипотезы относительно того, что именно в использовании метафор в дискурсе приводит к увеличению речевого воздействия.

В мета-анализе П. Сопори было подвергнуто проверке несколько гипотез:

1. Развернутые метафоры более персуазивны, чем простые.
2. Речевое воздействие зависит от количества метафор, содержащихся в речевом сообщении.
3. Метафоры в начале речевого сообщения более убедительны, чем в любой другой позиции (Метафоры в конце речевого сообщения более убедительны, чем в любой другой позиции).
4. Воздействующий потенциал напрямую связан с тем, что сфера-цель хорошо знакома реципиенту речевого сообщения.

5. Речевое воздействие напрямую связана с конвенциональностью и новизной метафоры.

6. Метафоры в письменной форме более убедительны, чем метафоры, в звуковой [Sorogy, 2006: 389-391].

В исследовании С. ван Стее в дополнение к вышперечисленным также исследовался визуальный формат метафоры.

Результаты исследований показали:

1. Развернутые метафоры действительно более персуазивны, однако данная гипотеза подтверждена частично.

2. Гипотеза о том, что количество метафор влияет на речевое воздействие, не была подтверждена. Напротив, результаты показали, что меньшее количество метафор обладает более высоким воздействующим потенциалом, однако результат не был признан статистически значимым.

3. Гипотеза о том, что метафоры в начале речевого сообщения (введении) более убедительны, чем в любой другой позиции, подтвердилась. При этом метафоры в конце речевого сообщения (в заключении) более убедительны, чем в основном тексте.

4. Гипотеза о влиянии известности сферы-цели на речевое воздействие метафоры была подтверждена частично.

5. Конвенциональность метафоры действительно оказывает значительное влияние на речевое воздействие. Новые метафоры показали больший воздействующий потенциал.

6. Аудиометафоры продемонстрировали больший уровень речевого воздействия, однако гипотеза подтверждена лишь частично [Sorogy, 2006: 404-407].

В мета-анализе С. ван Стее [Stee van, 2018] в целом были подтверждены результаты исследования П. Сопори, за тем исключением, что гипотеза о значимости позиции метафоры в тексте была подтверждена частично. Гипотеза о высоком воздействующем эффекте новых метафор также была подтверждена частично. Согласно исследованию ван Стее, наибольшим функционально-

воздействующим потенциалом обладают метафоры с умеренным уровнем новизны, они более убедительны, чем абсолютно новые яркие авторские метафоры и чем стертые конвенциональные метафоры. Также автор подтверждает гипотезу о том, что осведомленность реципиента о сфере-цели метафорической проекции оказывает высокое воздействие на речевое воздействие метафоры. Визуальные метафоры признаются более убедительными, чем аудио и текстовые метафоры [Stee Van, 2018: 560-562].

Выводы:

В данном параграфе нами были рассмотрена проблема взаимосвязи понятий метафоричности и речевого воздействия. Метафоричность – это реализация функционального потенциала метафор разного типа в тексте и дискурсе, те специфические функции, которые связаны с разными формами и типами речевого воздействия, то есть *специфическая характеристика дискурса*, отражающая реализацию в нем функционального потенциала метафор, проявляющегося в метафорическом речевом воздействии.

Под метафорическим речевым воздействием будет пониматься целенаправленное или нецеленаправленное, концептуальное или эмоциональное влияние автора речевого сообщения на языковое сознание адресата речевого сообщения посредством использования метафор в тексте и дискурсе.

Анализ научной литературы показал, что вопрос взаимосвязи воздействующей силы конкретного речевого сообщения и использования метафор является доказанным в современном языкознании. Работы представителей разных направлений языкознания [Anaki, Faust, Kravetz, 1998; Andreou, Galantomos, 2019; Coulson, Petten Van, 2002; Eviatar, Just, 2006; Mashal, Faust, Hendler, 2005; Pynte и др., 1996; Sopory, 2006; Stee van, 2018; Stringaris и др., 2007; Thibodeau, Voroditsky, 2011] единогласно подтверждают, что метафора в тексте оказывает воздействие и на характер восприятия речевого сообщения, и на принятие обоснованных решений.

В рамках объяснения данных причин было выявлено несколько ключевых направлений исследований: удовольствие и облегчение (Pleasure or Relief), доверие к собеседнику (Communicator credibility), снижение контраргументов (Reduced Counterarguments), сопоставление когнитивных ресурсов (Resource matching), стимулируемая когнитивная обработка (Stimulated elaboration), лучшая структурная организация сообщения (Superior organization).

В общем виде постулаты данных теорий обобщены в исследовании В. Оттати и Р. Ренстромом [Ottati, Renstrom, 2010] в виде трех основных тезисов:

1. Метафоры активизируют информацию, относящуюся к теме коммуникации, что формирует у адресата сообщение соответствующее отношение к теме речевого сообщения.

2. Метафоры связаны с эмоциональной сферой, так как создают определенное впечатление относительно автора речевого сообщения и, таким образом, оказывается влияние и на отношение к теме этого сообщения.

3. Метафоры воздействуют на направление или степень когнитивной обработки информации и таким образом могут влиять на отношение к теме коммуникации.

Кроме этого, мы также выяснили, какие именно аспекты использования метафор в тексте или дискурса могут быть связаны с речевым воздействием. Теоретический анализ исследований, посвященных воздействию силы метафоры, показал, что полностью доказанными являются тезисы о связи с речевым воздействием:

- 1) новизны метафоры;
- 2) позиции метафоры в тексте;
- 3) содержания сферы-источника;
- 4) формата метафоры (видео, аудио, текстовый).

Частично доказанными являются тезисы о связи с речевым воздействием:

- 1) количества метафор в речевом сообщении;
- 2) формы метафоры (развернутая или нет).

Мы полагаем, что метафорическое речевое воздействие в дискурсе может быть исследовано посредством анализа функционирования метафор в дискурсе. Методологическую последовательность по количественному выявлению проявления метафорического речевого воздействия и его интерпретации мы разработали метод комплексного анализа метафоричности (MDDA - Metaphor-driven discourse analysis).

Для более детального обоснования метода MDDA мы провели ряд дополнительных практических исследований, направленных на выявление степени влияния вышеперечисленных факторов на воздействующую силу метафор в речевом сообщении.

2.2 Взаимосвязь количества метафор и речевого воздействия

Важным и малоисследованным является вопрос взаимосвязи количества метафор на объем текста с речевым воздействием. Как утверждал И. Ричардс, «в живом дискурсе нет и трех предложений, в которых не встретила бы метафора» [Richards, 1965: 98]. При этом выше мы указывали, что данные проведенных исследований персуазивности метафоры свидетельствуют о том, что «количество метафор в речевом сообщении не обязательно влияет на воздействующий потенциал» [Sorogy, 2006; Stee van, 2018]. Более того, по утверждениям П. Сопори, «одна метафора имеет больший персуазивный эффект, чем много» [Sorogy, 2006: 405].

Наша гипотеза в данном случае состоит в том, что количество метафор в тексте связано с речевым воздействием, однако использование метафор должно быть уместным, то есть отличаться воспринимаемой уместностью (perceived aptness), которую мы определяем как соотносимость тех или иных лексических единиц с контекстом, целями речевого сообщения и когнитивными особенностями реципиента сообщения.

В процессе коммуникации уместность метафоры изначально связана с порождением высказывания, то есть с автором речевого сообщения, который на основе своей коммуникативной интенции, выбирает «уместные» для достижения коммуникативной цели языковые средства. Однако итоговое речевое воздействие оказывается на реципиента, поэтому мы полагаем необходимым исследовать именно воспринимаемую уместность.

Иными словами, мы полагаем, что «несколько метафор будут более значимы для различных эффектов речевого воздействия в том случае, если они будут согласовываться с конкретной речевой ситуацией» [Калинин, 2020d:32].

При этом, вполне очевидно, что текст, чрезмерно перенасыщенный метафорами, может вызывать излишнее когнитивное напряжение реципиента речевого сообщения. Такой текст может быть сложен для когнитивной и эмоциональной обработки и, тем самым, не вызовет ни снижения контраргументов, ни улучшения эмоционального восприятия текста.

Вопрос взаимосвязи количества метафор с речевым воздействием является слабоизученным. Приведем краткий обзор исследований, которые как-либо связаны с вопросом количества метафор в тексте.

В исследовании Дж. Мио и других ученых изучается зависимость количества метафор от индивидуальных характеристик автора речевого сообщения. В качестве материала исследователи используют инаугурационные речи 36 американских президентов. Авторы определили, что «19 президентов были высокохаризматичными, в то время как 17 не отличались харизмой. Харизматичные президенты использовали в среднем вдвое больше метафор, чем остальные» [Мио и др., 2005: 293]. Также было проведено параллельное исследование, где было изучено восприятие отрывков из высокометафоричных и низкометафоричных речей. Результаты показали, что отрезки выступлений политиков, насыщенные метафорами, воспринимались участниками эксперимента как более вдохновляющие и мотивирующие.

В исследовании К. Хьюси и А. Каца анализируется зависимость частотности употребления метафор в онлайн-общении от пола и степени

знакомства собеседников [Hussey, Katz, 2006]. Исследователи проанализировали скрипты он-лайн диалогов 64 респондентов, каждый из которых участвовал в двух беседах: с другом и с незнакомым человеком. Было выяснено, что «мужчины продуцируют больше метафор в обоих случаях, при этом количество метафор в коммуникации участников эксперимента мужского пола не отличалось в зависимости от степени знакомства с собеседником. Это объясняется желанием мужчин быть более убедительными, чем собеседник, а также готовностью мужчин рисковать понятностью сообщения для достижения большей убедительности» [Hussey, Katz, 2006: 84].

В исследовании Г. Лоу исследуется частотность использования метафор в научных рецензиях. Автор анализирует плотность метафор на 100 слов, демонстрируя, что «в рецензиях в области общественных наук частотность метафор выше, чем в рецензиях на естественно-научные статьи, что составляет 11,7% и 9,5% соответственно. Это объясняется тем, что в рецензиях на научный текст, несмотря на определенную формализованность, авторы стремятся персонализировать свой текст и сформировать некоторую оценку к рецензируемому исследованию» [Low, 2008: 93].

В другом исследовании была рассмотрена проблематика использования метафор в письменной речи на втором иностранном языке во взаимосвязи с уровнем владения иностранным языком (CEFR). В работе проанализировано двести сочинений, написанных носителями греческого и немецкого языков, изучающими английский язык. Полученные результаты свидетельствуют о том, что «общая плотность метафор (overall density of metaphors) увеличивается в сочинениях учащихся с уровнями CEFR A2 до C2. В сочинениях, написанных студентами с более низким уровнем владения языком большинство метафор относятся к конвенциональным метафорам, но студенты, владеющие уровнем B2 и выше использовали много новых метафор. При более высоком уровне владения языком участники эксперимента используют более разнообразные и сложные метафорические дескрипторы» [Littlemore и др., 2014].

Стоит также упомянуть исследование влияния количества метафор в тексте на восприятие текста при чтении, проведенное Дж. Канингемом, в котором было проанализировано восприятие письменного текста. Автор разработал методику, где 190 учеников средней школы читали два отрывка текста, отличающиеся по количеству метафор, после чего проходили тест на понимание прочитанного. Результаты показали, что восприятие содержания неметафорического текста было выше [Cunningham, 1976: 367], что подтверждает влияние метафор на когнитивную обработку информации.

Для дальнейшего изучения зависимости речевого воздействия от плотности метафор, нами было проведено собственное исследование [Калинин, 2020d].

Для этого была разработана отдельная процедура проверки высказанной выше гипотезы о том, что речевое сообщение, согласующееся с принципом воспринимаемой уместности и содержащее при этом большее количество метафор, будет более персуазивны, чем речевое сообщение без метафор и с минимальным количеством метафор.

Прежде всего было разработано тестовое задание, где респондентам предлагалось сделать выбор после прочтения трех текстов: не содержащих неметафорических (без метафор), среднеметафоричных (содержащим 1–2 метафоры), высокометафоричных (содержащим 5 и более метафор). Для каждого текста был подсчитан индекс частотности метафор по методу К. де Ландтсхеер [Landtsheer De, 2009] по формуле $MFI = (nme * 100) / nw$, то есть мы получаем среднее значение количества метафор на 100 слов текста. Тексты и значения индекса частотности метафор представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Тестовое задание для проверки зависимости персуазивности
речевого сообщения от количества метафор

Задание	Текст	<u>Nme/MFI</u>
<p>№ 1 Прочтите описание политических партий и проголосуйте за одну из них</p>	<p>Партия Слоны Голосуя за нашу партию, вы голосуете за свои социальные гарантии. Мы обеспечим ваши права и свободы и гарантируем эффективную работу органов государственной власти. Наша партия поддержит вас во времена экономического кризиса и социальной нестабильности. Выбирая слонов, вы выбираете стабильность!</p>	0/0
	<p>Партия Зебры Голосуя за нашу партию, вы голосуете за свои социальные гарантии. Мы защитим ваши права и свободы и гарантируем</p>	2/4,4

Задание	Текст	Nme/MFI
<p>№ 1</p> <p>Прочтите описание политических партий и проголосуйте за одну из них</p>	<p>Партия Слоны</p> <p>Голосуя за нашу партию, вы голосуете за свои социальные гарантии. Мы обеспечим ваши права и свободы и гарантируем эффективную работу органов государственной власти. Наша партия поддержит вас во времена экономического кризиса и социальной нестабильности. Выбирая слонов, вы выбираете стабильность!</p>	0/0
	<p>Партия Зебры</p> <p>Голосуя за нашу партию, вы голосуете за свои социальные гарантии. Мы защитим ваши права и свободы и гарантируем</p>	2/4,4
<p>№ 2</p> <p>Прочтите описание сервиса подписок на кино и выберите тот сервис, на который вы скорее всего бы подписались</p>	<p>Подписка А</p> <p>Подписываясь на наш сервис, вы получаете доступ к множеству художественных и документальных фильмов. Вы будете наслаждаться просмотром любимого видео-контента с любого из своих устройств и не пропустите ни одной новинки. Присоединяйтесь к нам, и вы станете частью нашего киносообщества.</p>	0/0
	<p>Подписка В</p> <p>Подписываясь на наш сервис, вы получаете доступ к множеству художественных и документальных фильмов. Вы будете наслаждаться просмотром любимого видео-контента с любого из своих устройств, и ни одна премьера не пройдет мимо вас. Присоединяйтесь к нам, и вы станете частью нашей кино вселенной.</p>	1/2,27
	<p>Подписка С</p> <p>Подписываясь на наш сервис, вы получаете доступ к вселенной кино, художественного и документального. Вы сможете погрузиться в созданную вами <u>кинореальность</u> с любого из своих устройств, и ни одна премьера не пройдет мимо вас. Подключайтесь к нам, и вместе мы отправимся в удивительное путешествие в мир кино.</p>	4/8,3
<p>№ 3</p> <p>Прочтите описание иностранного языка и выберите, какой язык, вы скорее всего будете изучать</p>	<p>Кремлевский язык</p> <p>Кремлевский язык – один из самых распространенных в современном мире, это средство коммуникации в сфере бизнеса и культуры. Выучив кремлевский язык, вы сможете общаться со всем миром и станете востребованным специалистом на рынке труда.</p>	0/0
	<p>Голливудский язык</p> <p>Голливудский язык – один из самых распространенных в современном мире, это средство коммуникации в сфере бизнеса и культуры. Выучив голливудский язык, вы сможете говорить на одном языке со всем миром и станете незаменимым специалистом на рынке труда.</p>	1 / 2,56
	<p>Луврский язык</p> <p>Луврский язык – один из самых распространенных в современном мире, без него современный человек не проживет как не проживет без воды. Это не просто средство коммуникации в сфере бизнеса и культуры, это ваша дверь в мир успеха и процветания. Выучив луврский язык, вы сможете говорить на одном языке со всем миром и получите бездонное количество возможностей для карьерного роста.</p>	5/8,06

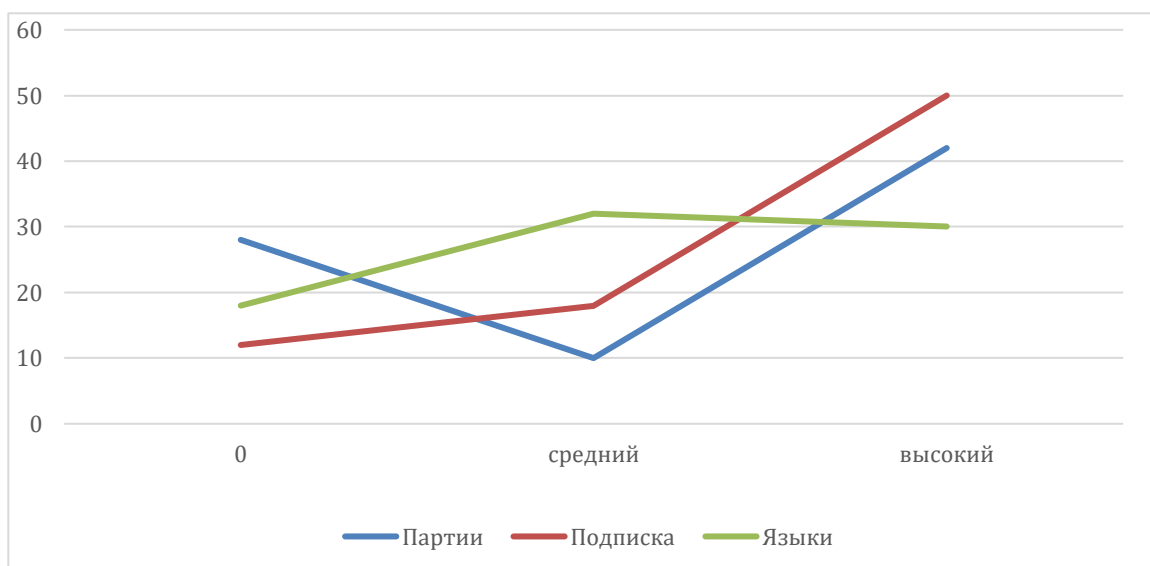
Технология исследования предполагала, что респонденты также определяли уместность подобного описания политической партии, сервиса

подписок и иностранного языка по шкале от 1 до 5. Задание формулировалось следующим образом: «Определите по шкале от 1 до 5 насколько уместно подобное описание [партии, сервиса, языка], где 1 – «неуместно, кажется слишком странным», а 5 – «вполне уместно, не вызывает никаких странных ощущений». Это дополнительное задание было нацелено на определение показателя воспринимаемой уместности содержания речевого сообщения.

Стоит отметить, что «описание иностранного языка» было специально разработано с предполагаемо низким уровнем уместности метафорических выражений. Как мы видим в Таблице 1, вариант, наиболее богатый метафорами, не отличается от других заданий по количеству метафор, однако с точки зрения содержания использованных метафор они являются слишком яркими для описания иностранного языка: *«без него современный человек не проживет также как не проживет без воды», «дверь в мир успеха и процветания», «получите бездонное количество возможностей».*

Наш опрос охватил 80 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет, среди которых 49 – женский пол, и 31 – мужской пол. В данном исследовании не ставилась задача по анализу зависимости метафоричности от личностных качеств респондентов, поэтому ответы всех участников опроса признаются равнозначными.

Распределение ответов респондентов, то есть результаты их выбора после прочтения задания представлены на Рисунке 13.

Рисунок 13 – Результаты распределения ответов на задания

В Таблице 2 эти результаты представлены в процентном соотношении.

Таблица 2 – Зависимость персуазивности речевого сообщения от количества метафор

MFI	Партии,%	Подписка,%	Языки,%
0	35	15	22,5
средний	12,5	22,5	40
высокий	52,5	62,5	37,5

В своей статье мы «посчитали коэффициент корреляции между значением MFI и процентными показателями распределения ответов респондентов. Для всех трех заданий он составил 0,69, что говорит о среднем уровне зависимости, а если взять в расчёт только первые два задания, исключив задание с преднамеренно низким уровнем уместности метафоры, то он составит 0,73, что говорит об умеренно высоком уровне зависимости между переменными» [Калинин, 2020d: 38].

Для верификации статистической значимости выводов мы также посчитали значение U критерия Манна-Уитни, который традиционно предназначен для оценки различий между двумя малыми выборками по уровню какого-либо признака. Для всех трех заданий значение U критерия равно 5, что говорит о статистической значимости результатов, $p \leq 0,01$.

Ниже представлены результаты второй части исследования – показатели воспринимаемой уместности метафоры.

Таблица 3 – Результаты оценки воспринимаемой уместности метафор

MFI	Партии	Подписка	Языки
0	4,25	3,1	3,8
средний	4,1	3,5	3,85
высокий	4,3	3,9	2,1

В Таблице 3 указано, что показатель воспринимаемой уместности в целом согласуется с полученными данными ответов респондентов на задания. Для верификации результатов мы также подсчитали коэффициент корреляции для этой зависимости, который составил 0,18, что говорит о слабой зависимости между переменными. При этом значение U критерия Манна-Уитни равно 8, что говорит о статистической значимости результатов, $p \leq 0,01$.

При анализе данных воспринимаемой уместности интересным является тот факт, что разница между неметафорическими речевыми сообщениями и речевыми сообщениями с высоким уровнем метафоричности отличается для текстов разной жанровой принадлежности. При описании политических партий (задание 1) и буквальные выражения, и метафорические признавались одинаково уместными. В то время как для текста рекламы сервиса подписки на фильмы (задание 2) разница в воспринимаемой уместности для сильнометафоричных и неметафоричных текстов составила 0,8. Это говорит о том, что воспринимаемая уместность метафор определяется в том числе и жанровыми особенностями речевого сообщения, и имеющимися у реципиента пониманием соответствия речевой нормы и прагматических условий речевого сообщения.

Кроме того, текст, который на этапе подготовки преднамеренно был насыщен неуместными, чрезмерно яркими метафорами, получил самый низкий показатель воспринимаемой уместности – 2,1. Так, в задании 3 при распределении ответов респондентов сформировалась интересная зависимость, варианты 2 и 3 получили примерно равнозначное количество ответов – 40% и 37,5% соответственно. А для заданий 1 и 2 второй вариант со средним показателем частотности метафоры был выбран значительно меньшим количеством респондентов в сравнении с третьим вариантом, где уровень MFI был высоким. Так, для задания 1 варианты 2 и 3 были выбраны 12,5% и 52,5% респондентов, а для задания 3 – 22,5 % и 62,5% соответственно. Это позволило нам сделать вывод о том, что низкий уровень уместности метафор в тексте привел к снижению персуазивности.

Таким образом, мы сделали вывод, что «если опираться на полученные данные о воспринимаемой уместности метафор в заданиях, можно заключить, что речевое сообщение с низким уровнем уместности метафор становится менее персуазивным, несмотря на количество метафор. То есть воспринимаемая уместность является фактором, которая оказывает обратно пропорциональный эффект на персуазивность речевого сообщения» [Калинин, 2020d: 40].

Наше исследование подтвердило исходную гипотезу и показало, что более высокая плотность метафор в тексте свидетельствует о более высоком уровне персуазивности речевого сообщения. Однако, эта персуазивность ограничивается показателем воспринимаемой уместности. Иными словами, плотность метафор в тексте должна быть обусловлена жанровыми и стилевыми особенностями речевого сообщения. «Если уровень уместности метафор низкий, то увеличение количества метафор имеет обратный эффект на персуазивность, то есть использование большого количества «неуместных» метафор вызывает снижение уровня речевого воздействия» [Калинин, 2020d: 41].

Вопрос взаимосвязи плотности метафор и речевого воздействия имеет две стороны: воздействие, связанное с восприятием речевого высказывания, и воздействие, связанное с порождением речевого высказывания. В описанном выше исследовании была рассмотрена взаимосвязь количества метафор и речевого воздействия при восприятии высказывания. Далее необходимо изучить проблематику использования метафор в целях речевого воздействия при порождении высказывания.

Для анализа этой взаимосвязи было проведено отдельное исследование, в основе которого лежала следующая гипотеза: при порождении высказывания автор речевого сообщения будет использовать больше метафор в тех частях текста, которые более близко соотносятся с его персональной позицией.

Для проверки данной гипотезы был проведен эксперимент, суть которого состояла в том, что 20 испытуемых написали эссе-рассуждение, в

котором они отвечали на вопрос: «Что для Вас Россия?». При этом задание для эксперимента было сформулировано таким образом, что при написании текста нужно было изложить свою позицию относительно 3-х подтем: «Россия – это история», «Россия – это люди», «Россия – это культура» и выбрать вариант, который наиболее близок личному мнению автора. Испытуемые должны были четко структурировать текст на 3 части, где каждая из частей отражала бы одну из составляющих задания. Каждая из частей должна была быть примерно одинаковой по объему, содержать 300–400 слов. После того как статьи были написаны, из них целенаправленно убирались выражения, прямо свидетельствующие об авторской позиции, например, «таким образом, Россия – это прежде всего ...». Все 20 испытуемых имели профильное высшее филологическое образование, то есть являлись выпускниками филологических или журналистских факультетов университетов России.

Для подсчета результата и выявления закономерностей для каждого из полученных текстов был использован индекс частотности метафор по методу К. де Ландтсхеер [Landtsheer De, 2009] по формуле $MFI = (nme * 100) / nw$, то есть исходными данными стали результаты анализа плотности метафор в текстах испытуемых. Второй переменной являлся выбор варианта (история, культура или люди), который наиболее близок личной позиции автора.

Таблица 4 – Результаты исследования зависимости речевого воздействия текста от количества метафор при порождении речевого высказывания

Номер текста	Содержание текста	MFI	Мнение	Номер текста	Содержание текста	MFI	Мнение
1	Культура	8,9	0	11	Культура	3,3	0
	История	8,97	0		История	5,5	1
	Люди	4,6	1		Люди	4,34	0
2	Культура	3	0	12	Культура	3,75	0
	История	5,84	1		История	6,5	1
	Люди	3,6	0		Люди	4	0
3	Культура	4	1	13	Культура	5,33	0

	История	6,9	0		История	5,5	1
	Люди	0	0		Люди	5	0
4	Культура	6,5	0	14	Культура	6,97	0
	История	10	1		История	5,66	0
	Люди	9,5	0		Люди	6,6	1
5	Культура	2,8	0	15	Культура	4,3	0
	История	1,96	0		История	4,1	1
	Люди	5,7	1		Люди	1,5	0
6	Культура	5,6	1	16	Культура	8,64	0
	История	4,2	0		История	5,33	0
	Люди	3,1	0		Люди	5,33	1
7	Культура	12,7	1	17	Культура	2,43	0
	История	2,3	0		История	6,8	1
	Люди	5,2	0		Люди	5,88	0
8	Культура	6,25	0	18	Культура	2,5	1
	История	8,5	0		История	4,4	0
	Люди	6,1	1		Люди	3,2	0
9	Культура	5,9	0	19	Культура	12,6	1
	История	5,1	0		История	6,1	0
	Люди	6,25	1		Люди	9,87	0
10	Культура	5,1	1	20	Культура	2,47	0
	История	4,2	0		История	2,45	0
	Люди	3	0		Люди	3,43	1

Полученное распределение было проанализировано посредством расчёта Т критерия Стьюдента, который направлен на оценку различий величин средий значений двух выборок, которые распределены по нормальному закону. Для расчёта значения критерия в настоящее время используются онлайн-калькуляторы. В нашем случае значение критерия составило $t_{\text{Эмп}} = 15.2$, то есть $p \leq 0.01$, что подтверждает попадание распределения в зону статистической значимости.

Как мы видим в таблице распределения результатов, в 13 случаях из 20 те части текста, которые отражали авторскую позицию, отличались большей плотностью метафор. При этом еще в 5 случаях авторская позиция совпадала в тех частях, которые отличались средней метафоричностью, и только в одном случае автор использовал наименьшее среди всех частей своего текста количество метафор для отражения близкой своему мнению позиции.

Таким образом, если перевести полученные результаты в процентные величины, то в 65% случаев авторы насыщали тексты метафорами для усиления убедительности своего высказывания. При этом важно помнить, что изначально в задании не было цели сделать свой текст убедительным или метафорически насыщенным. То есть мы можем сделать вывод о том, что в 65% случаев при порождении высказывания автор текста подсознательно стремится к более высокой насыщенности метафорами в тех частях своего высказывания, которые близки его персональному мнению. Проведенное исследование подтверждает, что метафора является средством имплицитного речевого воздействия.

Второй частью данного исследования стал анализ воспринимаемой персуазивности речевого сообщения. Полученные 20 текстов были представлены 160 респондентам для прочтения и анализа предполагаемой авторской позиции, то есть испытуемые должны были «дешифровать сообщение» и определить, какая позиция (Россия – это культура/история/люди) наиболее близка автору текста. В качестве респондентов в данном случае были студенты 3–4 курса филологического факультета одного из московских вузов.

Целью данной части исследования стал анализ воспринимаемой имплицитной персуазивности. Можно сравнить данные о плотности метафор в оригинальных текстах, данные об изначальной авторской позиции с результатами воспринимаемой персуазивности и вычислить корреляцию между количеством метафор и тем, какие части текста кажутся наиболее убедительными с точки зрения реципиента сообщения. Результаты исследования представлены в Таблице 5.

Таблица 5 – Результаты исследования зависимости речевого воздействия текста от количества метафор при восприятии речевого высказывания

Номер текста	Содержание текста	MFI	Воспринимаемое мнение	Номер текста	Содержание текста	MFI	Воспринимаемое мнение
1	Культура	8,9	18	11	Культура	3,3	31
	История	8,97	43		История	5,5	37
	Люди	4,6	101		Люди	4,34	38
2	Культура	3	60	12	Культура	3,75	26
	История	5,84	75		История	6,5	54
	Люди	3,6	27		Люди	4	26
3	Культура	4	72	13	Культура	5,33	25
	История	6,9	22		История	5,5	46
	Люди	0	68		Люди	5	34
4	Культура	6,5	20	14	Культура	6,97	32
	История	10	33		История	5,66	32
	Люди	9,5	109		Люди	6,6	42
5	Культура	2,8	66	15	Культура	4,3	16
	История	1,96	16		История	4,1	59
	Люди	5,7	42		Люди	1,5	31
6	Культура	5,6	38	16	Культура	8,64	42
	История	4,2	31		История	5,33	24
	Люди	3,1	56		Люди	5,33	40
7	Культура	12,7	54	17	Культура	2,43	23
	История	2,3	52		История	6,8	29
	Люди	5,2	19		Люди	5,88	54
8	Культура	6,25	15	18	Культура	2,5	44
	История	8,5	9		История	4,4	20
	Люди	6,1	101		Люди	3,2	42
9	Культура	5,9	26	19	Культура	12,6	40
	История	5,1	46		История	6,1	32
	Люди	6,25	53		Люди	9,87	34

10	Культура	5,1	48	20	Культура	2,47	45
	История	4,2	39		История	2,45	20
	Люди	3	38		Люди	3,43	41

При анализе распределения ответов респондентов относительно воспринимаемого авторского мнения можно отметить, что корреляция с плотностью метафор не столь прямая и очевидная. В 8 текстах респонденты выбрали в качестве соответствующей авторскому мнению ту часть текста, в которой содержалось наибольшее количество метафор. Еще в 7 текстах были выбраны те части, которые отличались средней метафоричностью, а в 5 текстах респонденты определили, что авторская позиция выражена в наименее насыщенных метафорами текстах.

В данном случае нельзя говорить о значимой закономерности. Для окончательной проверки этого вывода был также проведен корреляционный анализ между распределением ответов респондентов и распределением индекса частотности метафор для каждого текста по трем частям.

Таблица 6 – Результаты корреляционного анализа

Текст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Корреляция	-0,95	0,59	-0,77	0,5	0,24	-0,65	0,29	-0,59	0,03	0,87
Текст	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Корреляция	0,77	0,99	0,41	0,243	0,11	0,58	0,48	-0,95	0,93	0,38

По результатам корреляционного анализа мы видим, что в текстах, где большинство респондентов определило, что авторскому мнению соответствует наименее метафоричный отрывок текста, корреляция отрицательная. В остальных случаях корреляция положительная, однако значимая зависимость ($> 0,7$) имеет место только в 4-х случаях. Таким образом, зависимость воспринимаемого мнения выявлена, однако она не является статистически значимой.

Выводы:

Вопросы плотности метафор в тексте интересовали многих исследователей [Cunningham, 1976; Hussey, Katz, 2006; Landtsheer De, 2009; Littlemore и др., 2014; Low, 2008; Mio и др., 2005]. Наиболее удобным для использования в практических целях является вычисление индекса частотности метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер, который состоит в определении среднего значения количества метафор на 100 слов текста.

Опираясь на индекс частотности метафоры MFI, мы провели собственное исследование, где подтвердили гипотезу о том, что количество метафор в тексте связано с усилением персуазивности речевого воздействия, однако использование метафор должны быть уместным, то есть отличаться воспринимаемой уместностью (*perceived aptness*), которую мы определяем как соотносимость тех или иных лексических единиц с контекстом, целями речевого сообщения и когнитивными особенностями реципиента сообщения.

Мы также изучили воздействующую силу метафор относительно их насыщенности в тексте при порождении высказывания. Для анализа этой взаимосвязи было проведено исследование, в основе которого лежала гипотеза: при порождении высказывания автор речевого сообщения будет использовать больше метафор в тех частях текста, которые более близко соотносятся с его персональной позицией.

Если делать общие выводы относительно влияния количества метафор на силу речевого воздействия, то следует указать:

1. Вопрос зависимости между плотностью метафор в тексте и силой речевого воздействия относится к числу малоисследованных и нерешенных в современном языкознании.
2. Наше практическое исследование показало, что воздействующий потенциал речевого сообщения связан с плотностью метафор.
3. Взаимосвязь между плотностью метафор и речевым воздействием связана с уместностью, то есть количество метафор в тексте связано с жанровыми и стилевыми особенностями речевого сообщения.

4. Если уровень воспринимаемой уместности метафор низкий, то высокая плотность метафор имеет обратное воздействие на персуазивность, то есть вызывает снижение уровня речевого воздействия.

5. При порождении речевого сообщения автор текста в большинстве случаев подсознательно стремится использовать больше метафор для описания позиции, наиболее близкой ему.

6. Насыщенность метафорами при этом является не единственным средством, оказывающим воздействие на воспринимаемое мнение, так как прямая взаимосвязь между количеством метафор и восприятием авторского мнения не была выявлена.

Мы полагаем, что показатель количества метафор должен учитываться при анализе прагматики текстов и при изучении речевого воздействия. Так, для определения функционального потенциала метафор в тексте и дискурсе нужно принимать во внимание плотность метафор. Термин плотность метафор (*metaphor density*) нам кажется более подходящим для использования, чем частотность (*metaphor frequency*). В дальнейшем плотность метафор мы будем рассчитывать по формуле, предложенной К. де Ландтсхеер для индекса частотности (MFI):

$$\text{MDI (metaphor density index)} = \text{nme} * 100 / \text{nwords},$$

где *nme* – количество метафор, а *nwords* – количество слов в тексте. Такой показатель отражает среднее количество метафор на 100 слов текста.

Помимо плотности метафор, при анализе метафорического речевого воздействия также нужно учитывать и другие аспекты функционирования метафор в дискурсе: интенсивность, содержание сферы-источника и сферы-цели, позиция метафоры в речевом сообщении.

2.3 Зависимость речевого воздействия от новизны (интенсивности) метафор

Под интенсивностью метафоры понимается разделение метафор на стертые, конвенциональные и новые (авторские) метафоры. Как мы указывали

в Главе 1, разные типы метафор по новизне отличаются как с точки зрения порождения, так и с точки зрения восприятия метафорического сообщения.

Взаимосвязь интенсивности метафоры с потенциальным речевым воздействием речевого сообщения является доказанной. Об этом свидетельствуют результаты мета-анализа П. Сопори [Sorogy, 2006] и С. ван Стее [Stee van, 2018]. Кроме того, данная зависимость подтверждается также нейролингвистическими исследованиями, которые свидетельствуют, что при обработке конвенциональных и новых (аномальных) метафор задействованы разные отделы головного мозга.

В уже упомянутом нами исследовании К. Аринс и коллег было обнаружено, что «обычные (конвенциональные) метафоры отличаются от буквальных (неметафорических) выражений небольшим количеством повышенной активации нейронов в правой латеральной височной извилине. Аномальные (новые) метафоры в сравнении с неметафорическими выражениями показали значительное увеличение активации в лобной и височной извилинах обоих полушарий» [Ahrens и др., 2007: 163]. Данное исследование поддерживает идею о том, что метафоры не являются гомогенным типом образного языка и что разграничение между различными типами метафор должно стать значимой частью лингвистической теории метафоры.

В лингвистическое понимание значительных отличий между конвенциональными и авторскими метафорами большой вклад внесли исследования Б. Боудла и Д. Гентнер в рамках теории карьеры метафоры [Bowdle, Gentner, 2005]. Данная теория утверждает, что, когда метафоры становятся конвенционализированными, происходит сдвиг в режиме их когнитивной обработки – от сравнения (новые метафоры) к категоризации (конвенциональные метафоры). Когда метафоры обрабатываются путем категоризации, их предполагаемое значение уже хранится в когнитивной памяти реципиента речевого сообщения, соответственно их обработка требует меньшего когнитивного напряжения.

Конвенциональные метафоры обеспечивают более традиционную основу для размышлений над сложной проблемой и могут сделать трудные вопросы более конкретными и легкими для понимания. Таким образом, обычные метафоры могут положительно повлиять на то, как люди воспринимают и когнитивно обрабатывают переданное сообщение, например, за счет повышения качества воспринимаемых аргументов [Hartman, 2012] и снижения сложности воспринимаемого сообщения [Burgers и др., 2015].

Когда метафора является новой, реципиент речевого сообщения должен сравнить два разных понятия, чтобы узнать, что у них есть общего. Метафора таким образом служит маленькой головоломкой, которая обеспечивает удовольствие при решении, так как сообщение позволяет им по-новому взглянуть на что-то знакомое [Giora и др., 2004; Hoeken и др., 2009]. Таким образом, новые метафоры могут положительно влиять на аффективное восприятие сообщения, например, они могут увеличить эмоциональную привлекательность сообщения [Hoeken и др., 2009] и возбудить воображение реципиента речевого сообщения [Read и др., 1990].

Так, в основе метафор разной интенсивности, конвенциональных и новых, лежат разные когнитивные механизмы, категоризация и сравнение соответственно, поэтому мы предполагаем, что они оказывают разное воздействие на реципиента речевого сообщения. Конвенциональные метафоры за счет снижения сложности сообщения и повышения качества аргумента связаны с когнитивным эффектом, тогда как новые метафоры воздействуют аффективно, то есть посредством увеличения эмоциональной привлекательности сообщения и воздействия на воображение получателя сообщения.

Так как конвенциональные метафоры могут положительно влиять на когнитивное восприятие текста, они могут сделать текст более конкретным, понятным и доступным. Таким образом, такие метафоры могут направлять взгляды на проблему в соответствии с представленным метафорическим фреймом [Robins, Mayer, 2000]. Исследованиями подтверждено, что при

использовании метафорического фрейминга новостных сюжетов конвенциональные метафоры помогают получателям информации понять и интерпретировать такие сложные вопросы, как колебания фондового рынка [Morris и др., 2007], угрозы банкротства [Williams, Davidson, Yochim, 2011] и борьба с вирусом [Kalinin, 2020].

Влияние конвенциональных метафор на тематическую точку зрения было признано и в других областях коммуникации, включая официально-деловое общение [Cornelissen, Holt, Zundel, 2011] и маркетинговую коммуникацию [Burgers и др., 2015]. В рекламе конвенциональные метафоры снижают сложность понимания объекта рекламы, что, в свою очередь, приводит к более позитивному отношению к бренду [Burgers и др., 2015].

Новые метафоры, как и конвенциональные, могут влиять на точку зрения реципиента относительно проблемы, описываемой в речевом сообщении, делая текст более приятным и живым [Gibbs, Colston, 2012].

Было проведено несколько практических исследований касательно роли новых метафор в новостях. Например, экономические и политические новости, содержащие новые яркие метафоры, в отличие от новостей без использования образности воспринимаются как более изобретательные и легче формируют яркий визуальный образ об описываемой проблеме [Brantner, Lobinger, Wetzstein, 2011; Read и др., 1990]

В рекламной коммуникации новые метафоры воспринимаются как хитроумные отклонения от буквального языка, которые положительно влияют на мнение потребителей о рекламируемом продукте [Ang, Lim, 2006; Phillips, McQuarrie, 2009]. Высоко оценивается роль новых метафор в коммуникации в области здравоохранения, где было доказано, что новые метафоры содействуют более позитивному отношению к участию в клинических онкологических исследованиях [Krieger, Parrott, Nussbaum, 2010].

На основании вышеперечисленных теоретических предпосылок группой исследователей из Metaphor Lab был проведен сравнительный анализ влияния конвенциональных и новых метафор на точку зрения реципиентов

новостных сообщений [Воеунаемс и др., 2017b]. Исследователи выяснили, что действительно, конвенциональные метафоры больше влияют на когнитивное восприятие текста, в то время как новые метафоры оказывают воздействие на эмоциональное восприятие. Однако эти эффекты не обязательно связаны с изменением точки зрения на предмет речевого сообщения.

Кроме того, авторы сделали важное замечание, что новизна метафоры, должна быть связана с ее уместностью (*perceived aptness*). Исследователи указывают, что «метафоры работают через различные механизмы, вызванные двумя разными путями восприятия. С помощью первого механизма, а именно механизма воспринимаемой новизны (*perceived novelty route*), новые метафоры положительно влияют на восприятие текста (как аффективного, так и когнитивного). По второму механизму, механизму воспринимаемой уместности (*perceived aptness route*), новые метафоры отрицательно влияют на когнитивное восприятие текста [Воеунаемс и др., 2017: 2874].

Данные выводы о связи между воспринимаемой новизной и воспринимаемой уместностью согласуются с результатами, представленными другими учеными [Jones, Estes, 2006; Thibodeau, Durgin, 2011]. В этих исследованиях отмечается, что восприятие новизны и уместности в отношении определенной метафоры может различаться у разных людей и в разных контекстах, поэтому для будущих исследований важно учитывать контекст при измерении воспринимаемой новизны и уместности.

Нами также было проведено исследование, которое касалось зависимости восприятия метафор в зависимости от новизны лингвистической формы метафорической проекции. Суть исследования состояла в том, что на примере русского и китайского языков была исследована воспринимаемая уместность концептуальных метафор со сферой-целью война в ее взаимосвязи с новизной метафорических проекций) [Калинин, 2020].

Чтобы исключить зависимость от содержания метафорической проекции для одной сферы-цели было подобрано 6 разных сфер-источников: «ВОЙНА – это ИГРА (далее - Сф1), ВОЙНА – это ТЕАТР (далее – Сф2), ВОЙНА – это

СОРЕВНОВАНИЕ (далее – Сф3), ВОЙНА – это АЗАРТНАЯ ИГРА (далее – Сф4), ВОЙНА – это УРОК (далее – Сф5), ВОЙНА – это СМЕРТЬ (далее – Сф6)» [Калинин, 2020е: 106].

Чтобы исключить зависимость от личностного отношения к содержанию метафорической проекции, были подобраны участники эксперимента, которые имели разный по отношению к военной сфере личный и профессиональный опыт. Для эксперимента на русском языке респонденты были разделены три группы: «Гражданские» – респонденты, которые не имеют никакого отношения к армии (Гр), «Военные» – респонденты, имеющие опыт службы в армии не менее 3-х лет, но которые никогда не участвовали в вооруженных конфликтах (В), «Ветераны» – люди, которые принимали участие в вооруженных конфликтах (ВБД). В группе ВБД мы смогли отдельно выделить небольшую подгруппу респондентов, чей непосредственный боевой опыт больше года, то есть это «профессиональные» военные, чья ключевая работа состоит в участии в вооруженных конфликтах (П).

Китайскоязычные респонденты были разделены на две группы: «Гражданские» и «Военные» по тем же параметрам, что и респонденты-носители русского языка.

Таблица 7 – Распределение респондентов по профессиональным группам

Группа	Гражданские	Военные	Ветераны	Профессионалы
Русскоязычные респонденты	70	40	45	15 (также в числе «Ветераны»)
Китайскоязычные респонденты	70	80		
Итого	140	120	45	15

Далее нами были составлены 24 предложения с метафорами, по 4 предложения на каждую сферу-цель. Из 4 предложений 2 содержало конвенциональную метафору, а 2 – новую. При составлении предложений с

метафорами мы руководствовались методом метафорического картирования К. Аринс, описанный в Главе 1 [Ahrens, 2010: 192].

Этот этап исследования проводился экспертной группой в составе 4 человек: 1 доктора педагогических наук (специалиста в сфере лингвистики), 2 кандидатов филологических наук, 1 аспиранта в области лингвистики. Итоговым этапом перед утверждением матрицы стала проверка конвенциональности метафорических проекций посредством Национального корпуса русского языка. Если такая же или сходная метафора входит в корпус и имеет высокую частотность – более 25 вхождений, то она признавалась конвенциональной, если менее, то новой. Так, например, для концептуальной метафоры ВОЙНА – это ИГРА языковая форма «проиграть сражение» имеет 84 вхождения, а «перемещались по полю боя будто играли в казаки-разбойники» – ни одного, соответственно, первое метафорическое выражение маркировано как конвенциональная метафора, а второе – как новая.

В итоге, экспертной группой были составлены нижеследующие предложения для проведения эксперимента:

Таблица 8 – Предложения для опроса, составленные экспертной группой

Предложение	Сфера-источник/ Тип метафоры
1) Мы проиграли это сражение, но выиграли войну.	Сф1 / КМ
2) Это сражение разворачивалось не по задуманному сценарию.	Сф2 / КМ
3) Нам с трудом удалось одержать победу в этой гонке вооружений.	Сф3 / КМ
4) Мы так привыкли к сражениям, что не могли остановиться, война манила нас как лучшее казино.	Сф4 / НМ
5) Противник задал нам сложное домашнее задание.	Сф5 / НМ
6) Война стала братской могилой для всего нашего поколения.	Сф6 / НМ
7) Использование химического оружия – это игра не по правилам.	Сф1 / КМ
8) Театр военных действий охватил всю Европу.	Сф2 / КМ
9) В результате напряженной борьбы нам удалось одержать верх в этом сражении.	Сф3 / КМ
10) Мы сорвали джек-пот, захватив склады с вооружением противника.	Сф4 / НМ
11) Этот бой стал лучшим учителем для молодых бойцов.	Сф5 / НМ

12) После боя мы смотрели друг на друга как на живых мертвецов.	Сф6 / НМ
13) Войска перемещались по полю боя будто играли в казаки-разбойники.	Сф1 / НМ
14) В этом бою мы были вынуждены играть роль моськи, которая лает на слона.	Сф2 / НМ
15) В бою было ощущение, что мы бежали наперегонки с противником, стремясь первыми занять высоту.	Сф3 / НМ
16) Ставки в этом сражении были слишком высоки.	Сф4 / КМ
17) Тяжелые потери в ходе вчерашнего боя научили нас лучше готовиться к наступлению.	Сф5 / КМ
18) Наше смертоносное оружие повергло противника в шок.	Сф6 / КМ
19) Генералы переставляли полки и батальоны как шахматные фигурки.	Сф1 / НМ
20) Во время войны матерям оставалось лишь быть зрителем в том жестоком спектакле, в котором играли их дети.	Сф2 / НМ
21) Захваченная деревня переходила из рук в руки как мячик в волейболе.	Сф3 / НМ
22) В этой битве мы все поставили на кон.	Сф4 / КМ
23) Нам нужно было решить трудную задачу в этом бою.	Сф5 / КМ

Также был осуществлен перевод предложений на китайский язык. Точность перевода уточнялась у двух носителей языка, специалистов в области перевода с китайского на русский язык. Конвенциональность метафор на китайском языке проверялась посредством Lancaster Corpus of Mandarin Chinese по тому же принципу, что и для предложений на русском языке.

Респонденты должны были оценить адекватность разработанных нами предложений с точки зрения своего языкового опыта по шкале от 1 до 10.

Таблица 9 – Распределение результатов перцепции конвенциональных и новых метафор по сферам-источникам и группам реципиентов

Источ ник	Игра			Театр			Соревнование			Азарт			Урок			Смерть		
	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р
Гр	7,3	5,2	2,1	6,2	4,9	1,3	6	4,7	1,3	7,3	3,8	3,5	7	4,1	2,9	6,6	5,7	0,9
В	6,6	3,7	2,9	5,8	3,1	2,7	6	3,3	2,7	6,1	3,5	2,6	7	3,3	3,7	5,9	4,2	1,7
ВБД	6,4	4,4	2	5	4,4	0,6	5,2	4,8	0,4	6,1	3,6	2,5	6,2	4,3	1,9	4,8	5	-0,2
П	5,9	4,4	1,5	5,3	4,5	0,8	5,3	5,3	0	5,8	3,5	2,3	6,6	5,6	1	4,2	5	-0,8
Итого (рус)	6,9	4,7	2,2	5,9	4,4	1,5	5,8	4,4	1,4	6,8	3,7	3,1	6,8	3,9	2,9	6,1	5,2	0,9
Гр	5,8	4,6	1,2	5,6	5,2	0,4	6	4,3	1,7	5,2	4,9	0,3	5,3	5,4	-0,1	6,3	5,2	1,1
В	5,5	4,1	1,4	4,5	5,1	-0,6	5,9	4,3	1,6	4,5	4,7	-0,2	4,7	5,4	-0,7	5,8	5	0,8

Итого (кит)	5,65	4,35	1,3	5,05	5,15	-0,1	5,95	4,3	1,65	4,85	4,8	0,05	5	5,4	-0,4	6,05	5,1	0,95
Итого	6,27	4,53	1,75	5,48	4,78	0,7	5,88	4,35	1,53	5,85	4,25	1,58	5,9	4,65	1,25	6,08	5,15	0,93

Из Таблицы 9 мы видим, что, несмотря на определенную разницу в восприятии новых и конвенциональных метафор по сферам-источникам от 0,7 для источника ТЕАТР до 1,75 для источника ИГРА, для всех предложенных метафорических проекций восприятие конвенциональных метафор было более адекватным, так как больше соответствовало воспринимаемой языковой норме респондентов. Некоторые отклонения от этого, в частности показатель разницы -0,6 для группы китайских военнослужащих для источника ТЕАТР, а также показатели -0,1 и -0,7 для китайских респондентов для источника УРОК, и показатель -0,8 для российских военнослужащих группы Профессионалы для источника СМЕРТЬ объясняется возможными погрешностями в проведении эксперимента, а также внутрикультурной и межкультурной вариацией концептуальной метафоры.

Кроме того, мы вычислили средний показатель разницы в восприятии конвенциональных и новых метафор для всех сфер-источников для групп гражданский и военных из России и КНР.

Таблица 10 – Средний показатель разницы восприятия КМ и НМ для разных профессиональных и языковых групп

Российские военные	2,71666667
Китайские военные	0,38333333
Российские гражданские	2
Китайские гражданские	0,76666667

Мы видим, что полученные данные варьируются, демонстрируя меньшую разницу для китайского языка, тем не менее для всех групп респондентов присутствует разница в восприятии конвенциональных и новых метафор. В среднем все группы респондентов воспринимают конвенциональные метафоры как более адекватные своему речевому опыту.

Выводы:

Зависимость воздействующей силы метафоры от типа метафорического оборота по интенсивности (новизне) является вполне доказанной и обоснованной. Многие авторы [Ahrens и др., 2007; Bowdle, Gentner, 2005; Burgers и др., 2015; Hartman, 2012] указывали на значительную разницу в восприятии конвенциональных и новых метафор, подчеркивая, что в их основе лежат разные когнитивные механизмы, категоризация и сравнение соответственно. Отсюда следует, что разные типы метафор по-разному воздействуют на реципиента речевого сообщения.

Для уточнения имеющихся теоретических данных относительно новых и конвенциональных метафор мы провели собственное исследование, нацеленное на выявление воспринимаемой уместности разных по интенсивности метафорических оборотов.

Основными выводами относительно влияния новизны метафоры на воздействующий потенциал речевого сообщения являются:

1. Конвенциональные и новые метафоры по-разному соотносятся с языковым опытом участников коммуникации.

2. Конвенциональные и новые метафоры базируются на разных когнитивных механизмах: категоризации и сравнении соответственно, поэтому по-разному воспринимаются реципиентами речевого сообщения.

3. Конвенциональные метафоры влияют на когнитивное восприятие текста, делая речевое сообщение более понятным и легким для восприятия посредством снижения сложности воспринимаемого сообщения и повышения качества воспринимаемых аргументов.

4. Новые метафоры позволяют увеличить эмоциональную привлекательность сообщения и возбудить воображение реципиента речевого сообщения, тем самым улучшая эмоциональное восприятие речевого сообщения.

5. Новые метафоры могут оказывать большее воздействие на увеличение воздействующего потенциала речевого сообщения, чем

конвенциональные, однако для достижения этого эффекта должно быть соблюдено условие наличия адекватного уровня воспринимаемой уместности метафоры.

б. В силу того, что воспринимаемая уместность напрямую зависит от контекста, жанра, тематики речевого сообщения в их соотносительности с конкретным языковым опытом, знаниями и убеждениями реципиента речевого сообщения, этот параметр трудно рассчитать, он может быть определен только для каждого речевого сообщения применительно к определенной категории реципиентов.

Таким образом, интенсивность метафоры является важным показателем анализа метафоричности дискурса. Для ее вычисления мы полагаем уместным использовать индекс интенсивности (МИ) метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер:

$$МИ = (1w+2a+3s)/nme,$$

где w – количество низкоинтенсивных (стертых, конвенциональных), a – количество метафор средней интенсивности, s – количество высокоинтенсивных (новых, авторских метафор).

Данная методика апробирована во многих работах К. де Ландтсхеер для анализа метафоричности политического дискурса [Landtsheer De, 2009]. На нее мы опирались в своих исследованиях, посвященных анализу роли метафор в военно-политическом дискурсе [Калинин, Мавлеев, 2019а; Калинин, Селезнёва, 2019].

Мы полагаем обоснованным использовать именно три показателя интенсивности, добавив к теоретически обоснованной дихотомии новая/конвенциональная также и метафору средней интенсивности. Кроме того, ряд исследователей указывали, что существенным для разграничения является именно три степени новизны метафоры [Gong, Ahrens, 2007]. Разграничить метафоры по интенсивности можно посредством анализа по словарю и по корпусу. Если метафорический оборот встречается в словарной статье, то это свидетельствует о его стабильности и устоявшемся статусе, то это

конвенциональная метафора с низким уровнем интенсивности. Если метафорический оборот не встречается в словарях, но при этом его можно найти в корпусе национального языка или через поисковик, то это метафора среднего уровня интенсивности. Новая метафора – это метафорическая проекция, которой нет ни в словаре, ни в корпусе.

Математическая логика представленной выше формулы также весьма проста: значение индекса будет варьироваться от 1 до 3. При значении индекса, близком к 1, метафоры в тексте преимущественно конвенциональные. Это означает, что они основаны на концептуализации, и автор речевого сообщения не стремился оказать эмоционального воздействия на аудиторию, а, наоборот, хотел добиться когнитивного эффекта, то есть достичь большего понимания передаваемой в речевом сообщении информации. Если же индекс больше 2,5, то очевидно, что исследуемый текст насыщен авторскими метафорами, что свидетельствует о высокой эмоциональности и экспрессивности текста и имплицитном эмоционально-экспрессивном воздействии.

2.4 Зависимость воздействующего потенциала речевого сообщения от содержания сферы-источника и сферы-цели метафорического переноса

Еще одним важным аспектом речевого воздействия метафоры является содержание метафорической проекции. Метафора – это перенос концептуальных особенностей сферы-источника на сферу-цель, и при любой лингвистической форме метафорической проекции (прямая или непрямая метафора), при любой разновидности метафорического переноса (новая или конвенциональная метафора) в метафоре есть конкретное содержание, выраженное в исходном, буквальном значении источника и цели метафоры.

Стоит отметить, что вопрос зависимости содержания речевого сообщения и речевого воздействия на реципиента является одним из важных аспектов нейроэкономики, науки о принятии решений.

В стандартной теории полезности (utility theory) рассматривается влияние речевого выражения проблемы на принятие решения, но это

объясняется в общей парадигме зависимости от субъективных характеристик каждого человека, который принимает решения, наряду с субъективными качествами, ценностями и прочим [Kahneman, Tversky, 1979].

Этот взгляд развивается в теории адаптивного принятия решений Дж. Пейна и Дж. Бетмана [Payne, Bettman, Johnson, 1993]. Согласно данной теории, лица, принимающие решения, воспринимаются как своего рода «переработчики информации», но с ограниченными вычислительными возможностями. При этом стратегии принятия решений разделяются на элементарные информационные процессы, и выбор стратегий основывается на компромиссах между точностью и объемом когнитивных способностей, которыми наделены люди.

В эксперименте В. Вагенаар, Дж. Керен и С. Лихтенштейн [Wagenaar, Keren, Lichtenstein, 1988] было доказано, что на решения часто влияют изменения в содержательной области проблемы и даже небольшие изменения в формулировках, что было названо контентным эффектом на принятие решений.

Ч. Хит и А. Тверски показали, что даже в области простых азартных игр формулировка проблемы имеет значение. Участникам было предложено принимать решения в разных азартных играх, которые формально идентичны, но различаются по содержанию формулировки. Участники предпочитали делать ставки на прогнозы в области, которые были близки их личным компетенциям, а не на случайные события, даже если это стоило им денег [Heath, Tversky, 1991].

В исследованиях В. Гольдштейна и Э. Вебера также было эмпирически доказано, что содержание проблемы значимо при принятии решений. При этом личный опыт участников был более важен при принятии социального решения а содержание формулировки проблемы – при маркетинговом решении [Goldstein, Weber, 1995].

В контексте всех вышеперечисленных исследований появилось две важных теории принятия решений: теория образов [Beach, 1990] и теория объяснений [Pennington, Hastie, 1993]. В них предполагается, что семантика

формулировка проблемы влияет на ментальную репрезентацию, которая, в свою очередь, предопределяет стратегию принятия решения, что отличается от классической теории полезности. В рамках теории образов постулируется, что семантическое значение взаимодействует с картиной мира человека, стоящего перед лицом какого-либо решения. В теории объяснения утверждается, что для принятия решения субъект всегда опирается на объяснение проблемы, которое непосредственно связано с содержанием.

В целом можно заключить, что в современной психологии и нейроэкономике вопрос о взаимосвязи между содержанием, то есть семантикой формулировки проблемы, и принятием решения является решенным. Контент ставится в один ряд с таким значимым для принятия решения фактором, как ценность (полезность) инвариантов. Эта зависимость объясняется когнитивной природой языка, посредством которого семантический код сообщения концептуализируется и далее соотносится с системой ценностей субъекта, принимающего решения, соединяя характеристики вариантов с его индивидуальной картиной мира. При этом важным выводом является то, что влияние содержания во многом субъективно, так как оно взаимодействует с субъективной системой ценностей.

Если переложить данный вывод из сферы нейроэкономики в сферу метафорологии и исследований речевого воздействия метафор, то можно предположить, что и воздействующий потенциал метафор зависит от содержания метафорического переноса. Метафора является действенным механизмом концептуализации, которая осуществляет одновременно и когнитивное, и аффективное воздействие, поэтому содержание метафорического переноса не может не участвовать в образовании эффекта воздействия. Главный вопрос состоит в том, какова эта взаимосвязь, можно ли ее определить и выявить количественную зависимость.

Прежде чем рассмотреть, каким образом связаны содержание метафоры и речевое воздействие, следует прежде всего рассмотреть имеющиеся классификации метафоры по содержанию.

Как мы указывали выше, авторы теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон классифицируют метафоры по форме содержания метафорического переноса на ориентационные, онтологические и структурные. Также отдельно выделяют метафоры контейнера, канала связи и конструирования, но при более детальном рассмотрении этих метафор с точки зрения функции метафоры контейнера и канала связи соотносятся с онтологическими метафорами, а метафоры конструирования – это развернутые дискурсообразующие метафоры, которые следует анализировать с использованием иных подходов. Рассмотрим более подробно основную классификацию Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

1. Ориентационные метафоры «отражают базовые пространственные представления в сознании человека, они придают концепту пространственную ориентацию» [Лакофф, Джонсон, 2004: 35]. Например, концептуальная метафора ХОРОШЕЕ – ВЕРХ отражает представления о том, что состояние благополучия ориентировано вверх. Это в полной мере согласуется с метафорами СЧАСТЬЕ – ВЕРХ, ЗДОРОВЬЕ – ВЕРХ и т. д. Одним из ярких случаев реализации пространственной метафоры ХОРОШЕЕ – ВЕРХ по отношению к классовой иерархии является метафора «принадлежность к привилегированным слоям общества, элите – верх» и, наоборот, «принадлежность к низшему классу – низ».

2. «Онтологические метафоры отражают перенос свойств конкретных предметов на абстракции, они служат для идентификации и понимания природы событий и, в частности, для реагирования на проблемные ситуации» [Лакофф, Джонсон, 2004: 49]. Яркими примерами онтологических метафор являются ИНФЛЯЦИЯ — это СУЩНОСТЬ, РАЗУМ – это МЕХАНИЗМ. Онтологические метафоры способствуют осмыслению каких-либо событий, действий, эмоций и идей, представляя их в форме дискретных, чувственно воспринимаемых объектов.

3. Структурные метафоры дают «возможность использовать одно высоко структурированное понятие для структурирования другого» [Лакофф,

Джонсон, 2004: 98]. Так, классический пример СПОР – это ВОЙНА, позволят нам осмыслить и реструктурировать в своем сознании спор как военные действия.

Рассмотрим другие классификации метафор. Так, отечественный исследователь метафор Г. Н. Складарская считает, что в основе классификации метафор должен лежать семантический подход. По ее мнению, метафоры следует разделять по конкретному содержанию источника и цели. Г. Н. Складарская выделяет:

- 1) «предмет – предмет (конура – тесная комната; корыто – лодка);
- 2) предмет – человек (каланча – высокий человек);
- 3) предмет – физическое событие (базар – шум);
- 4) предмет – психическое событие (грязь – что-либо низменное);
- 5) предмет – абстрактное понятие (тормоз – препятствие в работе);
- 6) животное – человек (баран – бестолковый; петух – задира, забияка)»

[Складарская, 1987].

В. П. Москвин, продолжая традицию семантической классификации, разделяет метафоры по конкретным сферам общественной жизни:

- «спортивные метафоры (избирательная гонка, финишная прямая);
- медицинские метафоры (здоровая конкуренция, симптомы кризиса);
- финансовые метафоры (кредит доверия);
- театральные метафоры (политический дуэт);
- строительные метафоры (сколотить состояние);
- технические метафоры (спустить на тормозах);
- метеорологические метафоры (политический климат);
- военные метафоры (армия безработных)» [Москвин, 2000].

Этот список можно продолжать, бесконечно выделяя новые сферы-источники, например метафоры болезни, транспортные метафоры, природные метафоры и так далее.

Н. Д. Арутюнова классифицирует метафорические переносы на основании структурного подхода. Она выделяет номинативные, образные,

когнитивные и обобщающие метафоры [Арутюнова, 1999]. Однако данная классификация не затрагивает содержание метафорического переноса, принимая во внимание только структурные аспекты образования метафоры.

Широкую популярность в отечественной метафорологии получила классификация А. П. Чудинова [Чудинов, 2001] по семантической типологии сферы-источника:

1. Антропоморфная метафора базируется на субсфере «Человек». Автор указывает: «Создаваемая человеком метафорическая картина политического мира в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [Чудинов, 2001: 77]. Антропоморфные метафоры А. П. Чудинов дальше делит на физиологические, морбиальные, метафоры родства и сексуальные метафоры.

2. Природоморфная метафора использует субсферу «Природа» как сферу-источник. В таких метафорах мир животных и растений дает основу для метафорических переносов. В классе природоморфных метафор выделяют зооморфные и фитоморфные метафоры.

3. Социоморфная метафора предполагает придание нового значения новым понятиям социальной сферы. В этом классе А. П. Чудинов выделяет криминальные, милитарные, театральные и спортивные метафоры.

4. Артефактная метафора основана на использовании материалов, зданий, технических средств, предметов домашнего обихода в качестве сферы-источника. А. П. Чудинов указывает: «Бог создал мир и человека, но человек посчитал созданный Богом мир недостаточно комфортным и продолжил созидательную деятельность. Человек реализует себя в создаваемых им вещах - артефактах. Создавая вещи, человек стремится усовершенствовать мир, сделать его в полной мере отвечающим собственным потребностям.

Созидательный труд - это деятельность концептуализация мира» [Чудинов, 2001: 166]. В своей работе автор выделяет метафору дома и метафору механизма, при этом утверждает, что есть и более детальная классификация.

Стоит отметить, что семантическая классификация, в особенности предложенная А. П. Чудиновым [Чудинов, 2001], стала отправной точкой для множества прикладных исследований. Например, Е. Н. Бекасова рассматривает роль антропоморфной метафоры в трудах классических и современных исследователей русского языка [Бекасова, 2017], а И. А. Аржанова исследует роль метафоры со сферой-источником ЧЕЛОВЕК в современном экономическом дискурсе английского языка [Аржанова, 2019]. Природоморфная метафора изучается в трудах, например И. А. Курбанова и С. Г. Носковой, которые рассмотрели, как метафора природы используется для описания людей с ограниченными возможностями в СМИ России и США [Курбанов, Носкова, 2016]. А Э. В. Будаев и А. А. Кильдюшевская исследуют метафоры природы в дискурсе моды [Будаев, Кильдюшевская, 2018]. Социоморфная метафора исследуется применительно к художественной литературе, например, А. А. Прокопьева изучила использование метафор с компонентом ОБЩЕСТВО в романах В. Набокова на русском и английском языках [Прокопьева, 2006]. Исследования артефактных метафор часто посвящены анализу антропоморфных или связанных с человеком концептов, так, Т. А. Зуева рассматривает концептуализацию человека в русской идиоматике сквозь призму артефактной метафоры [Зуева, 2016], а О. В. Жуйкова изучает концепт язык в философских произведениях В. фон Гумбольдта [Жуйкова, 2018].

Возвращаясь к вопросу речевого воздействия метафоры, мы должны отметить, что точно, детально взаимосвязь между содержанием метафоры и персуазивностью практически не исследовалась. Выделение содержания сферы-источника и сферы-цели происходит во всех исследованиях метафоры, и критических, и дескриптивных. Чаще всего через семантику сферы-источника и сферы-цели делаются выводы относительно метафоризации окружающей действительности, через содержание концептуальных доменов исследователь

может выяснять вариативность концептуальных метафорических проекций, внутрикультурную и межкультурную.

В монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)», где как раз и представлена классификация по семантическим субсферам, А. П. Чудинов детально описывает роль каждой метафоры в создании метафорического образа России. Так, по мнению автора антропоморфная метафора позволяет «различить и гордость, и боль за родную страну, увидеть и любовь, и жестокую оценку реальности, по этим метафорам вполне можно изучать русский народный характер и национальную в чем-то наивную и вместе с тем очень точную картину политической действительности» [Чудинов, 2001: 58]. Также А. П. Чудинов указывает, что природоморфная метафора особо значима для метафорического описания политической ситуации в России: «Значимость органистической метафоры особенно велика в текстах с установкой на фундаментальные национальные ценности, на возвращение «к истокам»» [Чудинов, 2001: 132].

Группа исследователей изучала публикации британских интернет-СМИ, обсуждающих санкции в отношении России, и выявила «антропоморфные и социоморфные метафоры, которые формируют у адресата медиатекста образ, ассоциирующий санкционную политику в отношении РФ с «войной», а ее последствия — с «мёртвой хваткой на горле российской экономики»» [Ковязина, Ильющеня, Хабибуллина, 2018: 61].

В исследованиях, посвященных прагматике метафор, также не дается решения вышеуказанной проблемы. Например, М. А. Самкова указывает на то, что метафора нарушает максимы Г. П. Грайса и служит реализации стратегии дезинформации. Автор отмечает, что основные функции метафоры в медиатексте: манипулятивная (формирует и укореняет стереотипы) и эмоционально-оценочная (апеллирует к эмоциям), при этом природоморфная метафора охватывает общественность в силу доступности и простоты образов, а игровая – формирует образ противника / врага [Самкова, 2019].

Мы видим, что классификация метафор по семантике сферы-источника или сферы-цели позволяет обобщить разрозненные метафорические модели для более полного описания тех концептов, которые структурируются и отражаются посредством метафор. При этом в подобных исследованиях невозможно проследить зависимость между уровнем речевого воздействия и содержанием метафор, исследователь может только лишь делать выводы о том, какие модели использованы и почему. Крайне трудно делать достоверные выводы о том, как тот или иной тип метафоры будет воздействовать: сильнее или слабее, оказывать большее эмоциональное или когнитивное воздействие.

В современных исследованиях метафор подобный подход реализован только в уже упоминаемом индексе силы метафоры (MPI), разработанном К. де Ландтсхеер. Как было описано, индекс силы метафоры состоит из трех индексов: частотности (MFI), интенсивности (MII) и содержания метафоры (MCI). Напомним, что «индекс содержания рассчитывается исходя из семантики сферы-источника: «повседневная материальная реальность жизни» (популярные метафоры, P), «природа» (метафоры природы, N), «политика, интеллект, технологии» (технологические метафоры, T), «насилие и катастрофы» (метафоры, относящиеся к смерти и стихийным бедствиям, D), «спорт, игры и театр» (спортивные и игровые метафоры, Sp), а так- же «смерть, тело и заболевания» (медицинские метафоры и метафоры болезни, M)» [Мавлеев, Фомин, 2017:116].

Индекс содержания метафоры (MCI) высчитывается по следующей формуле, где (me) отражает общее количество метафор:

$$MCI = (1P+2N+3T+4D+5Sp+6M)/me$$

К. де Ландтсхеер утверждает, что чем выше итоговый индекс содержания метафоры, тем более метафоричным и, как следствие, воздействующим является текст.

На наш взгляд, «данная методика вполне обоснована и может использоваться для анализа текстов публичного политического дискурса, так как семантическая классификация основана на модели «кризисного поведения»

Х. Гауса [Gauss, 1981], и именно для анализа кризисного дискурса с высоким уровнем риторики К. де Ландтсхеер использовала эту модель [Landtsheer De, 1994]. Тем не менее, нам кажется, что подобное распределение коэффициентов не всегда очевидно для анализа других дискурсов. Например, наделение спортивных метафор коэффициентом не 5 выглядит обоснованным» [Калинин, 2021: 93].

Для подтверждения нашего предположения был продолжен эксперимент, где 20 испытуемых написали эссе-рассуждение, в котором они отвечали на вопрос: «Что для Вас Россия?», задание для эксперимента предполагало, что при написании текста нужно было изложить свою позицию относительно 3-х подтем: «Россия – это история», «Россия – это люди», «Россия – это культура» и выбрать вариант, который наиболее близок личному мнению автора.

Полученные авторские тексты были проанализированы на предмет взаимосвязи индекса содержания метафоры и авторского мнения. Гипотеза была такова: автор будет использовать более интенсивные по содержанию метафоры (по классификации К. де Ландтсхеер) для описания своей позиции.

Для каждого отрывка текста был подсчитан индекс содержания метафоры (МСИ). Далее значение полученного индекса для каждой части текста сопоставлялись с другими частями текста и с исходной точкой зрения автора. Кроме того, имея данные о воспринимаемом авторском мнении, полученные в результате анализа восприятия речевых сообщений респондентами, можно сделать вывод о том, влияет ли содержание метафор на речевое воздействие, и, если влияет, насколько велико это влияние.

Результаты анализа зависимости содержания метафоры и авторского мнения представлены в Таблице 11.

Таблица 11 – Результаты анализа зависимости содержания метафоры и авторского мнения

Номер текста	Содержание текста	МСИ	Мнение	Номер текста	Содержание текста	МСИ	Мнение
--------------	-------------------	-----	--------	--------------	-------------------	-----	--------

1	Культура	3	0	11	Культура	2,25	0
	История	2,3	0		История	2	1
	Люди	2	1		Люди	1,25	0
2	Культура	3,6	0	12	Культура	1	0
	История	1,8	1		История	1,7	1
	Люди	1,3	0		Люди	1,25	0
3	Культура	1,5	1	13	Культура	1,16	0
	История	1,5	0		История	1,6	1
	Люди	0	0		Люди	1,4	0
4	Культура	1,3	0	14	Культура	2,1	0
	История	2,75	1		История	1,33	0
	Люди	1,9	0		Люди	1,6	1
5	Культура	3,5	0	15	Культура	1,5	0
	История	3	0		История	1,62	1
	Люди	2,8	1		Люди	1	0
6	Культура	2,7	1	16	Культура	1,6	0
	История	2	0		История	1,5	0
	Люди	2,3	0		Люди	2,75	1
7	Культура	1,9	1	17	Культура	1	0
	История	3	0		История	1,3	1
	Люди	2	0		Люди	2,25	0
8	Культура	1,7	0	18	Культура	1,6	1
	История	1,24	0		История	1,28	0
	Люди	1,6	1		Люди	1,28	0
9	Культура	1	0	19	Культура	2,1	1
	История	1,7	0		История	2,17	0
	Люди	1,4	1		Люди	1,85	0
10	Культура	1,7	1	20	Культура	2	0
	История	1,7	0		История	1,5	0
	Люди	1	0		Люди	1,65	1

Полученное распределение было проанализировано посредством расчёта Т критерия Стьюдента: $t_{ЭМП} = 14.7$, то есть $p \leq 0.01$, что подтверждает попадание распределения в зону статистической значимости.

По результатам видно, что в 3 текстах из 20 авторская позиция выражалась в отрывке с наименьшим МСИ, в 6 текстах – авторская позиция выражалась в отрывке, где МСИ был не самым маленьким и не самым большим, и в 11 текстах величина индекса содержания метафоры коррелирует с авторской позицией. В процентном соотношении эта зависимость составляет 55%. Полагаю, что такой уровень зависимости можно принимать во внимание, однако нельзя считать значимым, так как коэффициент корреляции составляет всего 0,15.

Результаты анализа зависимости содержания метафоры и воспринимаемого авторского мнения представлены в Таблице 12.

Таблица 12 – Результаты анализа зависимости содержания метафоры и воспринимаемого мнения автора

Номер текста	Содержание текста	МСИ	Воспринимаемое мнение	Номер текста	Содержание текста	МСИ	Воспринимаемое мнение
1	Культура	3	18	11	Культура	2,25	31
	История	2,3	43		История	2	37
	Люди	2	101		Люди	1,25	38
2	Культура	3,6	60	12	Культура	1	26
	История	1,8	75		История	1,7	54
	Люди	1,3	27		Люди	1,25	26
3	Культура	1,5	72	13	Культура	1,16	25
	История	1,5	22		История	1,6	46
	Люди	0	68		Люди	1,4	34
4	Культура	1,3	20	14	Культура	2,1	32
	История	2,75	33		История	1,33	32
	Люди	1,9	109		Люди	1,6	42
5	Культура	3,5	66	15	Культура	1,5	16
	История	3	16		История	1,62	59

	Люди	2,8	42		Люди	1	31
6	Культура	2,7	38	16	Культура	1,6	42
	История	2	31		История	1,5	24
	Люди	2,3	56		Люди	2,75	40
7	Культура	1,9	54	17	Культура	1	23
	История	3	52		История	1,3	29
	Люди	2	19		Люди	2,25	54
8	Культура	1,7	15	18	Культура	1,6	44
	История	1,24	9		История	1,28	20
	Люди	1,6	101		Люди	1,28	42
9	Культура	1	26	19	Культура	2,1	40
	История	1,7	46		История	2,17	32
	Люди	1,4	53		Люди	1,85	34
10	Культура	1,7	48	20	Культура	2	45
	История	1,7	39		История	1,5	20
	Люди	1	38		Люди	1,65	41

Полученное распределение было проанализировано посредством расчёта Т критерия Стьюдента: $t_{Эмп} = 14.7$, то есть $p \leq 0.01$, что подтверждает попадание распределения в зону статистической значимости.

По результатам видно, что в 3 текстах из 20 отрывков с наименьшим МСИ показался респондентам отражением авторской позиции, в 8 текстах – по мнению респондентов авторская позиция выражалась в отрывке, где МСИ был не самым маленьким и не самым большим, и в 9 текстах величина индекса содержания метафоры коррелирует с воспринимаемой авторской позицией. В процентном соотношении эта зависимость составляет 45%. Коэффициент корреляции составляет всего 0,13, а данную зависимость нельзя считать значимой.

Так, можно сделать вывод о том, что индекс содержания метафоры К. де Ландтсхеер в целом может использоваться для анализа влияния

содержания метафоры на речевое воздействие, однако требуется объективный пересмотр коэффициентов, на основании которых индекс формируется.

Вполне очевидным и доказанным может считаться тот факт, что содержание речевого сообщения связано с речевым воздействием. Этот тезис, как было указано ранее, подтверждается многочисленными практическими исследованиями в области нейролингвистики и нейроэкономики. Тем не менее, исследователи неизбежно сталкиваются с тем, что невозможно точно выявить, какова данная взаимосвязь, то есть мы не можем со стопроцентной уверенностью заявить, что во всех или хотя бы в большинстве случаев восприятия речевого сообщения содержание того или иного переноса будет оказывать одинаковое речевое воздействие.

Огромное значение при анализе взаимосвязи содержания метафорического переноса и речевого воздействия играет культурный и даже субъективный фактор. Очевидно, что межкультурная и внутрикультурная вариативность метафоры играет роль не только при порождении метафорически моделей, но и при их восприятии, так как не все метафоры являются универсальными и базовыми. З. Ковечеш утверждает, что «понимание культуры, предложенное антропологами, часто может быть метафорическим пониманием. В центре внимания метафоры часто находится некая нематериальная сущность, такая как время, наша внутренняя жизнь, ментальные процессы, эмоции, абстрактные качества, моральные ценности, социальные и политические институты. В таких случаях метафоры, которые мы используем для понимания этих нематериальных элементов, могут иметь решающее значение для того, как мы на самом деле ощущаем нематериальные элементы в культуре. Короче говоря, при таком взгляде метафоры могут быть и являются неотъемлемой частью культуры» [Kövecses, 2005: 2]. То есть взаимосвязь метафоры и культуры является двунаправленной, метафоры одновременно отражают культурные ценности и формируют их. При этом неизменным является вывод о том, что содержание метафорических моделей в разных культурах может сильно отличаться.

Темы жизни и смерти, например, важны почти для каждой культуры, однако даже в случае с ними мы не можем сказать, что использование метафоры смерти или болезни будет одинаково эффективно по воздействию для носителей русской, американской и китайской культур. Еще сильнее будет дифференциация внутрисоциальная, связанная с разным жизненным опытом. Например, профессиональные военные, которые участвовали в прямых военных столкновениях, имеют отличающийся от большинства граждан опыт взаимодействия с жизнью и смертью, соответственно несколько иначе воспринимают метафоры. Также можно предположить, что профессиональные врачи будут иначе воспринимать метафоры болезни, равно как и метафоры смерти.

Согласно З. Ковечешу, «метафоры также могут быть переменными, и они различаются по двум основным измерениям: интеркультурному и интракультурному измерениям» [Kövecses, 2005: 13].

Межкультурная вариативность состоит в отличиях в процессе концептуализации и категоризации в разных культурах. Исследований в этом направлении довольно много, большая часть исследований посвящены отличиям в когнитивных моделях одного явления [Boroditsky, 2001; Charteris-Black, 2003; Kimmel, 2004; Musolff, 2016].

Приведем в качестве примера исследование Л. Бородицки, которое посвящено концепту времени в китайском и английском. В своей работе Л. Бородицки демонстрирует, что «наличие в китайском языке слов с пространственным значением по вертикальной оси (上个月 – прошлый месяц, дословно «верхний месяц») формирует специфический для китайской социокультуры пространственный формат восприятия времени – «по вертикали», в отличие от имеющегося у носителей западной социокультуры восприятия «по горизонтали» (например, «перед выходными»)» языках [Boroditsky 2001].

Внутрикультурная вариативность, то есть разница в концептуальных проекциях в рамках одной социокультуры, также довольно часто становится

предмет лингвистических исследований [Любимова, 2020; Hiraga, 1991b; Matsuki, 1995; Micholajczuk, 1998].

З. Ковечеш отмечает, что «внутрикультурная вариация подвержена разного рода факторам и может быть разделена на социальную, религиозную, субкультурную, этническую и прочие» [Kövecses, 2005: 89]. Внутрикультурная метафорическая вариативность является неотъемлемой характеристикой любого языкового сообщества, мы сталкиваемся с вариациями концептуальных метафор повсеместно: «мужчины разного социального происхождения по-разному метафоризируют свои отношения с противоположным полом, представители разных субкультур по-разному относятся к понятиям чести, достоинства и морали. Подобные вариации обусловлены различным жизненным опытом, который получают люди на протяжении своей жизни» [Калинин, 2020f: 105]. Например, как описывал З. Ковечеш в предвыборной гонке оба кандидата в президенты США использовали спортивные метафоры, которые, однако отличались содержательно, так как различен был спортивный опыт политиков. В частности, «Б. Клинтон, который является заядлым игроком в гольф, использовал гольф как сферу-источник, а А. Гор, который был капитаном университетской команды по американскому футболу, сравнивал предвыборную гонку с «рывком спортсмена на поле»» [Kövecses, 2005: 183].

Так, согласно когнитивно-культурологическим исследованиям, ключевыми факторами вариативности в концептуализации признаются различный опыт и различные языковые предпочтения носителей языка как представителей культуры. Как указывал З. Ковечеш, «можно предположить, что, с одной стороны, многие из наших метафор меняются, потому что меняется и наш опыт как людей. И, с другой стороны, наши метафоры различаются, потому что познавательные процессы, которые мы используем для создания абстрактного мышления, также могут различаться» [Kövecses, 2005: 231]. Мы ранее отмечали, что «первое включает в себя имеющийся социальный опыт и личностный опыт, что можно определить как человеческий фактор, а второе

определяется коммуникативной ситуацией, то есть персональным и социальным контекстом в данный момент времени» [Калинин, 2020f: 105].

Учитывая вышеописанные теоретические предпосылки в целях проверки разницы в восприятии разных по содержанию сферы-источника концептуальных метафор ВОЙНЫ мы провели эксперимент [Калинин, 2020f], процедура которого указана в параграфе 2.3. Напомним, что для одной сферы-цели было подобрано 6 разных сфер-источников: ВОЙНА – это ИГРА (далее – Сф1), ВОЙНА – это ТЕАТР (далее – Сф2), ВОЙНА – это СОРЕВНОВАНИЕ (далее – Сф3), ВОЙНА – это АЗАРТНАЯ ИГРА (далее – Сф4), ВОЙНА – это УРОК (далее – Сф5), ВОЙНА – это СМЕРТЬ (далее – Сф6). И для каждой сферы-источника было составлено по 4 предложения, содержащие речевые метафоры разного уровня интенсивности (конвенциональные и новые).

Участники эксперимента, которые должны были указать, насколько релевантно по отношению к их личному языковому опыту использование выражения, содержащего метафору, имели разный по отношению к военной сфере личный и профессиональный опыт. Как мы описывали ранее русскоязычные респонденты (всего 155 человек) были разделены четыре группы: «Гражданские», «Военные», «Ветераны» и «Профессионалы», Среди респондентов-носителей китайского языка (всего 150 человек) нам удалось выделить две группы: «Гражданские» и «Военные».

Гипотезой данного исследования являлось предположение, что «концептуальное осмысление явлений общественно-политической жизни, проявляющееся в формировании когнитивных метафорических моделей, зависит от профессионального, культурного и жизненного опыта конкретного носителя социокультуры и может отличаться в рамках одного языкового коллектива» [Калинин, 2020f: 105].

Иными словами, мы стремились доказать, что людей, чей профессиональный и жизненный опыт отличается, по-разному воспринимают одинаковые метафорические модели, то есть одна из целей нашей работы – это выявление внутрикультурной вариации в восприятии одинаковых

метафорических моделей. Также мы анализируем одновременно и межкультурную вариацию, которая будет проявляться в восприятии метафорических моделей представителями русской и китайской лингвокультур.

Результаты для внутрикультурной вариации для русскоязычных респондентов представлены в Таблице 13. Числовые показатели показывают средний уровень релевантности метафорических выражений для всех четырех предложений, содержащих разные вариации одной метафорической проекции.

Таблица 13 – Результаты анализа релевантности концептуальных метафор в зависимости от принадлежности к лингвокультуре, профессиональной ориентации и жизненного опыта

	Группа	Сф1	Сф2	Сф3	Сф4	Сф5	Сф6
Русскоязычные респонденты	Гр (Гражданские)	6,2	5,6	5,3	5,5	5,5	6,1
	В (Военные)	5,1	4,5	4,6	4,7	5,1	5
	ВБД (Ветераны)	5,4	4,7	5	4,9	5,2	4,9
	П (Профессионалы)	5,1	4,9	5,3	4,6	6	4,6
	ИТОГО Рус	5,3	4,6	4,8	4,8	5,2	4,9
Китайскоязычные респонденты	Гр (Гражданские)	5,2	5,4	5,15	5,05	5,35	5,75
	В (Военные)	4,8	4,8	5,1	4,6	5,05	5,4
	ИТОГО Кит	5	5,1	5,125	4,825	5,2	5,575

Сначала обратим внимание на межкультурную вариативность, которая показывает разницу в восприятии одинаковых метафорических выражений представителями русской и китайской лингвокультур. В Таблице 13 мы видим, что восприятие некоторых концептуальных метафорических проекций очень сходно или даже идентично. Например, в обеих лингвокультурах метафорическая проекция ВОЙНА – это УРОК одинаково релевантно воспринимается респондентами (5,2), также очень близки были показатели для сферы-источника АЗАРТНАЯ ИГРА. При этом мы видим довольно существенное

отличие для метафоры ВОЙНА – это СМЕРТЬ, что свидетельствует о разнице в концептуальном восприятии войны как смертоносного явления. Полагаем, что это связано с культурно-историческими особенностями представителей двух народов. Россия, как известно, более успешна в ведении боевых действий, и «военная риторика» является неотъемлемой частью нашего менталитета, русские люди гордятся боевыми победами, чтят память погибших в боях предков, уважают ветеранов. В Китае военное ремесло никогда не было уважаемой профессией, в китайской лингвокультуре даже есть выражение: «好铁不成丁, 好人不当兵» (Из хорошего железа не делают гвоздей, а хороший человек не станет солдатом).

Также мы можем видеть и определенный уровень внутрикультурной вариативности. И для русскоязычных, и для китайскоязычных респондентов уровень релевантности всех концептуальных метафор в группе «Гр» несколько выше, чем во всех остальных.

Мы отмечали «очевидные отличия между группами «Гр» и «П», которые по своему жизненному опыту являются как бы полярными друг другу: первые вообще ни имеют отношения к армии и войне, вторые, напротив, свою профессиональную деятельность почти полностью посвятили боевым действиям. Показательно, что участники эксперимента из группы «Гр» более восприимчивы к метафорам, построенным на сферах-источниках ИГРА, СМЕРТЬ, АЗАРТНАЯ ИГРА, а опрошенные из группы «П» - к метафорам из группы УРОК. Зависимость восприятия концептуальной проекции от жизненного опыта очевидна: люди, чей жизненный опыт более тесно связан с войной как с ремеслом, более четко понимают, что война может быть уроком, то есть научить чему-то, они сделали свои выводы и получили свой опыт в этой сфере» [Калинин, 2020f: 110].

Можно сделать вывод, что гипотеза нашего исследования может считаться доказанной: концептуальное осмысление явлений общественно-политической жизни (войны) связано с имеющимися в культуре установками и культурно-историческим опытом представителей разных культур, а также от

жизненного и, в меньшей степени, от профессионального опыта конкретного носителя культуры.

В этой связи мы полагаем, что если выявлена подобная вариативность в рамках одинаковых по содержанию речевых реализаций концептуальных метафорических проекций, то тезис о непреодолимой сложности количественного анализа функционального потенциала метафор в его взаимосвязи с содержанием метафор также можно считать доказанным.

Выводы:

Вопрос зависимости содержания метафорического переноса и речевого воздействия также является важным для понимания сущности метафоричности. Эту проблемы рассматривали в рамках нейроэкономики, науки о принятии решений [Kahneman, Tversky, 1979; Payne, Bettman, Johnson, 1993; Wagenaar, Keren, Lichtenstein, 1988]. В метафорологии исследования относительно содержания метафоры главным образом сконцентрированы на классификации метафор по содержанию. Так, широко известна классическое разделение метафор на ориентационные, онтологические и системные [Лакофф, Джонсон, 2004]. В отечественном языкознании используются семантические классификации, представленные в работах Г.Н. Складневской, В.П. Москвина и А.П. Чудинова.

При этом взаимосвязь между содержанием метафоры и речевым воздействием практически не исследовалась детально. Одной из немногих в этой сфере является методика подсчета индекса содержания метафоры [Landtsheer De, 1994].

Мы изучили возможность использования этого подхода на практике и провели исследование, в котором проверили гипотезу, что для выражения своей позиции автор речевого сообщения стремится использовать содержательно более воздействующие метафоры. Результаты, полученные на основе корреляционного анализа, показали, что подсчет индекса содержания метафоры

применим в исследованиях метафорического речевого воздействия, однако эта методика не является одинаково валидной для всех дискурсов.

Кроме того, в результате практического исследования релевантности восприятия речевой реализации разных метафорических моделей со сферой-целью война, была выявлена значительная внутрикультурная (по жизненному опыту) и межкультурная вариативность одинаковых метафорических моделей, что также свидетельствует о взаимосвязи содержания метафорического переноса и его потенциального речевого воздействия.

Теоретический анализ проблематики взаимосвязи содержания метафорического переноса и проверка гипотезы о наличии данной взаимосвязи на примере ретранслируемого и воспринимаемого авторского мнения показал, что:

1) конкретное содержание метафоры оказывает воздействие на воздействующий потенциал речевого сообщения, содержащего эту метафору;

2) степень этого воздействия обусловлена общекультурными и субъективными особенностями реципиента речевого сообщения, содержащего метафору;

3) обобщение метафор в тексте и дискурсе на основе содержательного принципа играет скорее дескриптивную роль и дает исследователю простор для интерпретации, однако не показывает степень речевого воздействия.

В этой связи нам видится, что вопрос анализа функционального потенциала метафоры в его взаимосвязи с содержанием метафорического переноса может быть решен двумя способами:

1. Выявление воздействующей роли метафоры в тексте и дискурсе посредством проведения качественно-количественного дескриптивного и критического исследования метафорических проекций, объединенных общей сферой-целью.

2. Разработка специального подхода для выявления проявления функций метафор в тексте.

2.5 Опыт анализа функционального потенциала метафор посредством выявления метафорической репрезентации общественно-политических концептов

Концептуальные метафорические переносы, будучи многократно реализованными в разных речевых репрезентациях в дискурсе, могут формировать определенный образ общественно-политического института, субъекта или явления. На наш взгляд, «метафорические проекции в рамках дискурса способны оказывать значительное влияние на конструирование общественного мнения и на репрезентацию общественно-политических процессов в коллективном сознании граждан той или иной страны» [Калинин, Мавлеева, 2020: 100].

Как мы указывали в Главе 1, метафора – это не только когнитивный феномен, но и социальный. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, «слово является средством доступа к концептуальному знанию» [Попова, Стернин, 2007: 79], поэтому к социальному знанию доступ также открывается именно через изучение слова.

С целью подтверждения этой важной функции метафоры в дискурсе, а также для демонстрации возможностей по анализу содержательной стороны метафорических переносов нами было проведено два практических исследования, сходных по методу, но отличающихся предметом исследования.

На примере метафорической репрезентации концепта коронавирус в медиадискурсе мы продемонстрировали такую функцию дискурсивной метафоры как формирование общественного мнения относительно значимой проблемы. А на примере формирования образа Вооруженных сил России и Народно-освободительной армии Китая посредством концептуальных метафорических моделей исследовали имиджеобразующую функцию метафор.

2.5.1 Формирование отношения к социально значимой проблеме (эпидемия коронавируса) посредством метафорической репрезентации вируса в СМИ РФ и КНР

Эпидемия коронавируса, разразившаяся во всем мире в первой половине 2020 года, стала знаковым событием в мировой политике и экономике. При этом, как мы отмечали ранее, «главным каналом распространения информации о вирусе и всех его последствиях, безусловно, являются средства массовой информации. Информация о вирусе, передаваемая СМИ, соотносится с уже имеющимися структурами знания и приобретает через них новые концептуальные признаки и, как следствие, категоризируется. Как известно, соотнесение какого-либо явления с той или иной категорией в сознании во многом формирует отношение к этому явлению» [Калинин, Мавлеева, 2020: 100].

На наш взгляд, «значительную роль в репрезентации вируса в дискурсе массмедиа играет процесс метафоризации. Когда автор текста статьи или репортажа переносит на вирус (сфера-цель) характеристики других областей человеческого знания (сферы-источники), он, вне всякого сомнения, затрагивает глубинные когнитивные структуры своих читателей, оказывая мощное воздействие на создание образа» [Калинин, Мавлеева, 2020: 100].

Так, мы провели сравнительный анализ метафорической репрезентации коронавируса в китайских и российских СМИ и выявили взаимосвязь этой репрезентации с экстралингвистическими факторами и с формированием общественного мнения относительно эпидемии коронавируса.

Мы отталкиваемся от предположения о том, что «репрезентация вируса в СМИ КНР и РФ представляет собой развернутую дискурсивную метафору со сферой-источником ВОЙНА, содержание которой меняется в зависимости от экстралингвистических факторов, а именно от специфики распространения вируса внутри страны и ее внутривнутриполитической ситуации» [Калинин, Мавлеева, 2020:101].

Всего в период с 21 января по 10 марта 2020 года было проанализировано 750 заголовков и лидов новостных сообщений на китайском языке. В качестве материала исследования на русском языке были отобраны 945 новостных сообщений, опубликованные в период с 12 апреля по 14 июня 2020 года.

В результате анализа были выявлены четыре наиболее характерные общие дискурса массмедиа Китая и России метафорические модели концептуализации нового коронавируса: ВИРУС – ВРАГ/ ПРОТИВНИК (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ВИРУС – ПРИРОДНОЕ БЕДСТВИЕ, ВИРУС – причина СТРАХА. Для китайского языка всего было выявлено 611 метафор, в медиадискурсе русского языка всего была выявлена 504 метафоры.

Прежде всего стоит отметить меньший уровень метафоризации для русского языка. В среднем, на одно исследованное новостное сообщение на китайском языке приходилось 0,814 метафор, а на русском – всего 0,53.

Количественное и процентное распределение выявленных моделей по сферам-источникам представлено в гистограммах на Рисунке 14 и 15.

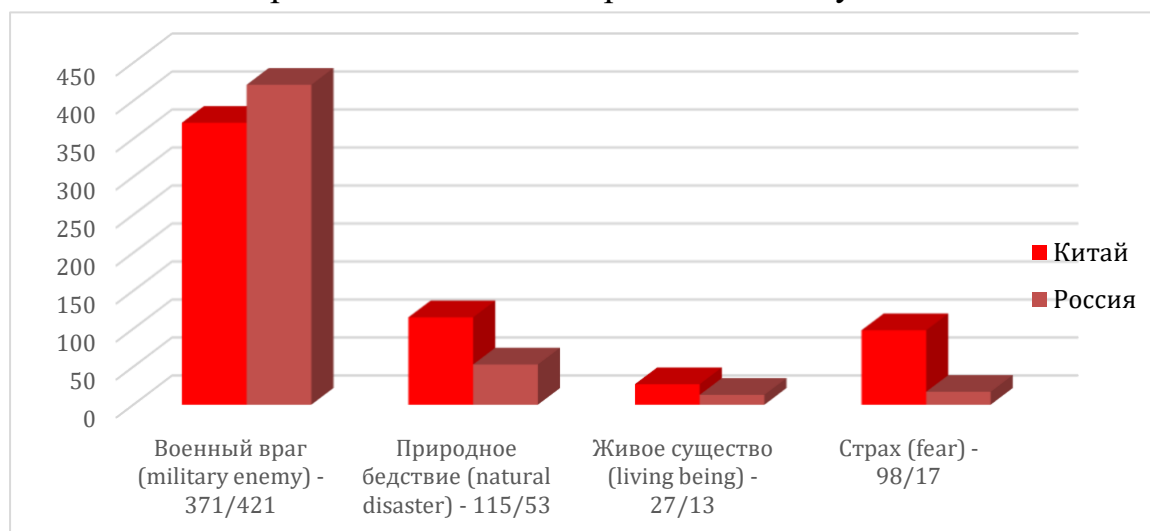

Рисунок 14 – Частотность метафорических моделей вируса в китайском и русском медиадискурсах

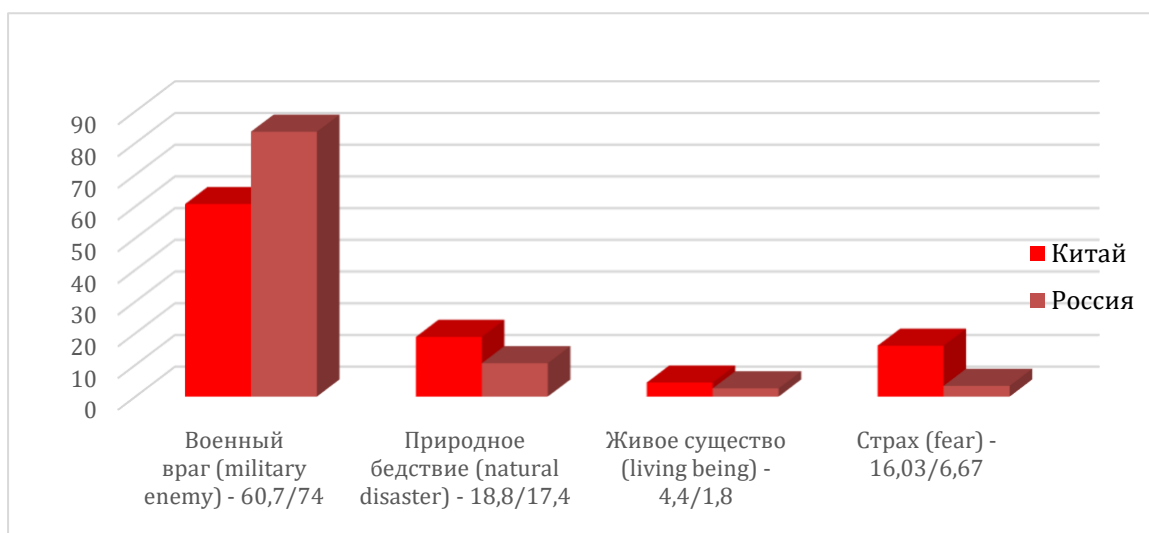

Рисунок 15 – Процентное соотношение метафорических моделей вируса в китайском и русском медиадискурсах

Прежде всего стоит отметить, что и состав метафорических моделей для обоих языков, и количественное распределение указанных моделей довольно сходно при наличии очевидных отличий, которые прежде всего видны в распределении метафор ВОЙНЫ и СТРАХА. Это связано с культурными особенностями содержания данных концептов в национальном языковом сознании.

Метафоры войны часто используются для описания различных эпидемий, пандемий и болезней: рак [Camus, 2009], СПИД [Sandahl, 2001], свиной грипп [Larson, Nerlich, Wallis, 2005], эбола [Trčková, 2015], атипичная пневмония [Washer, 2004] и другие. С помощью военных терминов описывается борьба с чумой в Маньчжурии в «Марше шпионов» Р. Киплинга [Боголюбов, 2020]. «Причиной использования метафор войны является то, что в период пандемии люди стремятся к борьбе с ней, а крайней формой противоборства выступает именно война» [Калинин, Мавлеева, 2020:103].

Для китайских СМИ наибольшую долю имеет метафорическая модель со сферой-источником ВОЙНА – 60,7% всех метафор. Наиболее частотными стали лексемы, связанные с военной сферой: 抗击 kàngjī «контратаковать, дать отпор»; 动员 dòngyuán «мобилизовать»; 消灭 xiāomiè «уничтожить,

ликвидировать»; 杀灭 shāmiè «уничтожать, истреблять», 预防 yùfáng «предотвращать», 打击 dǎjī «наносить удар», 打赢 dǎyíng «побеждать» и другие.

Метафора «БОРЬБА С ВИРУСОМ – ЭТО ВОЙНА» в китайском дискурсе массмедиа было выявлено 6 импликаций.

Таблица 14 – Импликации метафорической модели ВОЙНА в китайском медиадискурсе

Импликация	Количество	%
Борьба с вирусом – это защита от врага	117	31,53
Борьба с вирусом – это нападение на врага	105	28,30
Медицинские работники – герои войны	72	19,41
Борьба с вирусом – общая война	29	7,82
Китай – поле боевых действий	32	8,62
Больные – жертвы войны	5	4,31

Как мы видим, большинство метафор ВОЙНЫ связаны с активными боевыми действиями: нападение и оборона. Метафора защиты от вируса и атаки от него практически идентичны в количественном плане. Также явно выделяется модель МЕДИКИ – ГЕРОИ, а модель, связывающая пострадавших от вируса с жертвами военных действий, не очень популярна.

Метафорическая модель со сферой-источником ВОЙНА в русском медиадискурсе была еще более популярна: она встретилась 421 раз из 504 метафор, что составило 83,5% от числа всех метафор. Используемая в лидах и заголовках военная лексика преимущественно представлена следующими лексемами: «война», «победа», «враг», «нападение», «мобилизация», «удары», «погибать», «герой», «передовая», «фронт», «поле боя», «битва», «атака», «штаб по борьбе».

Стоит отметить, что в российских медиа термины ВОЙНЫ были более очевидными в использовании, военные метафоры нередко выходили в сам заголовок новости. Например, «Медики на войне генералов важнее», «Рынок

выдержал атаку коронавируса». В большинстве случаев коронавирус представлялся как атакующий противник, от которого россияне вынуждены защищаться. Стоит отметить, что иногда даже возникали аллюзии на сводки с передовой времен Великой отечественной войны: «коронавирус сумел победить 96-летний ветеран Великой Отечественной войны».

Импlications метафоры ВОЙНЫ для описания борьбы с коронавирусом в российских медиа представлены в Таблице 15.

Таблица 15 – Импlications метафорической модели ВОЙНА в русском медиадискурсе

Импlication	Количество	%
Борьба с вирусом – это защита от врага	117	31,53
Борьба с вирусом – это нападение на врага	105	28,30
Медицинские работники – герои войны	72	19,41
Борьба с вирусом – общая война	29	7,82
Китай – поле боевых действий	32	8,62
Больные – жертвы войны	5	4,31

В распределении имPLICATIONS метафор ВОЙНЫ в русском медиадискурсе мы видим несколько иную картину. Чуть меньше половины метафор связано с защитой от врага (45,3%), метафор нападения намного меньше. Это говорит о том, что вирус воспринимается как внезапно напавший враг, от которого следует защищаться, при этом, как его победить, пока неясно. Также стоит выделить довольно высокий процент метафорического осмысления медиков как героев войны и заболевших как жертв «войны» с вирусом. В русском медиадискурсе много метафорических описаний пострадавших от коронавируса в военных терминах.

Большое количество метафор в китайских СМИ принадлежали модели «ВИРУС – ПРИРОДНОЕ БЕДСТВИЕ» (18% всех выявленных метафор). Эта метафорическая проекция предполагала описание вируса как опасной стихии,

например урагана (3 упоминания) или землетрясения (4 упоминания). Также часто использовались лексемы 天灾 tiānzāi «стихийное бедствие, непреодолимая сила», 灾害 zāihài «бедствие, несчастье», 灾难 zāinàn «бедствие, катастрофа».

В русском медиадискурсе данная метафорическая модель заняла примерно 10% от всех метафор, метафора стихийного бедствия не отличались конкретизацией и чаще всего основывались на лексеме «бедствие». Например, «никто не разглядел в тумане грядущего такое бедствие, как пандемия коронавируса», «хотя эпидемия коронавируса и обрушилась на туррынок как стихийное бедствие».

Отдельно была выделена метафора «ВИРУС – ПРИЧИНА СТРАХА», которая в китайскоязычном дискурсе составила 16% от всех метафорических моделей (98 случаев употребления). Например, 是人类最害怕最讨厌的病毒之一 «один из наиболее пугающих и ненавидимых вирусов».

Для русского дискурса эта метафорическая модель не заняла значимое место. Нами было выявлено всего 17 подобных метафор, они основывались на лексемах «страх», «беспокойство», «страшный сон», «страх».

Наименее частотной метафорической моделью для обоих дискурсов стала метафора ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. В китайском языковом материале количество таких метафор составило – 27, а в русском – 13. Подобные метафорические модели прежде всего связаны с олицетворением, сравнением вируса с человеком или животным, как реальным, так и мифологическим. Например, 疫情肆虐 – «эпидемия свирепствует», 病毒虽然凶猛 – «хотя вирус и свирепый». В русском медиадискурсе для создания образа вируса как живого существа часто использовалась медицинская метафора, выражающаяся в лексеме «кашель» – «коронавирус кашляет на экономику». Также можно привести в качестве примера выражения «коронавирус выносит смертный приговор», «ярость коронавируса».

Так, представление о коронавирусе в средствах массовой информации Китая основано на метафорах ВОЙНЫ, СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ и СТРАХА. Вирус становится ВРАГОМ, а борьба с ним – ВОЙНОЙ. Вирус в китайских меди – это стихийный, внезапно напавший враг, который, с одной стороны, вызывает страх и тревогу, а с другой, это враг, с которым можно и нужно не только бороться, но и побеждать. Таким образом, «в сознание внедряется мысль, что враг не так ужасен, не очень опасен и не всегда смертоносен, и, возможно, не принесет серьезных последствий. Борьба с коронавирусом при этом требует мобилизации усилий всего народа, она носит характер защиты от внешнего врага, что очень сходно с традиционной китайской моделью «ответа на внешние вызовы». Борьба с коронавирусом предполагает активные и согласованные действия правительства и народа, которые, согласно медиаповестке, должны «нанести удар» и «победить вирус»» [Калинин, Мавлеева, 2020:106].

Репрезентация образа вируса в СМИ России основана на сходных метафорических моделях, однако также были выявлены и значительные отличия. Для российского дискурса массмедиа коронавирус – это внезапно напавший враг, неожиданный противник, который довольно опасен и несет смертоносные последствия. Массмедиа России уделяют также большое внимание «атакам» вируса на экономику, здравоохранительную систему, международные отношения, а не «атакам» России на сам вирус. Борьба с вирусом в российском медиапространстве представляется как «оборонительная война», которая состоит в принятии всех необходимых мер, однако в которой «не понятно, как можно победить».

Использование метафоры ВОЙНЫ, которая является крайне характерной для репрезентации массовых заболеваний, в дискурсах двух стран также отличалось. Мы писали о том, что «в Китае четко прослеживается следующая стратегия борьбы с заболеванием: сначала – оборона, потом – переход в наступление и победа. «Война с вирусом» рассматривается при этом как народная война, у которой есть свои герои, при этом о жертвах войны почти не

сообщается, чтобы не вызывать излишнюю панику и не мешать ведению самой войны» [Калинин, Мавлеева, 2020:106].

В России милитарная тональность новостных сообщений, направленная на борьбу с вирусом внутри страны, более яркая, однако символическое моделирование в России не предполагало активного нападения на вирус, постулировались результаты нападения вируса на страну и ее граждан, при этом не предлагались активные меры по противостоянию врагу. В СМИ, безусловно, пропагандировались меры по сдерживанию распространения вируса, чтобы избежать волны массового заражения, однако эти новостные сообщения отличались минимальным уровнем метафоризации и были больше похожи на список рекомендаций, чем на призыв к активным действиям. Также стоит отметить, что значительное количество упоминаний жертв атаки вируса и слабая проявленность модели «СТРАНА – это ПОЛЕ БОЯ», привели к тому, что народ, осознав проблему, не понял ее масштаб, не внял призывам к мобилизации усилий по борьбе с пандемией. Российские СМИ не создали единого образа вируса как врага, которого можно победить, это был просто «нападающий, атакующий враг». Также не были до конца реализованы попытки всеобщей мобилизации нации.

Стоит отметить, что использование стратегии освещения распространения вируса в КНР было скоординировано с реальными действиями органов власти. Формирование образа вируса было одним из направлений борьбы с пандемией, тогда как в России власть и массмедиа действовали несогласованно, в результате чего образ вируса в СМИ не оказал содействия в сдерживании болезни, скорее даже напротив, привел к эскалации пандемии.

Мы также проверили наше предположение о том, что формирование метафорического медиаобраза вируса в СМИ Китая было скоординированной государственной политикой, посредством проведения корреляционного анализа импликаций метафорической проекции БОРЬБА с ВИРУСОМ – это ВОЙНА с данными по количеству заболевших и выздоровевших в КНР за период с 21 января по 10 марта 2020 года.

В качестве основы для корреляционного анализа были использованные статистические данные о количестве вновь зараженных и вновь выздоровевших за день с официального сайта ВОЗ. Эти показатели мы сопоставили с общим количеством выявленных в новостных сообщениях, опубликованных в этот день, метафорических моделей и количеством наиболее частотных метафор: БОРЬБА С ВИРУСОМ – ЭТО ЗАЩИТА и БОРЬБА С ВИРУСОМ – ЭТО НАПАДЕНИЕ. Кроме того, был проведен анализ значимости полученных результатов при помощи расчёта Т-критерия Стьюдента.

Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 16.

Таблица 16 – Результаты корреляционного анализа и проверки статистической значимости корреляционного анализа

	Вновь заболевшие (корреляция)	Вновь заболевшие (Т критерий)	Вновь выздоровевшие (корреляция)	Вновь выздоровевшие (Т критерий)
Всего метафоры	0,522	$t_{ЭМП} = 5.9, p \leq 0.01$	0,069	$t_{ЭМП} = 7.6, p \leq 0.01$
ЗАЩИТА	0,782	$t_{ЭМП} = 6, p \leq 0.01$	-0,471	$t_{ЭМП} = 7.6, p \leq 0.01$
НАПАДЕНИЕ	0,011	$t_{ЭМП} = 6, p \leq 0.01$	0,732	$t_{ЭМП} = 7.6, p \leq 0.01$

Как мы видим, значимая корреляция выявлена для показателей количества вновь заболевших и метафоры «защиты от вируса» (0.782), а также для показателя выздоровевших и метафоры значением «нападения на вирус» (0.732).

Стоит отметить, что была выявлена значительная взаимосвязь между темпами распространения болезни и содержанием метафор в СМИ. Так, в новостях, опубликованных до 14 февраля 2020 года, когда распространение вируса в Китае вышло на так называемое эпидемиологическое плато, доминировали метафоры со значением защиты, а после этого, вместе с ростом количества выздоровевших, стали преобладать метафоры нападения на вирус.

Эта взаимосвязь очень четко видна на графике.

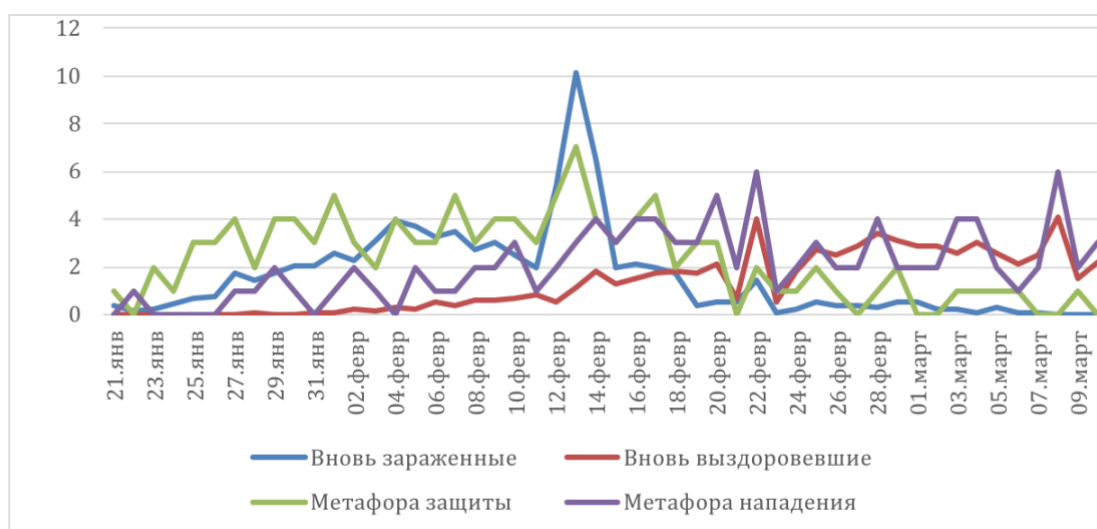

Рисунок 16 – Распределение метафор защиты и нападения и статистические данными по заболевшим и выздоровевшим

На графике видно, что «количество метафор защиты от врага увеличивается по мере увеличения количества вновь заболевших и также пропорционально уменьшается, а метафоры нападения на врага тесно связаны с показателем вновь выздоровевших» [Калинин, 2020].

Мы также изучили метафорический образ коронавируса в СМИ Республики Кореи [Калинин, Мавлеева, 2020] и сравнительную репрезентацию образа вируса на примере коронавируса и лихорадки Эбола как внешнего и внутреннего врага в китайских медиа [Kalinin, 2020]. Результаты этих дополнительных исследований подтвердили полученные выше результаты.

Таким образом, практическое качественно-количественное исследование метафорического образа коронавируса показало, что несмотря на сходство используемых с СМИ концептуальных метафор, содержание и количественное распределение метафор в массмедиа двух стран сильно отличаются. В обоих дискурсах формируется образ врага, однако содержательно эти образы разнятся по своей воспринимаемой опасности, предсказуемости и возможности их победить. Кроме того, дискурсивная реализация метафоры ВИРУС – военный ВРАГ в китайских СМИ продемонстрировала тесную взаимосвязь с экстралингвистическими

факторами, подтвердив тезис о способности метафор формировать социальную реальность на концептуальном уровне.

2.5.2 Метафорическая репрезентация образа армии в СМИ РФ и КНР

Функциональный потенциал метафор в дискурсе проявляется не только в формировании отношения к определенному явлению, субъекту или общественному институту, как было показано на примере репрезентации коронавируса в СМИ России и Китая. Метафоры также являются действенным инструментом создания имиджа, в частности институционального.

Процесс формирования институционального имиджа понимается нами как «целенаправленно создаваемый в речевой коммуникации абстрактный, частотный, эмоционально окрашенный образ субъекта политического процесса, обладающий высокой степенью информативности, возможностью развертывания в большой текст и обусловленностью политическим дискурсом, ретранслируемым медиапосредниками от непосредственного субъекта политического процесса к опосредованному субъекту восприятия речевого сообщения» [Калинин, 2018: 47].

Мы указывали ранее, что «одним из важнейших признаков имиджевого политического медиатекста как основы для формирования институционального имиджа является метафоричность, так как метафора обладает семантической, когнитивной и эмоциональной силой воздействия, в полной мере отражает коммуникативные интенции автора коммуникативного сообщения, и потому этот прием широко употребляется в текстах разных дискурсов для формирования того или иного имиджа» [Калинин, 2018b: 55].

В этой связи конструирование имиджа, в частности политического имиджа государства или его институтов, является одним из возможных реализаций функционального потенциала концептуальных метафор в дискурсе.

Для практического исследования этого потенциала мы изучили по 100 текстов информационно-аналитического характера на китайском и русском

языках, вышедших в печать с мая 2015 года по июль 2021 года, касающихся Вооруженных сил России и НОАК соответственно. Материал для анализа на китайском языке публиковался в «解放军报», «新华», «人民日报», «中华网军事», «中国共产党新闻网», на русском языке из статей, опубликованных новостными агентствами ТАСС, RT, REGNUM, Коммерсантъ, Красная звезда.

Так, наиболее часто встречающимися метафорами образа НОАК стали:

1. Железная китайская стена.

强大的国防力量, 强大的人民, 铸就了和平时期的铁长城, 这是一座能够绝对保卫祖国和人民安全的钢铁长城。 Мощные вооруженные силы, сильный народ отлили железную стену новой эпохи. Это железная стена народной безопасности, способная в полной мере защитить наше Отечество.

Эта метафора встретилась чаще всего – 21 раз, то есть более чем в 20 % исследованных новостных сообщениях мы столкнулись именно с таким метафорическим образом НОАК.

Обратим внимание на метафорическое выражение «стальная китайская стена», которая в данном контексте является метонимией для НОАК. НОАК предстает в образе «Великой Китайской стены» (长城), которая, как известно, на протяжении многих столетий являлась для китайцев своеобразным щитом от внешних врагов. Таким образом «стена» стала символом защиты от врагов, а определение «стальная» говорит об ее высочайшей устойчивости и нерушимости. Регулярное появление в СМИ метафоры 钢铁长城 *gāngtiě chángchéng* («стальная стена»), позволяет определить данную метафору как языковой штамп, устоявшийся в массовом сознании китайцев.

2. Детище народа / сыны отечества.

Нами была зафиксирована высокая частотность употребления данного выражения в различных китайских источниках, в 100 текстах эта метафора встретилась 15 раз.

演员们真情实感的表演汇聚了各界群众对的真挚热爱, 表达了对建军 91 周年这一光辉节日的美好祝愿。 Артисты сердечно передали искренние

поздравления военнослужащим (сынам отчества) от лица представителей всех социальных слоев общества, выразили самые теплые поздравления с 91 годовщиной светлого праздника образования НОАК.

Эта метафорическая проекция базируется на концептуальной метафоре АРМИЯ – это РЕБЕНОК (народа). В данной метафоре важным является тот факт, что из сферы-источника РЕБЕНОК на сферу-цель переносится не признаки «инфантилизм», «необходимость в заботе», а концептуальное значение «неразрывной связи со страной». Эта метафора базируется на той же категории «родственные связи», что и уже стертая метафора РОДИНА – это МАТЬ/ОТЕЦ. Метафорическое осмысление института вооруженных сил через родственные связи призвано продемонстрировать тесную связь народа (родители) и армии (ребенка), их взаимозависимость. Данный метафорический перенос не только формирует образ самой армии, но и определяет направление концептуальной обработки отношения к вооруженным силам. СМИ, постулируя армию как «сынов Отечества», как бы обязывают народ относиться к своей армии как к своим детям.

Отметим, что родственные отношения являются крайне важными для китайской лингвокультуры, философский концепт, выражаемый в конфуцианском постулате 孝 («сыновья почтительность»), предполагает специфический формат отношений «родители-дети». Дети призваны почитать старших, беспрекословно подчиняться их воле, делать все для их блага, в то время как родители несут полную ответственность за своих детей, включая прежде всего их надлежащее морально-нравственное воспитание и материальное обеспечение.

3. Рыба и вода.

红军的一天”让实践团的成员们体验到了红军当年的艰难困苦，也感受了淳朴军民鱼水情。День Красной армии позволил членам практических коллективов в полной мере ощутить все тяготы и лишения военнослужащих и прочувствовать единение армии и народа.

Метафорическое выражение 军民鱼水情 *jūnmín yúshuǐqíng* (Армия и народ неотделимы, как рыба и вода), встретилось в 8 текстах. Использование образа рыбы и воды в метафорическом переосмыслении взаимосвязи армии и народа еще раз концептуализирует их сильную взаимозависимость. Как известно, для рыб вода является жизненно необходимым ресурсом, так как они дышат кислородом, который растворен в воде и не могут дышать воздухом. В данном случае рыба – это армия, а народ представляется в образе жизненно важного компонента, которая обеспечивает жизнедеятельность армии.

4. Поборник суверенитета.

按照新的历史使命的要求，我军不仅要维护国家的«领土边疆»，还要维护国家的«利益边疆»；不仅要成为国家安全利益的捍卫者，还要成为国家发展利益的捍卫者。Согласно требованиям исторической миссии наша армия должна не только защищать территориальную целостность границ государства, но также защищать границы наших интересов. Армия должна быть не только поборником интересов безопасности государства, но и поборником интересов развития государства.

В данном контексте НОАК представляется в образе человека-защитника, который стоит на страже суверенитета всего государства. Мы сталкиваемся с олицетворением вооруженных сил, наделением общественного института характеристиками, присущими человеку. Значение слова 捍卫者 *hànwèi zhě* – это «лицо, которое охраняет, оберегает...», оно образовано суффиксальным способом посредством присоединения к лексеме 捍卫 (охранять, оберегать) суффикса 者 со значением «деятель; тот, кто совершает действие».

4. Милые люди.

他们（解放军）是新时代最可爱的人 *tāmen (jiěfàngjūn) shì xīnshídài zuì kě'ài de rén* – Они (НОАК) являются самыми «милыми людьми» новой эпохи.

Это метафорический неологизм довольно часто встречается в китайских СМИ - 13 раз. Данное выражение впервые было употреблено журналистом

Вэйвей (魏巍) 4 ноября 1951 года, в китайской газете «Женьмин жибао», в статье, которая называлась «谁是最可爱的人» (Кто же самые «милые люди»), где автор ласково назвал армию своей страны «милыми людьми». В сознании людей создается образ культурной, вежливой и неагрессивной армии, которая ни в коем случае не станет агрессором и провокатором войны или военных действий.

Рассмотрим количественное распределение метафор, используемых для формирования образа НОАК.

Метафорический образ НОАК

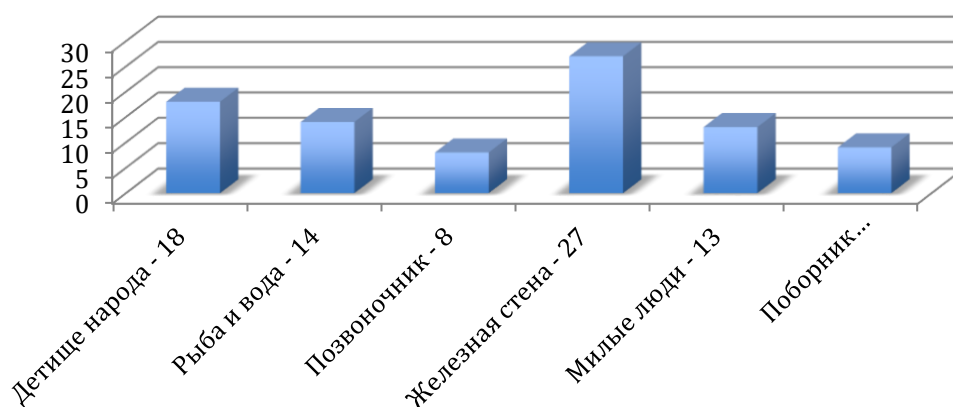

Рисунок 17 – Количественные показатели употребления метафор при формировании образа армии Китая

Как мы видим на Рисунке 17, наиболее употребительными являются метафоры «детище народа», «железная стена» и «рыба и вода», которые связаны с единением армии и народа, с их неразрывной связью. Кроме того, метафора китайской стены тесно связана с культурным кодом китайской нации и подчеркивает жизненно важную роль НОАК по обеспечению безопасности территории страны.

В России на современном этапе развития вооруженных сил уделяется большое внимание формированию положительного образа вооруженных сил. После перестройки политической и экономической системы и проведения масштабной военной реформы высшее военно-политическое руководство

России приступило к планомерной работе по улучшению имиджа военной службы и вооруженных сил в целом.

Отметим, что согласно последним данным социологического опроса ВЦИОМ, каждый второй из опрошенных респондентов (52%) ответил положительно на вопрос: хотели бы вы, чтобы ваш сын, брат муж или другой близкий родственник служил сейчас в армии. 40% ответили отрицательно, а 8% затруднились дать ответ. В способность армии защитить страну в случае реальной угрозы верят 83% опрошенных, 12% - не верят. Также россиян спросили, доверяют ли они министру обороны РФ Сергею Шойгу. 78% выказали доверие, 16% - нет. В 2018 году 79% доверяли, 10% не доверяли. ВЦИОМ также сообщил, что деятельность армии одобряют 78,9%⁸.

При этом мы не можем не отметить, что в отечественном языкознании не проводилось исследований метафорического образа Вооруженных сил Российской Федерации, исследований каких-либо других способов репрезентации имиджа армии России также не проводилось.

Отдельные работы касались изучения лингвистических средств репрезентации вооруженных сил нашей страны в исторической парадигме. Например, О. В. Рычкова изучила образ Красной Армии в американской прессе середины 20 века [Рычкова, 2008], а В. С. Еремин образ русской армии времен наполеоновский войн [Еремин, 2020]. Вопросу формирования образа современной армии не посвящено ни одного исследования.

Отметим, что в отобранных нами для анализа новостных текстах на русском языке мы также не выявили ярких и систематических метафорических образов Вооруженных сил Российской Федерации.

Исключение составляет метонимия «вежливые люди», появившаяся после событий в Крыму в 2014 году. Меткое выражение одного из жителей Крыма в телевизионном интервью мгновенно стало мемом и приклеилось к образу Вооруженных сил России на современном этапе. Образ красивого,

---

⁸ См <https://ria.ru/20140516/1007988002.html>. Ссылка активна на 2.08.21

молодого человека в форме, который передает котенка ребенку, стал, вероятно, главным символом армии России на современном этапе, так как он был повторен многократно всеми СМИ, одежда с принтом с этим образом стала модной, а в Симферополе появился памятник «вежливым людям». Военно-политическое руководство нашей страны также активно пользовалось данной метонимией. Так, согласно статье в РИА НОВОСТИ, Министр обороны РФ С. К. Шойгу пошутил насчет «вежливых людей», комментируя утверждения Киева о причастности российского спецназа к происходящему в Донбассе: «Скажу лишь одно — трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Тем более глупо, если эта кошка умная, смелая и вежливая»⁹.

Еще одним имеющимся в нашем языковом сознании образом вооруженных сил является образ «сынов отечества». Это устойчивое словосочетание появилось еще в советское время, и оно часто используется для наименования разного рода военно-патриотических конкурсов. Также оно применяется и для описания молодых военнослужащих.

На наш взгляд, резкий рост популярности образа «вежливые люди» демонстрирует запрос российского общества на определенный устоявшийся образ для российских вооруженных сил. Отсутствие яркого, понятного народу и отражающего суть развития вооруженных сил на современном этапе метафорического образа на фоне роста имиджа армии в обществе кажется странным и нелогичным. Кроме того, подобный образ должен иметь четкую вербальную формулу, которая должна многократно транслироваться СМИ, тогда отношение народа к армии будет более устойчивым, а имидж военной службы продолжит улучшаться.

Таким образом, анализ средств массовой информации КНР и РФ показал разную картину по формированию институционального образа вооруженных сил страны. В КНР образ Народно-освободительной армии главным образом базируется на сферах-источниках, концептуализирующих тесную связь армии

---

⁹ <https://ria.ru/20140516/1007988002.html> Ссылка активна на 02.08.21

и народа, тем самым как бы наделяя и народ, и армию определенными общественными обязательствами по отношению друг к другу. В российских СМИ, к сожалению, не ведется целенаправленной работы по формированию образа посредством внедрения в массовое сознание концептуальных метафорических моделей, что, на наш взгляд, во многом препятствует формированию позитивного имиджа нашей армии.

Выводы:

Функциональный потенциал метафор в дискурсе может быть выявлен с использованием качественно-количественного анализа содержания метафорических моделей.

Проведенные нами на материале дискурса массмедиа практические исследования демонстрируют высокий функциональный потенциал метафорических выражений по формированию социально значимых концептов, конструированию общественного мнения и созданию образа государственных институтов.

Анализ образа вируса показал разное содержание метафорических образов коронавируса в СМИ Китая и России, что, на наш взгляд, оказало влияние на эффективность борьбы с эпидемией. Анализ метафорического выражения образа вооруженных сил продемонстрировал отсутствие этого образа у Вооружённых сил России на современном этапе. Мы полагаем, представителям гуманитарного направления российской военной науки следует уделить этому вопросу пристальное внимание.

В целом мы можем утверждать, что содержательный анализ речевых моделей концептуальных метафор является действенным средством исследования имиджеобразующей функции метафор в дискурсе. Он позволяет не только констатировать факт формирования новых концептов, связанных с тем или иным образом, но и выявить содержательную составляющую этих концептов.

С точки зрения учета содержательной стороны концептуальных метафорических переносов в методе комплексного анализа метафоричности дискурса, разрабатываемой нами в данном диссертационном исследовании, нам кажется важным обратить внимание на функции метафор.

2.6 Выявление функционального потенциала метафор посредством анализа функций метафор в тексте и дискурсе

Наиболее тесно взаимосвязь между содержанием и функцией метафор в тексте прослеживается в классификации, представленной в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980]. Как мы указывали выше, авторы разделили метафоры на ориентационные, онтологические и структурные.

Ориентационные метафоры отражают базовые пространственные представления человека в их взаимосвязи с социальным миром. Онтологические нацелены на объяснение абстрактного через конкретное, они служат для идентификации, объяснения сложных сущностей, способствуют пониманию духовных явлений и общественных процессов. Структурные как бы переструктурируют сферу-цель через когнитивные признаки сферы-источника, то есть один сложноструктурированный концепт объясняется через другой, таким образом эти метафоры используются для формирования мнения относительно той или иной проблемы или ситуации.

Можно сказать, что ориентационные метафоры выполняют функцию описательную, они отражают имеющиеся в обществе базовые ориентационные представления. Чаще всего ориентационные метафоры являются примарными метафорами в характеристике Дж. Грейди [Grady, 1996; Grady, 1997; Grady, 2005a]. В теории примарной метафоры постулируется, что «референт и коррелят связаны друг с другом в рамках конкретного сенсорного опыта, то есть они принадлежат к одному и тому же понятийному пространству: референтом становится понятие, являющееся «субъективным откликом» на сенсорный сигнал, информация о котором представлена в корреляте метафоры» [Evans,

2004: 304]. Предполагается, что «примарными метафоры являются в силу того, что представленные в них базовые, изначальные метафорические соответствия имеют особый статус, будучи основой для других, более сложных метафорических концептуальных переносов» [Grady, 1999: 81].

Ориентационные метафоры – это примарные метафоры, так как они отражают базовый сенсорный опыт, при этом чаще всего универсальный для какой-либо социальной общности. В этой связи использование примарных ориентационных метафор едва ли может оказывать какое-либо речевое воздействие. Такие метафоры чаще всего отражают имеющиеся в обществе представления, а использование новых, не характерных для языковой общности ориентационных метафор будет являться неуместным, то есть не будет согласовываться с принципом воспринимаемой уместности, и, следовательно, будет снижать воздействующий потенциал речевого сообщения в целом. Чаще всего вербально подобные метафоры реализуются через лексемы, отражающие либо пространственное положение (верх, низ, спереди, сзади), либо базовые физиологические и сенсорные ощущения (тяжелый, легкий, горячий): тяжелый труд, горячая любовь и так далее.

Например, предложение «Успешная защита диссертации позволит мне подняться по карьерной лестнице» содержит ориентационную метафору УСПЕХ – это ВЕРХ, характерную для многих культур в мире, когда положение «сверху» ассоциируется с успехом, властью, богатством и так далее.

Онтологические метафоры используются для идентификации, объяснения сложных абстрактных понятий. Они не оказывают прямого воздействия на реципиента, однако именно такие метафоры позволяют осознать сущность метафоризируемого объекта. Онтологические метафоры как бы расширяют семантику сферы-цели, дополняя ее новыми концептуальными признаками. Чаще всего вербально подобные концептуальные проекции реализуются посредством атрибутивных (Adj + N) или глагольных (V + N) словосочетаний, где концептуальные признаки сферы-источника реализуются

в прилагательном или глаголе, тогда как сфера-цель чаще всего какой-то объект или субъект, выраженный существительным.

Например, «Я почти допилил вторую главу диссертации» (1), «Для успешной защиты диссертации необходима какая-то прорывная идея» (2). В примере (1) объектом метафорического переосмысления становится «диссертация», которая приобретает дополнительные функции вследствие использования глагола «допилил». Пиление обычно ассоциируется с тяжелым, однообразным и иногда скучным трудом, и это концептуальное значение переносится на процесс работы над диссертационным исследованием. В примере (2) метафора реализуется по атрибутивной модели «прорывная + идея». Вторичное семантическое значение лексемы «прорыв», которое можно определить как «резкий, неожиданный выход наружу», соотносится с концептом «идея», тем самым идея приобретает дополнительное значение, то есть меняется ее онтологическая сущность.

Структурные метафоры способствуют реструктуризации одного концепта через другой, заменяют значительную часть концептуального содержания, тем самым может меняться понимание предмета или явления, отраженного в структурируемом концепте. Так, структурные метафоры за счет частичной смены концептуального содержания способствуют формированию или изменению мнения относительно объекта или явления. Можно сказать, что структурные метафоры выполняют трансформационную функцию. Чаще всего структурные метафоры являются прямыми, то есть строятся с использованием лексических средств сравнения и уподобления (будто, похоже, подобно) или базируются на модели «А – это В». Метонимия также чаще всего является структурной концептуальной метафорой.

Например, «Диссертация – это действительно настоящая каменоломня», «Написать диссертацию – это как нырнуть на дно моря и собрать жемчужины», «Я впахивал всю неделю». Все три метафорических проекции основаны не просто на дополнении концептуальных признаков сферы-источников, грамматическая форма реализации структурных метафор предполагает более

глубокое концептуальное смешение семантики двух объектов, которые как бы замещают друг друга. Именно за счет грамматической формы реализации структурные метафоры обладают наибольшим воздействующим потенциалом, структурные метафоры, являясь чаще всего прямыми и преднамеренными, становятся своего рода целенаправленным нарушением когнитивной матрицы в сознании реципиента сообщения. Таким образом, решая подобную «когнитивную головоломку», реципиент активнее принимает метафорический перенос и соотносит содержащийся в нем концептуальный перенос со своей картиной мира.

Иными словами, предложения «Написать диссертацию сложно» (1), «Диссертация – это тяжелый труд» (2), «Диссертация – это просто каменоломня» (2), содержащие, по сути, одно и то же семантическое значение, имеют разную воздействующую тональность, с разной степенью приятия воспринимаются реципиентом.

Таким образом, мы полагаем, что для анализа метафоричности с точки зрения содержания можно и нужно использовать данную классификацию, так как она более полно отражает функциональный потенциал, который несут метафоры в тексте. Кроме того, четкое разграничение вербальной формы подобных метафор довольно удобно для выделения разных типов метафорических проекций.

Для математического анализа мы предлагаем использовать подсчет специального индекса функциональной типологии метафоры, математическая логика которого будет основана на вычислении распределения метафор в тексте по типам: ориентационные, онтологические и структурные. На наш взгляд, подсчет подобного индекса может стать полезным инструментом анализа метафоричности дискурса, который дополнит уже имеющиеся индексы интенсивности и плотности метафор.

Формула индекса функциональной типологии метафоры будет выглядеть следующим образом:

$$MfTI = (1*Or+2*O+3*St)/nme,$$

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

Математическая логика индекса такова, что его минимальное значение 1 показывает доминирование ориентационных метафор, а максимальное значение 3 - структурных. Большее значение индекса, приближенное к значению 3, свидетельствует, что использование метафор в тексте связано с изменением отношения к определенной проблеме, а меньшее значение индекса, близкое к 1, означает, что использование метафор в тексте скорее отражает имеющиеся когнитивные схемы. Среднее значение индекса в районе значения 2 показывает, что основная цель использования метафорических переносов состоит в идентификации и объяснении проблемы.

Важно отметить, что использовать данный индекс для практических исследований можно с применением двух подходов:

- 1) расчёт индекса для всего текста или дискурса;
- 2) расчёт индекса для отдельных, тематически объединенных по сфере-цели или источнику, метафорических проекций.

Оба подхода одинаково валидны, но преследуют разные цели. Первый позволяет выявить функциональную ориентацию метафоричности текста или дискурса в целом, сделать вывод о том, какова интенция использования метафор в тексте. Анализируя таким образом метафоричность дискурса, исследователь в усредненном, приблизительном ключе может делать выводы о том, что данный текст или дискурс имеет преимущественно информационный или преимущественно воздействующий характер, то есть в нем идентифицируется проблемы или формируется новое мнение о проблеме, конструируется новое отношение к действительности.

Второй подход позволяет определить функции определенной метафорической модели в тексте или дискурсе. Вычисляя индекс для конкретной метафорической модели или даже для систем метафорических моделей, исследователь может делать выводы о том, для чего в тексте или дискурсе используется именно этот метафорический перенос.

В данной работе было важно протестировать возможности анализа посредством вычисления индекса функциональной типологии метафоры. Был проведен анализ как в рамках первого, так и второго подхода.

В первом случае в качестве основы для исследования были взяты два программных выступления на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» от 14 мая 2017 года Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Российской Федерации Путина В. В. общим объемом 3735 и 1237 слов соответственно. В предыдущих исследованиях метафоричность данных текстов уже была проанализирована с использованием метода подсчета индекса силы метафоры К. де Ландтсхеер [Калинин, Мавлеев, 2019b].

В Таблице 17 представлены результаты вычисления индекса типологии метафоры в сравнении с индексом силы метафоры.

Таблица 17 – Результаты подсчета индекса силы метафоры (MPI) и индекса функциональной типологии метафоры (MfTI) для текстов публичных выступлений руководителей стран и текстов военных доктрин России и Китая

Текст	MFI	MI	MSI	MPI	MfTI
В. В. Путин	1,61	2,25	2,45	8,87	2
Си Цзиньпин	2,65	2,06	2,24	12,2	2,33

Полученные результаты свидетельствуют, что в тексте публичного выступления на китайском языке (2,33) структурные метафоры играют большую роль, чем в тексте на русском языке, где индекс MfTI составил 2. Полагаем, что полученные данные в целом коррелируют с экстралингвистическими характеристиками исследованных текстов. Выступление В. В. Путина на саммите «Один пояс – один путь» не имело

решающего значения для внешней политики России, так как это китайская инициатива, в которой Россия является лишь одной из участниц. Одновременно с этим, выступление Си Цзиньпина на саммите было крайне важным, так как в тот период времени политика «Один пояс – один путь» только набирала обороты и важно было сформировать правильное отношение мирового сообщества относительно планов Китая. В этой связи использование большего количества структурных метафор в тексте выступления китайского лидера выглядит обоснованно.

В Таблице 17 мы видим, что значение индекса функционально типологии не соотносится с показателями индекса силы метафоры К де Ландтсхеер, поэтому может использоваться как отдельный инструмент анализа метафоричности текста или дискурса в целом.

Также в рамках данной работы был проведен анализ типологии метафорических проекций, объединенных одной общей сферой целью. Здесь мы будем опираться на исследование, описанное в параграфе 2.5.

Количественное распределение выявленных моделей по сферам-источникам представлено в гистограмме на Рисунке 18

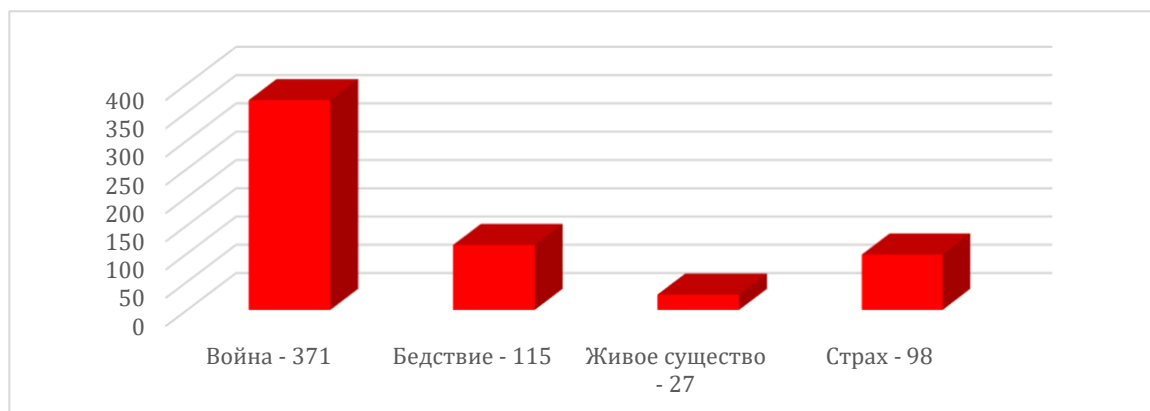

Рисунок 18 – Количественное распределение метафорических моделей вируса в китайском медиадискурсе

Приведем примеры, содержащие разные метафоры:

1. “疫情就是命令,防控就是责任”,我国面对来势汹汹的新型冠状病毒感染的肺炎疫情 – «Эпидемия – это приказ, профилактика – это

ответственность», мы столкнулись с угрожающей (досл. бурлящей) эпидемией воспаления легких, вызванной новой коронавирусной инфекцией

В этом примере мы видим метафору ВОЙНЫ, реализуемую через военный термин 命令 «приказ» и метафору стихийного бедствия, реализуемую через чэньюй 来势汹汹 «бурлящий, клокочущий».

2. 新型冠状病毒扑面而来,这座城市,一天天沉寂,安静, 可怕得像朵禅池中的睡莲 – Коронавирус опутал этот город, который стал тихим, безмолвным и страшным как кувшинка на кладбищенском пруду

В этом предложении реализуется целый каскад образных средств, например, прямое сравнение с кувшинкой на пруду в месте жертвоприношений (в переводе как кладбище), последовательность эпитетов «тихий, безмолвный, пугающий». Здесь реализуется метафора СТРАХа.

3. 在前所未有的新型冠状病毒袭来之际,全球科学界携手迎战这个人类共同的敌人 – В период небывалой агрессии коронавируса, ученые всего мира совместно сражаются/дают бой этому общему врагу человечества.

В этом примере также реализована военная метафора, которая основывается на лексемах 迎战 (дать бой, встретить боем) и 敌人 (враг).

4. 冠状病毒为何是人类最害怕最讨厌的病毒之一,它为了生存不择手段 – Почему коронавирус считается одним из наиболее устрашающих вирусов в истории человечества? Потому что он для собственного выживания не останавливается ни перед чем.

В данном примере мы сталкиваемся с двумя метафорами: страха (最害怕最讨厌的病毒 – «самый страшный, самый ненавидимый вирус») и живого существа (为了生存 «для собственного выживания», 不择手段 – «не останавливается ни перед чем, не выбирает средства»).

5. 今年春节,我们的国家遭遇了一名不速之客——新型冠状病毒 – На праздник весны в этом гошу пришел незванный гость – новый коронавирус!

В этом примере реализуется олицетворение, то есть метафора ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

6. 疫情肆虐,开车最安全! – Коронавирус свирепствует, но водить машину безопасно!

В этом примере реализуется олицетворение, то есть метафора ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

В полученных примерах мы видим, что большая часть языковых реализаций концептуальных метафор ВИРУС – ВРАГ (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ – это структурные метафоры, а ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и ВИРУС – ПРИЧИНА СТРАХА – это преимущественно онтологические метафоры.

Так, мы можем посчитать индекс функциональной типологии метафоры ВИРУСА в китайских СМИ:

$$MfTI = (0+2*(27+98)+3*(371+115))/611=2,795$$

Значение индекса достаточно высокое, близкое к максимальному показателю 3, что свидетельствует о преимущественно структурном характере метафоризации вируса, то есть о стремлении перестроить в сознании адресата представление о болезни.

Выводы:

Наиболее тесно взаимосвязь между семантической стороной метафорического переноса и функциями метафор в тексте прослеживается в классификации, представленной в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которой авторы разделили метафоры на ориентационные, онтологические и структурные.

Ориентационные метафоры отражают наиболее базисные, примарные представления носителей лингвокультуры об окружающем мире, онтологические метафоры объясняют сложные объекты и явления, идентифицируя их в сознании реципиентов речевого сообщения через что-то конкретное. Структурные метафоры служат реструктуризации представлений

об объекте или явлении, меняя в том числе и точку зрения относительно предмета метафоризации. Разные типы метафор также чаще всего имеют разную форму языковой репрезентации, что упрощает их выявление в тексте и дискурсе.

Мы предлагаем использовать метод вычисления индекса функциональной типологии метафоры, отражающий количественное распределение языковых реализаций ориентационных, онтологических и структурных метафор.

Формула индекса функциональной типологии метафоры будет выглядеть следующим образом:

$$MfTI = (1*Or+2*O+3*St)/nme,$$

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

Значение индекса близкое к 3 свидетельствует о преимущественно структурном характере метафор в тексте. Если индекс примерно равен 2, то большая часть метафор – онтологические, а если 1 – то почти все метафоры ориентационные.

Подсчет подобного индекса может иметь практическое применение как для анализа функций разных метафорических моделей в рамках одного текста или дискурса в целом, так и для анализа функций конкретных метафор, например, объединенных одной общей сферой-целью. Оба способа применения индекса функциональной типологии метафоры были проверены в данной работе и подтвердили свою валидность.

2.7 Речевое воздействие и позиция метафоры в тексте и дискурсе

Еще одним важным аспектом исследования функционального потенциала метафор в тексте и дискурсе является позиция метафоры в тексте. Как мы уже упоминали выше, позиция метафоры также влияет на воздействующий потенциал речевого сообщения, что подтверждается метаанализом, проведенным П. Сопори и С. ван Стее [Sorogy, 2006; Stee van, 2018].

В частности, в работе П. Сопори была проверена и подтверждена гипотеза о том, что метафоры в начале речевого сообщения более персуазивны, чем в других частях текста, а метафоры в конце речевого сообщения более убедительны, чем в основной части текста [Sorogy, 2006].

При анализе взаимосвязи позиции метафоры в тексте и речевого воздействия нельзя не упомянуть работы В. Коллер, которые уже были нами рассмотрены в Главе 1. Коротко опишем особенности методики кластерного дискурсивного анализа метафор В. Коллер [Koller, 2002; Koller, 2003; Koller, 2004a] относительно анализа позиции метафоры в тексте.

Одним из этапов анализа метафоры в речевом сообщении по В. Коллер должен быть анализ распределения метафорических выражений по тексту при помощи функции *dispersion plot* в программе-конкордансере типа WordSmith или AntConc. Данная функция позволяет увидеть, в какой части текста (начало, середина, конец) встречается то или иное словосочетание. По мнению автора, «на основании анализа распределения метафорических кластеров можно судить о функции метафоры в конкретном тексте» [Koller, 2003: 119].

Автор разграничивает текстуальную (*textual*) и концептуальную или репрезентативную (*ideational*) функции языка, утверждая, что обе они отражают использование метафоры, но в разных измерениях [Koller, 2003: 118]. Далее В. Коллер соотносит функции метафоры в тексте, определяемые на основании классификации функций языка М. Халлидэя [Halliday, 1994], с позицией метафорического переноса в тексте. Так, метафора в начале текста выполняет

суггестивную идентификационную функцию, в середине текста – межличностную или аттрактивную функцию, в конце текста – персуазивную функцию. Это можно интерпретировать следующим образом: «В начале текста метафора участвует в постановке проблемы, то есть позволяет имплицитно идентифицировать предмет и содержание текста, в середине текста автор чаще всего прибегает к метафоре для установления «контакта» со своим читателем, метафора используется для подтверждения и усиления авторской позиции. Метафорический перенос, используемый в конце текста, дублирует проблему и ее обоснование, тем самым содержит в себе значительный потенциал речевого воздействия» [Сунь, Калинин, Игнатенко, 2020: 261].

Здесь нам кажется уместным еще вспомнить основные механизмы когнитивной метафоры, которые играют роль средства воздействия:

- 1) «активирует информацию, которая непосредственно относится к теме коммуникации;
- 2) создает впечатление относительно автора речевого сообщения;
- 3) определяет направление или степень когнитивной обработки, которая происходит, когда реципиент речевого сообщения воспринимает это сообщение» [Ottati, Renstrom, 2010: 784].

Так, мы можем соотнести данные из исследования психологических основ речевого воздействия, создаваемого метафорой, с функциями метафоры, которые она играет в зависимости от позиции в тексте. В начале речевого сообщения метафора, выполняя согласно В. Коллер идентифицирующую функцию, будет имплицитно активировать информацию относительно темы высказывания. В середине речевого сообщения метафора будет усиливать аргументы автора за счет создания позитивного образа автора высказывания. В конце текста метафорический перенос, повторяя исходную тему, определяет направление когнитивной обработки реципиента сообщения, тем самым персуазивный эффект усиливается.

Методика кластерного дискурсивного анализа при всех преимуществах имеет ряд серьезных недостатков.

Во-первых, этап выявления метафорических переносов в тексте всецело основан на субъективном мнении автора. Тем не менее, этот недостаток может быть устранен посредством использования более проработанных и валидных методик идентификации метафор, как, например, MIP VU.

Во-вторых, использование кластерного дискурсивного анализа на практике всегда было ориентировано на выявление метафор, объединенных общей сферой-источником или общей сферой-целью. Так, например, сама Вероника Коллер в масштабной работе изучала метафоры ВОЙНЫ, ИГРЫ и СПОРТА в бизнес-дискурсе [Koller, 2004b]. Именно на возможности идентификации метафор с общей сферой-источником построена возможность компьютерного анализа позиции метафоры в тексте на основе функции dispersion plot. Если анализировать все метафоры в тексте вне зависимости от сферы-источника, то использование компьютерной программы теряет смысл, так как сильно усложняется процесс поиска метафор в тексте. Данная проблема может быть решена посредством декомпьютеризации процесса обработки анализируемых речевых сообщений и маркирования их позиции в тексте вручную.

В-третьих, ключевым недостатком методики В. Коллер, на наш взгляд, является расплывчатость понятий «начало, середина, конец» текста. Исследователь, к сожалению, в своих работах не определила, на основании чего выделять начало, середину и конец текста, и каким образом соотносятся эти понятия с классическим делением текста на введение, основную часть и заключение. Если соотносятся, то как должен поступить исследователь с неклассической структурой текста, например, с текстом новостного сообщения, где часто присутствует лид, то есть краткое содержание новости?

Мы должны помнить, что в современной лингвистике доказанным является тезис о том, что структура текста связана с его функциональным стилем. Так, Е. В. Ягунова указывает, что «учет функционального стиля текста при моделировании его восприятия является обязательным» [Ягунова, 2007:

48], а «коммуникативное и смысловое структурирование текста в значительной степени предопределяется его функциональным стилем» [Ягунова, 2007: 35].

Н. Н. Пелевина, рассуждая о структуре рассуждения в научном и художественном текстах, также приходит к выводу, что «Композиционно-речевые формы дифференцируются на основе функционально-прагматического критерия, то есть по цели высказывания, и структурно-логического критерия, то есть с учетом типа связи между предметами в мысли и таксисного отношения как соотнесенности между собой глагольных действий» [Пелевина, 2006: 72].

В целом разница в структуре типологически и жанрово отличающихся друг от друга текстов не вызывает сомнений. В этой связи, прежде чем анализировать взаимосвязь между позицией метафоры в тексте и ее ролью в создании эффекта речевого воздействия, необходимо разобрать проблематику структуры текста как зафиксированного каким-либо способом «речевого произведения, отличающегося цельностью, связностью и отдельностью» [Павлова, Ерофеева, 2015].

При моделировании структуры текст обычно рассматривается как система связанных между собой разноуровневых компонентов. Широкое понимание терминов «структура» и «система», их многозначность и применимость к любой сфере научного знания неизбежно приводит к диффузному расширению значений передаваемых ими понятий. Поэтому, когда исследователь сталкивается с необходимостью анализа структуры текста, он должен определить, какая именно структура должна быть исследована.

В рамках лингвистики текста и смежных дисциплин существует несколько определений структуры текста и, как следствие, несколько видов структуры текста.

Например, Т. М. Дридзе указывает, что «текст как целостная коммуникативная единица – это некоторая система коммуникативных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую семантико-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией)» [Дридзе, 1980: 171]. В данном определении

структуры акцент сделан на семантико-смысловую структуру, то есть здесь речь идет о семантической или смысловой структуре текста.

По определению Л. М. Майдановой, «смысловая структура текста представляет его каркас, определяющий отношения между его аналитическими, событийными и предметными элементами его содержания» [Майданова, 2007: 7]. При этом с точки зрения смысловой структуры чаще всего выделяют главную мысль и элементы общего содержания, что во многом соотносится с тема-рематическим членением текста.

Отдельно выделяют лексическую структуру текста, целью анализа которой является обнаружение специфики парадигматических и синтагматических связей слов, проявленных в тексте. Лексическая структура, накладываясь на композиционную структуру, лежит в основе интерпретации текста и, тем самым, «оказывает определяющее влияние на восприятие текста реципиентом» [Чурилина, 2012: 99].

Вслед за стремительным взлетом интереса к когнитивной лингвистике, ее инструментарий применяется и к проблематике структуры текста. Так, в некоторых лингвистических исследованиях изучается концептуальная структура текста, центральной единицей которой является концептуально значимый смысл. Т. В. Романова отмечает, что «концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает лишь элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рематическая позиция, позиция повтора и др.)» [Романова, 2013: 494]. По сути, концептуальная структура текста соотносится по типу с лексической, только рассматривается не система лексических отношений, а система концептов, составляющих глубинный концептуальный смысл речевого произведения.

Некоторые исследователи выделяют так же информационную структуру текста как «совокупное значение его языковых единиц, организованное в соответствии с коммуникативной целью отправителя текста» [Новиков, 2007: 7]. Эта структура соотносима с его содержанием, т. е. мыслительным

образованием, возбуждаемым «в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств текста, а также дополнительной информации, привлекаемой для его понимания» [Новиков, 2007: 6].

В целом список разнообразных «структур» текста можно продолжать; в него войдут и прагматическая, и коммуникативная, и денотатная, и аксиологическая и многие другие. Для нашего исследования подробная классификация не имеет существенного значения. В целях анализа взаимосвязи метафоричности и структуры текста нам стоит сконцентрироваться на соотношении понятий глубинная структура и поверхностная структура.

Данная дихотомия не является новой в науке о языке. Так, еще З. Я. Тураева указывала, что «текст – это некая глобальная структура, включающая в себя глубинную и поверхностную структуры» [Тураева, 1986: 56].

О. И. Филимонов, обсуждая соотношение поверхностной и глубинной структур, замечает, что «понятия глубинной и поверхностной структур вызывают неоднозначное отношение у разных исследователей. Наиболее общее их понимание сводится к следующему: поверхностная структура доступна непосредственному наблюдению, глубинная – выводится на основании косвенных данных. Под глубинной структурой чаще всего понимается некоторое семантическое или понятийное образование, являющееся опорной точкой при порождении поверхностных структур» [Филимонов, 2003:32].

Так, глубинная структура определяет семантическую интерпретацию предложений в тексте, тогда как поверхностная структура связана с физической формой реальных высказываний, с их воспринимаемой или производимой формой. Д. С. Павлова и Е. В. Ерофеева отмечают, что «глубинную структуру можно сравнить с программой, которая диктует выбор языковых средств, и отношения между ней и поверхностной структурой не исчерпываются отношениями подчинения. Поверхностная структура может, в свою очередь, воздействовать на глубинную структуру, актуализировать ее» [Павлова, Ерофеева, 2015: 9].

На наш взгляд, несколько абстрактные понятия «глубинная и поверхностная» в целях оптимизации терминологической базы данного исследования можно соотнести с внешней и внутренней структурами. Первая соотносится с композиционно-логической схемой текста и, соответственно, принадлежит линейному плану выражения текста. Внешняя форма текста предполагает определённый порядок следования элементов содержания текста, при этом не существует какой-то определенной жесткой схемы последовательности этих элементов.

Голландский лингвист Т. ван Дейк считает, что «глубинная или внутренняя структура текста – явление когнитивное и является отражением того, как индивиды воспроизводят и моделируют действительность» [ван Дейк, 2000: 41]. Так, внутренняя структура текста также связана с его цельностью и определяет семантические связи в тексте, т. е. является по своей природе семантической. Например, К. И. Белоусов указывает на то, что «семантическое пространство текста структурируется в процессе распознавания формы текста при помощи языковых и иных знаний и навыков» [Белоусов, 2008: 226]. Исследователь указывает, что «модель семантического пространства текста отражает реальные процессы самоорганизации, происходящие в концептуальной системе человека в процессе интерпретации текста» [Белоусов, 2008: 226].

Таким образом, в результате анализа научной литературы по вопросу структуры текста мы можем заключить, что для исследования, предметом которого не являются структурные особенности текста, в самых общих чертах можно заявить:

1. Любой текст отличается поверхностной внешней структурой, которая соотносится с его композиционным построением.
2. Любой текст имеет внутреннюю структуру, которая определяет смысловую и когнитивную цельность текста как речевого высказывания.
3. Внешние и внутренние структуры текста взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Если переложить полученные теоретические выводы относительно структуры текста на вопрос анализа метафоричности, то, на наш взгляд, необходимо отдельно рассматривать взаимосвязь метафоричности с внешней и с внутренней структурой текста.

Далее мы последовательно разберем два этих направления.

Если делать выводы о внешней композиционной структуре текста, то почти все тексты отличаются трехчленной структурой, наименование составных частей которой варьируется в зависимости от жанровых и дискурсивных особенностей речевого произведения. Так, журналистская статья как наиболее представительная жанровая разновидность публичного медиадискурса независимо от тематической направленности обычно строится по схеме: «*введение — основная часть — заключение*» [Усмонов, 2011: 108]. Кроме того, в эту структуру также включены дополнительные элементы, такие как заголовок и лид новостного сообщения. М. А. Сухомлинова в академических научных текстах также выделяет четкую трехчленную организацию [Сухомлинова, 2018], а В. Е. Чернявская выделяет более мелкие композиционно-прагматические компоненты (предмет, новизна, цель и так далее), которые в целом также сводятся к трем наиболее крупным элементам [Чернявская, 2010].

В данном вопросе мы консолидируемся с определением из «Стилистического энциклопедического словаря», где указано, что «композиция нехудожественных текстов обычно понимается как последовательность трех основных частей речевого сообщения: вступления, главной части и заключения. <...>Вступление предполагает введение в тему и содержание текста, представление материала, постановку проблемы, конкретизацию аспекта ее рассмотрения и др. <...>Главная (основная) часть содержит развитие концепции, намеченное вступлением. Здесь непосредственно и разносторонне раскрывается тема, решаются поставленные проблемы, сообщаются основные сведения. В этой части особенно важно соотношение общих и частных вопросов, абстрактных понятий и конкретных примеров, фактических и

статистических сведений и т. п. <...>В заключении обычно подводится итог, со всей определенностью формулируются выводы, суммируется сказанное, намечаются новые задачи и проблемы, требующие разрешения, содержатся призывы к аудитории и т. п.» [Баженова, 2006].

Таким образом, методика кластерного анализа метафор в текстах, учитывающая позицию метафоры в тексте, в целом основана на верных принципах и может быть применена. Однако необходимо сделать три важных замечания:

1. Позицию метафоры в тексте необходимо определять не относительно «начала – середины – конца» текста, а относительно структурно-значимых компонентов текста: введения/вступления – основной/главной части – заключения/вывода.

2. При анализе текстов художественного и разговорного стилей данная методика не может быть применена, так как они отличаются специфической композиционной структурой.

3. При наличии в тексте дополнительных композиционных компонентов (например, лид в новостном сообщении) необходимо рассматривать роль метафоры в них исходя из функциональных особенностей метафорического переноса, а не структурой текста. Иными словами, метафора в лиде новости не обязательно будет играть идентификационную функцию как во введении.

4. При наличии заголовка текста необходимо отдельно рассматривать метафоры, соотносимые с заголовком.

С учетом вышесказанного мы можем применить математическую логику расчёта индекса функциональной типологии метафоры, описанную в предыдущем параграфе, и предложить индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста. На наш взгляд, разработка и последующее использование этого и подобного ему математических индексов позволят систематизировать разрозненные исследования метафор в тексте и дискурсе и, самое главное, накопить данные по метафоричности разных текстов,

относящихся к разным дискурсам, созданным на языках разной типологии. Исследователи, применяя однотипные методы, смогут создать своего рода «базу данных» метафоричности, что станет отправной точкой для дальнейших исследований роли метафоры в дискурсе.

Индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста имеет формулу:

$$MStI(ex) = (1*M+2*I+3*C)/nme,$$

где М – количество метафор в основной части, I – количество метафор во введении (вступлении), С – количество метафор в заключении, nme – количество всех метафор в тексте.

Математическая логика индекса такова, что его минимальное значение 1 (когда все метафоры находятся в основной части текста), а максимальное значение 3 (когда все метафоры сконцентрированы в заключении).

Как мы помним, что согласно исследованиям В. Коллер [Koller, 2003; Koller, 2004b] метафора в начале текста выполняет суггестивно-идентификационную функцию и активизирует информацию относительно темы высказывания, в середине текста выполняет функцию усиления авторских аргументов, создавая позитивный образ автора, которому можно доверять, то есть, аттрактивную функцию, а в конце текста метафора преимущественно выполняет персуазивную функцию, направляя процесс когнитивной обработки реципиента.

Согласно этому значение индекса $MStI(ex)$, приближенное к 3, отражает такое распределение метафор по тексту, которое отражает формирование или изменение отношения реципиента к определенной проблеме. Это связано с тем, что метафоры в заключении влияют на направление и степень когнитивной обработки информации в речевом сообщении, а также увеличивают эмоциональное воздействие. Значение индекса, близкое к 2, будет означать, что использование метафор в тексте скорее направлено на постановку и описание какой-либо проблемы, так как метафоры в начале речевого сообщения

преимущественно активируют когнитивную информацию о теме. Среднее значение индекса в районе значения 1 будет свидетельствовать о том, что использование метафор в меньшей степени связано с непосредственным речевым воздействием. Такое значение индекса является наиболее сложным для интерпретации исследователем, так как он свидетельствует о том, что метафоры используются для аргументации основной мысли и создания позитивного образа автора. Подобная роль метафоры является несколько расплывчатой и, на наш взгляд, в случаях, когда индекс приближен к значению 1, требуется более детальный анализ авторских интенций и прагматических характеристик всего текста.

Важно отметить, что использовать данный индекс для практических исследований можно с применением двух подходов:

- 1) расчёт индекса для всего текста или дискурса;
- 2) расчёт индекса для отдельных, тематически объединенных по сфере-цели или источнику, метафорических проекций.

Исследования, основанные на обоих подходах применения индекса, будут одинаково валидны. В первом случае исследователь сможет делать выводы относительно авторских интенций в употреблении метафоры относительно всего текста или дискурса, сравнивать полученные значения со среднестатистическими для данного текста или дискурса. Во втором случае исследователь может сравнивать метафорические модели, объединенные тематически (метафоры войны и метафоры природы, например), анализируя тем самым роль и функции конкретных метафорических проекций и их импликаций применительно к авторской интенции.

Выводы:

Позиция метафоры в тексте является важным аспектом исследования функционального потенциала метафоры, реализуемого в тексте и дискурсе. Наиболее детально вопросами взаимосвязи речевого воздействия и позиции метафоры в тексте занималась В. Коллер, разработавшая методiku кластерного

дискурсивного анализа [Koller, 2002; Koller, 2003; Koller, 2004a]. По мнению автора, метафора в начале текста метафора участвует в постановке проблемы, она позволяет имплицитно идентифицировать предмет и содержание текста, то есть выполняет суггестивно-идентификационную функцию, будучи использованной в середине текста метафора служит средством установления «контакта» автора со своим читателем, используется для усиления авторской позиции, подтверждения аргументов автора, то есть метафора реализует аттрактивную функцию. В конце текста метафорический перенос дублирует проблему и ее обоснование, тем самым содержит в себе значительный воздействующий потенциал.

На наш взгляд, методика В. Коллер имеет несколько недостатков: выявление метафорических переносов в тексте всецело основано на субъективном мнении автора, использование кластерного дискурсивного анализа на практике реализуется только через выявление метафор с общей сферой-источником, а понятия «начало, середина, конец текста», которыми оперирует исследователь, расплывчаты и не идентифицированы.

В результате анализа проблематики структуры текста мы пришли к выводу о том, что «стоит выделять внешнюю структуру текста, которая соответствует композиционно-логической схеме текста и принадлежит линейному плану выражения, и внутреннюю структуру текста, которая связана с его цельностью и определяет семантические связи в тексте. В этой связи необходимо отдельно рассматривать взаимосвязь метафоричности с внешней и с внутренней структурой текста» [Сунь, Калинин, Игнатенко, 2020: 261].

Для анализа взаимосвязи позиций метафор в тексте и речевого воздействия нами был разработан специальный индекс, названный индексом взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста $MStI(ex)$:

$$MStI(ex) = (1*M+2*I+3*C)/nme,$$

где M – количество метафор в основной части, I – количество метафор во

введении (вступлении), C – количество метафор в заключении, n_{me} – количество всех метафор в тексте.

Математическая логика индекса такова, что чем выше его значение, тем более высок воздействующий потенциал метафор в тексте, которой нацелен на формирование или изменение отношения реципиента к определенной проблеме.

Важно отметить, что индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста можно использовать для анализа всего текста и дискурса или для отдельных, тематически объединенных по сфере-цели или сфере-источнику, метафорических проекций.

2.8 Речевое воздействие метафоры и тема-рематическая иерархия текста

Внутренняя структура текста связана с его смысловой и концептуальной цельностью и определяет семантические и когнитивные связи в тексте. Прежде чем анализировать данную взаимосвязь, нам необходимо более детально описать проблематику внутренней структуры текста.

Как писали, «любой текст имеет глубинную внутреннюю структуру, которая связана с семантической и когнитивной цельностью речевого высказывания и соотносится с семантической и концептуальной структурой» [Калинин, 2020к: 62].

Существует несколько подходов к анализу внутренней структуры текста. Например, в исследовании Д. С. Павловой и Е. В. Ерофеевой предлагается схематическое представление структуры текста, зависящей как от семантики, так и от грамматики [Павлова, Ерофеева, 2015: 5].

При всех достоинствах этого и подобных подходов их использование крайне затруднительно для анализа метафоричности, так как результатом семантико-грамматического анализа становится не разделение текста на значимые блоки, а его структурная организация, основанная на семантике. Как мы указывали ранее, «для того, чтобы соотнести внутреннюю организацию

текста с использованием метафор, нам необходимо опираться на более понятный принцип структурирования глубинных семантико-когнитивных элементов текста, а результаты такого структурирования должны быть относительно типизированные, то есть сходные по типу для разных текстов» [Калинин, 2020к: 62].

Так, задаче поиска взаимосвязи между внутренней структурой текста и метафоричностью больше соответствует тема-рематический анализ текста. Рассмотрим более подробно основные принципы тема-рематической структуры (иерархии) текста, исследование которой обычно связывают с функционально-коммуникативным направлением языкознания.

Понятия *тема* и *рема* в современной лингвистике связаны с такими явлениями, как актуальное членение предложения и коммуникативная структура высказывания. Однако, как указывают некоторые исследователи: «перенесение тема-рематического принципа сегментации информации, функционирование которого на уровне предложения (микроструктурный уровень) является общепризнанным лингвистическим фактом, на более широкие уровни текста (такие текстовые блоки, как сверхфразовые единства или, например, главы), которые также можно назвать макроструктурными, вполне оправдано, так как механизм сегментации, в основе, является одним и тем же» [Самоделкин, 2016: 132]. Г. Ф. Фахертдинова указывает: «Тема-рематическая прогрессия, организуя предложения, объединяет их в крупные единицы и целый текст» [Фахертдинова, 2010: 99].

Истоки теоретического осмысления тема-рематического членения текста и описание основных принципов построения тема-рематической структуры текста мы находим в трудах Е. Бенеша и Ф. Данеша. Е. Бенеш на основе функционального подхода к синтаксису первым сформулировал взаимосвязь между тема-рематическим членением и лингвистикой текста [Beneš, 1973]. Ф. Данеш считает, что «связность текста реализуется благодаря тема-рематическим цепочкам, которые объединяясь образуют сверхфразовые единства и текст» [Daneš, 1976]. Идеи чешских лингвистов получили

дальнейшее развитие в трудах Дж. Р. Мартина о наличии в тексте макро- и гипертем [Martin, 1992: 13].

В ходе развития идей Ф. Данеша [Daneš, 1976] Дж. Р. Мартином [Martin, 1992], Е. А. Реферовской [Реферовская, 1989], О. И. Москальской [Москальская, 1981] и другими исследователями теория тема-рематической иерархии текста сложились в относительно стройную систему. Основная мысль состоит в том, что в тексте может быть выделена гипертема, то есть сегмент текста, структурно состоящий из нескольких предложений, которые объединены некой общей темой.

Согласно Дж. Р. Мартину, «гипертема является вводным предложением или группой предложений, чье назначение заключается в том, чтобы задавать определенную структуру отношений, связей, выбора тем в последующих предложениях. Термин макротема может быть определен как предложение или группа предложений (возможно, даже абзац), задающие набор гипертем» [Martin, 1992: 437].

Современные исследователи убеждены, что «как между предложениями образуется тема-рематическая цепочка, так и между сегментами текста соответственно завязываются подобные же отношения. В действие вступают те же самые модели прогрессий, которые Ф. Данеш выделял для предложений» [Самоделкин, 2015: 280].

Ремой на уровне текста будет выступать «рематическая доминанта», то есть рема, характеризующая фрагмент текста как смысловое единство и при этом «отличающаяся семантико-грамматической однородностью» [Гапоненко, 2011: 135].

Таким образом, мы можем заключить, что «внутренняя коммуникативная структура текста – это отношения между «гипертемой» и «рематической доминантой», которые предопределяется авторской интенцией, и, следовательно, через анализ особенностей внутренней коммуникативной структуры текста, в том числе особенностей распределения метафор в ее элементах, исследователь может анализировать имплицитные прагматические

характеристики текста, в том числе коммуникативную цель автора» [Калинин, 2020к: 63].

Мы пришли к заключению, что любой текст как сложное сверхфразовое единство может быть разделен на тему (подразумевается гипертема или макротема) и ремю (рематическая доминанта). Возможность адаптации этого подхода к определению внутренней структуры текста под цели анализа речевого воздействия метафоры зависят от решения двух основных вопросов:

1. «Каким образом определить тему и ремю в тексте?
2. Какие функции будет выполнять метафора в теме, а какие – в реме?»

[Калинин, 2020к: 64]

Сложность в решении первого вопроса является основным недостатком предлагаемой нами методики, так как, если исследователь не может выделить в тексте тему и ремю, то суть исследования теряет смысл. Для данного вида анализа метафоры правильное актуальное членение текста также важно, как и навык выявления метафоры в тексте, построенный, например, на методе МПР VU. На наш взгляд, «данная проблема, в целом, нивелируется наличием конкретных теоретических знаний в области функционального синтаксиса. Прежде чем приступать к анализу необходимо быть точно уверенным, что исследователь:

- 1) в полной мере понимает содержание понятий тема, рема, гипертема, макротема, тематическая доминанта;
- 2) знает о существовании тема-рематических прогрессий, умеет их выделять как на уровне предложения, так и на уровне абзаца и текста» [Калинин, 2020к: 64].

Понятие тема-рематических прогрессий обычно связывают с именем чешского лингвиста Ф. Данеша, который весь комплекс тематических отношений в тексте назвал «тематической прогрессией» и выделил пять основных типов тематической прогрессии в тексте:

1. Простая линейная прогрессия (или прогрессия с последовательной тематизацией). Такое построение тема-рематической иерархии отличается

последовательным развертыванием информации, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего предложения.

2. Прогрессия со сквозной темой. Такой тип прогрессии подразумевает наличие одной темы, которая повторяется на протяжении всего текста, в каждом новом высказывании, то есть одна тема связывает текст в одно целое, как бы пронизывая его по всей структуре.

3. Прогрессия с производными темами. Такой тип прогрессии похож на прогрессию со сквозной темой, так как в данном случае ключевой особенностью является выражение общей тематической направленности текста (фрагмента текста). В тексте существует общая тема, которая соединяется по смыслу со всеми частями текста, но при этом может быть не выражена эксплицитно в каждом предложении.

4. Прогрессия с расщепленной темой. Для такой прогрессии характерна двойная рема, компоненты которой при тематизации образуют исходные точки для развития отдельных тематических прогрессий. Самостоятельные тематические прогрессии могут представлять различные названные выше типы и развиваться поочередно.

5. Прогрессия с тематическим прыжком. Этот вид прогрессии предполагает наличие разрыва в тема-рематической цепочке, который, впрочем, легко восстанавливается из контекста.

Существует и более упрощенный подход к описанию принципов коммуникативного развития смыслового содержания текста, а именно выявление двух возможных типов смысловой связи между предложениями в составе текста: цепной и параллельной. В основе такого подхода лежат взгляды В. Матезиуса, который указывал, что спаянность абзаца осуществляется его основной темой: «она <тема> развертывается, если она постепенно заменяется в соответствии с внутренней логикой развития новой темой, и ... она развивается, если постепенно приобретают особую значимость отдельные ее части или если она распадается в целом абзаце на несколько связанных второстепенных тем» [Матезиус, 1967].

Тематические прогрессии Ф. Данеша, по сути, также базируются на этих двух типах (цепная/последовательная и параллельная), и «отличия между 5-ю видами прогрессии носят скорее количественный, чем качественный характер» [Кленина, 1975]. Л. А. Гапоненко также подтверждает данный тезис, указывая, что «в моделях тематических прогрессий, если считать характер направления движения смыслов качественным признаком, целесообразно различать только два типа движения смыслов, которые проявляются в минимальной структуре сочетания предложений, т. е. в двух смежных предложениях» [Гапоненко, 2011: 137].

Так, мы определили, что «выделение тема-рематической структуры текста представляет собой последовательность из нескольких шагов:

1) ознакомительное прочтение текста и выделение основного смысла текста;

2) выделение темы первого предложения или группы предложений в начале текста;

3) выявление сходных с темой первого предложения элементов в остальной части текста и определение структуры тема-рематической иерархии (последовательная или параллельная). Последовательная структура имеет в своей основе одну гипер- или макротему, а параллельная определяется наличием 2 и более тем;

4) выявление рематической доминанты для каждой из определенных тем, то есть определение какие смыслы уточняют, дополняют, комментируют каждую из тем;

5) схематическое перестроение текста в зависимости от определенной структуры» [Калинин, 2020к: 64-65].

Для уточнения и наглядного представления тема-рематического анализа текста приведем пример разбора тема-рематической иерархии новостного текста на китайском языке.

贸易战何时能够结束？

很多人仍寄希望中美关系在美国大选之后能够得到改善，把中美当前的情况看成美国两党为了竞选而玩的手段。

现实可能会让很多人失望，目前美国国内，上至当权者、精英阶层，下至普通平民，对中国的好感度已经降至历史最低点。美国朝野已经达成一致，要限制中国的进一步发展，无论这种限制会不会奏效。所以，中美关系，在未来很长的一段时间内，将会一直处于崩而不坏，但又风声鹤唳的状况！

这种形势的彻底转变，要么以中国放弃自我复兴，接受西方发达国家改造与定位为止（让中国一直处于世界产业链的中低端），要么以中国自力更生，攻坚克难，达到拥有与西方世界同等话语权为止。除此之外，别无他法！

Гипертема данного новостного сообщения определена в заголовке – «окончание торговой войны». Тема-рематическая иерархия представляет собой последовательное развитие одной заданной в начале текста темы.

Построим схему тема-рематической иерархии по смысловым блокам текста.

Таблица 18 – Тема-рематическая иерархия (на примере текста на китайском языке)

Тема	Рема
Улучшение отношения 很多人仍寄希望中美关系在美国大选之后能够得到改善	Плохие отношения – предмет предвыборной гонки 把中美当前的情况看成美国两党为了竞选而玩的手段
Низкий уровень симпатии к КНР 1) 现实可能会让很多人失望，目前美国国内，上至当权者、精英阶层，下至普通平民，对中国的好感度已经降至历史最低点 2) 所以，中美关系，在未来很长的一段时间内	Объяснение содержания антипатии к КНР 1) 美国朝野已经达成一致，要限制中国的进一步发展，无论这种限制会不会奏效。 2) 将会一直处于崩而不坏，但又风声鹤唳的状况！
Изменение отношения к Китаю 这种形势的彻底转变	Условия и последствия этого изменения 要么以中国放弃自我复兴，接受西方发达国家改造与定位为止（让中国一直处于世界产业链的中低端），要么以中国自力更生，攻坚克难，达到拥有与西方世界同等话语权为止。除此之外，别无他法！

Ниже представлено выделение конкретных блоков текста (его перевода на русский язык), которые относятся к теме (выделено курсивом) и к реме (без выделения). Гипертема выделена подчеркиванием.

Когда закончится торговая война?

Многие надеются, что отношения между США и КНР начнут улучшаться после президентских выборов в США, полагая, что нынешняя

напряженность между двумя странами является способом предвыборной борьбы между двумя партиями.

Однако реальность может разочаровать. *В настоящее время в США и в высших эшелонах власти, и истеблишмента, и среди простого гражданского населения симпатия к КНР упала до самого низкого в истории уровня.* На всех уровнях американского общества преобладает единое мнение, что необходимо сдерживать дальнейшее развитие Китая, вне зависимости от того, насколько эффективным будет подобное сдерживание. Поэтому китайско-американские отношения еще на протяжении долгого времени в будущем будут далеки от восстановления до нормального уровня, в них будут преобладать панические настроения.

Для того, чтобы данная ситуация в корне изменилась, Китаю нужно либо отказаться своего возрождения, принять то место и те трансформации, которые предлагают КНР развитые страны Запада (место на среднем и низшем уровнях мирового промышленного производства), либо Китай должен встать на ноги, опираться на свои силы и преодолеть все трудности вплоть до того момента, когда КНР сможет получить равноправный голос в мировых делах. Другого пути нет.

Так, мы определили последовательность тема-рематического анализа текста и привели пример проведения подобного анализа. В результате мы имеем сегментированный, то есть соотнесенный по коммуникативной цели к теме или к реме, текст, внутри которого можно выявлять метафорические переносы.

Последующий механизм идентификации метафор базируется на методе MIP VU [Naseu и др., 2019], а анализ метафоричности текста в ее взаимосвязи с внутренней тема-рематической иерархией текста можно проводить посредством вычисления индекса взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста - MStI(in).

$$MStI(in) = 1 * T + 3 * R / nme,$$

где T – количество метафор, относящихся к блоку «тема текста», R - количество метафор, относящихся к блоку «рема текста». Метафорам темы присвоен коэффициент 1, а метафорам ремы 3. это сделано для того, чтобы

развести полярные значения всего индекса от 1, когда все метафоры сконцентрированы вокруг темы, до 3, когда все метафоры связаны с ремой. Данный индекс предоставляет возможность вычисления пропорции метафор, употребленных в частях текста, составляющих гипертему или рематическую доминанту высказывания.

На наш взгляд, «метафоры в теме и метафоры в реме играют разные функции, особенно применительно к вопросам речевого воздействия» [Калинин, 2020к: 66]. Так, в первом случае метафора чаще играет проблемоустанавливающую, то есть референциальную роль, так как формирует образ референта речевого сообщения. Тема, являясь по сути «данным» в тексте, исходной информацией, уже как бы известна реципиенту сообщения, она описывает предмет речевого сообщения, уточняет его место в системе ценностей реципиента. Во втором случае метафора в блоке ремы играет роль не описания сути проблемы, а ее объяснения и переосмысления. Так как рема с точки зрения функционально-коммуникативного подхода есть «новая» информация, то рематические метафоры могут менять отношение к предмету текста посредством дополнения новой информации к предмету речевого сообщения посредством аргументации референта сообщения.

Согласно этому значение индекса внутренней структуры, приближенное к 3, будет означать, что использование метафор в тексте имеет своей целью изменение когнитивного представления о проблеме, описываемой в тексте, добавление новых когнитивных признаков предмета речевого сообщения, то есть таким образом реализуется аргументативное речевое воздействие, которое состоит в формировании или изменении отношения реципиента к определенной проблеме посредством метафоризации аргументации. Значение индекса, близкое к 1, будет означать, что использование метафор в тексте имеет под собой цель концептуализировать или реконцептуализировать тему высказывания, утвердить когнитивное понимание референта сообщения в сознании реципиента.

Как мы видим, математическая логика и интерпретация значений индекса структурной метафоричности (внутренней) крайне сходна с индексом структурной метафоричности (внешней). Это не вызывает удивления, так как, как мы указывали в теоретическом обзоре проблемы структуры текста, внешняя поверхностная и внутренняя глубинная коммуникативная структуры взаимосвязаны и предопределены друг другом.

Если данные методы взаимосвязаны друг с другом, то возникает резонные сомнения относительно необходимости внедрения довольно трудоемкой процедуры тема-рема-тического анализа текста, если можно просто разделить текст на введение, основную часть и заключение, и после этого посчитать индексом структурной метафоричности (внешней).

Заранее отвечая на данное замечание, мы отметим, что в ряде случаев проведение анализа глубинной коммуникативной структуры текста, вероятно, действительно не требуется. Индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста вполне применим к речевым сообщениям с ярко выраженной структурой, где выделение введения, заключения и основной части не является вопросом дискуссии. Это, например, большинство эссе-рассуждений, тексты научных статей, многие новостные сообщения. Однако в некоторых текстах крайне трудно выделить эти внешние композиционные элементы. Например, тексты публичных выступлений, все художественные тексты, многие тексты, соотносимые с дискурсом бытового повседневного общения и так далее. В последних случаях на помощь исследователю может прийти индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста, который при правильно проведенном тема-рема-тическом анализе покажет числовой результат, удобный для дальнейшего переосмысления. Мы полагаем, что оба разработанных индекса следует использовать на взаимодополняющей или взаимозамещающей основе, а единство математической логики, лежащей в их основе, способствует тому, что значения обоих индексов можно сопоставлять друг с другом.

Кроме того, существует еще один весьма интересный способ использования данного индекса. Он относится к текстам с параллельной тематической иерархией, то есть к текстам, где сосуществуют две равнозначные темы, подчиненные одной гипер- или макротеме. Подобная коммуникативная иерархия текста часто встречается в программных выступлениях политиков.

К примеру, ежегодное послание Президента РФ является довольно объемным текстом, который затрагивает множество сфер жизни общества, включает в себя и результаты работы, и цели на будущее. Словом, подобный текст однозначно политемный, и весьма интересным будет исследование скрытых интенций автора относительно каждой из этих тем. Используя грамотно проведенный тема-рематический анализ, исследователь может выявить метафоры для каждой темы и для каждой ремы и сравнить полученные индексы.

Далее мы проведем апробацию предложенного метода вычисления индекса взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI (ex)) и индекса взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста (MStI(in)).

Для анализа были выбраны тексты публичного политического дискурса: Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию от 15 января 2020 года и Послание Президента США Д. Трампа Конгрессу «О положении в стране» от 4 февраля 2020 года.

Как мы видим, оба текста отличаются сходными прагматическими установками: дать информацию о том, что происходит с государством во всех аспектах, доложить о проделанной работе органов высшей государственной власти за год и наметить приоритеты дальнейшего развития. Они также сопоставимы по объему: речь Путина – 7528 слов, речь Трампа – 6377 слов.

Процедура исследования в данном случае крайне проста:

- 1) выявление всех метафор в тексте методом MIP VU;

- 2) определение внешней структуры текстов (введение, основная часть, заключение);
- 3) определение тема-рематической иерархии текстов;
- 4) тематическое членение текста (выявление ключевых тематических блоков и анализ их внутренней структуры).

Результаты анализа представлены в Таблице 19.

Таблица 19 – Значения индексов плотности метафор, внешней и внутренней метафоричности в текстах публичных выступлений лидеров России и США

Текст	Количество слов	MDI	MStI(ex)	MStI(in)
Послание Президента РФ	7528	0,94	1,14	2,24
Послание Президента США	6377	1,97	1,44	2,12

Как мы видим, анализируемые тексты сильно отличаются по насыщенности метафорами (MDI). Речь Д. Трампа изобилует метафорическими оборотами, всего в тексте было выявлено 126 различных метафор, она более эмоциональна и красочна, что отражено в количестве метафор на 100 слов. Этот показатель почти в два раза больше, чем в речи В. В. Путина, где была выявлена всего 71 метафора.

Что касается речевого воздействия метафоры и его взаимосвязи с внешней структурой текста, то здесь мы также наблюдаем превышение в тексте Послания американского Президента – 1,44 против показателя в 1,14 в тексте Послания Президента России. Столь низкий показатель для текста на русском языке обусловлен крайне небольшим количеством метафор во вступительной части речи В. Путина (5 метафор) и в заключении (1 метафора). Соответственно, насыщенность метафорами для этих частей выступления В. В. Путина стали: 3,67 и 0,4.

В речи Д. Трампа было выявлено 25 метафор на 290 слов вступительной части (MDI = 8,62) и 15 метафор на 399 слов заключительной части выступления (MDI = 3,75). Введение и заключение в Послании Конгрессу было

более насыщенно метафорами, чем Послание Федеральному Собранию В. В. Путина.

Как мы помним, обилие метафор во введении свидетельствует об имплицитной установке на идентификацию той или иной проблемы, в заключении – о стремлении убедить, а в основной части – усиливает аргументы автора. Исходя из этого, речь Трампа выглядит более проблемоустанавливающей, так как введение насыщенно метафорами значительно сильнее, чем остальные части выступления. Это объясняется тем, что Президент США очевидно хотел еще раз утвердить свой курс на «great American comeback» (великое возвращение Америки), сформулированный им еще в ходе предвыборной гонки в форме лозунга «Make America great again». Во внутривнутриполитической жизни США у этого курса все также много противников, и Президенту США необходимо каждый раз красочно, ярко и убедительно формулировать основы его политики. Именно поэтому во вступлении Д. Трамп использует яркие метафоры, выстроенные посредством синтаксического параллелизма: «America's enemies are on the run, America's fortunes are on the rise, and America's future is blazing bright» (Враги Америки в бегах, благосостояние Америки на подъеме, а будущее Америки в ярких лучах).

Насыщенность метафорами во вступительной части речи Путина также выше, чем в среднем по тексту, но это скорее объясняется не стремлением идентифицировать некую проблему или идеологию, а стандартным приемом сделать начало выступления чуть более ярким. В Послании Президента РФ во вступительной части используются конвенциональные, даже стертые метафоры, которые не относятся к непосредственной теме речевого сообщения: «Нам нужно быстрее, не откладывая решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, перед которыми стоит страна».

Заключительная часть речи Д. Трампа также отличается значительно более высокой насыщенностью метафорами, чем в речи В. В. Путина. Президент США явно пытается убедить свою аудиторию в том, что выбранный

им курс верный, и он принесет процветание стране и увеличит благосостояние народа. Приведем в подтверждение небольшой отрывок:

«This nation is our canvas, and this country is our masterpiece. We look at tomorrow and see unlimited frontiers just waiting to be explored. Our brightest discoveries are not yet known. Our most thrilling stories are not yet told. Our grandest journeys are not yet made. The American Age, the American Epic, the American adventure has only just begun. Our spirit is still young, the sun is still rising, God's grace is still shining, and, my fellow Americans, the best is yet to come» [Trump, 2020]. (Американский народ – это полотно, а наша страна – произведение искусства. Мы смотрим в завтра и видим безграничные дали, которые нам только предстоит исследовать. Наши самые блестящие открытия еще не известны, самые волнующие истории еще не рассказаны, самые великие путешествия еще не совершены. Век Америки, Эпоха Америки, Американское приключение только началось. Наш дух еще молод, солнце еще только встает, а божья милость еще сияет над нами. Мои дорогие американцы, лучшее будущее еще придет к нам).

В речи В. В. Путина заключение очень короткое, оно по сути ориентировано на мотивацию слушателей на реализацию сделанных в тексте предложений: «успех определяет наша добрая воля к созиданию, к развитию, к достижению самых смелых планов, наш труд во имя своей семьи, своих близких, детей, их будущего, а значит, ради величия России, ради достоинства её граждан».

Разница между индексами для русского и английского текстов является вполне объяснимой и понятной. Показатель 1,14 для Послания Президента России свидетельствует о доминировании метафор в основной части текста, что говорит о том, что основная цель использования метафор в тексте Послания состояла в увеличении убедительности аргументов относительно необходимости определенных перемен в стране. При этом Президент России не пытается определить какую-либо сущностную проблему в своем политическом курсе, который остается понятным и неизменным.

В Послании Конгрессу Д. Трампа мы наблюдаем другую картину: метафорами насыщена вступительная и заключительная части его выступления, в то время как в основной части текста их количество ниже. Это говорит о том, что Президент США старается сконструировать в сознании слушателей основы своего политического курса, закрепить их через красочные метафорические обороты, выстроенные для большей убедительности с использованием различных фигур речи.

Теперь рассмотрим индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста (MStI(in)), который, как мы помним, основан на тематической иерархии текста. Прежде всего стоит отметить, что значения данного индекса практически идентичны для обоих текстов: 2,12 – для речи Д. Трампа, и 2,24 – для речи В. В. Путина.

Значение индекса лежит в среднем диапазоне, что означает использование метафор и для постановки, то есть идентификации некоторой темы или проблемы, и для повышения убедительности своих аргументов своей позиции. При сходном значении индекса есть все же некоторые отличия, которые состоят в том, что блоков текста, которые можно соотнести с гипертемой, в речи Д. Трампа (38% от всего текста) больше, чем в речи В. В. Путина (19%). Это означает, что в тексте Послания Федеральному Собранию метафоры более концентрированно используются в блоках текста, соотносимых с темой высказывания, в то время как части текста, которые являются ремой, значительно менее насыщены метафорами.

Эти данные во многом подтверждают структуру и содержание исследуемых текстов. Речь Президента США больше похожа на отчет о проделанной работе, в ней не дается новых идей и предложений к изменению существующего положения. Каждый блок Д. Трамп начинает с краткой характеристики ситуации на данный момент и планах на будущее. В Послании Федеральному Собранию В. В. Путина, напротив, предлагаются значительные изменения во внутривнутриполитической жизни страны – изменения в действующей Конституции. Послание построено по принципу описания проблемы (тема) и

предложение решения (рема), и именно в теме В. В. Путин использует наибольшее количество метафор, подчеркивая значимость описанных проблем, пытаясь поменять отношение к ним. Например, «семья – это любовь, счастье, радость материнства и отцовства, что семья – это крепкая связь нескольких поколений, где уважение к старшим и забота о детях всегда объединяют, дают чувство уверенности, защищённости, надёжности».

Таким образом, после анализа двух индексов, связанных с внешней и внутренней структурой исследуемых текстов мы можем сделать выводы, что:

1. Метафоры в речи Президента США ориентированы на установку курса Д. Трампа на «возрождение Америки», на его структуризацию в сознании слушателей как чего-то необходимого и неизбежного. Кроме того, метафоры используются для убеждения аудитории в правильности этого курса

2. Метафоры в речи Президента РФ используются для подтверждения необходимости принятия предложенных Президентом реформ и изменений, они нужны для усиления аргументов в пользу этих перемен и идентифицируют не весь политический курс, а именно те проблемы, решить которые предлагает Президент.

Второй частью анализа стал анализ внутренней структуры текста в его соотнесенности с тематическими блоками текстов. Как мы писали выше, использование анализа внутренней глубинной структуры интересно использовать в отношении текстов с параллельной тема-рема-тематической иерархией, то есть к текстам, где сосуществуют равнозначные темы, подчиненные одной гипер- или макротеме. Именно такая структура наблюдается в текстах обоих Посланий. Президент США утверждает свой политический курс (гипертема) и затем уточняет его реализацию в социальной политике, экономике, внешнеполитических отношениях. Президент РФ формулирует необходимость некоторых перемен в России (гипертема) и детально описывает, что именно он предлагает изменить в вопросах демографии, образования, здравоохранения, бизнеса, науки и технологии, внешней политики и законотворчестве.

Результаты анализа метафоричности по тематическим блокам для текста Послания Президента США представлены в Таблице 20.

Таблица 20 -Значения индексов плотности и внутренней структуры метафоричности относительно тематического деления текста выступления Президента США Д. Трампа

Тематический блок	Объем от всего текста, %	MDI	MStI(in)
Возрождение Америки (гипертема)	10,8	5,8	1,5
Социальная политика	43,9	1,21	2,41
Экономика	13,9	2,14	2,05
Внешняя политика	30,9	1,67	2,69

Результаты анализа метафоричности по тематическим блокам для текста Послания Президента РФ представлены в Таблице 21.

Таблица 21 – Значения индексов плотности и внутренней структуры метафоричности относительно тематического деления текста выступления Президента РФ В. В. Путина

Тематический блок	Объем от всего текста, %	MDI	MStI(in)
Необходимость перемен (гипертема)	6,03	1,54	1,28
Демография	26,5	1,15	2,3
Образование и здравоохранение	21,1	0,62	2
Бизнес, наука, технологии	16,47	0,72	2,33
Внешняя политика	4,01	1,32	2
Конституция	25,7	0,67	2,53

В обоих текстах мы видим одну общую закономерность: гипертема, которая в процентном соотношении обычно занимает небольшое количество всего объема текста, при этом отличается наибольшей насыщенностью метафорами, которая больше, чем средняя насыщенность метафорами по тексту, для текста на русском языке в – 2 раза, а для английского языка – в 3 раза. При этом мы видим, что показатель тема-рематической метафоричности

для блоков с гипертемой значительно ниже, чем для остальных блоков текста. Именно в этих частях выступлений Президенты наиболее активно используют метафоры относительно темы текста, тем самым идентифицируя, концептуализируя основную идею своего выступления.

Также мы видим, что наибольшее значение MStI(in) в речи Д. Трампа соотносится с темой внешней политики, а в речи В. Путина с темой внесения поправок в Конституцию. Данные блоки не являются самыми насыщенными метафорами, тем не менее именно в них метафоры чаще используются в реме, что говорит о том, что именно относительно этих тем авторы текстов пытаются поменять мнение слушателей. Использование большого количества метафор в реме ориентировано как раз на воздействие на аудиторию, формирование или изменение ее мнения относительно предмета текста. И наш анализ показал, что в текстах Посланий Президентов РФ и США такие темы – это изменение Конституции и внешняя политика соответственно.

Выводы:

В результате теоретического осмысления вопроса внутренней структуры текста мы пришли к выводу, что для анализа функционального потенциала метафор наиболее подходящим является подход, направленный на выделение тема-рематической иерархии текста. Данный подход, зародившийся в трудах Ф. Данеша, Е. Бенеша и Дж. Р. Мартинса, остается востребованным и в настоящее время. В целом данный подход к определению внутренней структуры текста можно определить как возможность выделения в тексте гипертемы или нескольких гипертем и соответствующих им рематических доминант, которые связаны друг с другом последовательно или параллельно.

Выявление метафор относительно блоков текста, связанных с темой или ремой, и возможность их количественного анализа предопределило необходимость разработки индекса взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста MStI(in), который отражает распределение метафор по блокам внутренней структуры текста:

$$MStI(in) = 1 * T + 3 * R / nme,$$

где T – количество метафор, относящихся к блоку «тема текста», R - количество метафор, относящихся к блоку «рема текста».

Математическая логика данного индекса сходна с индексом структурной метафоричности (внешней), и его максимальное значение 3 будет свидетельствовать о концентрации метафор вокруг ремы, что говорит о том, что автор речевого сообщения стремится сформировать новое мнение относительно предмета высказывания, то есть о метафоризации аргументов убеждения. В то же время значение индекса, близкое к минимальному 1, показывает, что метафоры в тексте преимущественно имеют референциальный характер, так как нацелены на (ре)концептуализацию темы высказывания.

Использование индексов внешней и внутренней метафоричности является взаимодополняющим. Анализ речевого воздействия через изучение распределения метафор по элементам внутренней структуры текста будет полезен тогда, когда внешнюю структуру сложно определить однозначно, например, в текстах публичных выступлений или в художественных текстах.

Кроме того, индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста может стать полезным инструментом выявления скрытых интенций автора относительно разных тем одного речевого высказывания.

Проведенный анализ текстов публичных выступлений Президентов России и США демонстрирует валидность предлагаемого метода, а очевидная соотнесенность полученных результатов с экстралингвистическими характеристиками проанализированных текстов доказывает его эффективность как средства анализа имплицитных текстовых характеристик.

Выводы по Главе 2:

В данной главе нами была рассмотрена проблема реализации функционального потенциала метафор в тексте, мы дали определение метафоричности как характеристики дискурса, отражающей реализацию в нем функционального потенциала метафор, и изучили взаимосвязь понятий

метафоричность и речевое воздействие, рассмотрели имеющиеся методы анализа метафоричности текста и дискурса, кроме того, предложили новый подход к выявлению функционального потенциала метафор, основанный на вычислении количественных показателей использования метафорических проекций в тексте и дискурсе, который лег в основу комплексного метода анализа метафоричности дискурса (Metaphor-Driven Discourse Analysis – MDDA)

Анализ научной литературы показал, что вопрос взаимосвязи речевого воздействия конкретного речевого сообщения и использования в нем метафор является доказанным в современном языкознании.

Механизмы метафорического речевого воздействия главным образом сводятся к тому, что:

1. Метафорические высказывания могут активировать информацию, которая непосредственно относится к теме коммуникации и тем самым влиять на отношение к теме речевого сообщения.

2. Использование метафор может влиять на впечатления относительно автора речевого сообщения и, таким образом, оказывается влияние и на отношение к теме этого сообщения.

3. Метафоры могут влиять на отношение к теме коммуникации, воздействуя на направление или степень когнитивной обработки, которая происходит, когда реципиент речевого сообщения воспринимает это сообщение.

В рамках разработки метода комплексного анализа метафоричности дискурса мы более детально рассмотрели вопросы взаимосвязи речевого воздействия с количеством метафор в тексте, новизной и содержанием метафор, а также с позицией метафор в тексте.

Если делать общие выводы относительно влияния количества метафор на силу речевого воздействия, то следует указать:

1. Вопрос зависимости между плотностью метафор в тексте и силой речевого воздействия относится к числу малоисследованных и нерешенных в современном языкознании.

2. В результате нашего исследования было доказано, что высокометафоричные тексты продемонстрировали более высокий уровень речевого воздействия, чем неметафоричные и низкометафоричные.

3. Взаимосвязь между плотностью метафор и речевым воздействием ограничивается показателями воспринимаемой уместности. Для достижения высокого уровня персуазивности количество метафор в тексте должно согласовываться с воспринимаемой уместностью, то есть конкретная плотность метафор в тексте обусловлена жанровыми и стилевыми особенностями речевого сообщения. Если уровень уместности метафор низкий, то увеличение количества метафор имеет обратное влияние на персуазивность, то есть использование большого количества «неуместных» метафор вызывает снижение уровня речевого воздействия.

4. При порождении речевого сообщения автор текста в большинстве случаев подсознательно стремится использовать больше метафор для описания позиции, наиболее близкой ему.

5. Насыщенность метафорами при этом является не единственным средством, оказывающим воздействие на воспринимаемое мнение.

Мы полагаем уместным для будущих исследований метафоричности дискурса принимать во внимание показатель плотности метафоры, который рассчитывается по формуле, предложенной К. де Ландтсхеер для индекса частотности (MFI):

$$MDI \text{ (metaphor density index)} = nme * 100 / nwords,$$

где nme – количество метафор, а $nwords$ – количество слов в тексте.

Основными выводами относительно влияния интенсивности метафоры на персуазивность речевого сообщения являются:

1. Конвенциональные и новые метафоры по-разному соотносятся с языковым опытом участников коммуникации.

2. Конвенциональные и новые метафоры базируются на разных когнитивных механизмах: категоризации и сравнении соответственно, поэтому по-разному воспринимаются реципиентами речевого сообщения и, как следствие, оказывают разное воздействие.

3. Конвенциональные метафоры влияют на когнитивное восприятие текста, делают речевое сообщение более понятным и легким для восприятия посредством снижения сложности содержания воспринимаемого сообщения и повышения качества воспринимаемых аргументов.

4. Новые метафоры позволяют увеличить эмоциональную привлекательность сообщения и возбудить воображение реципиента речевого сообщения, тем самым улучшая эмоциональное восприятие речевого сообщения.

5. Новые метафоры могут оказывать большее воздействие на воздействующий потенциал речевого сообщения, чем конвенциональные, однако для достижения этого эффекта должно быть соблюдено условие наличия адекватного уровня воспринимаемой уместности метафоры.

6. В силу того, что воспринимаемая уместность напрямую зависит от контекста, жанра, тематики речевого сообщения в их соотносительности с конкретным языковым опытом, знаниями и убеждениями реципиента речевого сообщения, этот параметр трудно рассчитать, он может быть определен только для каждого речевого сообщения применительно к определенной категории реципиентов.

Таким образом, интенсивность метафоры является важным показателем анализа метафоричности дискурса. Для ее вычисления мы полагаем уместным использовать индекс интенсивности (МИ) метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер:

$$\text{МИ} = (1w+2a+3s)/nme,$$

где w – количество низкоинтенсивных (стертых, конвенциональных), a – количество метафор средней интенсивности, s – количество высокоинтенсивных (новых, авторских метафор).

Рначение индекса варьируется от 1 до 3, и чем оно больше, тем сильнее текст насыщен авторскими метафорами.

Анализ взаимосвязи между содержанием метафоры и речевым воздействием показал, что:

1. Конкретное содержание метафоры оказывает воздействие на ее персуазивность.

2. Степень этого воздействия обусловлена общекультурными и субъективными особенностями реципиента речевого сообщения, содержащего метафору.

3. Обобщение метафор в тексте и дискурсе на основе семантического принципа играет скорее дескриптивную роль и дает исследователю простор для интерпретации, однако не показывает степень речевого воздействия.

Практическое качественно-количественное исследование содержания метафорических проекций в дискурсе массмедиа подтвердило высокий функциональный потенциал метафорических выражений по формированию социально значимых концептов, конструированию общественного мнения и созданию образа государственных институтов.

Исследование функционального потенциала метафор с точки зрения содержания сферы-источника или сферы-цели позволяет не только констатировать факт формирования новых концептов, связанных с тем или иным образом, но и выявлять содержательную составляющую этих концептов.

Решение проблемы учета содержания метафор в методе комплексного анализа метафоричности дискурса лежит в плоскости исследования функций метафор в тексте, которые чаще всего как раз и базируются на содержании метафорического переноса.

Взаимосвязь между содержанием метафорической проекции и их функциями в тексте можно проанализировать посредством рассмотрения ориентационных, онтологических и структурных метафор, которые в тексте вербализуются в разных языковых формах. Ориентационные метафоры выполняют описательную функцию, онтологические служат для

идентификации, объяснения сложных сущностей, а структурные как бы переструктурируют цель через источник, то есть выполняют трансформационную функцию.

Для математического анализа мы предлагаем использовать подсчет специального индекса функциональной типологии метафоры, математическая логика которого будет основана на вычислении распределения метафор в тексте по типам: ориентационные, онтологические и структурные.

$$MfTI = (1*Or+2*O+3*St)/nme,$$

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

Минимальное значение 1 свидетельствует, что все метафоры в исследуемом тексте ориентационные, а максимальное значение 3 отражает полное доминирование структурных метафор.

Еще одним важным аспектом исследования метафоричности является позиция метафоры в тексте. В результате анализа проблематики структуры текста мы пришли к выводу о том, что стоит выделять внешнюю композиционно-логическую структуру текста, и внутреннюю тематическую иерархию текста. В этой связи необходимо отдельно рассматривать взаимосвязь метафоричности с внешней и внутренней структурой текста.

По композиционной организации почти все тексты отличаются трехчленной структурой «*введение — основная часть — заключение*». На этом основании мы предлагаем использовать в методе комплексного анализа метафоричности дискурса индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста, который высчитывается по нижеследующей формуле:

$$MStI(ex) = (1*M+2*I+3*C)/nme,$$

где M – количество метафор в основной части, I – количество метафор во введении (вступлении), C – количество метафор в заключении, nme – количество всех метафор в тексте.

Логика индекса такова, что его минимальное значение 1 отражает меньшую степень речевого воздействия метафор, а максимальное значение 3 означает, что использование метафор в тексте больше ориентировано на формирование или изменение отношения реципиента к определенной проблеме.

В результате теоретического осмысления вопроса внутренней структуры текста мы пришли к выводу, что для анализа взаимосвязи метафоричности и речевого воздействия наиболее подходящим является подход, направленный на выявление тема-рематической иерархии текста.

Выявление метафор относительно блоков текста, связанных с темой или ремой и возможность их количественного анализа предопределило необходимость разработки индекса взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста $MStI(in)$, который отражает распределение метафор по блокам внутренней структуры текста:

$$MStI(in) = 1 * T + 3 * R / nme,$$

где T – количество метафор, относящихся к блоку «тема текста», R – количество метафор, относящихся к блоку «рема текста».

Математическая логика данного индекса сходна с индексом структурной метафоричности (внешней), и его максимальное значение 3 будет свидетельствовать о концентрации метафор вокруг ремы, что говорит о том, что автор речевого сообщения стремится дополнить и обновить концептуальные признаки предмета речевого сообщения. В то же время значение индекса, близкое к минимальному 1, показывает, что метафоры в тексте нацелены на концептуализацию темы высказывания.

Технически комплексный метод анализа метафоричности дискурса (MDDA) представляет собой последовательность из нескольких шагов по вычислению:

- 1) плотности метафор;
- 2) средней интенсивности метафор;
- 3) среднего проявления функций метафор;

- 4) среднего значения позиции метафор во внешней структуре текста;
- 5) среднего значения позиции метафор во внутренней структуре текста.

Числовые значения разных проявлений функционального потенциала метафор в тексте и дискурсе позволяет исследовать разные аспекты метафорического речевого воздействия и определять степень этого воздействия. Для удобства будущих исследований нам необходимо не только апробировать данный метод, но и выработать опорные значения индексов метафоричности, характерных для дискурсивно отличающихся текстов.

Глава 3 Анализ метафоричности дискурсов разноструктурных языков

3.1 Метод комплексного анализа метафоричности дискурса

Анализ многочисленных исследований в области теории метафоры показал, что «имплицитные характеристики текста можно исследовать с точки зрения разных аспектов функционирования метафоры в тексте и дискурсе: количества метафор на определенный объем текста, типа метафор с точки зрения их конвенционализированности в языке, функций, которые метафоры выполняют в тексте, распределения метафор по внутренней и внешней структуре текста, а также содержания метафорического переноса» [Гурулева, Калинин, 2021:30]. Все вышеперечисленные аспекты проявления функционального потенциала метафоры в тексте и дискурсе были проверены нами в виде гипотез в предшествующих частях настоящего исследования, взаимосвязь между ними и прагматическими характеристиками текста может считаться доказанной.

В целях унификации исследований в области метафоричности нами были разработаны и последовательно описаны в Главе 2 индексы метафоричности:

- индекс функциональной типологии метафор (MfTI – Metaphor Functional Typology Index);
- индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI (ex) – Metaphor Structural Index external);
- индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста (MStI (in) – Metaphor Structural Index internal).

Кроме того, для анализа метафоричности текстов также может использоваться метод вычисления индекса силы метафоры (MPI - Metaphor power index), предложенный К. де Ландтсхеер [Landtsheer De, 2014], который состоит в вычислении:

- индекса плотности метафор (MDI – Metaphor Density Index);

- индекса интенсивности метафор (МИИ – Metaphor Intensity Index);
- индекса содержания метафор (МСИ – Metaphor Content Index).

Отметим, что результаты апробации индекса содержания метафоры (МСИ) продемонстрировали возможность его использования преимущественно в текстах общественно-политического дискурса, однако расчёт этого индекса для текстов, соотносимых с другими типами дискурсов, не даст релевантных результатов. Сходного мнения придерживаются и авторы монографии «Сопоставительная метафорология. Дискурсивный поворот», где указано: «к недостаткам теории следует отнести тот факт, что модель вычисления индекса дедуктивная, поэтому в практических изысканиях неизбежны ошибки» [Чудинов, Будаев, Солопова, 2020: 104].

Для оптимизации и уточнения процесса подсчета и структурирования результатов исследования текста и дискурса посредством метода комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA) нами была разработана специальная программа Metaphor Index Calculator¹⁰, которая представляет собой калькулятор для вычисления индексов метафоричности, позволяющий исследователю избежать ошибок в математических вычислениях и сосредоточиться на анализе результатов. Эта программа дает возможность пошагово проанализировать любой текст или корпус текстов и вычислить любой из индексов метафоричности по отдельности или все индексы сразу.

На шаге 1 в диалоговое окно вводится текст для анализа на любом языке, также есть возможность открыть файл с текстом напрямую в программе. На этом этапе можно ознакомиться со статистикой по тексту: количеством слов и количеством знаков. Стоит обратить внимание, что для корректного подсчета индексов для текстов на китайском или японском, необходимо предварительное разделение всего текста на отдельные лексические единицы. Это можно делать вручную или при помощи программы Segment Ant¹¹, которая позволяет автоматически разделить текст на слова. Безусловно, в работе этой программы

---

¹⁰ Доступна по адресу: <https://www.metaphor-analysis.com/индексы-метафоричности> Дата доступа: 17.09.2020

¹¹ Доступна по адресу: <https://laurenceanthony.net/software/segmentant/> Дата доступа: 17.09.2020

есть погрешности, однако при вычислении индексов метафоричности для текстов большого объема эти погрешности не являются статистически значимыми.

Кроме того, на первом шаге работы с Metaphor Index Calculator необходимо удалить из текста всю техническую информацию, под которой понимается информация, не относящаяся непосредственно к содержанию речевого высказывания, как например слово (Applause) на Рисунке 19.

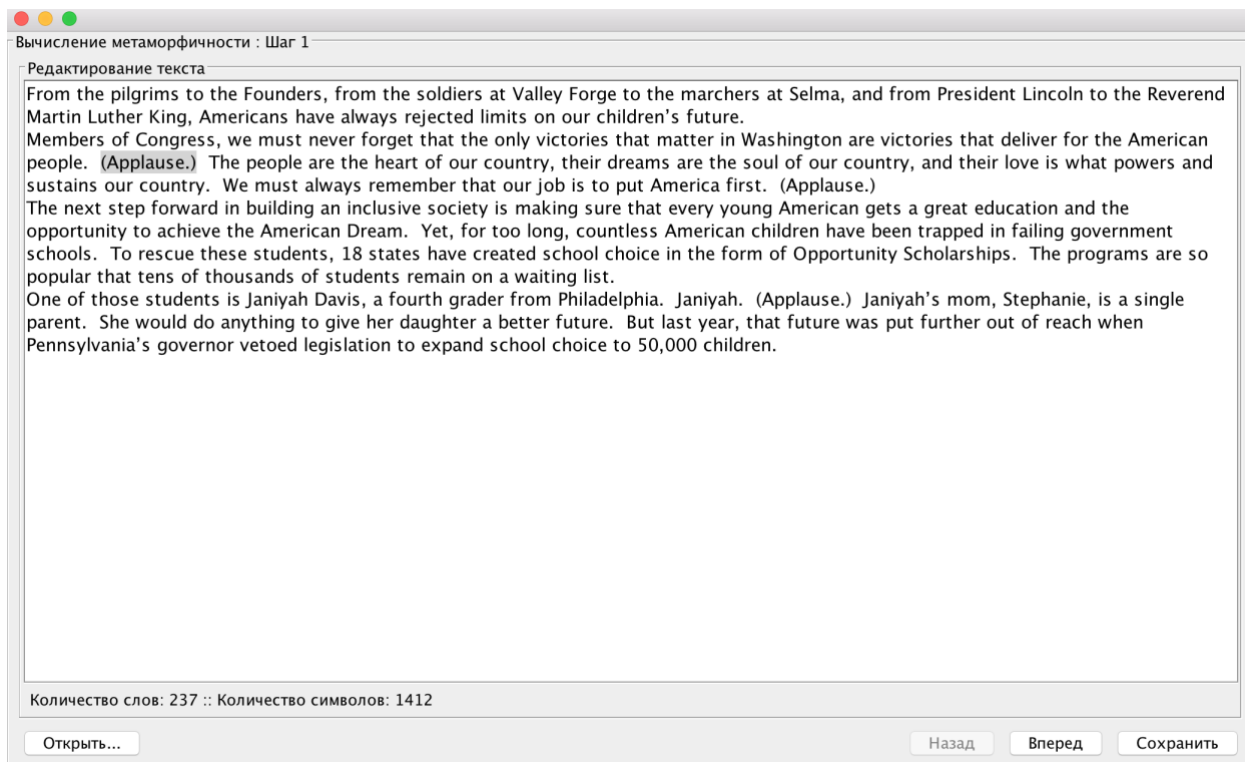

Рисунок 19 – Интерфейс Шага 1 программы Metaphor Index Calculator

Второй шаг при работе с программой является самым важным и требует от пользователя программы наибольших усилий. На этом этапе необходимо выделить все имеющиеся в тексте метафоры и классифицировать их по:

- интенсивности (weak, average, strong);
- содержанию (popular, nature, technics, disaster, sport, mortal);
- функции (oriental, ontological, structural);
- языковой форме (direct, indirect).

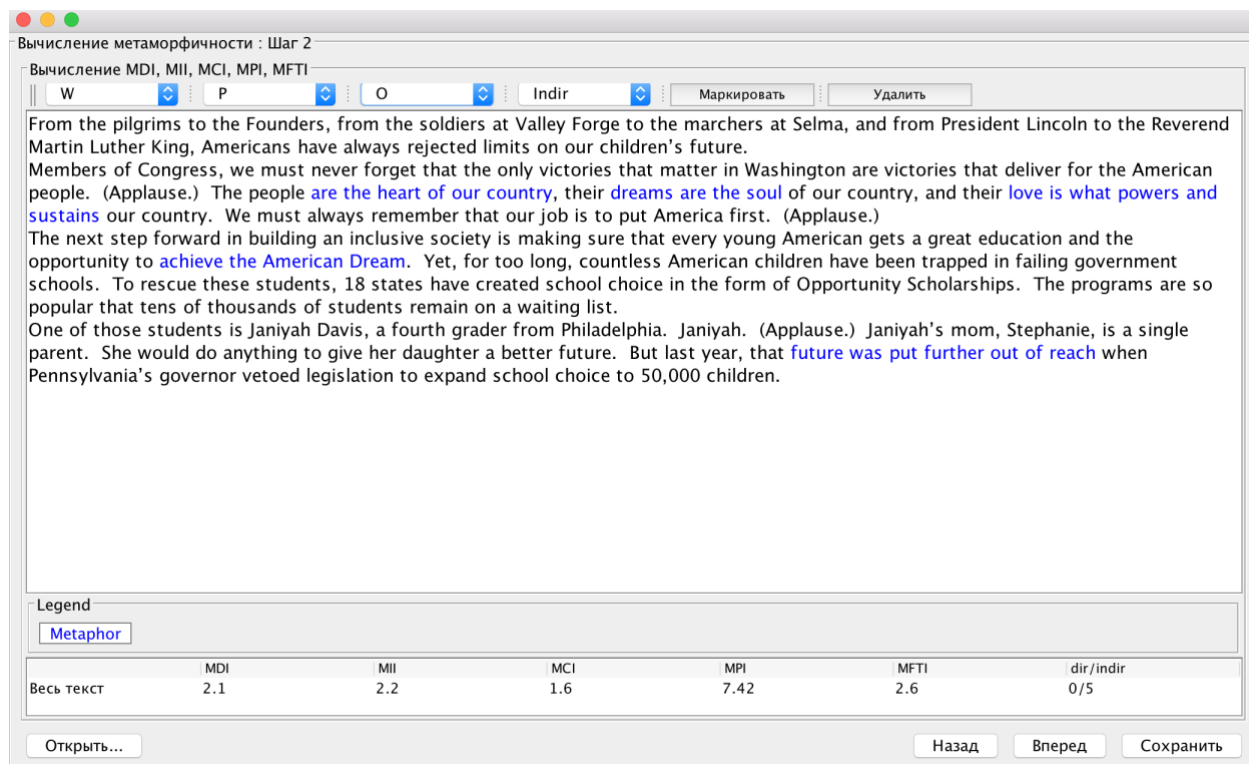

Рисунок 20 – Интерфейс Шага 2 программы Metaphor Index Calculator

Как можно увидеть на Рисунке 20, внизу сразу производится подсчет индекса плотности (MDI), индекса интенсивности (MII), индекса содержания (MCI), индекса силы метафоры (MPI) и индекса функциональной типологии метафоры (MfTI). Кроме того, введена возможность классифицировать метафоры по типу языковой реализации (прямые/непрямые), и эти данные выводятся в простом соотношении.

Важно отметить, что для текстов не общественно-политического дискурса вычисление MCI и, соответственно, MPI нерелевантно, поэтому эти значения можно оставлять по умолчанию равными 1 и не учитывать при обработке полученных данных по значениям других индексов. Это связано с тем, что индекс содержания метафоры (MCI) разрабатывался К. де Ландтсхеер преимущественно с целью анализа кризисного дискурса, поэтому поставленные в основу расчета этого индекса критерии по оценке содержания метафоры связаны с политической сферой жизни общества. Более подробно взаимосвязь между содержанием метафоры и речевым воздействием рассмотрена нами в отдельном исследовании [Калинин, 2020].

На этапе выделения и классификации метафор крайне важно правильно идентифицировать саму метафору. В данной работе в качестве основы для идентификации метафор использована процедура MIP VU (Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit) [Deignan, 2015; Nacey и др., 2019], суть процедуры которого состоит в поиске несоответствий базовых и контекстуальных значений. Процедура MIP VU предполагает двойную проверку, по словарю и по корпусу, и на данный момент является самой валидной методикой выявления метафорических переносов, так как «всцело отвечает требованиям, предъявляемым к научным методам» [Mishlanova, Suvorova, 2017].

Таким образом, на втором этапе необходимо провести идентификацию метафоры, опираясь на последовательность шагов, представленных в методике MIP VU [Deignan, 2015; Nacey и др., 2019]. В настоящий момент автоматизированные системы выявления метафор в текстах не показывают требуемого уровня точности и достоверности, поэтому для получения точных результатов уровня метафоричности исследователь выявляет метафоры в текстах методом полного прочтения текста и сверки базовых значений лексем с контекстуальными, что, безусловно, требует времени и определенных навыков, однако может гарантировать высокий уровень точности результатов исследования.

Третий шаг позволяет вычислить распределение метафор согласно внешней структуре текста, то есть вычисляет $MStI(ex)$.

Как мы видим на Рисунке 21 для получения значения $MStI(ex)$ необходимо выделить в тексте три структурных элемента: введение, основную часть и заключение. При этом программа считает как общее значение индекса $MStI(ex)$, так и частные значения индекса плотности (MDI), индекса интенсивности (MII), индекса содержания (MCI), индекса силы метафоры (MPI) и индекса функциональной типологии метафоры (MfTI) для каждого из блоков текста: введения, основной части и заключения, что может быть полезно в некоторых исследованиях.

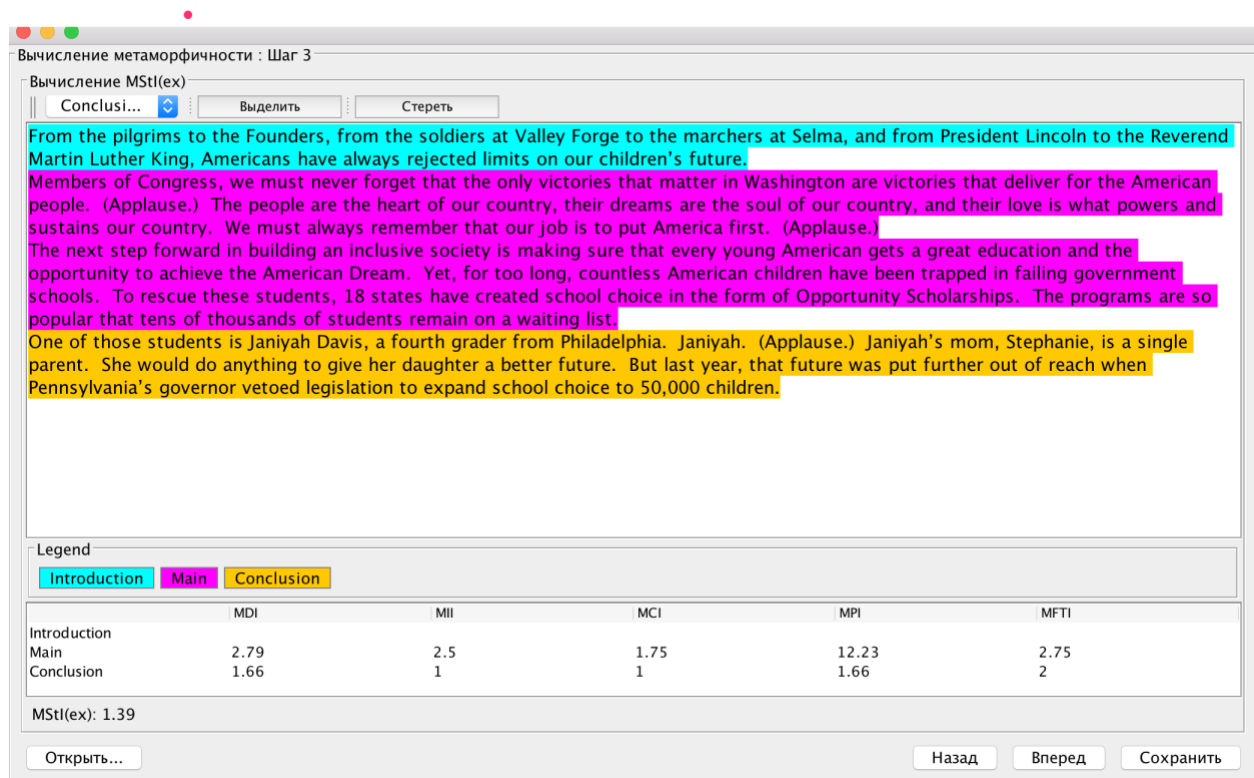

Рисунок 21 – Интерфейс Шага 3 программы Metaphor Index Calculator

Четвертый шаг позволяет вычислить распределение метафор согласно внутренней структуре текста, то есть вычисляет $MStI(in)$.

Как мы видим на Рисунке 22 для получения значения $MStI(in)$ необходимо выделить в тексте два элемента внутренней структуры текста: тему и рему. При этом программа считает как общее значение индекса $MStI(ex)$, так и частные значения индекса плотности (MDI), индекса интенсивности (MII), индекса содержания (MCI), индекса силы метафоры (MPI) и индекса функциональной типологии метафоры (MFTI) для каждого из блоков текста: темы и ремы, что может быть полезно в некоторых исследованиях.

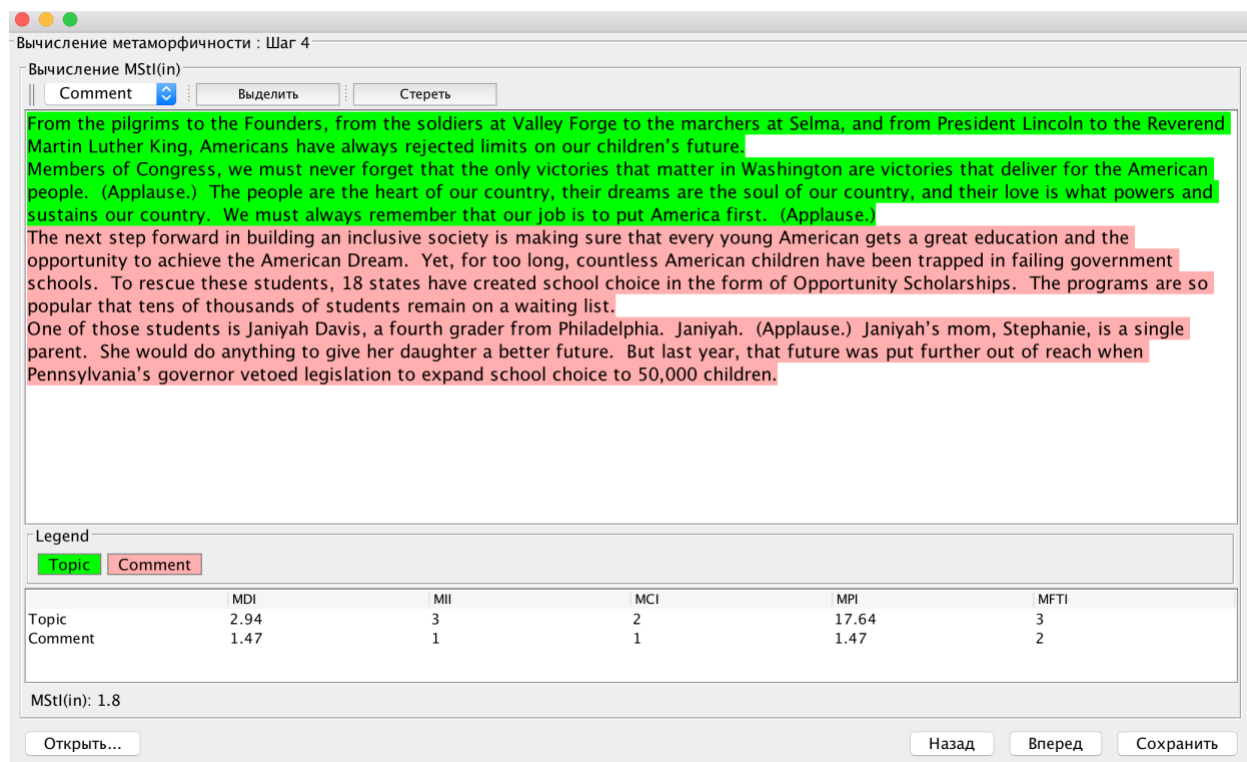

Рисунок 22 – Интерфейс Шага 4 программы Metaphor Index Calculator

Пятый шаг позволяет вычислить распределение метафор по тематическим блокам, определенных исследователем.

На Рисунке 23 мы видим, что создано 4 пользовательских блока: политика, экономика, армия и международные отношения, и программа считает значения индекса плотности (MDI), индекса интенсивности (MII), индекса содержания (MCI), индекса силы метафоры (MPI) и индекса функциональной типологии метафоры (MfTI) для каждого из выделенных блоков текста. Этот функционал программы Metaphor Index Calculator позволяет исследователю решать задачи, связанные со скрытыми авторскими интенциями относительно конкретного содержания текста. В результате мы получаем значения всех индексов в их соотнесенности с конкретным содержанием текста, можем сравнить их и сделать соответствующие выводы о значимости той или иной темы в исследуемом тексте.

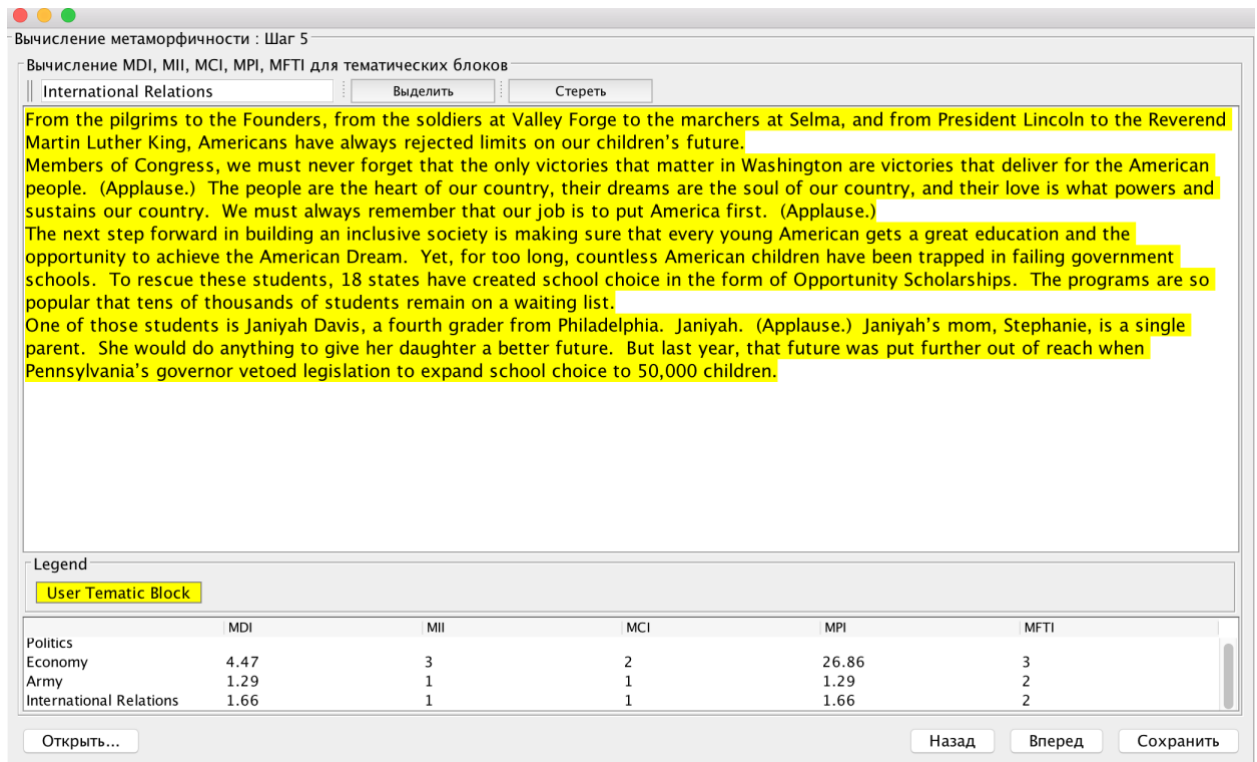

Рисунок 23 – Интерфейс Шага 5 программы Metaphor Index Calculator

На шаге 6 программа выводит все данные в сводную таблицу и позволяет сохранить полученные результаты для дальнейшего сравнения и анализа.

На Рисунке 24 мы видим значения основных индексов применительно ко всему тексту, а также к элементам его внутренней структуры, внешней композиции и к тематическим блокам.

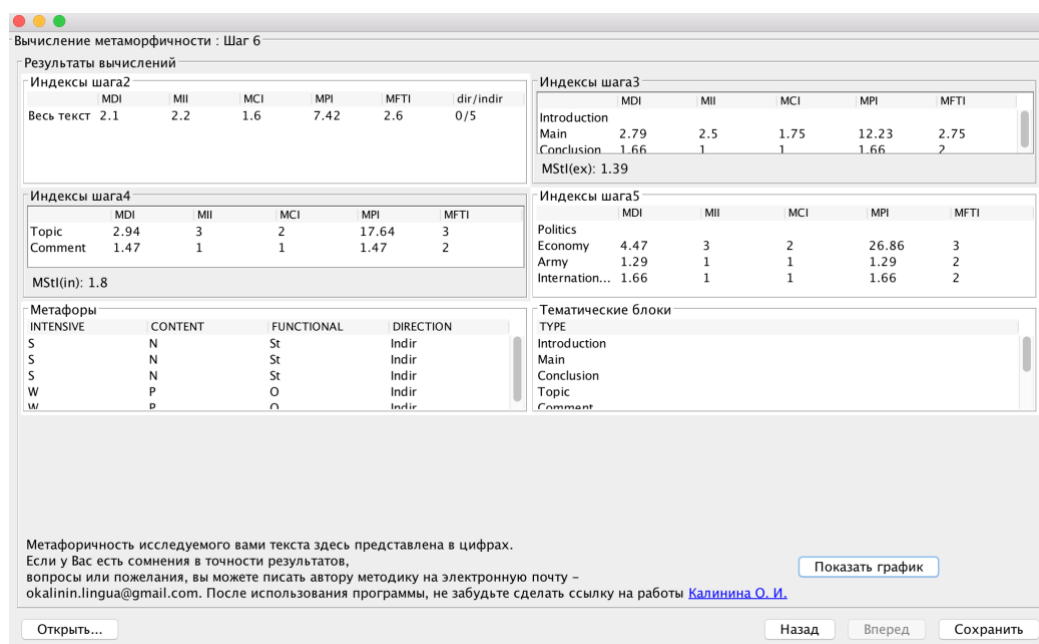

Рисунок 24 -Интерфейс Шага 6 программы Metaphor Index Calculator

Кроме того, для наглядности в Metaphor Index Calculator реализована возможность представить результаты выявления метафор в композиции текста, его внутренней тема-рематической иерархии и тематическом членении.

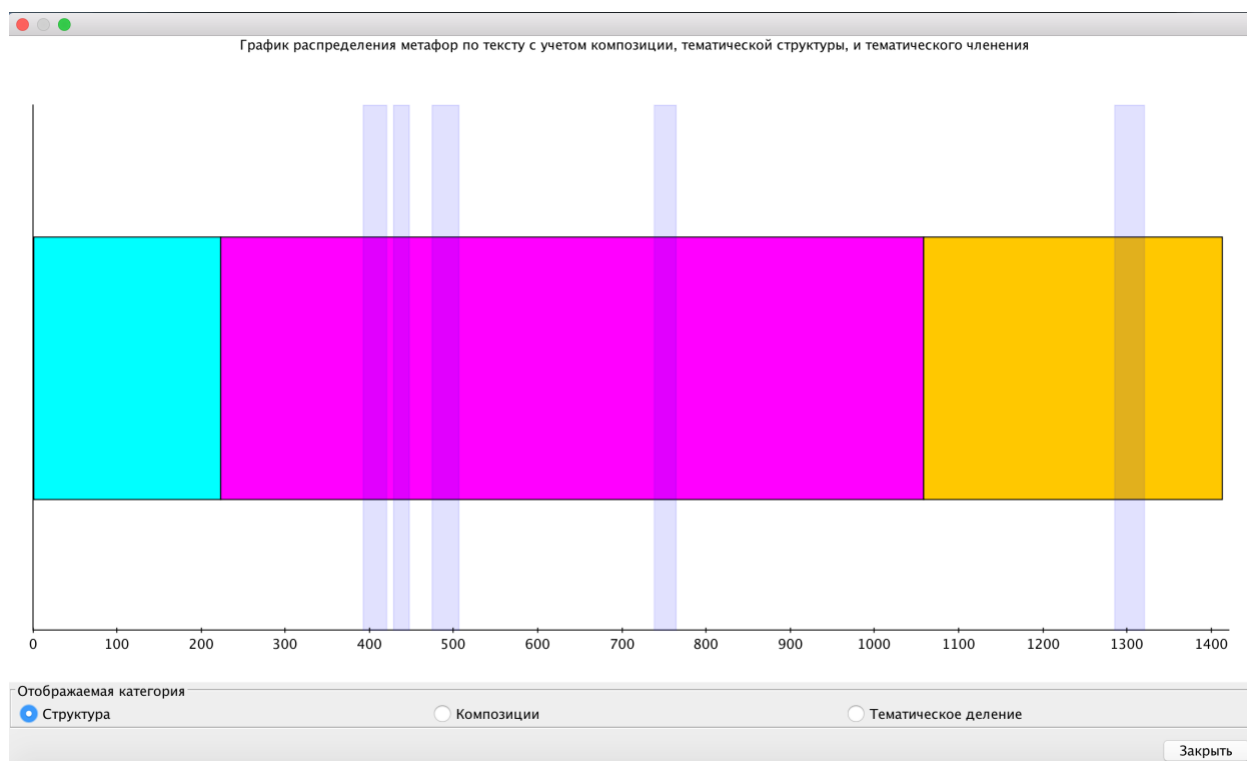

Рисунок 25 – Интерфейс графика распределения метафор в тексте программы Metaphor Index Calculator

В настоящем исследовании мы будем опираться на метод MIP VU для идентификации метафор и на вычисление индексов метафоричности, теоретически обоснованное в Главе 2 и реализованное в программном обеспечении Metaphor Index Calculator, для определения уровня метафоричности текстов разной дискурсивной принадлежности на русском, английском и китайском языках.

Для анализа нами были выбраны тексты политического, официально-документального дискурсов и дискурса массмедиа общим объемом 255 119 слов: среди них на русском языке - 87 863 слова, на китайском языке – 80 892 слова, на английском языке – 86 363 слова.

Основной целью проведенного практического исследования является выявление особенностей реализации функционального потенциала метафор в текстах разных дискурсов на разноструктурных языках. Вторичной целью является проверка и уточнение практического применения разработанного нами метода комплексного анализа метафоричности дискурса. Кроме того, опираясь на количественные данные, характеризующие уровень метафоричности каждого отдельного текста, мы провели исследование взаимосвязи использования метафор с типологией языка, культурой и прагматическими характеристиками самого дискурса. Иными словами, практическое исследование нацелено одновременно и на анализ метафорических характеристик разных типов дискурса, и на исследование природы метафоричности в ее дискурсивной реализованности.

3.2 Метафоричность текстов политического дискурса

Для исследования метафоричности политического дискурса русского, китайского и английского языков нами было выбрано и проанализировано 18 текстов публичных выступлений лидеров России, КНР и США. Данные по объему текстов представлены в Таблице 22. Общий объем исследованных текстов 45 920 слов.

Таблица 22 – Тексты политического дискурса

Текст	Язык	Дата	Объем в словах
1. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию	русский	15 января 2020 года	7528
2. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию	русский	20 февраля 2019 года	9852
3. 习近平在第十三届全国人民代表大会第一次会议上的讲话 (Речь Председателя КНР Си Цзиньпина перед 1 съездом ВСНП 13 созыва)	китайский	20 марта 2018 года	2624
4. 习近平在第十二届全国人民代表大会第一次会议上的讲话 (Речь Председателя КНР Си Цзиньпина перед 1 съездом ВСНП 12 созыва)	китайский	17 марта 2013 года	1659
5. State of the Union Address (Послание Президента США Д. Трампа Конгрессу «О положении в стране»)	английский	4 февраля 2020 года	6377
6. State of the Union Address (Послание Президента США Д. Трампа Конгрессу «О положении в стране»)	английский	5 февраля 2020 года	5249
7. Выступление В. В. Путина на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь»	русский	14 мая 2017 года	1237
8. Выступление Си Цзиньпина на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь»	китайский	14 мая 2017 года	3735
9. Выступление Д. Трампа на Международном экономическом форуме в Давосе	английский	26 января 2018 года	1992
10. Новогоднее обращение Президента РФ к гражданам России	русский	31 декабря 2016 года	285
11. Новогоднее обращение Президента РФ к гражданам России	русский	31 декабря 2017 года	313
12. Новогоднее обращение Президента РФ к гражданам России	русский	31 декабря 2018 года	351
13. 国家主席习近平发表 2017 年新年贺词 (Новогоднее обращение Председателя КНР Си Цзиньпина)	китайский	31 декабря 2016 года	764
14. 国家主席习近平发表 2018 年新年贺词 (Новогоднее обращение Председателя КНР Си Цзиньпина)	китайский	31 декабря 2017 года	974
15. 国家主席习近平发表 2019 年新年贺词 (Новогоднее обращение Председателя КНР Си Цзиньпина)	китайский	31 декабря 2018 года	1057
16. Queen Elizabeth II's traditional Christmas Day address to the UK (Рождественское обращение Королевы Великобритании Елизаветы II)	английский	25 декабря 2016 года	606
17. Queen Elizabeth II's traditional Christmas Day address to the UK	английский	25 декабря 2017 года	751

18. Queen Elizabeth II's traditional Christmas Day address to the UK (Рождественское обращение Королевы Великобритании Елизаветы II)	английский	25 декабря 2018 года	566
--	------------	----------------------	-----

Как мы видим по текстам политического дискурса, которые были отобраны нами для анализа метафоричности, их можно разделить на три основных типа: выступления перед народом или органом, представляющим народ (Федеральное Собрание, Всекитайское собрание народных представителей); выступления на международных форумах; поздравительные новогодние речи. Подобное объединение текстов для сравнения метафоричности основано на схожести прагматических характеристик исследованных текстов. Иными словами, сравнивать метафоричность текста Послания Федеральному Собранию и текст Новогоднего поздравления не имеет смысла, так как у этих текстов изначально разные прагматические установки, два этих текста имеет содержат разные авторские интенции, исходя из которых осуществляется подбор лексических и грамматических средств для достижения определенной коммуникативной цели. Исходя из этого, мы приведем и проанализируем результаты анализа метафоричности последовательно для каждой из вышеперечисленных групп политических текстов.

3.2.1 Результаты анализа метафоричности политических текстов типа «обращение к нации»

Сначала рассмотрим результаты анализа метафоричности текстов типа «обращения к нации» (Послание Федеральному Собранию, Послание Конгрессу и Выступление на съезде ВСНП). Результаты представлены в Таблице 23.

Таблица 23 – Результаты анализа метафоричности текстов типа «обращения к нации» для русского, английского и китайского политических дискурсов

Текст	Объем	MDI	MI	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Послание Президента РФ Федеральному собранию (2020 г.)	7528	0,94	1,13	2,08	1,14	2,24
Послание Президента РФ Федеральному собранию (2019 г.)	9852	1,08	1,21	2,04	1,25	2,23
Русский среднее	17380	1,02	1,17	2,06	1,21	2,23
Речь Председателя КНР Си Цзиньпина перед ВСНП 13 созыва (2018 г.)	2624	3,77	1,51	2,31	1,24	2,1
Речь Председателя КНР Си Цзиньпина перед ВСНП 12 созыва (2013 г.)	1659	6,63	1,76	2,43	1,4	1,9
Китайский среднее	4283	4,88	1,64	2,38	1,32	1,99
Послание Президента США Д. Трампа Конгрессу (2020 г.)	6377	1,97	1,71	2,01	1,44	2,12
Послание Президента США Д. Трампа Конгрессу (2019 г.)	5249	1,75	1,78	2,2	1,38	2,06
Английский среднее	11626	1,88	1,74	2,09	1,42	2,1

По данным индекса плотности метафор мы видим, что насыщенность метафорами текстов обращений политических лидеров довольно сильно отличается друг от друга. Выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на съезде ВСНП в 2013 и 2018 годах были самыми коротким среди всех исследованных текстов, всего из 1659 и 2624 слов соответственно. При этом в речах Си Цзиньпина было использовано 110 и 99 метафор. В обращении к нации Д. Трампа всего также было использовано довольно много метафор – 92 метафоры в 2019 году и 126 метафор в 2020 году, однако и сами тексты выступлений Президента США были довольно объемные – 5249 и 6377 слов соответственно, что в итоге дало средний уровень насыщенности метафорами – 1,75 и 1,97. Обращения Президента России В. В. Путина к Федеральному Собранию в 2019 и 2020 года касались множества важных вопросов и были весьма продолжительным и похожими на большой отчет о проделанной работе. Как следствие, объем текстов очень внушительный – 9852 и 7528 слова для

текстов выступлений 2019 и 2020 годов соответственно. При этом в текстах было выявлено всего 106 и 71 метафор, что в итоге дало значение индекса MDI около 1. Средние показатели значения индекса плотности метафор показывают, что тексты «выступлений перед нацией» на русском языке отличаются самой низкой плотностью метафор – 1,02, тексты выступлений Д. Трампа на английском языке также не очень насыщены метафорами – 1,88, а тексты публичных выступлений Си Цзиньпина – крайне метафоричны с точки зрения количества метафор – 4,88.

Далее рассмотрим другие аспекты функционального потенциала использованных метафор, а именно степень их новизны и интенсивности, то есть обратим внимание на значения индекса интенсивности метафор МП.

Данный индекс отражает характеристики метафор, связанные с их устойчивостью в языке. Выступления В. В. Путина не было богато новыми метафорами: из 177 выявленных метафорических оборотов в двух текстах 149 были соотнесены со слабыми метафорами и 25 с метафорами средней интенсивности, а сильных метафор было всего 3 на два текста совокупным объемом 17380 слов. В текстах обращений Д. Трампа к Конгрессу метафоры были более яркими и насыщенными: из 218 метафор 108 были соотнесены с конвенциональными, 58 – с метафорами средней интенсивности и 52 были признаны новыми яркими метафорами. В программных выступлениях Си Цзиньпина перед ВСНП ярких метафор было не так много, всего лишь 32 метафоры из 209 были промаркированы как новые, 71 получили коэффициент метафор средней интенсивности, и больше половины метафор, 106 метафорических оборота, являлись конвенциональными.

Приведем ряд примеров:

1. Наша историческая обязанность – *ответить на этот вызов*. Не только *выбраться из демографической ловушки*, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый *естественный рост численности населения страны*. – В этом предложении мы видим три метафорических оборота: «*ответить на этот вызов*» - это стертая метафора, которая является

клишированным шаблонным оборотом, характерным для публицистического дискурса; «*рост численности*» также метафора слабой интенсивности, использование которой не может вызывать эмоционального эффекта у реципиента речевого сообщения; «*демографическая ловушка*» была обозначена нами как метафора средней интенсивности, так как это словосочетание сравнивает демографические проблемы с определенным «устройством, которое создано для того, чтобы поймать, обездвигнуть, лишить свободы передвижения», при этом «*выбраться из ловушки*» – довольно распространенное выражение, поэтому метафору нельзя считать новой.

2. In just three short years, we have *shattered the mentality of American decline*, and we have rejected the *downsizing of America's destiny*. We have totally rejected the downsizing. *We are moving forward* at a pace that was unimaginable just a short time ago, and *we are never, ever going back* (В течение трех коротких лет мы *разбили вдребезги восприятие упадка* Америки, отвергли принцип *уменьшения значимости предначертания* Америки. Мы полностью отвергли это преуменьшение. Мы *двигаемся вперед* темпами, которые и представить себе не могли некоторое время назад, и мы *никогда, больше никогда не повернем назад*). В этой небольшой реплике мы сталкиваемся с 4 метафорами, две из которых были отнесены к авторским метафорам высокой интенсивности, и две к стертым ориентационным метафорам. Метафорический оборот «*shattered the mentality of decline*» (*разбили вдребезги ментальность упадка*) однозначно является новой метафорой, так как словосочетание «разбить ментальность» не встретилось нам ни в словаре, ни в корпусе; «*downsizing of America's destiny*» (*преуменьшение предназначения Америки*) также является сильной метафорой, так как *destiny* (*судьба, предначертание*) не может физически уменьшиться в размерах, и в данном случае глагол *downsize* подчеркивает не физические характеристики. «*We (America) are moving forward*», «*we are never, ever going back*» (*Мы двигаемся вперед, мы никогда более не вернемся назад*) – это стертые ориентационные метафоры, которые отражают, что движение вперед есть путь к процветанию и прогрессу.

3. *波澜壮阔的中华民族发展史是中国人民书写的!* (*Величественная и грандиозная история китайской нации написана китайским народом!*). В этом предложении Си Цзиньпин использовал две метафоры: *波澜壮阔的中华民族发展史* (*величественная и грандиозная история, дословно: подобная огромным волнам и крепким валам*) – это метафора слабой интенсивности, так как исторический процесс переосмысливается через сферу-источник «бушующий океан». Данный фразеологизм закреплён в словаре в значении «величественный и грандиозный», при этом выражение не является частотным для китайского языка¹², а значения морфем, входящих в состав фразеологизма, легко считаются по отдельности. В этой связи мы полагаем, что использование образного выражения сравнения истории страны с «бушующим океаном» можно считать конвенциональной метафорой; *展史是中国人民书写的* (*история написана китайским народом*) – это слабая метафора, так как клишированный оборот «писать историю» весьма распространён и подобная сочетаемость может быть найдена в словаре.

Если проанализировать средние показатели интенсивности метафор в исследованных текстах обращений политических лидеров России, США и КНР, то можно увидеть, что в текстах на русском языке использованы наименее яркие метафоры: индекс интенсивности 1,17 при минимальном показателе в 1, для текстов на китайском языке – 1,64, а для текстов на английском языке – 1,74, то есть выступления В. В. Путина отличаются наименьшей яркостью метафор, а Д. Трампа – наоборот, наибольшей новизной и яркостью метафор. Следовательно, выступления американского Президента отличаются наибольшей эмоциональностью, содержат большой потенциал аффективного воздействия, чем речи Президента России и Председателя КНР.

Следующим этапом исследования стал анализ функций метафор в текстах публичных выступлений. В Таблице 23 мы видим, что согласно подсчёту значения индекса функциональной типологии, тексты выступлений В. В. Путина и Д. Трампа почти идентичны по этому показателю реализации функционального потенциала (2,05 и 2,09 соответственно) и находятся в районе

среднего значения индекса 2, что говорит о преимущественно онтологическом характере использованных метафорических оборотов. Конкретные цифры распределения метафор по типам подтверждают данный тезис: среди 177 метафор, выявленных в Посланиях Федеральному Собранию 2019 и 2020 годов В. В. Путина, 145 относятся к онтологическим, 21 – к структурным и 11 – к ориентационным; а в Обращениях к нации Президента США среди 218 метафор онтологическими были 145 метафорических оборотов, также были выявлены 47 структурных и 25 ориентационных метафор.

Приведем примеры метафор разных типов:

1. *Россия вернулась* в международную политику как страна, с *мнением которой нельзя не считаться*. В данном случае мы имеем дело с олицетворением страны, что является классической онтологической метафорой.

2. Ситуация принципиально отличается от той, что была ещё пять или десять лет более назад, когда двузначная *инфляция* фактически *была налогом* на всех граждан страны. Метафора *инфляция* – это *НАЛОГ* (бремя) является структурной, так как заставляет нас переосмыслить высокий уровень инфляции как нечто обременительное.

3. We must also *rebuild America's infrastructure* (Мы должны перестроить все устройство США). Здесь мы имеем дело с онтологической метафорой, когда общественный уклад, структура общества (именно это подразумевается под словом *infrastructure* в данном контексте) концептуализируется как что-то, что «можно перестроить», то есть абстрактное объясняется через конкретное.

4. Surely, we must all agree that every *human life is* a sacred gift from God (Мы однозначно должны согласиться в том, что жизнь человека – это сакральный Божий дар). В данном примере *жизнь* – это *ДАР* является структурной метафорой, переосмысляющей суть человеческой жизни и подчёркивающей ее сакральное божественное происхождение. Кроме того,

метафора построена по модели прямого сравнения, что также подтверждает необходимость ее маркировки как структурной.

5.把蓝图变为现实, 是一场新的长征 (план (по великому возрождению китайской нации) становится реальностью, это новый Великий поход). В данном примере политический курс Си Цзиньпина (осуществление китайской мечты о возрождении величия китайской нации) объясняется аудитории через прямое сравнение с Великим походом, важным историческим событием в истории борьбы Компартии за освобождение Китая от японских захватчиков и власти Гоминьдана. Это структурная метафора, где одно высокоструктурированное понятие (политический план) заменяется другим структурированным понятием «Великий поход», концептуальные элементы которого переносятся на сферу-цель.

6.共产党...永远做中国人民和中华民族的主心骨 (КПК всегда была опорой китайцев и китайской нации). Слово 主心骨 дословно можно перевести как «костяк, опора, оплот». Мы имеем дело со структурной метафорой ПАРТИЯ – это ОСНОВА, которая укрепляет ведущую роль КПК в политической жизни КНР. При этом внутренняя форма слова 主心骨 дословно переводимая как «главная гость» и наличие в китайском языке слова 主心骨儿 (костяк, хребет), усиливают эффект от переосмысления ведущей роли партии через первичное значение данного слова «хребет».

7.没有任何力量能够阻挡中国人民实现梦想的步伐 (нет сил, которые могли бы остановить движение китайского народа к осуществлению своей мечты). Здесь стремление китайского народа к улучшению качества жизни и более высокому положению КНР на международной арене (политика возрождения китайской нации) осмысливается через слово 步伐, имеющее конкретное значение «шаги, поступь», то есть это онтологическая метафора.

Значение индекса функциональной типологии для текстов выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина перед ВСНП несколько выше, чем в выступлениях лидеров России и США – 2,38. Это отражает распределение

метафор по типам: 125 онтологических, 81 структурных и 3 ориентационных. Стоит отметить, что для текстов такого объема разница в индексе функциональной типологии в 0,2 нам кажется значимой.

На основании полученного значения мы можем заключить, что в своем выступлении Си Цзиньпин больше стремился к изменению содержания общественно-политических концептов, переструктурированию смыслового поля китайской внутренней и внешней политики, тогда как выступления В. В. Путина и Д. Трампа скорее отражают существующее концептуальное содержание политического дискурса. Выступления лидеров России и США более нацелены на объяснение смыслов, чем на их изменение.

Следующим этапом исследования стал анализ метафоричности во взаимосвязи с внешней и внутренней структурой текста. По полученным результатам мы видим, что для всех трех публичных выступлений значение индекса метафоричности внешней структуры текста не очень высокое, что отражает распределение метафор по композиционным элементам текста. Так, в текстах Послания Федеральному Собранию В. В. Путина из 177 метафор 149 сосредоточено в основной части, 19 во введении и только 9 в заключении, что объясняет общее значение индекса 1,2, близкое к минимальному 1. В текстах Обращений к нации Президента США Д. Трампа из 218 метафор также большая часть встречается в основной части текста – 150. При этом во введении 45 метафор, а в заключении – 23. В выступлениях Си Цзиньпина 162 метафоры сосредоточены в основной части, 23 в заключении и 23 во введении.

Так, значения индекса $MStI(ex)$ для текстов публичных выступлений политиков на русском (1,21), китайском(1,32) и английском(1,41) в полной мере отражает распределение метафор по частям текста.

На наш взгляд, значение индекса взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста не следует принимать во внимание при анализе функционального потенциала настолько объемных текстов, так как композиционные части таких текстов сильно отличаются друг от друга по объему. В таких случаях имеет смысл заменить $MStI(ex)$ индексом,

отражающим внутреннюю структуру текста MStI(in). Это основывается прежде всего на особенностях самой структуры текста публичного выступления политика, которые, с одной стороны, отличаются отчетливой композицией, где легко выделить введение, основную часть и заключение, но, с другой стороны объем текста в этих композиционных элементах распределен крайне неравномерно. Так, введение и заключение во всех трех текстах крайне малы по объему текста, и поэтому концентрация большего количества метафор в основной части во многом обусловлена именно этим.

Таблица 24 – Распределение текста по композиционным элементам в текстах публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР

	В. В. Путин	Д. Трамп	Си Цзиньпин
Введение, %	1,8	4,5	5
Основная часть, %	94,9	89,2	90,3
Заключение, %	3,3	6,3	4,7

Как мы видим, объем основной части в данном случае прямо пропорционален значению индекса внешней структурной метафоричности.

В этой связи большую значимость приобретает индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста (MStI(in)), который в целом, так же как и MStI(ex), позволяет выявить имплицитные, заложенные в распределении метафор относительно глубинной семантико-когнитивной структуры текста, особенности речевого воздействия.

Значения MStI(in) в нашем случае более полно отражают особенности речевого воздействия, так как все тексты публичных выступлений политемны, и у каждой из тем есть своя рематическая доминанта, что позволяет понять, стремится ли автор укрепить концептуализацию темы высказывания, о чем говорит концентрация метафор вокруг темы, или же стремится поменять представление о теме, о чем свидетельствует обилие метафор в реме.

В текстах выступлений В. В. Путина было выявлено 68 тематических метафор и 109 метафор в реме. В выступлениях Д. Трампа вокруг темы было

сконцентрировано 98 метафор, тогда как вокруг ремы – 120. В речах Си Цзиньпина 105 метафор встретилось в теме и 104 в реме.

Значения индексов показывают, что, с одной стороны, выступления Президентом России (2,23) и США (2,1) более ориентированы на рематическую доминанту, то есть метафоры больше связаны с объяснением передаваемых в текстах смыслов. Метафоры сконцентрированы больше не вокруг предмета речевого высказывания, чаще они используются относительно описания, объяснения этой проблемы.

В выступлениях Си Цзиньпина, для которых значение MStI(in) составило 1,99, метафоры более равномерно распределены между темой и ремой. При этом как мы видим в Таблице 24, если сравнить значения данного индекса между двумя разными выступлениями одного и того же политического лидера, то наибольшая разница будет наблюдаться именно в выступлениях Си Цзиньпина: в своей речи перед ВСНП в 2013 году Председатель КНР использовал больше тематических метафор, чем рематических. Мы полагаем, что это связано с тем, что в 2013 году, впервые вступая в должность Си Цзиньпин в своем выступлении делал акцент на внесение новых смыслов в общественно-политическую жизнь Китая, которые было нужно внедрить в сознание массового адресата. Метафора как один из способов концептуализации и переосмысления действительности использовалась им во многом относительно темы своего высказывания. Более подробное сравнение двух текстов политических речей Си Цзиньпина представлены в наших работах [Калинин, 2020с; Сунь, Калинин, Игнатенко, 2021].

Для наглядности представим результаты по средним показателям индексов.

Таблица 25 – Средние показатели индексов метафоричности для текстов публичных «обращений к нации» политических лидеров России, КНР и США

Текст	MDI	MPI	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Тексты выступлений В. В. Путина	1,02	1,17	2,06	1,21	2,23

Тексты выступлений Си Цзиньпина	4,88	1,64	2,38	1,32	1,99
Тексты выступлений Д Трампа	1,88	1,74	2,09	1,42	2,1

Метафоричность текстов публичных выступлений на китайском языке в среднем выше, чем на английском и русском. Показатели трех из четырех значимых индексов (значение индекса MStI было признано незначимым из-за структурных особенностей текстов) для китайского языка выше, чем для русского и английского языков.

В Таблице 25 мы видим, что наибольший воздействующий потенциал содержался в выступлении Си Цзиньпина. Председатель КНР использовал большее количество метафор на объем текста, при этом метафоры были во многом ориентированы на реструктуризацию передаваемых в тексте общественно-политических концептов. Кроме того, метафоры в выступлении Си Цзиньпина равнозначно распределены вокруг гипертемы и рематической доминанты. Это говорит о том, что Си Цзиньпин, выступая перед ВСНП, стремился не столько отчитаться о проделанной работе на должности главы Китая, сколько ввести в общественно-политическую жизнь новое содержание внутренней и внешней политики своей страны.

Данный вывод можно соотнести и с содержанием исследованных текстов. Действительно, по содержанию выступление Д. Трампа похоже на доклад о проделанной работе, В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию предложил реформы, однако общая концепция развития страны осталась неизменной.

В этом контексте речи Президентов России и США сходны по потенциальному речевому воздействию, которое выявляется исходя из экстралингвистических прагматических характеристик. Несмотря на то, что текст выступления Д. Трампа более насыщен яркими метафорами и они более интенсивны, индекс функциональной типологии и распределение метафор по внутренней структуре текста показывают нам, что он не стремился изменить мнение своей аудитории относительно своей политики, он скорее доказывал,

что его политический курс верный и достигнуты большие успехи. Большая часть речи В. В. Путина также представляет собой доклад о положении дел, при этом в одном из проанализированных выступлений лидера России есть весомая часть, посвященная изменениям в стране, в ней говорится, в частности, о поправках в Конституцию. Именно в этой части В. В. Путин использовал значительное количество метафор. Высокий показатель значения индекса функциональной типологии метафор и индекса взаимосвязи внутренней структуры и метафоричности при низком уровне насыщенности и интенсивности метафор для текста выступления руководителя России как раз связаны с тем, что в его выступлении есть часть, касающаяся необходимости перемен.

3.2.2 Результаты анализа метафоричности политических текстов типа «выступление на международном форуме»

Второй группой текстов политического дискурса, которые были нами исследованы с использованием метода анализа метафоричности дискурса, явились публичные выступления лидеров России, Китая и США на международных форумах. Для анализа были отобраны два программных выступления на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» от 14 мая 2017 года Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Российской Федерации В. В. Путина общим объемом 3735 и 1237 слов соответственно, а также текст выступления Президента США Д. Трампа на Международном экономическом форуме в Давосе от 26 января 2018 года объемом в 1992 слова. Эти тексты сходны по прагматическим и временным характеристикам, так как они были подготовлены специально для международной арены. Кроме того, форум «Один пояс – один путь», так же как и Международный форум в Давосе, посвящены преимущественно экономической тематике, в этой связи подобное сравнение нам представляется релевантным.

Результаты подсчета индексов метафоричности представлены в Таблице 26.

Таблица 26 – Результаты анализа метафоричности текстов типа «обращения к нации» для русского, английского и китайского политических дискурсов

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Выступление В. В. Путина на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь»	1237	1,61	2,25	2	1,5	1,9
Выступление Си Цзиньпина на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь»	3735	2,65	2,06	2,33	1,62	1,64
Выступление Д. Трампа на Международном экономическом форуме в Давосе	1992	1,65	1,96	2,03	1,33	2,09

В Таблице 26 мы видим, что для текстов выступлений на международной арене плотность метафор, то есть показатель индекса MDI для китайского языка выше, чем для русского (1,61) и английского (1,65). Так, в тексте выступления Си Цзиньпина было выявлено 99 метафор на 3735 слов, тогда как, например, в выступлении В. В. Путина было всего 20 метафор на 1237 слов.

При этом анализ интенсивности метафор посредством подсчета индекса МП в данном случае показал более высокое значение новизны метафор для текста на русском языке (2,25), в своем выступлении Президент России использовал 8 новых метафор, 9 метафор средней интенсивности и 3 стертых конвенциональных метафоры. Подобное значение индекса интенсивности метафоры нам кажется несколько аномальным. Мы полагаем, что такое распределение связано с небольшим объемом данного текста и стремлением оратора оказать за короткий срок наибольшее воздействие на аудиторию. Кроме того, если учесть прагматические характеристики данного текста, а именно тот факт, что Президент России выступал с ним на Форуме, который проходил в Китае и был посвящен китайской инициативе, то можно интерпретировать

подобное высокое значение МП тем, что В. В. Путин пытался оказать воздействие на китайскую аудиторию некоторыми яркими культурно обусловленными метафорами. Это подтверждают отдельные фрагменты выступления российского Президента, где он прямым текстом связывает свою речь с концептуальными основами китайской культуры: «Легендарный Шёлковый путь, соединявший практически всю Евразию, как известно, шёл от оазиса к оазису, от колодца к колодцу, а в знаменитой китайской «Книге перемен» с её богатым, ярким языком колодец – это образ, символизирующий источник жизненной силы, вокруг которого строится общение людей, рождается доверие, возникают связи, дружба»¹².

Выступление Си Цзиньпина на форуме «Один пояс – один путь» также было насыщено новыми высокоинтенсивными метафорами: из 99 метафор 30 были новыми, 24 – конвенциональными и 45 – метафорами средней интенсивности, что привело к среднему значению индекса интенсивности метафоры в 2,06.

В речи Президента США на Международном экономическом форуме в Давосе было выявлено 33 метафоры, из которых 10 было стертыми, 14 – метафор средней интенсивности и 9 – авторских метафоры. Значение индекса МП – 1,96.

Приведем примеры метафор из исследованных текстов:

1. Оно (будущее евразийского партнерства) должно изменить *политический и экономический ландшафт* континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое *качество жизни*. – В этом предложении мы видим две метафоры: *политический и экономический ландшафт* – это метафора была маркирована нами как метафора средней интенсивности, так как данный оборот еще нельзя отнести к разряду устоявшихся клише, однако он довольно часто встречается в публицистическом дискурсе. Словосочетание *качество жизни* также содержит внутри себя метафорический перенос, где жизнь переосмыляется через экономический

---

¹² Полный текст на: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491>

термин качество, однако *качество жизни*, безусловно, является клишированным и воспринимается большинством реципиентов как устоявшееся словосочетание.

2. 要着力**进反恐, 标本兼治**, 消除贫困落后和社会不公 (Необходимо прикладывать усилия в сфере *борьбы с терроризмом, устранять его симптомы и первопричины*, искореняя бедность, отсталость и социальную несправедливость). В этом предложении использована сильная авторская метафора БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ – ЛЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ. Автор использует сферу-источник из области медицины в виде устойчивого выражения *标本兼治 (одновременное лечение и причины, и симптомов)*¹³ для метафорического переосмысления антитеррористической деятельности. Данная метафора нечасто встречается в политическом дискурсе, она по сути отражает авторскую позицию по вопросу борьбы с терроризмом, поэтому однозначно соотносится с разрядом новых метафор.

3. No country should *be held hostage* to a single provider of energy (Ни одна страна не должна *оставаться в заложниках* ни у одного из поставщиков энергоресурсов). В данной фразе мы сталкиваемся с сильной авторской метафорой с военной сферой-источником, отношения потребителей и поставщиков энергоресурсов рассматриваются через концептуальные признаки лексемы «заложник». Фраза *be held hostage (держат в заложниках)* не часто соотносится с поставками энергии, такое употребление не встречалось в корпусах, поэтому мы можем определить эту метафору как новую и авторскую.

С точки зрения функций, которые играют метафоры в выявленных в текстах, мы наблюдаем большее значение индекса для текста на китайском языке (2,33). В своей речи Си Цзиньпин использовал 35 структурных, 62 онтологических и 2 ориентационные метафоры. В текстах выступлений В. В. Путина и Д. Трампа значительно меньше структурных метафор – 4 и 7

---

¹³ См. <https://baike.baidu.com/item/标本兼治/10703343?fr=aladdin>. Указано: «标本兼治 – это термин из китайской медицины, который указывает на лечение, когда одновременно снимаются симптомы болезни и ее первопричины»

соответственно, что отражается в значении MfTI для русского и английского текстов – 2 и 2,03 соответственно. Это говорит о том, что в своем выступлении Си Цзиньпин больше стремится к воздействию на аудиторию посредством переструктурирования постулируемых им в своем выступлений политико-экономических концептов. На наш взгляд, в данном случае большое количество структурных метафор в тексте выступления Си Цзиньпина на форуме «Один пояс – один путь» во многом связано с тем, что проект построения «Нового шелкового пути» является ключевой внешнеполитической стратегией Председателя КНР, и, презентуя его на внешнеполитической арене, лидер Китая определенно стремился к формированию определенного мнения о нем. Например, в тексте реализована развернутая метафорическая проекция китайской внешнеполитической инициативы как крыльев, при этом данная метафора основана на сравнении народов и стран, которые принимают в этом участие с «птицами, летящими в стае». Так, сначала автор текста использует метафору СТРАНЫ – это ПТИЦЫ: «大雁之所以能够穿越风雨、行稳致远，关键在于其结伴成行，相互借力» (Дикие гуси, только потому могут преодолеть ветер и дождь, и двигаться вперед, потому что летят крылом к крылу, используя силу друг друга). Далее по тексту следует прямая структурная метафора «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ – это крылья у птицы»: «很多人形象地比喻说，“一带一路”就像一对腾飞的翅膀» (Многие люди говорят, что «Один пояс - один путь» подобен паре крыльев).

В то же время тексты выступлений лидеров России и КНР не отличались именно такими потенциальными интенциональными характеристиками.

Кроме того, на основании значения индекса MfTI для текста на русском языке мы можем подтвердить высказанное выше предположение об аномальности высокого значения индекса MII для этого текста. Малое количество структурных метафор свидетельствует о скорее риторической, эстетической роли использованных метафор, чем об их воздействующем потенциале.

Приведем примеры метафор разного типа из исследованных текстов:

1. *发展是解决一切问题的总钥匙* (*Развитие* — (основной, этажный) *ключ* к решению всех проблем). Здесь мы сталкиваемся со структурной метафорой, когда абстрактное понятие «развитие» переосмысливается через концепт «ключ», причем «главный, основной ключ» (иногда называют ключ от этажа), то есть ключ, которым можно открыть не одно помещение, а целый комплекс комнат. В данном случае метафорический перенос РАЗВИТИЕ – это КЛЮЧ служит переосмыслению сути процесса развития, замены его внутренней концептуальной структуры.

2. *和平赤字、发展赤字、治理赤字，是摆在全人类面前的严峻挑战* (*Дефицит мира, развития и управления* представляет собой серьёзный вызов для человечества). В этом примере мы сталкиваемся с онтологической метафорой, в основе которого лежит использование финансового термина *赤字* (*дефицит*), который обычно используется исключительно в контексте финансового дефицита. Стоит отметить, что частотность использования данного слова в китайском языке в значении «нехватка» довольно низкая, поэтому для китайского языка данная метафора будет иметь среднюю степень интенсивности. Данный метафорический перенос объясняет абстрактные понятия «мира и развития» через концептуальную область сферы-источника «дефицит», что во многом служит целям переосмысления этих понятий как чего-то «конечного», «того, что может кончиться», поэтому данный метафорический перенос является онтологическим.

3. Бедность, социальная неустроенность, колоссальный разрыв в уровне развития стран и регионов *порождают питательную среду для международного терроризма, экстремизма, незаконной миграции*. В этом примере из текста выступления В. В. Путина мы имеем дело с классической онтологической метафорой, где «терроризм, экстремизм» осмысляются через понятия органической природы, того, для чего нужна «питательная среда» (что-то подобное грибку, плесени). В данном случае мы сталкиваемся с непрямой

метафорой, которая идентифицирует явление терроризма, придавая ему оценочные характеристики автора текста.

4. *Nation's greatness is the sum of its citizens, the values, pride, love, devotion and character of the people who call that nation home* (Величие нации – это сумма граждан, их ценностей, гордости, любви, преданности и характера, тех людей, кто считает нацию своим домом). В данном отрывке мы сталкиваемся с двумя структурными метафорами, в первом случае нация формулируется как сумма слагаемых элементов. Использование математического термина сумма предполагает переосмысление понятия «нации» как определенного результата сложения всех элементов, каждый из которых равнозначно важен. Вторая метафора НАЦИЯ/НАРОД – это ДОМ является классическим концептуальным переносом, крайне характерным для западного политического дискурса.

Значение индекса MStI(ex) для всех текстов (речь В. В. Путина – 1,5; речь Си Цзиньпина – 1,62; речь Д. Трампа – 1,33) в данном случае показывает, что большая часть метафор сконцентрирована в основной части выступлений глав государств. Полагаем, что стандартное понимание интерпретации значений данного индекса, описанное в Главе 2, под которым понимается, что значение индекса близкое к 1 говорит о низкой персуазивности, также не применимо к данным текстам в силу большого композиционного дисбаланса между внешними элементами композиции текста (введения, заключения и основной частью). В текстах публичных выступлений основная часть высказывания обычно намного больше по объему, и именно это определяет большую концентрацию метафор в этой части. Кроме того, зачастую в текстах публичных выступлений в основной части также содержится значительное количество языковых единиц, связанных с речевым воздействием, иными словами с воздействующей точки зрения тексты публичных выступлений сильно отличаются от стандартных текстов эссе-рассуждений, где во введении приводится предмет высказывания, в основной части приводятся ее доказательства, а в заключении делается вывод о предмете высказывания.

В этой связи значения индекса метафоричности структуры текста (внешней) для текстов публичных выступлений не являются релевантным показателем речевого воздействия.

Это свойство текстов публичных выступлений намного лучше отражает индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста, который связан с внутренней тема-рематической иерархией текста. Значение индекса MStI(in) для выступления Президента России составило 1,9 (11 тематических метафор и 9 рематических), для выступления Председателя КНР – 1,64 (67 тематических и 32 рематических метафоры), и для выступления Президента США – 2,09 (15 тематических и 18 рематических метафор).

В случае с выступлениями политических лидеров на форуме мы снова можем выявить зависимость между значением индекса функциональной типологии метафоры и индексом взаимосвязи метафоричности и внутренней иерархии текста. Например, для текста выступления Си Цзиньпина, который был наиболее насыщен структурными метафорами, мы наблюдаем большую концентрацию метафор в теме высказывания. На наш взгляд, данный факт также объясняется экстралингвистическими факторами, прежде всего тем, что речь Председателя КНР была посвящена основной внешнеполитической программе Китая, реализуемой в период правления Си Цзиньпина, можно сказать, что эта программа напрямую ассоциируется с именем Председателя КНР. При этом сама инициатива, будучи впервые озвученной в 2013 году, получила финальное оформление в 2016 году, и форум, на котором была произнесена анализируемая речь, являлся крайне важным для утверждения содержательной стороны инициативы «Один пояс – один путь» на международной арене. В этой связи наличие значительного количества структурных метафор и их концентрация вокруг гипертемы кажется оправданной и свидетельствует о том, что автор текста своим выступлением как раз стремится утвердить содержание вновь постулируемых общественно-политических концептов.

Анализ индексов метафоричности текстов публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР показывает нам, что метафоричность текста выступления на китайском языке в среднем выше с точки зрения количества метафор на объем текста, с точки зрения функций, которые метафоры выполняют в текстах, речь Председателя КНР является больше ориентированной на создание новых концептов, что также подтверждается распределением метафор по внутренней тема-рематической иерархии текста. Все это говорит о том, что Си Цзиньпин в своем выступлении использует больше метафор, и они нацелены больше на реструктуризацию общественно-политических концептов, чем на их идентификацию, то есть автор текста больше стремится сформировать новое мнение относительно предмета высказывания.

Кроме того, нами было выявлено аномальное значение индекса интенсивности метафор в тексте выступления Президента России. Соотношение значения МП со значениями других индексов привело нас к выводу, что высокий уровень новизны и интенсивности метафор в тексте речи В. В. Путина играет риторическую, а не воздействующую роль, с точки зрения функций большинство метафор носит онтологический характер, а их распределение свидетельствует о доминировании рематических метафор.

3.2.3 Результаты анализа метафоричности политических текстов типа «новогоднее обращение»

Третьей группой текстов политического дискурса, которые были нами проанализированы на предмет выявления метафоричности посредством подсчета индексов метафоричности явились новогодние поздравительные обращения политических лидеров России, Китая и Великобритании за 2016, 2017 и 2018 года. Эти тексты идентичны по прагматическим и временным характеристикам, они имеют одну общую коммуникативную цель – коротко подвести итоги уходящего года и поздравить граждан с наступающим годом. Традиция новогодних обращений лидеров стран популярна во всех

государствах и анализ их метафоричности позволяет выявлять характерные черты употребления метафор как в речи отдельных политических деятелей, так и особенности метафоричности дискурса в целом.

Результаты подсчета индексов метафоричности представлены в Таблице 27.

Таблица 27 – Результаты анализа метафоричности текстов типа «новогодние обращения» для русского, английского и китайского политических дискурсов

Текст	Объем	MDI	MI	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Новогоднее обращение к гражданам России (2016 год)	285	2,8	1,5	2,25	1,5	2
Новогоднее обращение к гражданам России (2017 год)	313	2,23	1,2	2,28	1,57	2,14
Новогоднее обращение к гражданам России (2018 год)	351	2,84	1,8	1,9	1,7	2
Новогоднее обращение Председателя КНР (2016 год)	764	3,4	1,88	2,07	1,61	2,07
Новогоднее обращение Председателя КНР (2017 год)	974	3,28	1,75	1,68	1,75	2,12
Новогоднее обращение Председателя КНР (2018 год)	1057	3,68	2,07	2,25	1,79	2,07
Рождественское обращение Королевы Великобритании Елизаветы II (2016 год)	606	2,14	1,61	1,92	1,77	2,38
Рождественское обращение Королевы Великобритании Елизаветы II (2017 год)	751	2,26	1,588	2,00	1,65	2,11
Рождественское обращение Королевы Великобритании Елизаветы II (2018 год)	566	1,94	1,45	2,18	1,72	2,45

Как мы видим, общий совокупный объем текстов данного типа не очень велик, поэтому мы объединили три текста на одном языке, соединив показатели метафоричности, выраженные в индексах. Стоит отметить, что совокупные результаты являются не средним арифметическим трех значений, а отдельно высчитанным значением для каждого индекса на основании всех внутритекстовых показателей: количество слов, количество метафор и их распределение по интенсивности, выполняемым функциям и позиции в тексте.

Таблица 28 – Обобщенные результаты анализа метафоричности текстов типа «новогодние обращения» для русского, английского и китайского политических дискурсов

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Русский язык	949	2,63	1,56	2,12	1,6	2,04
Китайский язык	2795	3,47	1,91	2,02	1,73	2,09
Английский язык	1923	2,13	1,56	2,02	1,7	2,29

Как мы видим в Таблице 26, плотность метафор в текстах новогодних поздравлений, как и в других текстах политического дискурса, на китайском языке выше, чем на русском или английском. В трех новогодних обращениях Си Цзиньпина встретилось 97 метафор на 2795 слов, тогда как поздравительных речах В. В. Путина было выявлено всего 25 метафорических оборотов при объеме текста в 949 слов, а в новогодних обращениях Королевы Елизаветы II – 41 метафора на 1923 слова.

По интенсивности использованных метафор наиболее значительный показатель индекса МП также был выявлен для текстов на китайском языке – 1,91, что отражает наличие в поздравлениях Си Цзиньпина 34 слабых (конвенциональных), 37 средне- и 26 высокоинтенсивных метафор. Тексты новогодних поздравлений на русском и английском языках при разном распределении конвенциональных и авторских метафор получили одинаковое значение индекса МП (1,56). Стоит отметить, что значения индексов всех текстов ниже среднего показателя 2, из чего следует, что авторы использовали много конвенциональных метафор, которые отражают устоявшиеся в лингвокультуре концептуальные метафорические переносы. Использование большого количества ярких авторских метафор, вероятно, не очень уместно в официальной поздравительной речи, которая должна быть эмоциональной и

красочной, но прежде всего понятной и доступной для каждого реципиента сообщения.

Здесь отдельно стоит отметить, что значение индекса интенсивности метафор для текстов выступлений перед народом и выступления на форуме для английского языка было стабильно выше (1,72, 1,78 и 1,96). Мы полагаем, что в данном случае эта разница свидетельствует о персональных особенностях речи оратора, риторичности и метафоричности как личностной речевой характеристики. Публичные выступления, исследованные в нашей работе, были продуктом речевой деятельности Д. Трампа, а тексты новогодних поздравлений – Королевы Великобритании Елизаветы II.

Приведем примеры метафор разной степени интенсивности из исследованных текстов:

1. Сейчас мы с волнением ждём *боя курантов* Московского Кремля и как никогда отчётливо слышим *ход времени*, чувствуем, как *приближается будущее*. В этом примере из речи выступления В. В. Путина мы встречаемся сразу с тремя метафорами: *бой курантов*, *ход времени*, *будущее приближается*. Все три словосочетания относятся к разряду стертых конвенциональных метафор, являются устоявшимися клише, поэтому не имеют значимости в плане речевого воздействия.

2. а их сердца *согреты чуткостью и вниманием* и понимаем, что вот оно, новогоднее волшебство, и создаёт его наша душевная щедрость. Метафорические обороты, связанные с переосмыслением межличностных отношений между людьми через концепт ТЕПЛО, также довольно широко распространены в русской лингвокультуре. Однако словосочетание «*быть согретым чуткостью и быть согретым вниманием*» не входит в словарные базы как, например, «*быть согретым любовью*», поэтому в данном предложении метафора была соотнесена со средней интенсивностью.

3. I think of London and Manchester, whose powerful *identities shone through over the past twelve months in the face of appalling attacks*. (Я думаю о Лондоне и Манчестере, которые мужественно проявили себя перед лицом

ужасающих атак в последние 12 месяцев) – Это предложение также довольно насыщено метафорами. Во-первых, мы сталкиваемся с олицетворением городов (ЛОНДОН и МАНЧЕСТЕР – это личности), что является метафорой среднего уровня интенсивности. Далее «проявление стойкости и мужества» этих городов концептуализируется в терминах «свет, сияние». Выражение «*shine through*» (сиять сквозь, быть очевидным) является словарным, однако применительно к характеристикам городов также может быть маркировано как метафора среднего уровня интенсивности. Выражение «*in the face of*» (перед лицом) – это стандартная метафорическая проекция ОПАСНОСТЬ ВПЕРЕДИ, является клишированным, частотным оборотом языка, поэтому это конвенциональная метафора.

4. On our own, we cannot end wars or *wipe out injustice*, but the *cumulative impact* of thousands of small acts of goodness can be bigger than we imagine (С нашей стороны мы не можем закончить все войны или *избавиться (стереть) от несправедливости*, но накопительный кумулятивный эффект маленьких актов добра может быть больше, чем мы можем себе представить). Выражение «*Wipe out injustice*» «стереть несправедливость» базируется на фразовом глаголе *wipe out* (смести, стереть, избавиться), что переносит несправедливость в концептуальную область «мусор» (то, что можно и нужно подмести). Данная метафора является метафорой среднего уровня интенсивности. Словосочетание «кумулятивный эффект» является устойчивым словосочетанием, которое закреплено в словарях английского языка. Будучи употреблённым в стандартной речевой ситуации, данное словосочетание приобретает метафорический потенциал и может быть соотнесено с метафорой слабого уровня интенсивности.

5. 深圳前海生机勃勃, 上海张江活力四射 (Индустриальная зона Цяньхай в Шэньчжэне очень динамична, а Чжанцзян в Шанхае излучает вокруг себя жизненную силу) В данном примере мы видим переосмысление развития индустриальных зон Китая через термины «расцвета и жизненной силы», происходит своего рода олицетворение промышленных зон. При этом

устойчивое выражение 生机勃勃 (активный, динамичный, живой = 生机 жизнеспособный, 勃勃 процветающий) уже относится к конвенционализированным, поэтому метафора с этим словосочетанием относится к разряду стертых, со слабой интенсивностью. Устойчивое выражение 活力四射 (излучать вокруг себя жизненную силу) является часто употребительным клише, однако его использование относительно объекта Чжанцзян (зона индустриального развития) нельзя назвать частотным, обычно этот ченьюй используется применительно к описанию качеств человека (他是一个活力四射的人 – Он прямо-таки излучает жизненную силу), поэтому данный метафорический оборот соотносится нами с метафорой среднего уровня интенсивности.

6. 岁月不居，时节如流 (Время неумолимо движется вперед, оно подобно потоку реки). Здесь мы сталкиваемся с прямой метафорой ВРЕМЯ – это ПОТОК ВОДЫ. Такое метафорическое осмысление времени является довольно характерным для китайской культуры, однако именно этот оборот 时节如流 (время подобно реке) не зафиксирован в словарях, но встречается в корпусах текстов, поэтому он соотнесен с метафорой среднего уровня интенсивности.

С точки зрения значения индекса функциональной типологии метафоры исследованные тексты новогодних поздравлений политических лидеров России, Англии и Китая находятся примерно на одном уровне. Значения MfTI (русский – 2,12, английский и китайский – по 2,02) свидетельствует о том, что использованные метафоры несли в себе определенное воздействие, но не были направлены на изменение общественного мнения или формирование новой точки зрения у народа относительно той или иной проблемы. Кроме того, использованные структурные метафоры исходя из содержания текстов использовались больше для риторического украшения речи, в текстах новогодних обращений метафоры скорее подчеркивали, идентифицировали существующие концепты. Это вполне соотносится с прагматическими характеристиками исследованных текстов.

Стоит отметить, что авторы новогодних обращений использовали структурные метафоры довольно активно, но количество онтологических и ориентационных все же было больше. Так, например, в 3 текстах новогодних обращений В. В. Путина было использовано 12 онтологических и 8 структурных метафор, а в обращениях Королевы Великобритании 24 онтологических и 8 структурных метафор.

Приведем примеры метафор разного типа из новогодних обращений политических лидеров:

1. *Трудности, с которыми мы столкнулись*, сплотили нас, побудили открыть огромные *резервы наших возможностей* для движения вперед. В данном предложении две метафоры: *Трудности, с которыми мы столкнулись* – это конвенциональная ориентационная метафоры ТРУДНОСТЬ – ВПЕРЕДИ; *резервы наших возможностей* – это онтологическая метафора КОНТЕЙНЕРА, отражающая концептуальную модель, что потенциальные способности человека могут «содержаться внутри чего-то».

2. Ведь чужой беды действительно не бывает, а *милосердие* всегда *откликается* добром, *дарит* радость соучастия. В этом примере мы видим олицетворение человеческих качеств (милосердие), перенос на качество свойств самого человека (способность дарить и откликаться). Олицетворение – это стандартный пример онтологической метафоры.

3. Many of this year's winners spoke of being inspired by athletes of previous generations. Inspiration fed their aspiration. (Многие из тех, кто преуспел в этом году, говорили о том, что вдохновлены спортсменами предыдущих поколений. *Вдохновение питало* их стремление). В этом примере мы также видим онтологический перенос, основанный на олицетворении. Источник вдохновения переосмысливается через лексическую единицу feed (кормить).

4. We expect our homes to be a place of safety—'sanctuary' even. (Наши дома представляются нам безопасным местом, я бы даже назвала *дом святыней*) – В этом примере прямая метафора ДОМ – это СВЯТЫНЯ является структурной, так как концепт дома, семьи наделяется сакральными свойствами

священного места, соотносится со святыней, тем самым автор стремится поменять отношение к содержанию этого концепта, структурировать представление о доме как о чем-то священном.

5. 人民是共和国的坚实基础, 人民是我们执政的最大底气 (Народ является прочным фундаментом республики и величайшей силой (дыханием) для правительства). В этом предложении использовано две структурные метафоры НАРОД – это ФУНДАМЕНТ (твердыня), НАРОД – это ГЛАВНАЯ СИЛА. Первый концептуальный перенос, то есть рассмотрение метафоры как «фундамента, основы, корня» для чего-то, крайне популярен в китайском политическом дискурсе, тем не менее, судя по форме речевой реализации этот концептуальный перенос все равно является структурной метафорой. Лексема 底气 (сила дыхания, дыхалка)¹⁴ нечасто используется для концептуализации роли народа в политической жизни страны, здесь мы видим структурный перенос свойств дыхательного аппарата человека (силы, требуемой для дыхания при пении) на общественно-политический концепт НАРОД.

6. 我们要以庆祝改革开放 40 周年为契机, 逢山开路, 遇水架桥, 将改革进行到底 (Празднование 40-летия политики реформ и открытости должно стать поворотным пунктом, мы проложим дорогу, даже встречая на пути горы, а при встрече с водой – построим мосты, доведём реформы до конца). Здесь мы сталкиваемся с яркой авторской онтологической метафорой, которая основана сочетании двух фразеологизмов 逢山开路 (прокладывать себе дорогу, даже встречая на своём пути горы; обр. в знач.: употреблять все усилия, не пасовать перед препятствиями) и 遇水架桥 (встречая воду строить мосты; обр. в знач.: преодолевать препятствия своим трудом). При этом как указывают китайские источники соединение двух этих классических фраз было впервые

---

¹⁴ См. <http://xh.5156edu.com/html5/191380.html> 1. Усилие, которое возникает в брюшной полости при пении или говорении.

использовано в речи Си Цзиньпина, после чего данная фраза стала активно использоваться в китайском политическом дискурсе¹⁵.

Индексы структурной метафоричности для текстов новогодних обращений политических лидеров России, Китая и Великобритании показывают разнонаправленную динамику. Индекс метафоричности внешней структуры текста более значителен для китайских текстов (1,73), всего в новогодних обращениях Си Цзиньпина встретилась 21 метафора во введении, 25 метафор в заключении и 51 метафора в основной части.

Стоит отметить, что выявление композиционной структуры текстов новогодних поздравлений было довольно трудоемкой работой в силу специфического характера исследованных текстов. В подобных выступлениях трудно выявить введение и заключение, вычленение этих частей композиции в каждом конкретном случае является предметом для дискуссии. В этой связи для текстов новогодних обращений учет этого индекса также является нерелевантным.

В случае с индексом метафоричности внутренней структуры текста, который ориентирован на тема-рематическую иерархию текстов, наибольшее значение было выявлено для текстов на английском языке (2,29). В новогодних обращениях Королевы Великобритании было найдено 13 метафор в блоках текста, соотносимых с темой, и 27 метафор в блоках текста, соотносимых с ремой.

Анализ индексов метафоричности текстов новогодних обращений политических лидеров России, Великобритании и КНР показывает нам, что метафоричность текстов на китайском языке в среднем выше с точки зрения количества метафор на объем текста и интенсивности использованных метафор. При этом с точки зрения функций, которые метафоры выполняют в текстах, с точки зрения распределения метафор по внутренней тема-рематической иерархии текста тексты новогодних обращений находятся

---

¹⁵ См. <https://baike.baidu.com/item/逢山开路，遇水架桥/22308722?fr=aladdin>

примерно на одном уровне, что говорит о том, что характеристики этих текстов, связанные с речевым воздействием, практически идентичны.

Кроме того, при учете результатов данного анализа следует принимать во внимание небольшой объем самих текстов, что с точки зрения законов статистики делает удельный вес каждого отдельного употребления метафоры более значимым для итогового значения индекса. В этой связи разница в значениях индексов, которая могла бы быть значимой для большого объема текстов, в данном случае не имеет принципиального значения.

3.2.4 Результаты анализа метафоричности политического дискурса на материалах русского, английского и китайского языков

В рамках проверки валидности метода анализа метафоричности дискурса посредством расчета индексов метафоричности нами было проведен анализ функционального потенциала метафор в политическом дискурсе на материале 18 текстов на русском, китайском и английском языках общим объемом 45920 слов. Тексты были разделены на три типа согласно самым общим экстралингвистическим факторам: обращения к нации, выступления на международных форумах и новогодние поздравления. На наш взгляд, подобное разнообразие условий функционирования текстов в рамках политического дискурса позволяет более полно рассмотреть применимость разработанного метода определения уровня метафоричности и, как следствие, уровня потенциального речевого воздействия текстов. Кроме того, сравнительный анализ полученных числовых данных в совокупности с пониманием условий порождения данных текстов и экстралингвистических факторов позволяет нам сделать некоторые выводы относительно использования самих индексов и интерпретации полученных числовых значений.

Прежде всего необходимо сопоставить результаты для всех трех текстов по группам.

Таблица 29 – Результаты анализа метафоричности текстов политического дискурса русского, английского и китайского языков

Текст	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Обращения к нации (русский)	1,02	1,17	2,06	1,21	2,23
Обращения к нации (китайский)	4,88	1,64	2,38	1,32	1,99
Обращения к нации (английский)	1,88	1,74	2,09	1,42	2,1
Выступление на форуме (русский)	1,61	2,25	2	1,5	1,9
Выступление на форуме (китайский)	2,65	2,06	2,33	1,62	1,64
Выступление на форуме (английский)	1,65	1,96	2,03	1,33	2,09
Новогодние поздравления (русский)	2,63	1,56	2,12	1,6	2,04
Новогодние поздравления (китайский)	3,47	1,91	2,02	1,73	2,09
Новогодние поздравления (английский)	2,13	1,56	2,02	1,7	2,29

Как мы видим в Таблице 29 для всех трех типов текстов политического дискурса характерно значительное доминирование плотности метафор в китайском языке. Это говорит, что вне зависимости от типа текста политический дискурс китайского языка более насыщен метафорами, что можно признать одной из типологических особенностей китайского политического дискурса и, возможно, вербальной формы китайской политической культуры.

Показатели средней интенсивности метафоры (МП) говорят, что какой-либо значимой закономерности в использовании преимущественно конвенциональных или преимущественно авторских метафор нет. Тексты разных типов на разных языках по-разному проявляют интенсивность метафор: обращения к нации – английский, публичные выступления на форуме – русский, новогодние обращения – китайский. При этом, анализируя экстралингвистические факторы порождения исследованных текстов, мы пришли к выводу, что они могут быть связаны с интенсивностью. Например, высокий показатель интенсивности речи В. В. Путина на форуме «Один пояс – один путь» может быть обусловлен выступлением Президента на китайской

площадке и стремлением автора оказать воздействие яркой риторикой на китайскую аудиторию, что подтверждается содержательной стороной речи, в которой много отсылок к китайской культуре. А разница в интенсивности текстов на английском языке, которая проявляется в том, что выступления Президента США более метафоричны, чем публичные речи Королевы Великобритании, может объясняться индивидуальными особенностями авторов текстов.

Также мы видим преобладание значения индекса функциональной типологии (MfTI) для китайского языка над дискурсами других лингвокультур для двух из трех типов текстов. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что использование структурных метафор весьма характерно для китайского политического дискурса, однако их употребление все же согласовывается с жанровыми и целевыми установками порождения речевого высказывания. Поэтому в текстах выступления перед ВСНП и на экономическом форуме «Один пояс – один путь» Председатель КНР больше опирался на структурные метафоры, чем в новогодних поздравлениях. Данный факт также объясняется экстралингвистическими факторами: мы полагаем, что в речи на форуме Си Цзиньпин стремился утвердить новую политику, сформировать ее концептуальное содержание, а именно структурные метафоры служат цели формирования и изменения содержания общественно-политических концептов.

Зависимость метафоричности от внешней структуры текста, то есть значение индекса MStI(ex), была признана нами не значимой из-за структурных особенностей текстов, в которых больший объем занимала основная часть, а доля вступительной части и заключения была крайне мала.

В этой связи большую значимость приобретает MStI(in), то есть индекс, отражающий распределение метафор по элементам внутренней тематической иерархии. В текстах обращений к нации и в тексте выступления на форуме политический лидер Китая употреблял больше метафор относительно темы текста: 218 тематических и 189 рематических метафор. При этом доминирование метафор в теме высказывания характерно для публичных

выступлений перед ВСНП и на форуме, что говорит об имплицитной интенции установить новые содержательные основы китайской внешней и внутренней политики. Для текстов на русском и английском языках такой зависимости не выявлено.

Нам представляется важным также рассмотреть средние показатели для всех текстов политического дискурса на разных языках.

Таблица 30 – Результаты анализа метафоричности политического дискурса русского, английского и китайского языков

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Русский язык	19556	1,13	1,31	2,05	1,27	2,18
Китайский язык	10813	3,74	1,81	2,22	1,49	1,93
Английский язык	15541	1,87	1,74	2,07	1,44	2,12

Как мы видим, в среднем значения индексов метафоричности для китайского политического дискурса выше, чем для русского и английского. При этом превышение индекса плотности метафор весьма значительное, больше чем в два раза. Разница в других индексах не так ярко выражена, однако превышение в значении индекса структурной типологии на 0,2 также очень весомо.

Выводы:

В результате анализа метафоричности политического дискурса на русском, китайском и английском языках, мы можем сделать следующие выводы:

1. Высокая плотность метафор в политических текстах – характерная черта китайскоязычного дискурса.

Анализ показал, что плотность метафор в русскоязычном и английском политическом дискурсе меняется от текста к тексту, но остается на среднем уровне примерно в 1,5 метафоры на 100 слов. Тексты на китайском вне зависимости от прагматических и экстралингвистических характеристик, а также от типа текста неизменно выше, чем на других языках в 2–3 раза.

2. Значительное количество структурных метафор – характерная черта китайского политического дискурса.

Данные свидетельствуют, что показатель индекса MfTI для китайского языка выше, чем для русского и английского примерно на 0,2 пункта. В процентном соотношении количество структурных метафор среди всех метафор в китайском политическом занимает 58,06%, в английском – 27,6%, в русском – 17,4%. Как мы указывали в Главе 2 именно структурные метафоры больше связаны с потенциальным речевым воздействием за счет того, что они нацелены на трансформацию представлений о сфере-цели через концептуальную область сферы-источника.

3. Интенсивность метафоры больше связана с прагматическими и экстралингвистическими характеристиками текста, чем с лингвокультурными.

Показатели индекса интенсивности метафор разные для разных типов текстов. Например, для английского языка тексты выступлений Д. Трампа были более насыщены яркими авторскими метафорами, чем новогодняя речь Королевы Елизаветы II, а для китайского языка выступление Си Цзиньпина на съезде ВСНП было менее насыщено авторскими метафорами, чем новогоднее поздравление и речь на форуме, что можно объяснить формализованным характером речи перед ВСНП.

4. Использование индекса взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста для анализа политического дискурса, в частности, для анализа публичных выступлений политиков, нерелевантно.

Структура текстов публичных выступлений, в особенности больших по объему программных речей политиков, предполагает большой дисбаланс в композиции, где доминирующей является основная часть, а введение и заключение в сравнении с ней малы по объему. В этой связи числовые показатели для этого индекса близки к минимальным, а разница для разных текстов не отражает потенциального уровня речевого воздействия.

5. Индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста MStI(in) больше отражает прагматические и экстралингвистические характеристики текста и мало связан с лингвокультурными особенностями.

В целом применение индексов метафоричности для анализа текстов политического дискурса продемонстрировало свою валидность. Их использование может и должно быть распространено на большее количество текстов для уточнения и детализации сделанных выводов.

3.3 Результаты анализа метафоричности текстов официально-документального дискурса

Для исследования метафоричности военно-политического и дипломатического дискурсов русского, китайского и английского языков нами было проанализировано 9 текстов официальных документов на русском, китайском и английском языках общим объемом 35984 слов.

Таблица 31 – Тексты официально-делового стиля

Текст	Язык	Дата	Объем в словах
1. Военная доктрина Российской Федерации	русский	25 декабря 2014 года	5847
2. 《新时代的中国国防》白皮书 (Белая книга «Оборона Китая в новую эпоху»)	китайский	24 июля 2019 года	11513
3. Summary of the National Defense Strategy of the United states of America (Краткое изложение Стратегии национальной обороны США)	английский	18 ноября 2020 года	5537
4. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций	русский	8 сентября 2000 года	2941
5. 联合国千年宣告 (Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций)	китайский	8 сентября 2000 года	3099
6. Unites Nations Millennium Declaration (Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций)	английский	8 сентября 2000 года	3230
7. Всеобщая декларация о построении мира, свободного от ядерного оружия	русский	7 декабря 2015 года	1185
8. 世界建立一个无核武器世界宣言 (Всеобщая декларация о построении мира, свободного от ядерного оружия)	китайский	7 декабря 2015 года	1219

9. Universal Declaration on the Achievement of a Nuclear-Weapon-Free World (Всеобщая декларация о построении мира, свободного от ядерного оружия)	английский	7 декабря 2015 года	1313
---	------------	---------------------	------

Как мы видим по текстам официально-документального дискурса, которые были отобраны нами для анализа метафоричности, их можно разделить на два основных типа: военные доктрины и официальные документы ООН. На наш взгляд, подобное объединение текстов для сравнения метафоричности для типологически разных языков в полной мере соответствует критерию схожести прагматических характеристик исследованных текстов.

Более того, тексты деклараций и резолюций Организации Объединенных Наций публикуются на 5 рабочих языках ООН, то есть содержание каждого документа на разных языках абсолютно идентично.

Так, при анализе метафоричности текстов официальных документов ООН мы имеем возможность сравнить метафоричность одинаковых по содержанию текстов, тем самым воздействие экстралингвистических и прагматических факторов сведено к нулю. Полученные результаты по использованию метафор в разных языках будут отражать только свойства языка, связанные с функциональным потенциалом метафор.

Исходя из этого, мы приведем результаты анализа метафоричности последовательно для каждой из вышеперечисленных групп текстов официальных документов, а далее обобщим результаты по языкам и сравним их.

3.3.1 Результаты анализа метафоричности текстов военных доктрин

Сначала рассмотрим результаты анализа метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках. Для анализа мы использовали последние опубликованные военные документы доктринального характера – Военная доктрина РФ (25 декабря 2014 года), 《新时代的中国国防》白皮书 (Белая книга «Оборона Китая в новую эпоху») (24 июля 2019 года), Summary of the National Defense Strategy of the United states of America (Краткое

изложение Стратегии национальной обороны США) (18 ноября 2020 года). На наш взгляд, прагматические и интенциональные характеристики вышеуказанных текстов сходны, поэтому анализ их метафоричности позволит судить об отличиях в метафоричности текстов официально-документального дискурса военно-политической тематики.

Таблица 32 – Результаты анализа метафоричности текстов военно-документального дискурса русского, английского и китайского языков

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)
Военная доктрина Российской Федерации	5847	0,71	1,07	1,88	1,04
《新时代的中国国防》白皮书 (Белая книга «Оборона Китая в новую эпоху»)	11513	1,33	1,2	2,01	1,13
Summary of the National Defense Strategy of the United States of America (Краткое изложение Стратегии национальной обороны США)	5537	1,24	1,11	1,98	1,34

Как мы видим в Таблице 32, в текстах военных доктрин показатель плотности метафор для китайского языка несколько выше, чем для английского, и значительно выше, чем для русского. В тексте Белой книги по обороне Китая мы выделили 154 метафорических оборота, а значение индекса MDI составило 1,33. В тексте Краткого изложения Стратегии национальной обороны США было выявлено 69 метафор на 5537 слов, значение индекса плотности метафор – 1,24. Текст военной доктрины на русском языке наименее насыщен метафорами, на 5847 слов было выявлено 42 метафорических оборотов, что отражено в самом низком значении индекса плотности метафор – 0,71.

По интенсивности использованных метафор наиболее значительный показатель индекса МП был выявлен для текстов на китайском языке – 1,2, что отражает наличие в тексте Белой книги по обороне КНР 127 слабых (конвенциональных), 23 метафор средней интенсивности и 4 сильных метафор. Метафоры в Стратегии национальной обороны США также были преимущественно слабоинтенсивными: из 69 метафор мы выделили только 4 метафоры средней интенсивности и 2 метафоры сильной интенсивности. Текст

Военной доктрины РФ получил показатель МП 1,07, что близко к минимальному значению 1. Это свидетельствует о том, что почти все метафоры (39 из 42) являются метафорами слабой интенсивности, то есть конвенциональными.

Приведем примеры метафор разной степени интенсивности из исследованных текстов:

1. Реализация концепции "*глобального удара*", намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия. – Это один из трех примеров метафоры средней интенсивности в тексте Военной доктрины РФ. В данном случае слово удар метафорически описывает потенциальную возможность применения ядерного оружия в любой точке земного шара. Название концепции выделено авторами документа в кавычки, что также подчеркивает данное словосочетание. На наш взгляд, слово «удар», которое само по себе является стертой метафорой «атаки с применением оружия (чаще артиллерийского)», в данном контексте приобретает среднюю степень интенсивности за счет определения «глобальный».

2. Деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на *подрыв суверенитета*, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации. – Словосочетание «подрыв суверенитета» переосмысливает деятельность, направленную на дестабилизацию внутренней обстановки в стране через значение военного термина «подрыв». При этом данное словосочетание относится к клишированным оборотам, зафиксировано в словарях сочетаемости¹⁶ и поэтому является конвенциональной метафорой.

3. 当今中国，正处于全面建成小康社会、开启全面建设社会主义现代化国家新征程的关键阶段（Современный Китай как раз находится на ключевом этапе всестороннего *строительства общества среднего достатка*

---

¹⁶ <https://kartaslov.ru/сочетаемость-слова/подрыв>

и открытия нового пути социалистической модернизации и строительства). В этом предложении мы можем выделить сразу три метафоры, две из которых – «строительство общества среднего достатка» и «социалистическое строительство», переосмысливая лексику «строительство», являются частотными публицистическими клише и поэтому являются конвенциональными метафорами. Метафорический оборот 开启新征程 (досл. «открытие нового маршрута»), соотносимый с государственными преобразованиями, является на наш взгляд метафорой средней интенсивности.

4. 亚太地区成为大国博弈的焦点，给地区安全带来不确定性 (АТР становится центральным местом для «игры в шашки» (геополитических авантур), что приносит нестабильность в данный регион). – В данном примере Азиатско-Тихоокеанский регион напрямую сравнивается с «игрой», точнее с местом проведения «геополитических игр». Подобное метафорическое сравнение не зафиксировано в словарях, проверка его употребления в других контекстах посредством поисковика Baidu также показала, что оно не используется в других текстах, кроме этого. На этом основании мы можем определить данную метафору как метафору с высоким уровнем интенсивности.

5. Using historical analysis of the employment of the military instrument of national power in operations and contemporary lessons, these fundamental principles... (Используя исторический анализ применения *военных средств(инструментов) национальной мощи* в разных операциях и принимая во внимание *современные уроки*, эти фундаментальные принципы ...). – В данном примере мы выделили две конвенциональных метафоры *military instrument* (военные инструменты) и *contemporary lessons* (современные уроки), которые относятся к клишированным оборотам. Использование лексики «инструмент» для передачи значения «средство достижения какой-либо цели» зафиксировано в словаре, поэтому интенсивность слабая, а «современные уроки» в значении «выводы, которые можно сделать из современной обстановки» также нельзя назвать новой метафорой, потому что существует сильная аналогия с устоявшимся клишированным оборотом «уроки истории».

6. These variables often combine to cause “the fog of war.” (Эти переменные часто сочетаются друг с другом, вызывая «туман войны»). Здесь в тексте Стратегии по национальной обороне США использовано образное метафорическое выражение Карла фон Клаузевица «туман войны». Хотя данное выражение является вполне устоявшимся военным термином¹⁷, мы полагаем, что оно сохранило высокий потенциал интенсивности, так как сам метафорический перенос «НЕИЗВЕСТНОЕ – это ТУМАН» не является частотным. Поэтому использование словосочетания the fog of war в значении «военные факторы неопределенности» может считаться сильной по интенсивности метафорой.

С точки зрения значения индекса функциональной типологии метафоры в исследованных текстах военных доктрин России, США и Китая находятся примерно на одном уровне. Средний и чуть ниже среднего уровень значений MfTI (для русского языка – 1,88, для английского – 2,01 и для китайского – по 1,98) свидетельствует о том, что использованные метафоры преимущественно идентифицировали существующие военно-политические концепты. Это вполне соотносится с декларативным характером такого официального военно-политического документа как военная доктрина.

Стоит отметить, что большинство метафор в исследованных текстах официально-документального дискурса носило онтологический характер: в Военной доктрине РФ – 37 онтологических и 5 ориентационных метафор из 42, в Белой книге по обороне КНР – 133 онтологических метафор, 12 структурных и 14 ориентационных, в Стратегии по национальной обороне США – 62 онтологических, 3 структурных и 4 ориентационных.

Приведем примеры метафор разного типа из текстов военных доктрин:

1. *Расширение масштабов транснациональной организованной преступности*, прежде всего незаконного оборота оружия и наркотиков. Это

---

¹⁷ https://ru.wikipedia.org/wiki/Туман_войны

ориентационная метафора, которая отражает метафорический перенос «ДВИЖЕНИЕ в ШИРЬ – это УВЕЛИЧЕНИЕ ЗНАЧИМОСТИ».

2. Мировое развитие на современном этапе характеризуется *усилением глобальной конкуренции*. Словосочетание «глобальная конкуренция» в значении «мировое соперничество» объясняет абстрактное соперничество через более конкретный экономический термин «конкуренция», и эта стертая метафора относится к разряду онтологических.

3. 一个和平稳定繁荣的 *中国*, 是世界的 *机遇和福祉* (Мирный, стабильный и процветающий Китай – это ключ к благосостоянию всего мира). Метафорическое сравнение, грамматически построенное через глагол-связку 是, – это почти всегда структурная метафора. В данном примере мы видим, как *中国* (Китай) представляется в виде *机遇* (шанса, удобной возможности) и *福祉* (счастья, блага). Замена конкретного понятия «Китай» абстрактными «возможность» и «благо» не является классической структурной метафорой, нацеленной на переструктурирование концептуальных значений, тем не менее прямое сравнение свидетельствует о прямой структурной замене.

4. *中国军队坚持履行国际责任和义务, 始终高举合作共赢的旗帜* (Армия Китая ответственно выполняет международные обязательства, постоянно опираясь на принцип взаимовыгодного сотрудничества (досл. высоко поднимая знамя взаимовыгодного сотрудничества). В этом примере имеет место довольно стандартная для китайского официального публицистического дискурса онтологическая метафора в форме клишированного оборота «высоко поднять знамя чего-то». Данный речевой штамп подчеркивает сущность описываемого объекта, сравнивая в данном случае «взаимовыгодное сотрудничество» с «тем, что может быть указано на знамени», то есть подчеркивая важность и значимость этого принципа.

5. In such an approach, we use military force to raise the costs of resistance higher than the enemy is willing to pay (При таком подходе мы используем военную силу для *увеличения для противника затрат на сопротивление* вплоть

до величины, которую он не сможет заплатить»). В этом предложении военные действия описываются в экономических терминах, а военные потери переосмысляются как «цена, финансовые траты». На наш взгляд, грамматическая форма этой метафоры и ее значение свидетельствует о том, что в данном случае этот метафорический перенос носит онтологический характер.

6. Warfare is the mechanism, method, or modality of armed conflict against an enemy (Война – это механизм, метод или прием ведения вооруженного конфликта с врагом). В данном примере грамматическая форма метафоры «Warfare is the mechanism» свидетельствует о структурном характере метафорического переноса, «война, боевые действия» рассматриваются как некий механизм, что формирует вполне определенное представление о ведении войны и ее характере.

Распределение метафор по структуре текста мы проанализировали только применительно к внешней структуре текста, так как внутренняя тематическая иерархия в официальных документах трудноразличима. Внешняя структура текстов военных доктрин также не является значимым фактором в выявлении метафоричности, так как распределение текста по значимым элементам композиции текста (введение, основная часть и заключение) крайне неравномерное. Основной объем текста (более 95% для всех трех текстов) приходится на основную часть, в этой связи в значении индекса структурной метафоричности наблюдаются значения приближенные к минимальному.

Однако, как мы можем заметить, значение индекса внешней структурной метафоричности для текста Стратегии национальной обороны (английский язык - 1,34) более значительно, чем для текста Военной доктрины (русский язык – 1,04) и для текста Белой книги по обороне (китайский язык – 1,13). Отметим, что введение в Стратегию национальной обороны США, даже в форме Краткого изложения, довольно насыщено метафорами, в этой композиционной части текста нами было выявлено 18 метафорических оборотов.

Анализ индексов метафоричности текстов официальных военных документов в виде Военной доктрины РФ, Краткого изложения Стратегии национальной обороны США и Белой книги по обороне КНР показывает нам, что метафоричность текстов на китайском языке в сравнении с английским и русским языками выше с точки зрения плотности и интенсивности использованных метафор. То есть в Белой книге по обороне КНР использовано больше метафор на объем текста, при этом использованные метафоры в среднем более интенсивные, то есть пропорция метафор средней и сильной интенсивности больше, чем в других языках. Мы можем предположить, что данные цифры свидетельствуют о стремлении авторов Белой книги по обороне КНР сделать текст основного военного документа страны более убедительным и воздействующим, однако маленькая разница с показателями метафоричности, выявленными для текста на английском языке, не позволяют нам определить это как важный фактор.

На наш взгляд, отличия в значении индексов для исследованных документов, особенно тот факт, что текст Военной доктрины РФ наименее метафоричен по всем показателям, свидетельствует не столько об отличиях в проявлении функционального потенциала метафор в исследованных текстах, сколько о разнице в характере самих документов. С точки зрения содержания Военная доктрина РФ является более формализованным документом, который содержит в том числе основные определения ключевых военно-политических концептов, при этом описание угроз безопасности России сведено к минимуму. В то же время Белая книга по обороне КНР и Стратегия национальной обороны США представляют собой скорее своего рода военно-политическое «заявление». Так, в тексте на английском языке мы встречаем много цитат на классиков военного искусства (Клаузевиц и Сунь Цзы), также довольно весомое место и в Белой книге по обороне КНР и в Стратегии национальной обороны США занимает описание конкретных угроз для государства и важности развития Вооруженных сил.

Подобное наблюдение позволяет нам использовать подсчет индексов метафоричности не только для выявления потенциального воздействующего эффекта в тексте, но и для определения стиля текста. Значение индекса интенсивности метафоры ниже 1,1 будет свидетельствовать, что подавляющее большинство метафор в тексте – конвенциональные, то есть относятся к разряду стертых метафор в форме клишированных оборотов. Соответственно, подобный текст является примером «неметафоричного» документального стиля.

Если индекс интенсивности метафор выше 2, при этом мы наблюдаем также высокую плотность метафор ($MDI > 1,5$), а индекс функциональной типологии метафоры больше 2,2, то перед нами текст с высоким воздействующим потенциалом, скорее всего соотносимый с «воздействующим» стилем.

Тексты, отличающиеся показателями индексов метафор, лежащими в среднем диапазоне между указанными значениями, могут быть названы «переходными», то есть обладающими характеристиками и информационных, и воздействующих текстов.

3.3.2 Результаты анализа метафоричности текстов официальных документов ООН

Вторая часть исследования метафоричности текстов официально-документального дискурса связана с анализом текстов двух официальных документов, принятых Организацией Объединенных Наций и опубликованных на официальном сайте ООН¹⁸.

Отличительной особенностью данного этапа исследования, которое имеет очень важное значение для всего процесса проверки валидности метода анализа метафоричности, является тот факт, что тексты официальных документов ООН публикуются сразу на всех 5 рабочих языках этой международной организации. Следовательно, в данном случае исследуемые

---

¹⁸ См. <https://www.un.org/ru/documents/resguide/symbol.shtml>

тексты не просто сходны с точки зрения жанра, стиля и целевых авторских установок, на этом этапе исследования мы анализируем абсолютно идентичные тексты, содержание и стиль текст которых на разных языках утверждены на самом высоком уровне.

Проведение этого этапа исследования позволило нам не только рассмотреть особенности метафоричности текстов официально-документального дискурса, но и изучить, насколько метафоричность связана с типологическими особенностями разных языков.

На данном этапе нами мы рассмотрели 6 документов, а именно текст Декларации тысячелетия ООН на русском, китайском и английском языках и текст Всеобщей декларации о построении мира, свободного от ядерного оружия, также на русском, китайском и английском языках.

Результаты представлены в Таблице 33.

Таблица 33 – Результаты анализа метафоричности текстов официальных документов ООН на русском, английском и китайском языках

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI
Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций	2941	1,63	1,13	2,1
联合国千年宣告 (Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций)	3099	1,85	1,13	2,13
Unites Nations Millennium Declaration (Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций)	3230	1,73	1,14	2,12
Всеобщая декларация о построении мира, свободного от ядерного оружия	1185	1,6	1	2
世界建立一个无核武器世界宣言 (Всеобщая декларация о построении мира, свободного от ядерного оружия)	1219	1,81	1	2
Universal Declaration on the Achievement if a Nuclear-Weapon-Free World (Всеобщая декларация о построении мира, свободного от ядерного оружия)	1313	0,76	1	2

Прежде, чем приступить к анализу и описанию полученных результатов, отметим, что на данном этапе исследования расчёт индексов взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI(ex)) и внутренней структуры текста (MStI(in)) был признан нами нецелесообразным, так как вследствие жанровых особенностей официальных документов выявление

композиционных элементов крайне затруднено, равно как и анализ внутренней тема-рематической иерархии текстов.

Полученные результаты значений других индексов метафоричности показывают, что исследованные тексты отличаются только по показателю количества метафор (MDI), при этом значения плотности метафор (MPI) и средние показатели функциональной типологии метафор (MfTI) практически идентичны.

Мы полагаем, что определенная разница в плотности использования метафор, в частности тот факт, что в тексте «Всеобщей декларации о построении мира, свободного от ядерного оружия» на китайском языке было выявлено чуть больше метафор, чем в аналогичном тексте на русском и английском языках, связан с особенностями отдельных формулировок в текстах доктрин.

Приведем примеры:

1. Мы *преисполнены решимости* установить справедливый и *прочный мир* во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава. – В этом предложении мы сталкиваемся с метафорическим переосмыслением качеств мира (состояния не-войны) как чего-то «прочного, крепкого». Это является конвенциональной онтологической метафорой. Также можно выделить конвенциональную метафору *преисполнены решимости*, которая показывает чувство решимости как «то, что может вас наполнить», это классическая онтологическая метафора «контейнера» (в терминологии Дж. Лакоффа).

2. 我们决心根据《宪章》的宗旨和原则，在全世界建立公正持久的和平。(досл. Мы решили согласно целям и принципам во всем мире *построить* справедливый и длительный мир) – В этом предложении мы можем выделить иную метафору (построить мир), где состояние мира (не-войны) рассматривается как объект строительства, то есть мир переосмыляется через категории «здание, сооружение». Это, безусловно, устойчивый оборот китайского языка, и потому является стертой конвенциональной метафорой.

3. We are determined to establish a just and lasting peace all over the world in accordance with the purposes and principles of the Charter. (досл. Мы предопределены установить справедливый и длительный мир во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава) – В этом предложении мы не можем выделить метафорических оборотов.

4. Мы приложим все усилия к тому, чтобы *освободить наши народы от бедствий войн* – В этом предложении посредством использования глагола «освободить» война (и ее последствия) рассматривается как «что-то лишает свободы». Это стертая метафора, которая носит онтологический характер.

5. 我们将竭尽全力，使我们的人民免于战祸 (досл. Мы будем прикладывать усилия, чтобы наш народ избавился от страданий войны) – В китайском варианте этого предложения метафора «освободить от бедствий» отсутствует, вместо нее используется оборот «чтобы народ избавился», который не содержит в себе метафорического переосмысления.

6. We will spare no effort to free our peoples from the scourge of war (досл. Мы не пожалеем никаких усилий, чтобы *освободить* наши народы от бедствий (*плети*) войны) – В этом предложении также есть стертая метафора, выражаемая глаголом to free; кроме того вместо «бедствия войны» используется выражение the scourge of war, которое дословно можно перевести как «бич/кнул/плеть» войны. При этом слов «the scourge» часто используется вместе с «war», поэтому этот оборот можно считать устойчивым и отнести к стертой метафоре.

В примерах выше мы видим, что при сравнении устоявшихся межъязыковых соответствий некоторые конвенциональные метафоры отличаются, как например «we are determined – мы полны решимости; установить мир – 建立和平 (построить мир)» или «народ избавился от страданий войны - to free our peoples from the scourge of war - 使我们的人民免于战祸».

Подобные случаи несоответствия наличия тех или иных метафор в текстах документах на разных языках довольно частотны. Так, например, несоответствия в паре русский-китайский составили 14 употреблений метафор, для пары русский-английский 12 употреблений, для пары китайский-английский – 16 употреблений. При этом всего в текстах двух документов было выявлено 67 метафор для русских, 80 метафор для китайских и 75 – для английских текстов.

Стоит отметить, что подобное явление наблюдается исключительно для конвенциональных метафор, носящих онтологический характер. При этом все метафоры, которые имели средний уровень интенсивности и/или являлись структурными, то есть метафоры, которые имеют больший воздействующий потенциал и отличаются по интенсивности своего эмоционального воздействия от клишированных конвенционализированных метафорических оборотов, в текстах документов на разных языках передавались идентично.

Приведем несколько примеров:

1. Различия в рамках обществ и между обществами не должны ни пугать, ни служить поводом для преследований, а должны *пестоваться в качестве ценнейшего достояния человечества*. 不应害怕也不应压制各个社会内部和社会之间的差异，而应将其作为人类宝贵资产来加以爱护. Differences within and between societies should be neither feared nor repressed, but *cherished as a precious asset of humanity*. – В данном предложении социальные отличия представлены как «достояние/наследие, которое должно цениться», то есть мы имеем дело со структурной метафорой ОБЩЕСТВО (его устройство) – это ЦЕННОСТЬ. Обратим внимание, что данная метафора средней интенсивности одинаково реализована средствами всех трех языков.

2. тем самым вовлекая Африку в основное русло развития мировой экономики; 从而将非洲纳入世界经济的主流; thereby bringing Africa into the mainstream of the world economy. – В данном предложении мы сталкиваемся с конвенциональной структурной метафорой ЭКОНОМИКА – это ПОТОК.

Словосочетание «русло экономики» – часто встречающийся в медиадикурсе клишированный оборот, который идентичен для всех трех языков.

3. обеспечивать надежный *приток ресурсов* для миротворческих операций на континент; 维持和平行动获得可靠的*资源流入*; to ensure a reliable flow of resources for peacekeeping operations on the continent. – В этом примере словосочетание «приток ресурсов», которое также идентично звучит на всех трех языках, является формой структурной метафоры слабой интенсивности ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕСУРСАМИ – это ПОТОК.

4. Пользуясь этой исторической возможностью, мы вновь торжественно заявляем о том, что *Организация Объединенных Наций является незаменимым общим домом для всего человечества*; 在此具有历史意义的盛会, 我们庄严重申, *联合国是整个人类大家庭不可或缺的共同殿堂*; We solemnly reaffirm, on this historic occasion, that *the United Nations is the indispensable common house of the entire human family*. В данном примере структурная метафора средней интенсивности ООН – это общий ДОМ также одинаково реализуется в текстах на всех трех языках.

Рассмотрим сводные числовые показатели индексов плотности, интенсивности и функциональной типологии за два оба текста документов ООН по разным языкам.

Таблица 34 – Сводные результаты анализа метафоричности текстов официальных документов ООН на русском, китайском и английском языках

Тексты официальных документов ООН	Объем	MDI	МП	MFTI
Русский язык	4126	1,62	1,07	2,07
Китайский язык	4338	1,84	1,1	2,1
Английский язык	4543	1,65	1,1	2,09

С точки зрения плотности метафор идентичные по содержанию тексты официальных документов ООН на русском, китайском и английском языках все же несколько отличались по насыщенности метафорами. Наибольший показатель плотности метафор был выявлен для китайского варианта

документов ООН. Выше мы отмечали, что разница в количестве метафор возникала при отличиях в использовании устоявшихся клишированных оборотов, когда не имеющий метафорической основы речевой штамп на одном языке передавался посредством клише, основанном на метафорическом переносе, на другом языке.

Мы видим, что помимо отличий в значении индекса MDI, которые отражаются в разнице выражений отдельных клишированных оборотов в разноструктурных языках, показатели индексов интенсивности метафоры и функциональной типологии почти идентичны. В целом интенсивность метафор в двух текстах документов ООН для русского языка составила 1,07, для китайского также 1,1, для английского – 1,1. Это говорит о том, что подавляющее большинство выявленных метафор являются стертыми, конвенциональными метафорами, представленными преимущественно в виде клишированных оборотов официально-документального стиля.

Среднее значение показателя индекса функциональной типологии также очень сходны для всех трех текстов: русский – 2,07, китайский – 2,1, английский – 2,09. Данный показатель отражает преимущественно онтологический характер использованных в текстах документов ООН метафор.

Стоит указать, что исследованные тексты являют собой образцы «идентичных по смыслу текстов», согласование содержания которых происходит на самом высоком уровне, все формулировки проверяются на предмет взаимного соответствия, а содержание документа на разных языках обладает одинаковым воздействующим потенциалом, что проявляется в идентичных значениях показателей индексов MII и MfTI.

Незначительное, но все же имеющееся отличие в значении индекса плотности метафор для китайского языка, мы полагаем, может считаться характерной особенностью китайского языка. Можно сказать, что китайский язык «тяготеет» к образности, при этом использование большого количества метафор в китайском не обязательно будет связано с наличием воздействующего потенциала. То есть более высокая, по сравнению с другими

языками, метафорическая плотность может считаться своего рода характеристикой порождения высказывания на китайском языке.

Выводы:

В результате анализа официально-документального дискурса, представленного текстами военных доктрин и официальных документов ООН на русском, китайском и английском языках, мы можем заключить, что:

1. В текстах военных доктрин наибольший функциональный потенциал, состоящий в более высокой плотности и интенсивности метафор, был выявлен для Белой Книги по обороне Китая. Военная доктрина Российской Федерации отличается наименьшим уровнем метафоричности.

2. Большинство метафор в текстах военных доктрин носило онтологический характер, что объясняется прагматической установкой подобных текстов на идентификацию основ военной политики и объяснение ее содержания.

3. Выявленную разницу в числовых показателях уровня метафоричности следует объяснить жанровыми отличиями трех военно-доктринальных документов, которые имеют серьезные отличия с точки зрения содержания и стиля изложения.

4. Использование количественного метода анализа метафоричности может использоваться не только для анализа потенциального речевого воздействия, функциональный потенциал метафор проявляется также в формировании определенных жанрово-стилистических характеристик текста.

5. Исследование текстов декларации ООН, идентичных по жанру, стилю, прагматическим характеристикам и содержанию, показало более высокий уровень насыщенности метафорами текста на китайском языке.

6. Высокая плотность метафор в тексте может считаться особенностью порождения текста на китайском языке.

Процесс порождения идентичных речевых высказываний на разных языках (как в официальных документах ООН) может влиять на разницу в

использовании метафор в тексте, что также подтверждает взаимосвязь лингвокультуры и метафоричности.

3.4 Результаты сравнения метафоричности текстов медиадискурса

Для исследования метафоричности текстов массмедиа на русском, китайском и английском языках нами было проанализировано 2 типа разных собранных корпусов новостных сообщений из официальных СМИ, опубликованных на русском, китайском и английском языках общим объемом 255 119слов.

Таблица 35 – Тексты дискурса массмедиа для анализа функционального потенциала метафор

Текст	Язык	Дата	Объем в словах
1. Корпус «Коронавирус – русский»	русский	15–28 марта 2021	20135
2. Корпус «Коронавирус - китайский»	китайский	15–28 марта 2021	19211
3. Корпус «Коронавирус - английский»	английский	15–28 марта 2021	22288
4. Корпус «США»	русский	29 марта – 11 апреля	20648
5. Корпус «Китай»	русский	29 марта – 11 апреля	17541
6. Корпус «Россия»	китайский	29 марта – 11 апреля	17252
7. Корпус «США»	китайский	29 марта – 11 апреля	17765
8. Корпус «Россия»	английский	29 марта – 11 апреля	19015
9. Корпус «Китай»	английский	29 марта – 11 апреля	19440

Как мы видим в Таблице 35 новостные сообщения на разных языках, собранные нами в отдельные корпуса текстов, можно разделить на два типа:

1. Коронавирус. В корпусах «Коронавирус» на русском, китайском и английском языках собраны новостные сообщения, опубликованные разными государственными СМИ трех стран (РФ, КНР, США) в период с 15 по 28 марта 2021 года. Новостные сообщения отбирались нами методом сплошной выборки, примерно равными объемами на протяжении указанного выше промежутка времени.

Тексты этого типа носят преимущественно информационный характер, они нацелены на донесение до населения стран информации о пандемии коронавируса на территории страны и во всем мире. Тематическое единство отобранных для анализа информационных сообщений, позволило нам проанализировать метафоричность медиатекстов информационного характера. С содержательной точки зрения коронавирус как медиаповод в начале 2021 года потерял свою остроту, большинство сообщений в СМИ передавали данные о количестве зараженных, вылечившихся, погибших, о разработке и использовании вакцин, о средствах борьбы с коронавирусом и мерах, которые принимаются разными странами в связи с эпидемией. При этом оценочность подобных текстов была крайне низкой, аналитические статьи на тему коронавируса ушли из «медиаповестки» начала 2021 года. Подобное тематическое наполнение новостных сообщений не предполагает активного формирования общественного мнения относительно той или иной проблемы, так как, во-первых, с точки зрения актуальности, данный медиаповод не является новым, и, во-вторых, новостная повестка относительно «коронавируса» не является проблемной. Все новостные сообщения, вошедшие в данные корпуса текстов, не содержат прямой оценки, они посвящены описанию ситуации, связанной с пандемией.

2. «Образ страны». В корпусах «Россия» (китайский, английский), «Китай» (русский, английский), «США» (русский, китайский) мы подбирали новости, касающиеся взаимоотношений трех стран друг с другом. На наш взгляд, подобные новостные сообщения, которые, безусловно, имеют весьма существенный информационный потенциал, также отличаются оценочностью, то есть направлены на формирование среди своей аудитории определенного образа, имиджа иностранного государства. Как известно, в отношениях между странами, особенно между значимыми игроками на международной арене, существуют разные формы взаимодействия – от сотрудничества до противостояния, и в этой связи изучение новостных сообщений, потенциально

содержащих «проблемную повестку» в сравнении с «информационной» повесткой, кажется нам важным и актуальным.

В данном параграфе последовательно приведены результаты анализа функционального потенциала метафор в разных типах корпусов медиатекстов с использованием индексов метафоричности. Данный этап исследования позволит нам сделать выводы относительно существующей разницы в метафоричности текстов, разной прагматической направленности, что выражается в разнице характера собранных медиасообщений.

Стоит отметить, что структура новостных сообщений также такова, что композиция и внутренняя тема-рематическая иерархия текстов легко считывается, соответственно, нами также были подсчитаны индексы взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI(ex)) и взаимосвязи метафоричности и внутренней иерархии текста (MStI(in)).

3.4.1 Результаты анализа функционального потенциала метафор в текстах медиадискурса информационного характера

Рассмотрим результаты подсчета индексов метафоричности для новостных текстов информационного характера на русском, китайском и английском языках. Данные новостные сообщения были отобраны нами методом сплошной выборки в период с 15 по 28 марта 2021 года и соединены в корпуса «Коронавирус» (русский – 24 новостных сообщения, китайский – 26 новостных сообщений, английский – 24 новостных сообщения). Небольшая разница в количестве текстов связана с немного меньшим объемом новостей на китайском языке, поэтому для того, чтобы объем корпусов на разных языках был примерно одинаковый, мы дополнительно рассмотрели 2 новости на китайском языке. Собранные нами корпуса идентичны с точки зрения времени публикации новостных сообщений и сходны с прагматической точки зрения, так как все они посвящены одинаковой проблематике – информированию массового адресата о ситуации вокруг эпидемии коронавируса.

Таблица 36 – Результаты анализа метафоричности текстов медиадискурса на русском, английском и китайском языках

Корпус	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Коронавирус (русский)	20135	1,74	1,44	2,12	1,54	2,17
Коронавирус (китайский)	19211	2,4	1,5	2,05	1,53	2,21
Коронавирус (английский)	22288	1,69	1,2	1,87	1,48	2,11

Прежде чем приступить к анализу значений индексов и рассмотрению примеров метафор в медиатекстах, отметим, что в силу тематического единства подобранных текстов многие метафоры повторяются в разных новостных сообщениях.

Например, метафора ВИРУС – это ВРАГ, ЭПИДЕМИЯ – это ВОЙНА, которая порождает множество разных импликаций.

什么是冠状病毒？它会导致什么症状？怎样有效防护？(Что такое коронавирус? Какие он может вызвать симптомы? Как эффективно от него защититься?)

因此，人类与冠状病毒之间的斗争依然任重道远。(Поэтому борьба между человечеством и коронавирусом тяжела и далека от завершения)

Doctors believe the newborn marks the first known case of a baby born with coronavirus antibodies in the U.S., which may offer her some *protection against the virus* (Доктора убеждены, что этот новорожденная девочка – это первый ребенок, который родился с антителами от коронавируса в США, что является дополнительной защитой для нее от коронавируса).

Кроме того, особенностью новостных сообщений, публикуемых в сети интернет является тот факт, что одинаковые формулировки воспроизводятся в тексте несколько раз, в результате чего одна языковая форма метафоры может повторяться в одном новостном сообщении 2–3 раза.

Возьмем для примера небольшую новость на русском языке.

БРЮССЕЛЬ, 19 марта. /ТАСС/. Третья волна пандемии коронавируса нового типа уже пришла в Европу и развивается разными темпами в разных

странах Евросоюза, что требует ускорения вакцинации. Это признала в пятницу на брифинге в Брюсселе официальный представитель Еврокомиссии Дана Спинант.

"Мы видим третью волну, которая наступает постепенно или даже быстро в различных странах ЕС. Мы входим в очень сложный период, в котором наша экономика будет серьезно затронута этой ситуацией, - заявила она. - Мы видим необходимость ускорить вакцинацию населения".

"Остаемся привержены нашей цели вакцинировать 70% взрослого населения Евросоюза", - добавила Спинант.

Ранее в пятницу министр здравоохранения ФРГ Йенс Шпан заявил, что "в Европе еще недостаточно вакцин, чтобы остановить третью волну пандемии".

Как мы видим, в этом новостном сообщении, состоящем всего из 110 слов, метафорическое выражение «волна эпидемии» повторяется 3 раза.

Теперь проанализируем значения индексов метафоричности, полученные после анализа корпусов на разных языках. С точки зрения показателя плотности метафор MDI наибольшей метафорической плотностью отличаются новостные сообщения на китайском языке. Всего в 26 новостных сообщениях на китайском языке объемом 19211 слов нами было выделено 462 метафоры (MDI = 2,4). При этом медиатексты информационного характера на английском языке отличались наименьшей метафорической плотностью - 1,69 метафор на сто слов текста. В сходных по тематической направленности и прагматическим характеристикам медиатекстам на русском языке было выявлено 350 метафор на 20135 слов (MDI = 1,74).

Показатель плотности метафор для медиатекстов информационного характера находится в среднем диапазоне, он выше, чем в текстах официально-документального дискурса (см. Таблицу 32), но несколько ниже, чем в текстах политических выступлений лидеров стран (см. Таблицу 29).

По интенсивности использованных метафор наиболее значительный показатель индекса МП был выявлен для текстов на китайском языке – 1,5, что отражает наличие в исследованном корпусе «коронавирус» на китайском языке 258 слабых (конвенциональных), 176 метафор средней интенсивности и 28

сильных метафор. Интенсивность метафор, использованных в информационных медиатекстах на тему коронавируса на русском языке, приближена к показателям МП для китайского языка (МП = 1,44), что отражает наличие 50 новых авторских метафор, 55 метафор средней интенсивности и 245 метафор слабой интенсивности. Наименьшее значение по интенсивности метафор было выявлено для английского языка – 1,2, такое значение интенсивности метафор в медиатекстах близко к значению МП, полученному при анализе военных доктрин.

Приведем примеры метафор разной степени интенсивности из исследованных текстов:

1. Содержащиеся в растении фитонциды способны обеззараживать помещение, затормозить рост микроорганизмов и *снизить вирусную нагрузку* на других людей. – Словосочетание «вирусная нагрузка» обладает средним по силе метафорическим потенциалом, оно основано на устоявшемся обороте «какая-то нагрузка» (чаще всего долговая/ налоговая), при этом его использование в других семантических сферах делает метафорический перенос более насыщенным.

2. *Коронавирус SARS-CoV-2, виновник* заболевания COVID-19 (коронавирусная инфекция), *продолжает свою атаку*, но первые клинические исследования уже проведены. – здесь мы сталкиваемся с двумя метафорами «ВИРУС – это ВИНОВНИК» (средняя интенсивность) и «ВИРУС – это АТАКУЮЩИЙ ПРОТИВНИК» (сильная интенсивность). На наш взгляд, в первом случае средняя интенсивность метафоры определяется широкой семантикой слова «виновник», использованного в значении «причина». При этом такое выделение в форме синтаксического уточнения все же свидетельствует о желании автора подчеркнуть это выражение, поэтому мы определили этот оборот как метафору средней интенсивности. Вторая метафора, лингвистически выражаемая глагольной фразой «продолжает свою атаку», является импликацией метафоры ВИРУС – это военный ВРАГ, при этом использование развернутого словосочетания «продолжает атаку» не частотно в новостных сообщениях про

коронавирус, поэтому данная форма этой метафоры отличается сильной интенсивностью.

3. *冠状病毒的传播史可谓“劣迹斑斑”，它不仅是普通感冒的主要病原体之一，更是几次严重疫情的罪魁祸首。* (Историю распространения коронавируса можно описать выражением «*быть известным своими злодеяниями*», это не один из обычных возбудителей простудных заболеваний, этот вирус – «*зачинщик*» эпидемии, которая сильнее в несколько раз) – В этом предложении использование фразеологических оборотов *劣迹斑斑* (досл. «дурные следы повсюду») и *罪魁祸首* (досл. главарь преступников и зачинщик бедствий) относительно истории распространения коронавируса и оценки его влияния на жизнь, образуют метафоры сильной интенсивности. Указанные ченьюи не характерны для использования в медиадискурсе, они соотносятся больше с языком художественной литературы и несколько архаичны, поэтому их употребление создает и семантическое, и функционально-стилистическое «напряжение», что в совокупности приводит к метафорическому эффекту.

4. *虽无针对病毒的特效药，但正确的防护手段可有效预防新型冠状病毒感染。* (Хотя сейчас нет специального лекарства, которое может *противостоять вирусу*, но используя правильные *средства защиты*, все же можно эффективно предотвратить заболевание новой коронавирусной инфекцией). – В данном предложении мы имеем дело с распространенной на все предложение метафорой ВИРУС – это ПРОТИВНИК (от которого защищаются), данная метафора является устоявшейся, однако будучи реализованной тремя разными лексическими единицами (*针对, 防护手段, 预防*), она приобретает, на наш взгляд, среднюю интенсивность.

5. The reason, she explains, is that those who developed the infection previously have an immune system that is already primed *to fight it off* (Она объясняет, что причина в том, что те, кто перенес инфекцию ранее, уже обладает иммунной системой, которая уже готова бороться) – Здесь также реализована метафора борьбы с вирусом, лексикализованная в глаголе «*to*

fight off». На наш взгляд, использование военного термина «fight» для описания процесса противодействия инфекции можно определить как метафору средней интенсивности.

6. Meanwhile *health centre bosses* in the town have been "*inundated*" with requests from residents under 50 asking when they could get their vaccination (Тем временем руководители медицинских центров в городе были просто завалены (*затоплены*) запросами от жителей старше 50 лет о том, можно ли им получить вакцину). - В данном примере мы выделяем метафору средней интенсивности «медицинские центры затоплены заявлениями», использование слова «*inundated*» автором статьи выделяется кавычками, что подчеркивает его семантическую нестыковку с используемым дополнением «requests», тем самым происходит метафорическая проекция «большое количество заявлений – это потоп».

С точки зрения значений индекса функциональной типологии метафоры (MfTI), наибольшее значение было выявлено для корпуса на русском языке – 2,12. Среди проанализированных 24 новостных сообщений нами было выявлено 40 структурных метафор, которые были ориентированы на переструктурирование имеющихся концептов, и 310 онтологических. Значения индекса функциональной типологии для китайского и английского языков несколько ниже – 2,05 и 1,87. Низкое значение индекса MfTI для английского языка связано прежде всего с довольно большим количеством ориентационных метафор (52 из 292) и небольшим количеством структурных метафор (24 из 292). Эти цифры свидетельствуют о том, что метафоры в русском и китайском корпусах текстов были больше связаны с речевым воздействием, что в целом коррелирует и с данными уже рассмотренного индекса интенсивности МП, показатель которого для текстов на английском языке в данном случае ниже, чем для русского и китайского языков, где в среднем было больше метафор сильной интенсивности.

Нам трудно дать объяснение такой разнице в значении индекса для английского языка на основании каких-либо экстралингвистических факторов,

остается предполагать, что освещение темы «коронавируса» для англоязычной аудитории в СМИ США осуществляется больше с позиций констатации факта, описания, чем объяснения и формирования мнения.

Приведем примеры метафор разного типа из рассмотренных медиатекстов:

1. "Симптомы *"второго акта"* COVID-19 чрезвычайно разнообразны: это и изматывающая слабость, и проблемы с памятью и концентрацией внимания, и тахикардия. – В данном предложении использование театрального термина «второй акт» соотносится с повторным заражением вирусом, подобное переосмысление позволяет объяснить болезнь через термины «театрального представления», переосмыслить одно явление через особенности другого, поэтому это онтологическая метафора.

2. очень многих, переживших COVID-19, даже после *легкого течения* преследуют серьезные проблемы со здоровьем. – В данном случае использование стертой метафоры «течение болезни» соотносится с разъяснением процесса перенесения симптомов болезни и лечения, слово «течение» переосмысляет болезнь как некую последовательность, где одно следует за другим. Это также онтологическая метафора.

3. 中国疾病预防控制中心主任高福表示，疫苗是战胜病毒的终极武器 (Начальник китайского центра по контролю за распространением и предотвращению эпидемии Гао Фу заявил, что вакцина – это абсолютное оружие по уничтожению вируса) – В этом предложении метафора ВАКЦИНА – это ОРУЖИЕ является классической структурной метафорой, когда «высокоструктурированное» понятие «оружие», обладающее собственным набором концептуальных признаков, используется для формирования отношения к вакцине как к средству, которое со стопроцентной вероятностью поможет победить эпидемию.

4. “人类和病毒的关系就是猫鼠关系” (отношения человечества с вирусом такие же как у кошки с мышкой) – Эта цитата, взятая из новостного сообщения, переносит систему отношения между мышкой и кошкой, весьма

классическую и понятную в рамках любой культуры, на борьбу человечества с коронавирусом. Таким образом, при помощи этой структурной метафоры формируется отношение к этой борьбе как к довольно длительной (как, например, в мультфильме «Том и Джерри»), но эффективной – в конечном счете мы все понимаем, что кошка способна поймать мышь.

5. antibodies need to wait 90 days before getting the vaccine as they can "block the immune system for making a good response to the vaccine." (должно пройти 90 дней после вакцинации до того момента, как антитела начнут блокировать иммунную систему для того, чтобы она смогла выработать надлежащий иммунный ответ на вакцину). – В данном примере «антитела блокируют» и вызывают «иммунный ответ», что является онтологической метафорой, которая идентифицирует воздействие вакцины на иммунную систему.

6. Some of these *outbreaks* have involved hundreds of cases, with local areas containing prisons often having the highest overall rates of COVID-19 in England. (Некоторые из этих *вспышек* приводили к сотням случаев заражения, причем в населенных пунктах, внутри которых находились тюрьмы, часто фиксировался самый высокий уровень заболевания коронавирусом). Использование термина «вспышка» для описания резкого повышения количества заболевших является стертой онтологической метафорой, которая, с одной стороны, безусловно, заменяет одно понятие на другое, но при этом служит описанию характера роста заболеваемости, которые становится подобен «вспышке, взрыву», поэтому мы маркируем данную метафору как онтологическую.

Небольшой объем каждой отдельной новости и стандартизированная структура новостных сообщений позволили нам также рассчитать значения индексов взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI(ex)) и внутренней иерархии текста (MStI(in)).

Как мы можем видеть в Таблице 36, значения индекса внешней структуры для всех трех текстах довольно высокие: для английского языка –

1,48, для русского – 1,53 и для китайского – 1,54. Эти показатели выше, чем, например, в текстах публичных выступлений политиков и сопоставимы со значениями, выявленными нами для новогодних обращений лидеров стран к народу. Значение данного индекса выше 1,5 свидетельствует о том, что метафор в основной части текста примерно столько же, как и во введении и заключении. Принимая во внимание текстовый объем вступительной части новостного сообщения и его заключительных выводов (которые порой вообще отсутствуют), мы можем говорить о том, что большое количество метафор во введении свидетельствует о том, что использование метафоричности подчинено идентификационной функции, а метафоры в заключении, то есть в выводах, преимущественно выполняют персуазивную функцию, направляя процесс когнитивной обработки реципиента [Koller, 2003; Koller, 2004b].

Для более полного понимания распределения метафор по внешней структуре текстов корпусов на трех языках мы также представим распределение метафор по вступительной, основной и заключительной частях в виде процентов от общего количества метафор.

Таблица 37 – Распределение метафор по основным композиционным элементам новостных сообщений информационного характера

Корпус	Вступление	Основная часть	Заключение	MStI(ex)
Коронавирус (русский)	37,14	54,28	8,57	1,54
Коронавирус (китайский)	27,38	59,22	13,09	1,53
Коронавирус (английский)	25,39	62,96	11,64	1,48

Как мы видим, в общих чертах данное распределение сходно для корпусов на всех языках, что проявляется в том, что большая часть метафор сосредоточена в основной части новостей. При этом есть и ряд отличий. Прежде всего, они проявляются в том, что в новостных сообщениях на русском языке большое количество метафор (130 из 350) было выявлено во вступительной части новостных сообщений. При этом в текстах новостей на китайском языке больше метафор, чем в других корпусах, сосредоточено в заключительной

части. Как мы помним, согласно значению индекса функциональной типологии метафор потенциальное речевое воздействие, которое могут оказывать метафоры в корпусах на русском языке и на китайском языках почти одинаково (2,12 и 2,05 соответственно). Однако, если использовать данные, полученные исходя из анализа процентного распределения метафор по внешней структуре текста, можно сделать вывод, что потенциальное речевое воздействие метафор в текстах на китайском языке все же несколько выше, так как именно в этих новостных сообщениях в данном случае использовалось большее количество метафор в заключительной части.

Кроме того, нам кажется важным сделать замечание о необходимости дополнительного учета процентного соотношения распределения метафор по композиционным элементам текста при анализе большого количества текстов.

С точки зрения индекса взаимосвязи внутренней иерархии текста и метафоричности $MST(in)$ исследованные корпуса текстов показывают примерно одинаковое значение. Такое соотношение распределения метафор относительно гипертемы и рематической доминанты, где в данном случае большее количество метафор соотносится с ремой, чем с темой, показывает, что в новостях авторы пытались больше описать проблему, чем сформировать относительно нее какое-либо мнение.

При этом небольшое превышение показателя данного индекса для текстов на китайском языке подтверждает наше предположение о том, что несмотря на среднее значение показателя $MfTI$, который чуть выше для русского языка, чем для китайского, все же новостные сообщения, посвященные тематике коронавируса на китайском языке, демонстрируют большой воздействующий потенциал, который при этом проявляется не столько в изменении отношения к проблеме, сколько в ее описании.

Таким образом, использование индексов метафоричности для выявления потенциального речевого воздействия медиатекстов новостного характера позволяет нам сделать ряд выводов как о характере самих исследованных текстов, так и об особенностях разработанного нами метода.

Во-первых, при анализе результатов индекса функциональной типологии (MfTI) и индекса взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI(ex)) мы столкнулись с тем, что большой объем исследованных текстов приводит к своего рода усреднению результата, что объясняется статистическими законами распределения. В этой связи нам кажется, что для более точного понимания функционального потенциала в текстах следует помимо значений самих индексов также рассматривать процентное соотношение типов метафор и позиций метафор в текстах. Напомним, что данные индексы базируются на анализе трех параметров (три разные функции метафор – онтологическая, ориентационная и структурная и три позиции в тексте – введение, основная часть и заключение), поэтому крайние значения уравновешивают друг друга в математическом плане, что выражается в итоговом значении индексов, близком к среднему. Эту проблему легко решить при помощи анализа процентного соотношения распределения, которое позволяет получить дополнительные выводы, как это было сделано выше в данном параграфе относительно значения индекса MStI(ex).

Во-вторых, значения индексов, полученные в результате анализа корпусов новостных текстов информационного характера, а также интерпретация этих значений, показали, что метод комплексного анализа метафоричности при помощи числовых показателей эффективен при учете всех проявлений функционального потенциала метафор. Использование одного значения приводит к однобокости понимания сути использования метафор, а показатели нескольких индексов уточняют друг друга, дополняя информацию о потенциальном речевом воздействии метафоры и его характере.

Относительно исследованных корпусов текстов мы можем сделать вывод о том, что полученные значения индексов, подтвердили преимущественно информационный характер отобранных новостных сообщений. Средний показатель интенсивности метафор, доминирование онтологических метафор, а также большое количество метафор в основной части и во введении показывают, что метафоры в исследованных текстах

использовались преимущественно для идентификации и описания проблемы. При этом для новостных сообщений на китайском языке мы дополнительно выделили значимость метафор с точки зрения объяснения проблемы, что выражено в распределении метафор по внутренней и внешней иерархии текстов; а для новостных сообщений на русском языке, помимо описательной функции, также имело место формирование мнения относительно проблемы, то есть функция структурирующая, что отражено в большем, чем в корпусах на других языках количестве структурных метафор.

3.4.2 Результаты анализа метафоричности текстов медиадискурса оценочного характера

Рассмотрим результаты подсчета индексов метафоричности для новостных текстов, связанных с формированием политического имиджа страны в СМИ иностранного государства, на русском, китайском и английском языках. Данные новостные сообщения были отобраны нами методом сплошной выборки в период с 29 марта по 11 апреля 2021 года и соединены в корпуса «США» (русский – 23 новостных сообщения), «Китай» (русский – 24 новостных сообщения), «США» (китайский – 24 новостных сообщения), «Россия» (китайский – 24 новостных сообщения), «Китай» (английский – 23 новостных сообщения), «Россия» (английский – 23 новостных сообщения). Собранные нами корпуса идентичны с точки зрения времени публикации новостных сообщений и сходны с прагматической точки зрения, так как все они посвящены одинаковой проблематике – информированию массового адресата о ситуации в иностранном государстве, и попутно служат цели формирования общественного мнения относительно образа данного государства.

Таблица 38 – Результаты анализа метафоричности текстов медиадискурса на русском, английском и китайском языках

Корпус	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Корпус «США» (русский)	20648	4,9	1,82	2,22	1,62	2,43

Корпус «Китай» (русский)	17541	2,7	1,51	2,08	1,37	2,31
Корпус «Россия» (китайский)	17252	2,73	1,67	2,06	1,43	2,57
Корпус «США» (китайский)	17765	4,61	2,01	2,28	1,53	1,73
Корпус «Китай» (английский)	19015	2,7	1,62	2,1	1,57	2,02
Корпус «Россия» (английский)	20648	3,02	1,56	2,08	1,55	2,38

Как мы видим в Таблице 38, показатели индексов метафоричности для медиатекстов с потенциальной оценочностью довольно сильно отличаются. Наиболее насыщенными по плотности оказались тексты новостей про США на русском и китайском языках, значение MDI 4,9 и 4,61 соответственно. Значительно меньшее количество метафор было выявлено в новостных сообщениях про Россию на китайском (MDI 2,73), про Китай на английском (2,7) и про Китай на русском (2,7). Стоит отметить, что показатель плотности метафор признавался нами как один из компонентов, связанных с персуазивностью текста, чему было посвящено отдельное исследование [Калинин, 2020d]. В этой связи интересно проследить, как количество метафор связано с внешнеполитической повесткой.

Крайне наглядно данная зависимость прослеживается на примере двух корпусов на русском языке: для корпуса «США» значение MDI – 4,9, а для корпуса «Китай» – 2,7. При этом насыщенность метафор для корпуса «США» на русском языке – это максимальный показатель данного индекса среди всех исследованных материалов на русском языке. Как мы видим, напряженные отношения между странами привели к порождению текстов с очень высоким показателем плотности метафор, самым высоким для всех исследованных нами текстов на русском языке. При этом сообщения по теме Китая на русском языке также носят оценочный характер, только оценка преимущественно положительная, и мы видим, что показатель плотности метафор для этих текстов выше, чем в медиатекстах информационного характера, посвященных коронавирусу (см. Таблицу 37).

Для более точной проверки подобной взаимосвязи мы также провели небольшой корреляционный анализ. Для этого все исследованные тексты были предложены для анализа экспертной группе (1 доктор наук и 2 кандидата филологических наук) с целью выявления оценочности каждого новостного сообщения. Если в новости формировался преимущественно положительный образ, то ставился индекс 2, если отрицательный – 0 и нейтральный – 1, после чего высчитывалось среднее значение для всех новостей, вошедших в нашу подборку. Разница в размере новостного сообщения игнорировалась. Результаты представлены в Таблице 39.

Таблица 39. Результаты анализа оценочности новостных сообщений

	США (русский)	Китай (русский)	Россия (китайский)	США (китайский)	Китай (английский)	Россия (английский)
Оценка	0,13	1,5	1,04	0,042	0,71	0,087

Далее мы провели корреляционный анализ этих показателей и значений всех полученных индексов для исследуемых корпусов текста. Так, корреляция между значениями оценочности и значением индекса плотности метафор составила $-0,706$, то есть мы получили значительный показатель обратной корреляции. Обратная корреляция свидетельствует об обратной зависимости, то есть чем ниже оценка, тем выше плотность метафор, а значение корреляции в $0,7$ по модулю говорит о значительном характере этой взаимосвязи.

С точки зрения интенсивности метафор мы отметим тот факт, что почти все исследованные тексты отличались использованием метафор довольно высокого уровня интенсивности. Например, в сравнении с интенсивность новостных сообщений про коронавирус, где самый высокий показатель интенсивности был выявлен для китайских новостных сообщений (1,51), мы видим, что для блока новостей, содержащих потенциальную оценку, среди всех шести корпусов самый низкий показатель интенсивности был 1,46. Очевидно, что наличие оценочности, то есть потенциального речевого воздействия,

отражается на интенсивности метафор, что еще раз подтверждает гипотезу о взаимосвязи метафоричности с речевым воздействием.

Среди всех исследованных нами корпусов медиатекстов с потенциальной оценкой наибольшим показателем интенсивности метафор опять отличались корпуса «США» на русском и китайском языках, где МП составил 1,82 и 2,01 соответственно. Эти цифры отражают, что среди 1012 метафор в корпусе «США» на русском языке нами были выявлены 461 конвенциональная (слабая) метафора, 266 метафор средней интенсивности и 285 случаев употребления новых метафор. А в корпусе «США» на китайском языке среди 820 метафор нам встретилось 209 конвенциональных метафор, 386 метафор средней интенсивности и 225 случаев употребления новых метафор.

Наименьшие показатели интенсивности метафор в исследованных корпусах были выявлены для корпусов «Китай» на русском языке (МП = 1,51) и для корпуса «Россия» на китайском языке (МП = 1,46). На наш взгляд, в полученных результатах значения индекса интенсивности метафор также прослеживается определенная закономерность: негативная оценка, свойственная для корпусов «США» на русском и китайском, проявляется в более высоком уровне интенсивности метафор, чем для корпусов «Россия» на китайском и «Китай» на русском.

Данные описанного выше корреляционного анализа показали значение корреляции между оценочностью и интенсивностью метафор в -0,704, то есть мы получили средний показатель обратной корреляции. Обратная корреляция свидетельствует об обратной зависимости, то есть чем ниже оценка, тем выше интенсивность метафор, а значение корреляции в 0,7 по модулю говорит о значительном характере этой взаимосвязи.

Приведем примеры метафор разного уровня интенсивности:

1. Стороны отметили деструктивный характер намерений США, которые хотят, *опираясь на* военно-политические *союзы* времён холодной войны и создавая новые закрытые альянсы в том же духе, *подорвать* ооноцентричную *международно-правовую архитектуру*. – В данном

предложении мы выявили две метафоры: *опираться на союзы* – это метафора слабого уровня интенсивности, так как вторичное значение слова «опираться» как «основываться, базироваться, рассчитывать на что-то» давно прошло этап конвенционализации и относится к старым, можно сказать «мертвым» метафорам; а метафорический оборот *«подорвать международно-правовую архитектуру»* был нами маркирован как метафора средней интенсивности, так как глагол «подорвать» имеет дополнительное значение «разрушить», но при этом не все коллокации с ним можно считать устоявшимися

2. В Литве заговорили о смелости "прибалтийского *убийцы гигантов*". – в этом примере мы имеем дело с яркой авторской метафорой ЛИТВА – УБИЙЦА, что скрывает за собой действия Правительства Литвы по противостоянию китайской экономической экспансии в Прибалтике. Кроме того, использование перифраза «гигант» вместо КНР также можно отнести к метафоре среднего уровня интенсивности, так как осмысление страны через сравнение с человеком (гигант, карлик) довольно частотное явление в политическом медиапространстве, что отражено в том числе в Национальном корпусе русского языка.

3. 我们希望日方能够谨言慎行，不要因为是美国盟友就追随美方对中国进行无端攻击，这不符合日方的利益 (Мы надеемся, что японская сторона будет осторожна в речах и поступках, Японии не нужно из-за союза с США следовать по стопам Америки и осуществлять беспричинные атаки на Китай, это не соответствует интересам Японии) – В данном примере мы можем выделить два примера олицетворения 日方能够谨言慎行 (Япония может быть осторожной в речах и поступках) и 追随美方 (идти по стопам США/следовать за США), которые были нами маркированы как метафоры слабого уровня интенсивности, так как лексические единицы, содержащие метафорическое значение, часто используются в сочетаниях с «неживыми объектами», что зафиксировано в словарях. Военная метафора 对中国进行无端攻击 (осуществлять беспричинные нападки на Китай) является метафорой среднего

уровня интенсивности, так как базовое значение слова 攻击 (атака, нападение, наступление, штурм) тесно связано с военной сферой-источником, а контекстуальное значение «нападки, агрессия» встречается в медиадискурсе, а в совокупности с определением 无端 (необоснованный, беспричинный) этот оборот приобретает дополнительное когнитивное напряжение.

4. 最近中国对欧盟的反制，同样是欧盟先挑的事，因为其响应美国的“群狼战术”，打破 30 多年来的现状，以莫须有的罪名制裁我国特定地区的相关人员和机构。Недавние контрсанкции Китая, равно как и действия, которые ранее предпринял ЕС, следуя тактике США «нападать толпой», нарушили существовавший 30 лет порядок, что вылилось в наложении санкций на определенных лиц и организации особого района Китая по надуманным причинам – В данном предложении использовано сразу несколько метафор разного уровня интенсивности. Прежде всего нужно выделить выражение 因为其响应美国的“群狼战术” (досл. из-за того, что он [ЕС], откликаясь на тактику «волчьей стаи» США). В нем выделяется слабая онтологическая метафора, связанная с олицетворением 响应美国 (откликаться на [призыв] США) и метафора высокой степени интенсивности 群狼战术 (тактика волчьей стаи), которая крайне редко встречается в подобном контексте и даже выделена автором текста в кавычки. Кроме того, мы также выделяем метафору слабой интенсивности 打破现状 (разрушить существующую ситуацию, порядок), где 打破 используется в переносном значении, однако высокая степень конвенционализированности этого выражения не позволяет маркировать этот перенос иначе.

5. The Ukrainian crisis is heating up and there is a real threat of a military confrontation involving Ukraine, Russia, and Belarus (Украинский кризис разгорается, и существует реальная угроза военной конфронтации с участием Украины, России и Беларуси). – В данном предложении метафорический оборот «*crisis is heating up*» (кризис подогревается/разгорается) является метафорой среднего уровня интенсивности, так как подобная метафорическая

проекция не зафиксирована в словаре, но встречается в корпусе BNC, то есть переносное значение глагола *heat up* является частично конвенционализированным.

6. Russian TV channel Russia Today indicated that Moscow is going to support troops of the self-proclaimed Donetsk People's Republic (DPR) "*to come home*" (Российский телеканал Russia Today отметил, что Москва собирается поддержать войска самопровозглашённой Донецкой Народной Республики в их стремлении вернуться домой). «Войска возвращаются домой» является метафорическим оборотом среднего уровня интенсивности, так как лежащая в его основе концептуальная метафора РОССИЯ – ДОМ, является устоявшимся метафорическим переносом, но импликации, то есть языковые реализации данного концептуального переноса, в данном контексте принимают на себя дополнительные оттенки смысла, усиливающие интенсивность метафоры.

Анализ функций метафор в исследованных текстах также подтверждает тезис о взаимосвязи метафоричности и оценочности, так как самые высокие значения индекса MfTI (индекса функциональной типологии метафоры) были выявлены для корпусов США на китайском и русском языках, соответственно 2,28 и 2,22. Стоит отметить, что значение данного индекса в медиатекстах с потенциальной оценкой на русском языке наибольшее среди всех исследованных материалов на русском языке.

Всего в корпусе «США» на русском языке было выявлено 249 структурных метафор, а в корпусе «США» на китайском языке – 242 структурные метафоры, что свидетельствует о весьма специфическом характере исследуемых новостных сообщений, где большое количество метафор служат цели структурировать новые или реструктурировать (дублировать) имеющиеся общественно-политические концепты.

Стоит также отметить, что особую убедительность данным метафорическим оборотам придает используемая языковая форма. Большинство из них строится либо при помощи сравнительных оборотов (похоже, подобно и проч.), либо посредством предложений А – это В, что по

классификации Дж. Стена является преднамеренной метафорой (*deliberate metaphor*) [Steen, 2017; Steen, 2011]. Под преднамеренной метафорой подразумевается, что носитель языка «как бы настраивает адресата своего сообщения установить в своем сознании определенную сферу-источник посредством прямого употребления соотносимых с этой сферой-источником лексических единиц» [Steen, 2011: 56].

В других корпусах количество структурных метафор несколько меньше, однако все равно индекс функциональной типологии принимает значение выше среднего показателя в 2, что свидетельствует о потенциальном воздействии, проявляющимся в имплицитной смене содержания общественно-политических концептов или в их пререформатировании в сознании массового адресата.

Отметим, что результаты корреляционного анализа между оценочностью и типологией используемых метафор свидетельствуют о том, что искомая зависимость есть, но ее нельзя назвать высокой, так как значение корреляции составило -0,65.

Приведем примеры метафор разных типов из исследованных нами текстов:

1. Глава государства после 2014 года *принял оборонительную позицию* и сосредоточил усилия, чтобы «*превратить Россию в финансовую крепость*», для которой не имеет значение *внешнее давление*. – В данном предложении нам встретилось 3 метафорических оборота: «глава государства принял оборонительную позицию» - онтологическая метафора, так как политика главы государства переосмысливается в военных терминах, «внешнее давление» - онтологическая метафора на основе концептуального переноса ПОЛИТИКА – это ДАВЛЕНИЕ, «превратить Россию в финансовую крепость» - это структурная метафора, где Россия посредством прямого сравнения называется «крепостью», то есть структурно переосмысливается как «крепкое, нерушимое образование».

2. Налаживающееся *хрупкое двустороннее взаимодействие* внезапно оказалось разрушенным, а его потенциальное, но *зыбкое перерастание на иные*

сферы быстро ушло в песок. – В данном предложении мы имеем дело с несколькими вариациями онтологической концептуальной метафоры «сотрудничество – это что-то хрупкое», сущностные характеристики сотрудничества между странами осмысляются через лексемы «хрупкое, зыбкое, ушло в песок», что добавляет специфические черты описанию этого взаимодействия, определяя его как нестабильное, непостоянное, быстроменяющееся.

3. 所以, 美欧对中国发起的这轮攻势, 表面上看声势浩大, 给中国造成了“四面楚歌”的感觉, 但一方面这些动作仅具“象征意义”, 对中国没有实质损害。(Поэтому данное *нападение США и Европы* на Китай кажутся внешне очень могущественным, будто это произвело на Китай впечатление, *что его со всех сторон окружили враги*, однако с другой стороны эти действия носят символический характер и не наносит Китаю никакого фактического ущерба) – В этом предложении *美欧对中国发起的这轮攻势* (нападение США и Европы на Китай) – здесь использовано онтологическая метафора с использованием сферы-источника ВОЙНА, что добавляет внешнеполитическим действиям США и ЕС оттенок агрессивности, воинственности. *给中国造成了“四面楚歌”的感觉* (досл. производит на Китай впечатление, что он окружен врагами со всех сторон (отовсюду слышны песни государства Чу). Здесь использование фразеологического оборота на военную тему опять поднимает концептуальную проекцию ОТНОШЕНИЯ – это ВОЙНА, однако использование несвойственного по стилю ченьюя в медиадискурсе, равно как и его пунктуационное выделение автором, позволяет маркировать данную метафору как сильную и онтологическую.

4. 面对中国在外交和经贸领域的反击, 欧洲也意识到, 一味跟随美国对抗中国将使欧洲失去战略自主性, 彻底沦为美国附庸。 *Столкнувшись с противодействием* (контратакой) Китая в дипломатии и внешней торговле, ЕС осознал, что постоянное следование США в противодействии Китаю приведет к потере стратегической самостоятельности и в конце концов превратит ЕС в

придаток (вассала) США. – В этом примере также несколько метафор, 在外交和经贸领域的反击 (противодействие (контратака) Китая в дипломатии и внешней торговле) и 欧洲失去战略自主性 (Европа потеряет стратегическую самостоятельность) – это онтологические метафоры, вариации концептуальной метафоры со сферой-источником ВОЙНА. Выражение 沦为美国附庸 (превратиться в придаток/вассала) – это структурная метафора, где характеристики одного объекта (ЕС) переосмысливаются через новый объект (вассал, придаток), тем самым первый объект не только приобретает новые характеристики, но и называется новым термином, тем самым переструктурируется его концептуальное содержание.

5. The editorial appears to indicate that China, which the U.S. regards as the West's *largest threat*, would *feel more* secure with a large military power like Russia at its side (Редакция полагает, что Китай, воспринимаемый США как наибольшую угрозу Западу, чувствует себя более безопасно с такой военной силой как Россия на своей стороне). – В данном предложении мы можем выделить метафору *China is a threat*, которая, будучи использованной в рамках оборота *regards as*, является прямой метафорой и несет в себе онтологический характер, так как Китай не заменяется новым концептом, он принимает в свое концептуальное поле дополнительные значения. Метафорическая проекция *China feels* (Китай чувствует) также является онтологической, потому что представляет собой олицетворение.

6. China has repeatedly come under fire over its treatment of Uighurs in Xinjiang (Китай неоднократно подвергался критике (попадал под огонь) из-за своего отношения к уйгурам в Синьцзяне). В данном предложении словосочетание «*come under fire*» (попасть под огонь) отражает концептуальную проекцию МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – это ВОЙНА, в рамках которой отношение к Китаю, критика этого государства, концептуализируется через военный термин. Это онтологическая метафора.

Формат новостных сообщений и аналитических статей, публикуемых в СМИ, дает возможность также проанализировать распределение метафор по внешней структуре и внутренней тема-рематической иерархии текстов, что дает нам дополнительные данные по наличию потенциального речевого воздействия.

Согласно исследованиям В. Коллер [Koller, 2003; Koller, 2004b] метафора в начале текста выполняет идентификационную функцию и активизирует информацию относительно темы высказывания, в середине текста выполняет функцию усиления авторских аргументов, создавая позитивный образ автора, которому можно доверять, а в конце текста метафора преимущественно выполняет персуазивную функцию, направляя процесс когнитивной обработки реципиента.

На основании исследований В. Коллер мы сделали вывод о том, что метафоры в начале и в конце речевого сообщения более связаны с речевым воздействием, чем метафоры в основной части, поэтому дополнительно для прояснения картины помимо основного значения индекса MStI(ex), который дает приблизительное представление о роли метафор в усилении речевого воздействия, мы также приведем распределение метафор в среднем по основным композиционным элементам текстов.

Таблица 40 – Распределение метафор по основным композиционным элементам новостных сообщений оценочного характера

Корпус	Вступление	Основная часть	Заключение	MStI(ex)
Корпус «США» (русский)	25	56,4	18,6	1,62
Корпус «Китай» (русский)	17,3	74,5	8,2	1,34
Корпус «Россия» (китайский)	15,3	72,9	11,8	1,30
Корпус «США» (китайский)	17,4	64	18,6	1,55
Корпус «Китай» (английский)	18,1	61,9	20	1,58
Корпус «Россия» (английский)	22,4	61	16,6	1,56

В Таблице 40 мы видим, что среди 6 проанализированных корпусов текстов выделяются корпус «Китай» на русском языке и корпус «Россия» на китайском. В новостных сообщениях, составляющих данный корпус, большая часть метафор (более 70%) сосредоточена в основной части текстов, что отразилось в довольно низком показателе индекса взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI(ex)): 1,34 и 1,3 соответственно. Данные показатели свидетельствуют о низком воздействующем потенциале новостных сообщений данных корпусов, так как метафоры в основной части текста чаще всего выполняют «риторическую функцию, украшают текст, делают аргументы автора более красочными» [Koller, 2003].

Примечательным является тот факт, что в корпусе «Россия» на английском языке больше метафор во введении, чем в заключении, а в корпусе «Китай» - наоборот. Это говорит о том, что при описании событий, связанных с Россией, на английском языке акцент больше делался на постановку проблемы, чем на ее описание, а при описании событий, связанных с Китаем, значительное внимание уделялось повтору основной проблемы в заключении новостного сообщения, что говорит о формировании мнения. Вероятно, это связано с тем, что политическая конфронтация с Россией уже давно стало доминантной американского политического медиадискурса, в то время как Китай только недавно стал «торговым», а затем и «политическим врагом». Поэтому описывая события, связанные с Россией, американские медиа повторяют уже имеющиеся оценочные концепты, в то время как при описании отношений с Китаем формируют новую новостную повестку.

С точки зрения взаимосвязи силы метафоры, то есть потенциального речевого воздействия, и внутренней тема-рематической иерархии текстов, среди полученных значений выделяется индекс MStI(in) для корпуса «США» на китайском языке и для корпуса «Китай» на английском языке (значение MStI(in) составили 1,73 и 2,02 соответственно). Особенность состоит в том, что

несмотря на высокие показатели плотности и интенсивности, значение индекса MStI(in) для данного корпуса ниже, чем для других корпусов.

С одной стороны, мы уже указывали, что чем выше значение данного индекса, тем больше потенциальная персуазивность высказывания, состоящая в стремлении «убедить посредством объяснения», так как значения выше 2 свидетельствуют о том, что большинство метафор соотносится с рематической доминантой. Однако и соотношение метафор преимущественно с темой речевого высказывания довольно показательно.

Когда метафора связана с темой, это значит, что метафоризируется предмет высказывания, то есть автор старается не объяснить, охарактеризовать или придать какие-то новые концептуальные черты уже известному, существующему в когнитивной системе реципиента сообщению объекту, а изменить само содержание этого объекта, переструктурировать его в когнитивной системе реципиента. Иными словами, тематические метафоры не являются персуазивными в плане убеждения или изменения мнения, они служат иной цели – сформировать новое концептуальное содержание, новое видение объекта. В этом контексте они во многом сходны со структурными метафорами, однако область применения несколько иная – структурные по форме метафоры влияют на когнитивную структуру тела метафоры, тогда как метафоры в теме высказывания воздействуют на уровне речевого высказывания.

На наш взгляд, данный тезис во многом соотносится с тем, что в настоящий момент в медиадискурсе КНР происходит определенное переосмысление отношений Китая и США. Это подтверждается многими аналитическими статьями, например, в этой статье из Wall Street Journal¹⁹ автор приводит цитату Си Цзиньпина 2014 года: «У нас есть тысяча причин, чтобы наладить китайско-американские отношения, - регулярно говорил он китайским подчиненным и иностранным гостям, - и ни одной причины, чтобы испортить их».

---

¹⁹ <https://www.wsj.com/articles/america-china-policy-biden-xi-11617896117>

Но изменение внешнеполитической повестки США относительно Китая вызвало аналогичные изменения в китайской внешнеполитической повестке. В статье указывается, что «хаотическая реакция Америки на пандемию, за которой последовали летние расовые потрясения и штурм Капитолия 6 января, укрепила веру Си в превосходство китайской системы. На внутренних собраниях он сравнивает американскую демократию с “куском сыпучего песка” и заявляет, что однопартийная система позволяет ему добиваться своих целей».

Подобные мнения политологов и журналистов подтверждают данные, полученные в результате анализа метафоричности текстов медиадискурса. Полученные значения показывают, что использование метафор концентрировано вокруг темы высказывания в новостном сообщении, особенно на фоне того, что в среднем обычно большее количество метафор соотносится с ремой, может быть связано с изменением новостной повестки. Метафоризация темы показывает прямое или опосредованное намерение автора изменить общие представления о передаваемых в теме концептах: либо добавить к ним новые концептуальные значения посредством онтологических метафор, либо изменить структуру концепта последовательно используя структурные метафоры с высоким потенциалом воздействия.

Таким образом, в результате анализа текстов медиадискурсов на трех языках, посвященных освещению событий в иностранном государстве, мы можем на основании экстралингвистических факторов сделать определенные выводы относительно потенциального речевого воздействия, содержащегося в данных текстах:

1. Аномальные значения индекса плотности метафор для корпусов «США» на русском и китайском языках свидетельствуют о высоком воздействующем потенциале текстов, составляющих данный корпус, которое, на наш взгляд, состоит в формировании негативного образа.

2. Высокие показатели интенсивности метафор, также характерные для двух этих корпусов, отражают использование ярких метафор, которые несут потенциал прямого эмоционального воздействия. Авторы новостных

текстов оценочного характера использовали яркие новые метафоры, значения индекса МП в среднем выше, чем в медиатекстах информационного характера, что подтверждает предположение о том, что в данных текстах высокий уровень оценочности.

3. Анализ функций метафор и соответствующих этим функциям типов метафор показал, что в корпусах «США» на русском и китайском языках было использовано наиболее количество структурных метафор среди всех исследованных текстов на русском языке, а среди текстов на китайском языке показатель MfTI выше только для выступления Си Цзиньпина перед ВСНП. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в текстах, освещающих деятельность США, формируется новый или отражается имеющийся образ страны в сознании массового адресата.

4. Значения индекса взаимосвязи внутренней структуры текста и метафоричности уточняют данные, полученные при анализе других индексов. Например, для корпуса «США» на русском языке это значение довольно высокое (2,43), а для корпуса «США» на китайском, напротив, довольно низкое (1,73). Это отражает тот факт, что в корпусе на русском языке большая часть метафор была сосредоточена в частях текста, соотносимых с ремой высказывания, тогда как в корпусе на китайском – с темой. На наш взгляд, это подчеркивает традиционность темы «противостояния с США» в публичном медиадискурсе России, а также указывает на то, что в новостных сообщениях Китая в настоящий момент формируется новая повестка, призванная изменить образ США, которые начали открытое противостояние с КНР не только в области экономики, но и в других сферах.

В целом, делая вывод о метафоричности новостных сообщений с оценочным потенциалом, мы можем отметить, что полученные значения во многом коррелируют с проведенным нами анализом оценочности изученных текстов. Как мы указывали выше, более метафоричными оказываются тексты, содержащие выраженную отрицательную оценку.

Кроме того, по значениям полученных индексов мы можем судить, что в новостных сообщениях на русском языке более очевидным выглядит формирование общественного мнения относительно США: новости из этого корпуса были более насыщены метафорами, сами метафоры были более яркими и чаще были нацелены на структурирование общественно-политических концептов. Анализ распределения метафор по внешней структуре текста показал, что в текстах данного корпуса метафор во введении больше, чем в других корпусах. Новостные сообщения, освещающие события, связанные с Китаем, умеренно метафоричны. Показатель интенсивности метафор имеет среднее значение, что свидетельствует о среднем уровне эмоционального воздействия. Метафоры распределены более равномерно с точки зрения внешней структуры текста, а соотношение с внутренней иерархией показывает нам большое количество метафор в рематической доминанте, что говорит о такой функции данных текстов, как «разъяснение, описание». В новостных сообщениях про Китай авторы больше стремились объяснить читателям содержание новости, чем сформировать мнение относительно него.

Примерно также формируется образ России в новостных сообщениях на китайском языке. Подчеркнем, что для этих двух корпусов значения плотности, интенсивности и функциональной типологии метафор почти идентичны. В китайском корпусе пропорция метафор больше соотносится с ремой высказывания, что еще раз подчёркивает описательный характер этих новостных сообщений. Напомним, что анализ оценочности новостных сообщений про Россию на китайском языке показал, что образ России в новостных сообщениях на китайском скорее нейтральный. Другая картина наблюдается в новостных сообщениях, составляющих корпус «США» на китайском языке. Насыщенность метафорами, высокая степень их интенсивности и структурный характер показывают, что формируется определенный образ, новостные сообщения наделены сильным воздействующим потенциалом. При этом обилие метафор в теме отражают формирование именно новой, нехарактерной новостной повестки. В этих

текстах, на наш взгляд, не просто описываются события, в них содержится стремление утвердить новый взгляд, новую точку зрения.

Новостные сообщения на английском языке, которые составили корпуса «Россия» и «Китай» отражают скорее уже сформировавшийся в медиадискурсе США подход к формированию образов РФ и КНР. Тексты были умеренно метафоричны по всем показателям, в них было среднее количество структурных метафор. Мы можем констатировать, что эти тексты также носят характер констатации уже сложившейся новостной повестки, а содержащийся в них потенциал речевого воздействия носит идентификационный характер.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что полученные значения индексов метафоричности подтвердили преимущественно оценочный характер отобранных новостных сообщений. Корпуса медиатекстов, посвященные описанию межгосударственных отношений, демонстрировали в среднем более высокий уровень речевого воздействия, который, на наш взгляд, связан с формированием негативной оценки о предмете речевого сообщения, в частности, в корпусе «США» на русском языке были зафиксированы самые высокие значения индексов метафоричности среди всех исследованных текстов. Корреляционный анализ между значениями индексов метафоричности и прагматическими характеристиками текстов показал, что в текстах с негативной оценкой использовалось больше метафор, они были более интенсивными.

Кроме того, анализ функций метафор по их типу и распределение метафор по внутренней и внешней структуре текстов показали, что функциональный потенциал метафор активно используется в медиадискурсе для изменения содержания медиаповестки, что подтверждается большим количеством структурных метафор, сконцентрированных вокруг темы речевого сообщения, в корпусе «США» на китайском. Мы можем заключить, что использование метафор – это действенный инструмент изменения содержания имеющихся и формирования новых концептов и формирования общественного мнения в медиадискурсе.

Выводы:

В результате анализа функционального потенциала метафор в собранных нами корпусах медиатекстов, разделенных на два типа: тексты с преимущественно информационной и преимущественно проблемной повесткой, мы можем заключить, что:

1. Анализ уровня метафоричности двух типов медиатекстов демонстрирует неоспоримую взаимосвязь между прагматическими характеристиками текста и реализацией функционального потенциала метафор в дискурсе, что проявляется в значительных отличиях всех показателей метафоричности для двух исследованных типов текстов.

2. Показатели плотности и интенсивности метафор для текстов информационного характера несколько выше, чем для текстов официально-документального дискурса и ниже, чем в текстах политического дискурса.

Интенсивность и плотность метафор в текстах с проблемной повесткой прямо коррелирует с содержанием новостных сообщений, метафоричность текстов с отрицательной оценкой выше, чем нейтральных и положительных.

3. Наибольшая интенсивность выявлена для метафор в текстах информационного характера для китайского языка, а тексты на русском языке характеризовались большим количеством структурных метафор, что свидетельствует об эмоциональном воздействии в дискурсе на китайском языке и когнитивном – на русском языке.

Высокие значения индекса интенсивности корпусов текстов на русском и китайском языках, посвященных США, свидетельствуют не только о стремлении сделать текст новостей более красочным, но и оказать персуазивное речевое воздействие посредством повышения эмоциональной тональности текста.

4. Показатели взаимосвязи распределения метафор по внешней и внутренней структуре текста свидетельствуют, что авторы медиатекстов

информационного характера пытались больше описать проблему, чем сформировать относительно нее какое-либо общественное мнение.

Распределение значений индексов метафоричности для новостных текстов с проблемной повесткой отражает высокий функциональный потенциал метафоры в формировании (для текстов на русском языке о США) и изменении (для текстов на китайском языке о США) общественного мнения относительно предмета речевого сообщения.

Таким образом, композиционная структура и глубинная тематическая иерархия новостных сообщений позволяет использовать все разработанные нами индексы. Метод комплексного анализа метафоричности (MDDA) показал свою валидность для анализа медиадискурса, где исследование функционального потенциала метафоры позволяет выявлять прагматические характеристики текста, выраженные в числовых показателях, и сделать выводы о формировании оценки, конструировании общественного мнения и об уровне эмоциональности риторики новостных сообщений.

3.5 Валидность метода комплексного анализа метафоричности дискурса

Нами был проведен анализ метафоричности текстов политического, официально-документального и медиа дискурсов на русском, китайском и английском языках. Для анализа метафоричности были использованы одинаковые подходы как при выявлении метафор в текстах (метод MIP VU), так и при анализе метафоричности (вычисление индексов плотности, интенсивности, функции метафоры и распределения метафор по внутренней и внешней структуре текста).

Большой объем исследованного материала и его разнообразие позволяет нам выявить определенные сложности в применении разработанного метода и интерпретации значений данных индексов, а также обобщить некоторые рекомендации по его использованию, к которым мы пришли в ходе апробации.

Прежде всего обобщим полученные результаты и сделаем промежуточные выводы относительно уровня метафоричности исследованных дискурсов и текстов.

Таблица 41 – Результаты анализа метафоричности текстов на русском, китайском и английском языках

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Обращения к нации (русский)	17380	1,02	1,17	2,06	1,21	2,23
Обращения к нации (китайский)	4283	4,88	1,64	2,38	1,32	1,99
Обращения к нации (английский)	11626	1,88	1,74	2,09	1,42	2,1
Выступление на форуме (русский)	1237	1,61	2,25	2	1,5	1,9
Выступление на форуме (китайский)	3735	2,65	2,06	2,33	1,62	1,64
Выступление на форуме (английский)	1992	1,65	1,96	2,03	1,33	2,09
Новогодние поздравления (русский)	949	2,63	1,56	2,12	1,6	2,04
Новогодние поздравления (китайский)	2795	3,47	1,91	2,02	1,73	2,09
Новогодние поздравления (английский)	1923	2,13	1,56	2,02	1,7	2,29
Военная доктрина Российской Федерации	5847	0,71	1,07	1,88	1,04	
Белая книга «Оборона Китая в новую эпоху»	11513	1,33	1,2	2,01	1,13	
Краткое изложение Стратегии национальной обороны США)	5537	1,24	1,11	1,98	1,34	
Тексты официальных документов ООН (русский язык)	4126	1,62	1,07	2,07		
Тексты официальных документов ООН (китайский язык)	4338	1,84	1,1	2,1		
Тексты официальных документов ООН (английский язык)	4543	1,65	1,1	2,09		
Коронавирус (русский)	20135	1,74	1,44	2,12	1,54	2,17
Коронавирус (китайский)	19211	2,4	1,5	2,05	1,53	2,21

Коронавирус (английский)	22288	1,69	1,2	1,87	1,48	2,11
Корпус «США» (русский)	20648	4,9	1,82	2,22	1,62	2,43
Корпус «Китай» (русский)	17541	2,7	1,51	2,08	1,37	2,31
Корпус «Россия» (китайский)	17252	2,73	1,67	2,06	1,43	2,57
Корпус «США» (китайский)	17765	4,61	2,01	2,28	1,53	1,73
Корпус «Китай» (английский)	19015	2,7	1,62	2,1	1,57	2,02
Корпус «Россия» (английский)	20648	3,02	1,56	2,08	1,55	2,38

Для каждого из индексов мы выделили по три наибольших значения. Для плотности метафор мы видим, что все три максимальных значения были выявлены для текстов на китайском языке: выступлении Си Цзиньпина перед ВСНП (4,88), медиатекстах на китайском языке в корпусе «США» (4,61) и новогодних поздравлениях на китайском языке (3,47).

По показателю интенсивности метафор наиболее яркие в среднем отношении метафоры были использованы в выступлении В. В. Путина на форуме «Один пояс-один путь» (2,25), а также в текстах на китайском языке: выступлении Си Цзиньпина на форуме «Один пояс-один путь» (2,06), в медиатекстах на китайском языке в корпусе «США» (2,01) и новогодних поздравлениях на китайском языке (1,91). Мы полагаем, что текст выступления Президента РФ в рамках программы экономического форума является несколько аномальным с точки зрения метафоричности, характерной как для политического дискурса на русском языке в целом, так и для авторского стиля выступлений В. В. Путина. В параграфе 3.1.2 мы анализировали этот текст подробно с точки зрения содержания и указывали, что высокий уровень метафоричности, возможно, связан с желанием увеличить красочность выступления перед китайской аудиторией некоторыми культурно-обусловленными стилистическими фигурами. Полагаем, что использование ярких интенсивных метафор в данном тексте вызвано желанием оказать

эмоциональное воздействие, оно предполагает скорее наличие риторического эффекта, чем речевого воздействия.

С точки зрения функций метафор в исследованных текстах наибольшее количество структурных метафор было выявлено нами опять в трех текстах на китайском языке: выступлении Си Цзиньпина перед ВСНП (2,38), выступлении Си Цзиньпина на форуме «Один пояс-один путь (2,33) и медиатекстах на китайском языке в корпусе «США» (2,28). Это говорит о том, что в этих текстах функциональный потенциал метафор реализовывался преимущественно за счет когнитивной реструктуризации метафоризируемых концептов.

При этом стоит отметить, что, как мы видим в Таблице 41, разница в значениях индекса MfTI для текстов разных дискурсов на разных языках отличаются не сильно. Например, минимальное полученное значение 1,88 для текста военной доктрины на русском языке, а максимальное – 2,43 в выступлении Си Цзиньпина перед ВСНП в 2013 году. Разница в значении индекса составляет всего 0,55, при этом в выступлении Си Цзиньпина нами было выявлено 48 структурных метафор из 110, а в тексте военной доктрины не встретилось ни одной структурной метафоры.

Как мы указывали в Главе 2, индекс функциональной типологии метафоры (MfTI) призван отражать взаимосвязь между речевым воздействием и содержанием метафоры, этот индекс был разработан как альтернатива индексу содержания метафоры (MCI), который использовала К. де Ландтсхеер в своих работах, посвященных анализу кризисного дискурса [Landtsheer De, 2007]. Мы исходили из того, что содержание метафоры во многом отражается также и в разнице типов метафорических переносов, которые выделяли Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон, 2004]. При этом мы также определили структурные метафоры как обладающие наибольшим воздействующим потенциалом, так как они реструктуризируют концептуальное содержание сферы-цели.

Основываясь на тех же теоретических постулатах, в ходе практического исследования мы столкнулись с тем, что во всех исследованных текстах

онтологических метафор было больше, чем структурных. Таким образом, большое количество онтологических метафор, которые, согласно теории концептуальных метафор, играют идентификационную роль, и маленькое количество ориентационных метафор, большая часть из которых является «базовыми примарными метафорами» и потому не выявляется как метафора в ходе процедуры MIP VU, как бы усредняет значение индекса функциональной типологии метафоры. При этом все же главным и наиболее показательным с точки зрения потенциального речевого воздействия является количество структурных метафор, которые чаще всего являются еще и высокоинтенсивными.

В этой связи нам представляется возможным внести коррективы в анализ функций метафор в будущих исследованиях. Мы полагаем, что более наглядным с точки зрения интерпретации результатов будет выделение относительной величины количества структурных метафор, использованных в том или ином тексте. В таком случае разница будет более очевидна и показательна. Приведем пример сравнения значений показателя индекса метафор для некоторых текстов.

Таблица 42 – Сравнение значений индекса MfTI и значений относительных величин количества структурных и онтологических метафор

Текст/корпус	MfTI	Относительная величина количества структурных метафор	Относительная величина количества онтологических метафор
Обращения к нации (китайский)	2,38	3,87	5,98
Выступление на форуме (русский)	2	2	6
Военная доктрина РФ	1,88	0	8,8
Коронавирус (английский)	1,87	0,63	7,72
Корпус «США» (китайский)	2,28	2,95	6,91

Полученные данные по индексу MfTI и значениям относительных величин во многом коррелируют друг с другом. Так, например, корреляция между полученными значениями индекса MfTI и относительной величиной

количества структурных метафор составляет 0.96, а с относительной величиной количества онтологических метафор -0,67. Это говорит о том, что подсчет индекса MfTI отражает наличие в тексте структурных метафор, а именно для этой цели он и был разработан, при этом роль онтологических метафор в нем учитывается меньше. Кроме того, как мы видим в Таблице 42 относительные величины более показательны даже если использовать одну из них, например, относительную величину количества структурных метафор. Разница между потенциальным речевым воздействием текстов становится более понятной.

Индексы, отражающие распределение метафор по внешней структуре (MStI(ex)) и внутренней иерархии текста (MStI(in)) в ходе практического исследования были признаны нами вспомогательными инструментами анализа.

Структура некоторых текстов предполагает маленький относительный объем вступительной и заключительной частей в сравнении с основной частью текста, что обуславливает большее количество метафор в основной части. То есть доминирование метафор в основной части зачастую связано не с потенциальным речевым воздействием, а непосредственно с самой структурой текста. Этот факт подтверждается тем, что наибольшие показатели данного индекса выявлены для текстов новогодних обращений лидеров трех стран, которые отличались небольшим объемом и четко определенной структурой.

Учитывая вышеизложенное, относительно применения индекса взаимосвязи внешней структуры текста и метафоричности мы можем сделать вывод о целесообразности его применения только в тех текстах, где структура относительно равномерна, то есть основная часть составляет не более 70% от общего объема всего текста.

Кроме того, основываясь на теоретических исследованиях и практических результатах анализа функций метафоры в тексте, представленных в работах В. Коллер [Koller, 2003; Koller, 2004a], мы можем также предложить для более детального анализа потенциального речевого воздействия использовать относительные величины распределения метафор по

структурным элементам текста. Пример представлен в Таблице 43, содержание которой уже анализировалось ранее в параграфе 3.4.2 .

Таблица 43 – Сравнение значений индекса MStI(ex) и значений относительных величин количества метафор в композиционных элементах текста

Корпус	Вступление	Основная часть	Заключение	MStI(ex)
Корпус «США» (русский)	2,5	5,64	1,86	1,62
Корпус «Китай» (русский)	1,73	7,45	0,82	1,34
Корпус «Россия» (китайский)	1,53	7,29	1,18	1,30
Корпус «США» (китайский)	1,74	6,4	1,86	1,55
Корпус «Китай» (английский)	1,81	6,19	2	1,58
Корпус «Россия» (английский)	2,24	6,1	166	1,56

Если мы проведем корреляционный анализ значений индекса MStI(ex) и полученных относительных величин, то увидим, что корреляция с относительными величинами количества метафор во вступительной, основной и заключительной частях текста составляет 0.72, - 0.96 и 0.91, что свидетельствует о том, что в целом значения индекса верно отражают указанное распределение метафор, однако использование относительных величин позволяет уточнить эти данные.

Небольшой разброс полученных значений индекса взаимосвязи внутренней тема-рематической иерархии текста и метафоричности также говорит о возможности использования показателя относительной величины количества метафор в теме и в реме. Рассмотрим также на примере анализа корпусов медиатекстов.

Таблица 44. Сравнение значений индекса MStI(in) и значений относительных величин количества метафор в тема-рематической иерархии текста

Корпус	MStI(ex)	Тема	Рема
Корпус «США» (русский)	2,43	2,83	7,16
Корпус «Китай» (русский)	2,31	3,43	6,56
Корпус «Россия» (китайский)	2,57	2,11	7,88

Корпус «США» (китайский)	1,73	6,32	3,67
Корпус «Китай» (английский)	2,02	3,1	6,89
Корпус «Россия» (английский)	2,38	3,06	6,93

Корреляционный анализ показывает высокую степень взаимосвязи полученных числовых значений: корреляция значения индекса с относительной величиной количества метафор в теме -0.88 , а с относительной величиной количества метафор в реме 0.88 . При этом сами числовые показатели относительных величин более наглядны.

Таким образом, относительно использования индекса функциональной типологии и индексов взаимосвязи метафоричности с внешней и внутренней иерархией текста, мы должны отметить, что нам кажется логичным в определенных случаях углубленно рассматривать эти явления посредством вычисления также указанных выше относительных величин.

Выводы:

Количественный анализ уровня метафоричности продемонстрировал свою эффективность. При этом в ходе эмпирического исследования мы выявили ряд сложностей и предложили способы повышения наглядности получаемых в результате подсчета индексов метафоричности значений:

1. С точки зрения интерпретации результатов анализа функций метафор в тексте можно высчитывать относительную величину количества использованных структурных метафор. Так как структурные метафоры свидетельствуют о воздействующем потенциале речевого сообщения, показатель относительной величины их количества будет являться более наглядным маркером этого воздействия.

2. Индексы, отражающие распределение метафор по внешней структуре (MStI(ex)) и внутренней иерархии текста (MStI(in)) в ходе практического исследования были признаны нами вспомогательными инструментами анализа и могут использоваться только вместе с показателями интенсивности и функций метафор.

3. Для демонстрации распределения метафор по внешней структуре текста и внутренней тема-рематической иерархии также можно использовать показатели относительных величин.

Как показал корреляционный анализ, значения относительных величин разных аспектов метафоричности являются более наглядными, однако они во многом коррелируют с уже имеющимися индексами. В этой связи для дальнейшего исследования в рамках данной работы нет необходимости осуществлять пересчет имеющихся значений.

Выводы по Главе 3:

Основной исследовательской задачей, которую мы ставили перед собой в этой части нашей работы, является апробация разработанного метода комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA) посредством подсчета индексов метафоричности. Опираясь на теоретические основания функционирования метафор, мы последовательно исследовали тексты политического, официально-документального и медиадискурсов на русском, китайском и английском языках с точки зрения выявления количества метафор на определенный объем текста, типа метафор, то есть степени их конвенционализированности в языке, функций, которые метафоры выполняют в тексте, распределения метафор по внутренней и внешней структуре текста.

Для оптимизации и уточнения процесса подсчета и структурирования результатов исследования дискурса посредством метода комплексного анализа метафоричности нами была разработана специальная программа Metaphor Index Calculator, которая позволяет исследователю последовательно и в удобной форме вычислить индексы метафоричности, отражающие вышеперечисленные аспекты реализации функционального потенциала метафор в дискурсе.

Вычисление уровня метафоричности конкретных дискурсивных произведений и анализ полученных результатов позволяет нам сделать нижеследующие выводы:

1. Определение функционального потенциала метафор в дискурсе посредством индексов метафоричности эффективно при комплексном анализе полученных значений индексов, которые отражают разные аспекты функционирования метафор и, соответственно, уточняют и дополняют друг друга.

2. Высокую плотность метафор и значительное количество структурных метафор в текстах можно признать характерной чертой китайского политического дискурса, что подтвердил анализ текстов официальных деклараций ООН.

3. Интенсивность метафоры больше связана с прагматическими и экстралингвистическими характеристиками текста, чем с лингвокультурными, что следует из разницы в использовании конвенциональных и новых метафор, использованных разными авторами текстов на английском языке (Д. Трамп и Елизавета II).

4. Использование индексов взаимосвязи метафоричности с внешней и внутренней структурой текста для текстов большого объема (публичные выступления политиков) или для текстов нестандартной структуры (официальные документы) затруднительно. При анализе структуры текста следует также принимать во внимание распределение объема текста по композиционным элементам.

5. Анализ уровня метафоричности может быть действенным инструментом выявления жанровых отличий, что было продемонстрировано при исследовании текстов военных доктрин. Это свидетельствует о том, что функциональный потенциал метафор проявляется также в формировании определенных жанрово-стилистических характеристик текста.

6. Процесс порождения идентичных по смыслу речевых высказываний на разных языках (тексты официальных документов ООН) влияет на использование метафор в тексте, что также подтверждает взаимосвязь лингвокультуры и метафоричности. Чаще всего изменениям подвергаются конвенциональные онтологические метафорические выражения.

7. Анализ уровня метафоричности двух типов медиатекстов, информационных и оценочных, демонстрирует неоспоримую взаимосвязь между прагматическими характеристиками текста и реализацией функционального потенциала метафор в дискурсе, что проявляется в значительных отличиях всех показателей метафоричности для двух исследованных типов текстов.

8. Опыт применения количественного анализа уровня метафоричности показал, что для анализа функций метафор и распределения метафор по внешней и внутренней структурам текста можно также применять значения относительных величин, которые более наглядно демонстрируют количество структурных метафор и место метафор в структуре текста.

Таким образом, апробация метода комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA) подтвердила свою валидность и позволяет эффективно выявлять разные особенности функционирования метафор в дискурсе. При этом интерпретация полученных значений индексов метафоричности, осуществляемая комплексно, позволяет делать выводы о жанровых особенностях, прагматических характеристиках и типе речевого воздействия в текстах. Мы полагаем интерпретацию значений индексов метафоричности неотъемлемой частью предложенного комплексного метода анализа метафоричности.

Кроме того, полученные результаты позволяют рассмотреть метафоры не только как средство потенциального речевого воздействия или украшения текста – мы также можем проследить определенную взаимосвязь разных аспектов употребления метафор в дискурсе в их зависимости от типологических и лингвокультурных особенностей языков. Например, одним из наиболее заметных выводов стал неизменно высокий показатель плотности метафор для всех дискурсов на китайском языке, что, на наш взгляд, связано со специфическими характеристиками китайской культуры.

Далее мы более детально рассмотрим указанные выше зависимости. Кроме того, на основании комплексного анализа числовых показателей

разработанных индексов мы классифицируем разные типы речевого воздействия, реализуемого через заложенный в метафорах функциональный потенциал.

Глава 4 Прагматический и культурный аспекты реализации функционального потенциала метафор

4.1 Взаимосвязь метафоричности и типа дискурса

Анализ функционального потенциала метафор в текстах политического, официально-документального и медиадискурсов на русском, китайском и английском языках показал, что метафора играет важную роль как средство речевого воздействия. Проведенное практическое исследование предоставило нам большой объем количественных показателей, которые отражают разные аспекты функционирования метафор в рамках дискурса: плотность, интенсивность, функции метафор и распределение по внешней и внутренней структуре текста.

Теоретический анализ и эмпирическое исследование позволяют говорить о метафоричности как о дискурсивной характеристике, представляющей собой набор концептуальных моделей, интерпретирующих или формирующих имеющиеся в языковом сознании когнитивные структуры знаний. Как мы указывали в Главе 2, метафоричность – это реализация функционального потенциала метафор разного типа в тексте и дискурсе, те специфические функции, которые играют метафорические модели в дискурсе.

В этой части нашей работы мы более подробно рассмотрим, как связана метафоричность с дискурсом, рассмотрим отличия в распределении показателей функционального потенциала метафор по разным типам дискурса и более подробно исследуем в этой связи зависимость метафоричности и речевого воздействия.

Как показало наше эмпирическое исследование, наибольшая разница в значении индексов метафоричности проявляется в зависимости от прагматических характеристик текстов, то есть наиболее яркой является взаимосвязь между функциональным потенциалом метафор и прагматикой текста и дискурса, в котором эти метафоры употребляются.

Подобный вывод возможен в силу того, что в рамках одного дискурса нами исследовались разные группы текстов, во многом отличающиеся друг от друга прагматическими характеристиками. Наиболее ярко это отличие, на наш взгляд, заложено в двух типах текстов медиадискурса: тексты новостного характера и тексты оценочного характера («проблемной повестки»). При этом разница в прагматике присутствует и в текстах политического дискурса (обращения к нации, новогодние поздравления, выступления на форумах), и в текстах официально-документального стиля (военные доктрины и документы ООН).

Для демонстрации разницы функционального потенциала текстов разной прагматической направленности представим средние значения индексов метафоричности для разных типов текста в рамках одного дискурса и для дискурсов в целом.

Таблица 45. – Средние значения индексов метафоричности для разных типов текста и дискурсов (средние показатели по трем языкам)

Текст	Объем	MDI	MI	MFTI	MStI(ex)	MStI(in)
Обращения к нации	17146	2,79	1,88	2,16	1,41	1,99
Выступления на форумах	6964	1,97	2,09	2,12	1,48	1,88
Новогодние поздравления	5667	2,74	1,67	2,05	1,68	2,14
Политический дискурс	45920	2,43	1,76	2,11	1,49	2,04
Военные доктрины	22897	1,09	1,13	1,95	1,17	0
Документы ООН	13007	1,70	1,09	2,08	0	0
Официально-документальный дискурс	35904	1,4	1,11	2,02	1,17	0
Медиасообщения информационного характера	61634	1,94	1,38	2,01	1,51	2,16
Медиасообщения с «проблемной повесткой»	112869	3,44	1,69	2,13	1,51	2,24
Медиадискурс	174503	2,94	1,6	2,1	1,5	2,21

Результаты, представленные в Таблице 45, кажутся вполне закономерными. Все показатели метафоричности: плотность, интенсивность и индекс структурной типологии для текстов официально-документального дискурса меньше, чем в текстах политического и медиадискурсов. Особенно заметна эта разница в плотности и интенсивности метафор. В данном случае результаты нашего исследования подтверждают ожидаемый вывод о том, что дискурс официальных документов менее метафоричен, чем политический дискурс, представленный устными выступлениями политиков, и медиадискурс.

Если сравнить полученные значения индексов метафоричности для политического и медиадискурса, то мы увидим, что значения во многом сходны. Прежде всего, это связано с тем, что часть новостных сообщений, которые мы исследовали в рамках анализа медиадискурса, были посвящены политическим вопросам и тематически тоже могут быть отнесены к политическому дискурсу.

Более показательной является разница в метафоричности текстов, разделенных по функциям: информативной и воздействующей. Безусловно, каждый дискурс выполняет сразу несколько функций, однако все же мы полагаем возможным выделить одну из двух перечисленных как доминирующую.

Отметим, что выделение подобных функций дискурса обусловлено обширной базой теоретических исследований. Так, еще К. Бюлер выделял репрезентативную, т. е. функцию представления предметов, положений дел и событий, экспрессивную, т. е. функцию выражения внутреннего состояния, эмоций и позиций отправителя, и аппелятивную, т. е. функцию, с помощью которой отправитель обращается к реципиенту и хочет побудить его к определенным реакциям [Бюлер, 1993]. Ю. М. Лотман также писал о трех функциях: передача информации, выработка смыслов и функция памяти [Лотман, 1993]. Другие исследователи выделяют дополнительные функции, тем не менее, в каждой из классификации константно можно определить функцию информирования и функцию воздействия как базовые.

В нашем исследовании мы можем с определенной степенью условности отнести тексты обращений к нации, выступления на форуме, новогодние поздравления и медиасообщения с «проблемной повесткой» к текстам, обладающим воздействующим потенциалом, а тексты военных доктрин, документы ООН и медиасообщения про коронавирус к текстам информационного характера.

Рассмотрим полученные результаты по двум группам. Отметим, что в данном случае полученные значения индексов не являются средним арифметическим значений индексов, рассчитанных для разных текстов на разных языках. Для более полного анализа взаимосвязи функций текста и метафоричности мы рассчитали индексы для всех текстов, объединенных нами в одну из групп, сразу в совокупности.

Таблица 46 – Метафоричность дискурсов информационного и воздействующего характера

Функция дискурса	Объем	MDI	MI	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Информационный	97538	1,72	1,31	2,02	1,08	1,56
Воздействующий	142646	3,04	1,7	2,16	1,5	2,19

В Таблице 46 мы видим, что по значениям всех индексов метафоричность воздействующего дискурса выше, чем информационного. В «воздействующих» текстах в среднем почти в два раза больше метафор, они значительно интенсивнее, в них использовано больше структурных метафор. Кроме того, в подобных текстах чаще метафоры встречаются не в основной части текста, а во введении и в заключении, а относительно структуры текста – в них чаще метафоры концентрируются вокруг ремы.

Основываясь на этих положениях, мы можем сделать два равнозначно важных вывода:

1. Метафоричность является дискурсивной характеристикой, отражающей прагматический потенциал речевого сообщения.

2. Анализ метафоричности является действенным средством выявления прагматического потенциала дискурса.

Рассматривая текст как зафиксированное речевое произведение, обладающее особой структурой, а также включающее определённый набор языковых средств и направленное на достижение прагматического эффекта, мы можем определить метафоричность как одно из средств достижения данного прагматического потенциала. При этом на основании числовых показателей индексов метафоричности, мы можем определить конкретные значения индексов, которые отражают прагматический потенциал текста и дискурса.

В самых общих чертах мы можем определить, что речевое произведение информационного характера отличается:

- 1) низким и средним уровнем плотности метафор ($MDI = 0-2,5$);
- 2) низким уровнем интенсивности метафор ($MPI = 0-1,5$);
- 3) незначительным количеством структурных метафор ($MfTI = 0-2$ и относительная величина количества структурных метафор до 2,5, то есть не больше 25% всех метафор – это структурные метафорические переносы);
- 4) концентрацией метафор преимущественно в основной части текста ($MStI(ex) = 0-1,5$, и относительная величина количества метафор в основной части больше 8, то есть больше 80% всех метафор сосредоточено в основной части текста);
- 5) концентрацией метафор преимущественно относительно темы высказывания ($MStI(in) = 0-2$), данный параметр стоит рассматривать как вспомогательный и анализировать его показатели в совокупности с экстралингвистическими факторами, а также с использованием анализа содержания отдельных метафорических проекций.

Тогда речевое произведение воздействующего характера отличается:

- 1) высоким уровнем плотности метафор ($MDI > 2,5$);
- 2) высоким уровнем интенсивности метафор ($MPI > 1,5$);

3) значительным количеством структурных метафор ($MfTI > 2$ и относительная величина количества структурных метафор больше 2,5, то есть больше 25% всех метафор – это структурные метафорические переносы);

4) концентрацией метафор преимущественно в основной части текста ($MStI(ex) > 1,5$, и относительная величина количества метафор в основной части меньше 8, то есть менее 80% всех метафор сосредоточено в основной части текста);

5) концентрацией метафор преимущественно относительно темы высказывания ($MStI(in) > 2$), данный параметр стоит рассматривать как вспомогательный и анализировать его показатели в совокупности с экстралингвистическими факторами, а также с использованием анализа содержания отдельных метафорических проекций.

Отметим, что небольшие отклонения от указанных числовых показателей допустимы; если же значения индексов демонстрируют значительные отличия, то следует обратить внимание на другие факторы, кроме того, нужно более детально изучить содержание метафорических проекций. Подобные тексты могут признаваться переходными: преимущественно информационными, преимущественно воздействующими, информационными с элементами воздействия и так далее.

Также следует указать, что теоретические основания изучения функционирования метафор в рамках дискурса свидетельствуют, что наиболее значимыми для определения прагматических характеристик текста будут показатели интенсивности (МП) и функций метафор (MfTI). Плотность метафор мы описывали как характеристику, которая во многом связана с национально-культурными особенностями дискурса (что будет рассмотрено далее), а индексы, отражающие распределение метафор по элементам структуры текста, признаны вспомогательными.

Рассмотрим с точки зрения указанных числовых показателей данные индексов для всех исследованных нами текстов. В Таблице 47 те показатели индексов метафоричности, которые соотносятся с воздействующим

потенциалом выделены серым, а те, которые связаны с информационной функцией, маркированы подчеркиванием:

Таблица 47 – Интерпретация значений индексов метафоричности для определения прагматического потенциала дискурса

Текст	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)	Характер текста
Обращения к нации (русский)	<u>1,02</u>	<u>1,17</u>	<u>2,06</u>	<u>1,21</u>	2,23	Информационный с элементами воздействия
Обращения к нации (китайский)	4,88	1,64	2,38	<u>1,32</u>	1,99	Воздействующий
Обращения к нации (английский)	<u>1,88</u>	1,74	<u>2,09</u>	<u>1,42</u>	2,1	Информационно-воздействующий
Выступление на форуме (русский)	<u>1,61</u>	<u>2,25</u>	<u>2</u>	<u>1,5</u>	1,9	Информационно-воздействующий
Выступление на форуме (китайский)	2,65	2,06	2,33	1,62	1,64	Воздействующий
Выступление на форуме (английский)	<u>1,65</u>	1,96	2,03	<u>1,33</u>	2,09	Преимущественно воздействующий
Новогодние поздравления (русский)	2,63	1,56	2,12	1,6	2,04	Воздействующий
Новогодние поздравления (китайский)	3,47	1,91	2,02	1,73	2,09	Воздействующий
Новогодние поздравления (английский)	2,13	1,56	2,02	1,7	2,29	Воздействующий
Военная доктрина Российской Федерации	<u>0,71</u>	<u>1,07</u>	<u>1,88</u>	<u>1,04</u>		Информационный
Белая книга «Оборона Китая в новую эпоху»	<u>1,33</u>	<u>1,2</u>	<u>2,01</u>	<u>1,13</u>		Преимущественно информационный
Стратегия национальной обороны США)	<u>1,24</u>	<u>1,11</u>	<u>1,98</u>	<u>1,34</u>		Информационный
Тексты официальных документов ООН (русский язык)	<u>1,62</u>	<u>1,07</u>	<u>2,07</u>			Преимущественно информационный
Тексты официальных документов ООН (китайский язык)	<u>1,84</u>	<u>1,1</u>	<u>2,1</u>			Преимущественно информационный
Тексты официальных документов ООН (английский язык)	<u>1,65</u>	<u>1,1</u>	<u>2,09</u>			Преимущественно информационный
Коронавирус (русский)	<u>1,74</u>	<u>1,44</u>	<u>2,12</u>	<u>1,54</u>	2,17	Информационно-воздействующий
Коронавирус (китайский)	2,4	1,5	2,05	1,53	2,21	Преимущественно воздействующий

Коронавирус (английский)	<u>1,69</u>	<u>1,2</u>	<u>1,87</u>	<u>1,48</u>	<u>2,11</u>	Преимущественно информационный
Корпус «США» (русский)	<u>4,9</u>	<u>1,82</u>	<u>2,22</u>	<u>1,62</u>	<u>2,43</u>	Воздействующий
Корпус «Китай» (русский)	<u>2,7</u>	<u>1,51</u>	<u>2,08</u>	<u>1,37</u>	<u>2,31</u>	Информационно- воздействующий
Корпус «Россия» (китайский)	<u>2,73</u>	<u>1,67</u>	<u>2,06</u>	<u>1,43</u>	<u>2,57</u>	Преимущественно воздействующий
Корпус «США» (китайский)	<u>4,61</u>	<u>2,01</u>	<u>2,28</u>	<u>1,53</u>	<u>1,73</u>	Воздействующий
Корпус «Китай» (английский)	<u>2,7</u>	<u>1,62</u>	<u>2,1</u>	<u>1,57</u>	<u>2,02</u>	Воздействующий
Корпус «Россия» (английский)	<u>3,02</u>	<u>1,56</u>	<u>2,08</u>	<u>1,55</u>	<u>2,38</u>	Воздействующий

Мы видим, что все тексты можно классифицировать, при этом наблюдается много «пограничных» показателей, когда значения одних индексов свидетельствуют об информационном, а другие – о воздействующем характере. Например, корпус «коронавирус» на русском языке, где количество и интенсивность метафор свидетельствуют о низком уровне речевого воздействия, а наличие структурных метафор говорит об обратном, мы обозначили как информационно-воздействующий.

Безусловно, подобная классификация будет отличаться высокой степенью условности. При этом наличие 5 числовых показателей метафоричности и теоретических оснований интерпретации их взаимосвязи с речевым воздействием позволяет нам глубже рассмотреть возможность идентификации речевого воздействия в текстах по признакам, связанным с функциональным потенциалом метафор в дискурсе.

Выводы:

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод, что метафоричность является дискурсивной характеристикой, отражающей прагматический потенциал речевого сообщения. Соответственно, метод комплексного анализа метафоричности является действенным средством выявления прагматического потенциала дискурса.

Для этих целей мы определили конкретные числовые показатели каждого из индексов, которые свидетельствуют о прагматических функциях текста: информативной или воздействующей. Данный способ с определенной долей условности можно использовать для выявления определенного типа текста или дискурса с прагматической точки зрения.

4.2 Метафорическое речевое воздействие в дискурсе

Соотнесение имеющихся теоретических и практических достижений в области речевого воздействия с результатами нашего исследования позволяет выработать набор критериев для определения типа и уровня речевого воздействия по значениям индексов метафоричности. Иными словами, на основании уже имеющихся числовых данных можно заложить базу для будущих исследований, создать своего рода «отправную точку» в виде средних значений индексов, которые будут демонстрировать определенный уровень речевого воздействия определенного типа. Это во многом упростит интерпретацию значений, полученных в ходе определения функционального потенциала метафор в будущих исследованиях.

В данной части нашей работы мы на основании комплексного анализа числовых показателей разработанных индексов классифицируем разные типы речевого воздействия, реализуемого через заложенный в метафорах дискурсивный функциональный потенциал. Исходя из приведенного выше анализа метафоричности текстов разных дискурсов и разных прагматических характеристик, а также основываясь на понимании зависимости разных аспектов употребления метафор в текстах, мы можем предположить, как именно могут быть связана метафоричность и речевое воздействие.

Прежде всего рассмотрим разработанные в современной лингвистике концепции и типы речевого воздействия.

Теория речевого воздействия имеет долгую историю, истоки которой заложены в древнегреческой риторике. Пристальное внимание на речевое воздействие прежде всего в его психологическом аспекте обратили в начале 20

века, когда тезис о том, что слова служат исключительно целям передачи информации об окружающем мире, подвергся сомнениям. Как писали американские психолингвисты Д. Слобин и Дж. Грин, «достаточно опасно забывать, что языки могут действительно иметь важное влияние на то, во что люди верят, и что они будут делать» [Слобин, Грин, 1976: 115].

Под речевым воздействием мы в широком смысле вслед за Е. Ф. Тарасовым понимаем «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, это речевое общение, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, а своего собеседника — как объект» [Тарасов, 1990: 5]. Данное определение предполагает, что речевое воздействие есть в любом акте речевой коммуникации, так как любое речевое произведение имеет цель, субъект и объект.

Существует несколько критериев классификации речевого воздействия: по характеру взаимодействия выделяют прямое и косвенное [Гришечко, 2008].

Прямой способ речевого воздействия – это речевая коммуникация, которая предполагает использование языковых форм, за которыми в системе языка закреплено определенное иллокутивное значение, обуславливающее прямую вербализацию коммуникативной цели говорящего. Очевидно, что повелительное наклонение предполагает речевое воздействие в форме побуждения к действию, а вопросительные предложения связаны с иллокутивными силами сообщения и запроса информации.

Косвенное речевое воздействие обычно противопоставляется прямому: «Косвенный способ выражения коммуникативного намерения представляет собой употребление языковых форм для выражения иллокутивной силы, не связанной с их прямым языковым значением» [Гришечко, 2008:56].

Косвенная форма речевого воздействия не предполагает открытого выражения речевых интенций говорящего и реализуется за счет косвенной номинации как «акта называния или как речевых действий, в результате

которых тот или иной объект действительности оказывается названным несвойственным для него именем» [Карташкова, 1999: 38].

К косвенным средствам номинации исследователи относят «метафоры, иронию, риторические вопросы, аллюзии, языковую игры и т. д.» [Баранов, 2009], полагая, что именно косвенные средства номинации являются основным инструментом суггестивного воздействия, так как «составляют такой способ подачи сообщения, который базируется на иррациональном, неосознанном восприятии информации» [Филатова, 2018: 79].

Отметим, что метафору даже соотносят с одним из типов НЛП (нейролингвистического программирования): «В наиболее близком к лингвистическому аспекту понимании метафора используется в метамодели языка. Мета модель не является моделью языка как таковой, но моделью поведения говорящего, когда он собирает информацию о реципиенте или устанавливает с ним долгосрочный контакт, то есть представляет собой некую репрезентативную схему. На поверхностном уровне такие схемы могут быть представлены метафорами, точнее – метафорическими моделями» [Borisov, Makhova, Oganyan, 2019: 200].

Очевидно, что все метафорические переносы, и конвенциональные, и авторские, являются косвенными, даже имплицитными средствами речевого воздействия. Все метафорические проекции, вербализованные в любом типе дискурсе, базируются на концептуальном переносе разной степени конвенционализированности, который при порождении высказывания образуется в языковом сознании автора речевого сообщения. При этом дешифровка этого концептуального переноса требует определенного когнитивного напряжения с опорой на глубинные ментальные структуры языкового сознания. Когнитивные процессы происходят имплицитно, а суггестивное или персуазивное воздействие происходит за счет вторичных косвенных эффектов, которые вызывает дешифровка метафорического переноса.

С точки зрения интенциональности речевых действий речевое воздействие можно разделить на преднамеренное (интенциональное) и непреднамеренное (неинтенциональное).

Проблема интенциональности связана с осознанностью речевых действий и обсуждается достаточно часто. Так, О. С. Иссерс со ссылкой на работы В. И. Карасика указывает, что «намеренное речевое воздействие может осуществляться посредством: 1) авторитета, законной власти носителя институционально более высокого статуса; 2) манипуляции (то есть маскируемой власти); 3) убеждения, аргументации; 4) силы (физической или психической)» [Иссерс, 2008: 26].

При более детальном рассмотрении этой проблематики возникает вопрос: а возможно ли вообще непреднамеренное и, соответственно, непреднамеренное речевое воздействие? Если автор речевого сообщения осознает цель своего речевого сообщения и осознанно подбирает речевые средства достижения своей цели, то он осуществляет интенциональное речевое воздействие. Но может ли автор речевого сообщения не осознавать цель своего сообщения, ведь, как утверждал Р. Блакар, «выразиться нейтрально невозможно» [Блакар, 1987]?

К. Келлерманн рассматривает коммуникацию с точки зрения речевой стратегии, полагая, что любое речевое сообщение «стратегично», так как, во-первых, не может осуществляться без цели, во-вторых, осуществляется под давлением двух постоянно присутствующих факторов – социальной приемлемости и эффективности, и, в-третьих, в процессе общения происходит постоянная адаптация к меняющимся условиям [Kellermann, 1992].

При этом О. С. Иссерс указывает, «существуют ситуации, где сообщение как бы не предполагает субъекта - индивида, с его желаниями и волей. К таким коммуникативным ситуациям автор относит всякого рода извещения - о режиме работы, графике отпусков, проведении каких-либо мероприятий» [Иссерс, 2008: 103].

В данном случае мы сталкиваемся с широким и узким пониманием феномена речевой интенции и речевого воздействия, которые, по мнению О. С. Иссерс можно считать «слишком широким и слишком узким», и истина вероятно лежит как обычно посередине.

В контексте исследования функционального потенциала метафор преднамеренность речевого воздействия посредством метафор можно соотнести с преднамеренностью использования самих метафор. Здесь мы безусловно солидаризируемся с теорией преднамеренной метафоры Дж. Стена [Steen, 2017], который определял преднамеренную метафору как «интенциональное, то есть намеренное, использование образного выражения между отправителем и получателем речевого сообщения» [Steen, 2017: 1]. Преднамеренными автор считал все прямые метафор, которые образуются с использованием языковых средств сравнения (будто, подобно и так далее), а также метафорические модели, построенные по модели А – это В.

В программе Metaphor Calculator заложена возможность подсчета прямых метафор, и, хотя в нашем практическом исследовании мы не рассматривали критерий преднамеренности использования метафорических оборотов, его можно учитывать в будущих исследованиях, опираясь на языковую форму концептуальных метафорических проекций.

Наиболее часто в рамках отечественного языкознания речевое воздействие классифицируют по типу речевых действий в аспекте иллокуции с опорой на теорию речевых актов. Выделяют: социальное, волеизъявительное, информационно-разъяснительное и оценочное воздействие [Федорова, 1991].

Под социальным речевым воздействием обычно понимают такой тип речевого воздействия, который реализуется в социальных неинформационных речевых актах, предполагающих виртуального адресата. Разного рода приказы, просьбы, отказы, советы полагают формами волеизъявительного речевого воздействия. Речевые акты, которые имеют целью разъяснение информации: объяснение, доклад, сообщение, признание – это формы информационно-разъяснительного речевого воздействия. «Эмоционально-оценочное речевое

воздействие реализуется в речевых актах, устанавливающих общественные морально-правовые, межличностные субъективно-эмоциональные отношения» [Федорова, 1991]. Отметим, что данная классификация Л. Л. Федоровой несколько критикуется, например, О. С. Иссерс отмечает, что «как и многие лингвистические классификации, эта типология в определенной степени условна: по крайней мере, очевидно, что в реальном речевом общении трудно отделить информационные и эмоционально- оценочные типы воздействий (к примеру, может ли быть признание без эмоций и оценивания?)» [Иссерс, 2008: 22].

Данная классификация во многом повторяет разновидности иллокутивных речевых актов Дж. Остина [Остин, 1986], и не может быть применена к функциональному потенциалу метафор, так как иллокуция предполагает коммуникативную интенцию в ее соотнесенности с использованием определенного языкового знака, а, как мы указывали выше, это соотносится с проблемой осознанности использования языка. Выявить, с какой именно интенцией автор мог употребить метафорическое выражение, весьма затруднительно.

В этой связи мы полагаем наиболее оптимальным отталкиваться от адресата речевого сообщения и того эффекта, которое метафорическое выражение может на него оказывать.

Многие исследователи, со ссылкой на работу Г. Г. Почепцова, отмечают перлокутивный критерий речевого воздействия, то есть реакции адресата на речевое сообщение. Так, отдельно выделяется:

- «изменение отношения субъекта к объекту, то есть коннотативного значения объекта для субъекта;
- формирование общего эмоционального настроения;
- перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий» [Почепцов, 1987: 91].

Можно сказать, что с позиций теории речевого воздействия выделяется оценочное, эмоциональное, концептуальное (рациональное) речевое воздействие.

Характеризуя данную классификацию, О. С. Иссерс указывала: «Хотя все выделенные виды воздействия имеют прототипические образцы, представляющие тот или иной способ «обработки» в наиболее яркой форме, большинство речевых действий предполагает комплекс перлокутивных реакций, включающих и эмоциональный настрой, и изменение когнитивных значений, и коррекцию категориальной структуры, существующей в сознании реципиента» [Иссерс, 2008: 23].

Несмотря на критику данной классификации со стороны ряда исследователей, мы все же полагаем, что этот подход может быть применим к рассмотрению и типологизации конкретных проявлений речевого воздействия метафор. При этом он может быть уточнен и дополнен.

Прежде всего необходимо еще раз рассмотреть основные когнитивные механизмы, через которые осуществляется метафорическое воздействие. Как мы описывали в Главе 2, базовые объяснения причин и механизмов воздействия метафоры объясняются несколькими взаимосвязанными подходами и теориями, описанными в работах П. Сопори [Sopory, 2006], С. ван Стее [Steevan, 2018] и В. Оттати и Р. Ренстрема [Ottati, Renstrom, 2010]:

1. «Удовольствие и облегчение»: возникающее вследствие нарушения семантико-когнитивных связей концептов напряжение «рассеивается» после декодирования реципиентом речевого сообщения, и удовольствие от снятия семантического напряжения как бы приводит к усилению метафорического смысла и ассоциируемой с ним оценки.

2. «Доверие к собеседнику»: речевые сообщения участников коммуникации, содержащие метафоры, считаются более достоверными, что исторически связано с особой ролью «красочной» ораторской речи в публичной коммуникации.

3. «Снижение контраргументов»: когнитивная обработка метафорических сообщений потребляет больше ресурсов, это ослабляет возможные контраргументы реципиента, что приводит к усилению персуазивности метафорического высказывания.

4. «Стимулируемая когнитивная обработка»: метафоры обладают высоким уровнем воздействия, так как их когнитивная обработка приводит к более глубокому пониманию сообщения, чем обработка буквальных выражений. Метафоры ведут к усилению персуазивности, так как вызывают большее количество адекватно оцененной когнитивной информации, чем при восприятии буквальной информации.

5. «Лучшая структурная организация сообщения»: метафора вызывает больше семантических ассоциаций, и когда эти ассоциации согласуются с метафорой, различные аргументы соединяются более логично через множество доступных семантических путей. Следовательно, реципиентам речевых сообщений легче связывать аргументы друг с другом, и эти аргументы будут с большей вероятностью когнитивно обработаны. [Sorogy, 2006: 384 - 387].

Исходя из когнитивного понимания природы метафоры, мы можем утверждать, что использование метафор в дискурсе всегда будет оказывать когнитивное воздействие. Как писала в этой связи В. Н. Телия, «метафоризация всегда есть проблемная когнитивно-коммуникативная ситуация, включающая целеполагающую интенцию субъекта метафоризации, который задает когнитивную или прагматическую функции метафоры в коммуникативных актах, а также мотив выбора нужного языкового выражения в зависимости от прагматического замысла и топикального характера текста» [Телия, 1988: 29].

Однако когнитивное воздействие не является гомогенным, однородным явлением. Поэтому исходя из представленных выше механизмов когнитивного воздействия в дополнение к указанному Г. Г. Почепцовым концептуальному типу воздействия можно также отнести:

- 1) когнитивно-афезисивное воздействие (от греч. *Aphiemi* – отпускать, освобождать);
- 2) кредитоустанавливающее воздействие (от лат. *credo* – верю, доверяю);
- 3) когнитивно-демпфирующее воздействие (демпфировать – смягчать, амортизировать);
- 4) когнитивно-стимулирующее воздействие;
- 5) когнитивно-структурирующее воздействие;
- 6) когнитивно-аффективное.

Полагая подобное дополнение актуальным с теоретической точки зрения, мы вернемся к практической цели исследования типологии речевого воздействия, которая состоит в выявлении зависимости функционирования метафор в дискурсе и оказываемым речевым воздействием. Ключевой задачей было выявить такую таксономию речевого воздействия, которая была бы применима в соотнесенности с разработанным методом комплексного анализа метафоричности.

Для этого обратимся к типам метафор и более подробно рассмотрим оказываемый ими перлокутивный эффект с точки зрения когнитивного воздействия.

Количественный анализ метафоричности базируется на выявлении уровня интенсивности метафор, то есть выделении конвенциональных и новых метафор. Согласно теории карьеры метафоры [Bowdle, Gentner, 2005], когда метафоры становятся конвенционализированными, происходит сдвиг в режиме их когнитивной обработки – от сравнения (новые метафоры) к категоризации (конвенциональные метафоры).

Конвенциональные метафоры при восприятии требуют меньшего когнитивного напряжения, так как их предполагаемое значение уже хранится в сознании реципиента речевого сообщения. обеспечивают более традиционную основу для размышлений над сложной проблемой и могут сделать трудные вопросы более конкретными и легкими для понимания. Таким образом,

обычные метафоры могут положительно повлиять на то, как люди воспринимают и когнитивно обрабатывают переданное сообщение, например, за счет повышения качества воспринимаемых аргументов [Hartman, 2012] и снижения сложности воспринимаемого сообщения [Burgers и др., 2015]. Можно утверждать, что конвенциональные метафоры оказывают демпфирующее, структурирующее и кредитоустанавливающее когнитивное воздействие, то есть «смягчают» когнитивное напряжение, но при этом апеллируют к известным концептуальным и категоризационным моделям, подчеркивая знакомые когнитивные структуры. Также, за счет указанных эффектов, конвенциональные метафоры оказывают категоризационное (рациональное) и оценочное воздействие (по классификации Г. Г. Почепцова), так как посредством обновления информации о категориальной соотнесенности субъекта метафоризации они формируют определенную оценку.

Когда метафора является новой, реципиент речевого сообщения должен сравнить два разных понятия, чтобы понять, на основании каких концептуальных признаков осуществлен перенос. Метафора таким образом служит маленькой головоломкой, которая обеспечивает удовольствие при решении, так как сообщение позволяет им по-новому взглянуть на что-то знакомое [Giora и др., 2004; Hoeken и др., 2009]. Новые метафоры могут положительно влиять на аффективное восприятие сообщения, например, они могут увеличить эмоциональную привлекательность сообщения [Hoeken и др., 2009] и возбудить воображение реципиента речевого сообщения [Read и др., 1990]. То есть новые метафоры оказывают афезисивное, аффективное и стимулирующее типы когнитивного воздействия. Новые метафоры будут оказывать также эмоционально-оценочное воздействие, осуществляемое за счет смягчения аргументов и стимуляции когнитивной обработки.

Разработанный нами метод позволяет выявлять перлокутивный эффект метафорических проекций с точки зрения содержания сферы-источника и сферы-цели и из семантического взаимодействия. Назовем данный тип воздействия семантическим. На наш взгляд, эффект речевого воздействия,

оказываемый разными типами метафорических проекций, которые, как было выяснено ранее, базируются на разных типах семантических связей и даже реализуются разными грамматическими формами, оказывает воздействие именно за счет семантики, на уровне декодирования семантического значения метафоры. Безусловно, данный процесс происходит также и на когнитивном уровне, однако оказываемый эффект речевого воздействия больше реализуется за счет языковых форм и семантического переноса, заложенного в метафоре.

Итак, с точки зрения значения метафорического переноса нами было предложено использовать классификацию метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], которые выделили ориентационные, онтологические и структурные метафоры.

Ориентационные метафоры выполняют функцию описательную, они отражают имеющиеся в обществе базовые ориентационные представления и являются примарными метафорами, которые связаны с базовым сенсорным опытом, универсальным для какой-либо социальной общности. Вербально подобные метафоры реализуются через лексемы, отражающие либо пространственное положение (верх, низ, спереди, сзади), либо базовые физиологические и сенсорные ощущения (тяжелый, легкий, горячий). Например, «карьеру пошла вверх», «тяжелый труд», «горячая любовь».

Мы полагаем, что использование ориентационных метафор фактически не связано с речевым воздействием, данный тип метафор опирается на самый устойчивый и, согласно ряду исследований, древний тип концептуального осмысления действительности [Winter, Matlock, 2017], что едва ли различим как метафорический перенос и автором, и реципиентом речевого сообщения. Они употребляются априорно, на автомате. Если спросить носителя русской лингвокультуры: «Каким может быть труд?», то мы убеждены, что с вероятностью 90% одним из популярных ответов будет «тяжелый». В этой связи, если мы полагаем интенциональность подбора языковых средств как основную характеристику речевого воздействия [Тарасов, 1990], то ориентационные метафоры, отражающие базовый сенсомоторный опыт

взаимодействия с миром, едва ли могут нести в себе потенциал для речевого воздействия в узком смысле его понимания. Если же применять широкий подход, где любой акт речевой коммуникации воспринимается как воздействующий, то мы можем определить воздействие ориентационных метафор как репрезентативное.

Онтологические метафоры используются для идентификации, объяснения сложных понятий, чаще всего абстрактных. Такие метафоры как бы расширяют семантику сферы-цели, дополняя ее новыми концептуальными признаками, и тем самым позволяют лучше понять сущность метафоризируемого объекта. Чаще всего вербально подобные концептуальные проекции реализуются посредством атрибутивных (Adj + N) или глагольных (V + N) словосочетаний, где концептуальные признаки сферы-источника реализуются в прилагательном или глаголе, тогда как сфера-цель чаще всего какой-то объект или субъект, выраженный существительным. Например, «добил диссертацию», «оказал давление на аудиторию», «прорывное решение».

В данном случае онтологические метафоры влияют на сущность предмета метафорического переноса (сферы-цели), дополняют его концептуальные признаки за счет расширения семантики слова-репрезентанта. Онтологические метафоры, будучи употребленными в дискурсе, идентифицируют это новое, расширенное и дополненное семантическое значение. Мы полагаем, что онтологические метафоры оказывают семантико-идентификационное воздействие на реципиента речевого сообщения.

Структурные метафоры используются для структурирования одного концепта через другой, они на более глубинном когнитивном уровне способствуют осознанию специфических черт тех или иных явлений, тем самым меняя когнитивное содержание сферы-цели. Чаще всего структурные метафоры являются прямыми, то есть строятся с использованием лексических средств сравнения и уподобления (будто, похоже, подобно) или базируются на модели «А – это В». Метонимия также чаще всего является структурной концептуальной метафорой. Например, «Диссертация – это действительно

настоящая каменоломня», «Написать диссертацию – это как нырнуть на дно моря и собрать жемчужины», «Я впахивал всю неделю».

За счет прямого когнитивно-структурного переноса, отражаемого грамматической формой речевой реализации, структурные метафоры обладают наибольшим воздействующим потенциалом. Являясь чаще всего прямыми и преднамеренными, структурные метафоры становятся своего рода целенаправленным нарушением семантических и когнитивных связей в сознании реципиента сообщения, что приводит к трансформации концепта и его семантики. Именно такие метафоры во многом способствуют формированию или изменению мнения относительно объекта или явления. Можно сказать, что структурные метафоры выполняют семантико-структурирующую или трансформационную функцию.

Метод комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA) предполагает также изучение функционирования метафор на коммуникативном уровне, который связан с интенциями автора речевого сообщения. Мы последовательно обосновали разный функционал метафор в зависимости от места употребления относительно композиционной структуры и тематической иерархии текста.

С опорой на методику кластерного анализа метафор [Koller, 2003] было установлено, что:

1. В начале текста (во введении) метафора участвует в постановке проблемы, то есть позволяет идентифицировать предмет и содержание текста посредством его концептуализации.

2. В середине текста (в основной части) автор чаще всего прибегает к метафоре для установления «контакта» со своим читателем, метафора используется для подтверждения и усиления авторской позиции.

3. В конце текста метафоры дублируют проблему и ее обоснование.

В контексте теории речевого воздействия мы можем использовать выводы М. Р. Желтухиной, которая исследовала специфику речевого воздействия тропов в языке СМИ [Желтухина, 2005]. Автор указывала, что в

системе реализации речевого воздействия АДРЕСАНТ, то есть во взаимосвязи с автором речевого сообщения, «воздействующая функция представлена тропов представлена аттрактивной, персуазивной и суггестивной функциями:

1. Аттрактивная функция - управление вниманием (привлечение, удержание внимания) состоит в чередовании антистандарта и стандарта, т. е. усилении/ослаблении выразительности в сочетании с усилением/ослаблением изобразительности, выступает языковым средством управления вниманием: привлечение и удержание внимания.

2. Персуазивная функция – убеждение проявляется в сочетании усиленной выразительности с усиленной изобразительностью, что способствуют созданию эффекта воздействия, убеждения, особой доказательности.

3. Суггестивная функция – внушение заключается в оказании воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанного со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации (например, воздействие метафоры)» [Желтухина, 2005: 50-51].

М. Р. Желтухина рассматривает метафору как один из потенциально воздействующих тропов, то есть как средство образности, и реализующее воздействующий потенциал посредством создания эффекта суггестивности.

Суггестивность (лат. *suggestio* - внушение) понимается автором «как процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации» [Желтухина, 2005].

В нашей работе под метафорой понимается более широкий спектр средств языка и когниции, которые в дискурсе на семантическом уровне реализуются как средства образности, на когнитивном – как средство концептуального переноса, а на прагматическом – как средство речевого воздействия. В связи с расширением понимания метафоры как таковой, мы

полагаем, что аттрактивная, суггестивная и персуазивная функции применимы в контексте анализа речевого воздействия метафоры.

Отметим, что мы солидарны с М. Р. Желтухиной, что речевое воздействие тропов, а в контексте нашей работы речевое воздействие метафоры, реализуемое через суггестивную и персуазивную функции «существует параллельно эмоциональности, иррациональности, которые способствуют их реализации, [эти функции] не оппозиционны информативности, а накладываются на информативность» [Желтухина, 2005: 13].

В рамках отечественной теории речевого воздействия выделение персуазивности и суггестивности является традиционным и обоснованным. Так, В. Е. Чернявская указывала, что персуазивность – это воздействие путем убеждения или переубеждения, а суггестивность – это воздействие, основанное на скрытом внушении [Чернявская, 2014: 37]. В целом, вопросами персуазивности и суггестивности помимо указанных выше занимались очень многие исследователи [Исмаилова, 2019; Миньяр-Белоручева, 2015; Рюкова, Филимонова, 2016; Шелестюк, 2008].

Мы полагаем, что применительно к нашему исследованию функционального потенциала метафоры, использованные в разных композиционных частях текста, играют разные функции и реализуют тем самым разные типы речевого воздействия в системе координат автора речевого сообщения.

Метафоры в начале речевого сообщения, которые участвуют в постановке проблемы, идентифицируют предмет и содержание текста и потому оказывают суггестивное речевое воздействие, связанное со снижением аналитичности и рациональности. Автор речевого сообщения, впервые внедряя концептуальную проекцию в начале речевого сообщения, воздействует на когнитивном уровне посредством снижения контраргументов реципиента, который сталкивается с «семантической головоломкой» и должен подключать дополнительные когнитивные ресурсы на ее обработку. Тем самым, уровень

аналитизма снижается, реципиент более охотно принимает постановку проблемы, чем при ее буквальной репрезентации.

Метафоры в основной части речевого сообщения нужны для повышения качества аргументации автора, установления контакта, повышения доверия к адресанту сообщения. В данном случае метафора становится средством аттрактивного воздействия, так как она служит целям улучшения образа автора и улучшения его аргументации.

Метафоры в заключительной части речевого сообщения обычно дублируют проблему или ее обоснование, то есть становятся средством убеждения, персуазивности и реализуют персуазивное речевое воздействие.

С точки зрения распределения метафор по тема-рематической иерархии мы выделяли тематические и рематические метафоры, соотносимые с метафорами, концентрирующимися вокруг гипертемы или вокруг рематической доминанты. Тема, являясь по сути «данным» в тексте, исходной информацией, уже как бы известна реципиенту сообщения, она описывает предмет речевого сообщения, уточняет его место в системе ценностей адресата, поэтому метафоры в теме чаще играют проблемоустанавливающую, то есть идентификационную роль.

Рема с точки зрения функционально-коммуникативного подхода – это «новая» информация, комментарий к теме, призванный уточнить и/или изменить содержание «данного». Кроме того, рема связана с аргументами вокруг темы, она объясняет референт за счет расширения его смысла и добавления нового. Метафоры ремы призваны менять отношение к предмету текста посредством дополнения новой информации к предмету речевого сообщения и усиления аргументации относительно темы высказывания.

Нам кажется, что если соотносить данные теоретические выводы с теорией речевого воздействия, то мы можем применить концепцию Е. И. Шейгал, которая, анализируя семиотику политического дискурса, высказывала мнение о референциальном и аргументативном манипулятивном воздействии [Шейгал, 2004].

Под референциальным воздействием понималось искажение образа денотата/референта в процессе обозначения действительности, а аргументативное предполагает искажение постулатов общения. Автор указывает: «Референциальное манипулятивное воздействие разделяется на фактологическое (изменение реальных фактов: преувеличение, преуменьшение, сокрытие, ложь и т. п.) и фокусирующее (изменение фокуса освещения события, высказывания, поведения и т. д., связанного с денотатом), а аргументативное - на нарушение логики развития текста, намеренное неполное изложение информации, маскировку логических ходов» [Шейгал, 2004: 112-114].

Хотя в концепции Е. М. Шейгал данные термины интерпретируются с точки зрения семиотического подхода к дискурсу, мы полагаем возможным дополнить и скорректировать предложенные термины с позиций когнитивно-прагматического подхода и использовать их для описания речевого воздействия тематических и рематических метафор.

Тема высказывания, по сути, соотносится с референтом как с объектом внеязыковой действительности, подразумеваемым автором конкретного речевого произведения, а рема представляет собой аргументы относительно темы. Поэтому в нашей работе под референциальным воздействием мы будем понимать формирование образа предмета высказывания, а под аргументативным – изменение и дополнение этого образа за счет метафорических аргументов.

Проведенный нами анализ достижений в области теории речевого воздействия в ее соотнесенности с анализом функционального потенциала метафор позволяет нам рассмотреть разные типы речевого воздействия, которые реализуются в метафорических проекциях в дискурсе на разных уровнях:

1. Когнитивный уровень соотносится с когнитивным речевым воздействием, реализуемым за счет использования метафор разного уровня интенсивности, которые, базируются на разных когнитивных механизмах.

2. Языковой уровень соотносится с семантическим речевым воздействием, которое осуществляется за счет использования ориентационных, онтологических и структурных метафор, которые базируются на разных по семантике смысловых переносах и выражаются отличающимися грамматическими формами;

3. Коммуникативный уровень соотносится с коммуникативным речевым воздействием, которое проявляется в выборе позиций использования метафор относительно композиционной структуры и тема-рематической иерархии речевого сообщения.

Для большей наглядности приведем схему таксономии речевого воздействия метафоры.

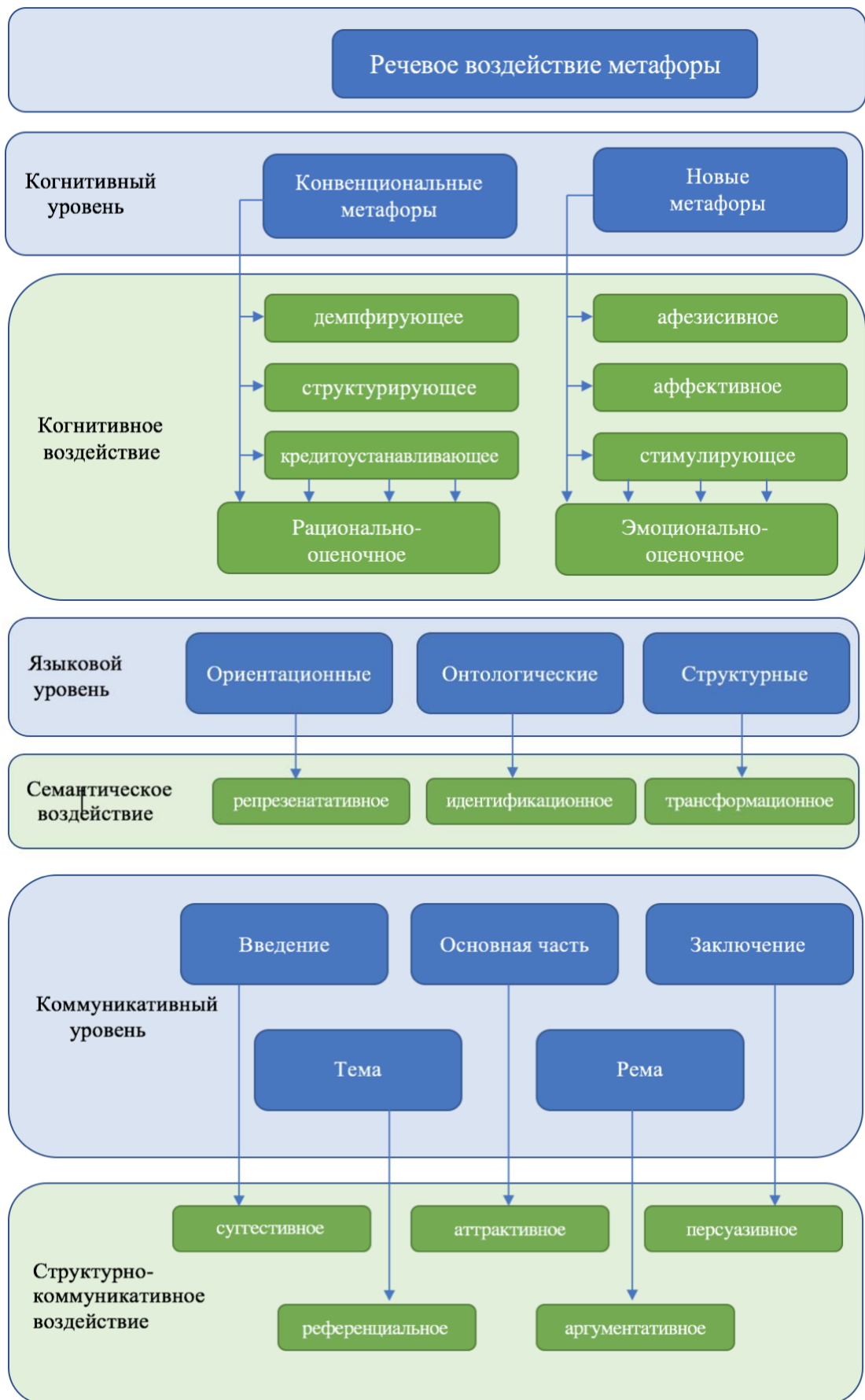

Рисунок 26 – Таксономия речевого воздействия метафоры

Изучив разные типы речевого взаимодействия с теоретической точки зрения и разработав таксономию взаимосвязи речевого воздействия и метафоричности, мы можем более детально рассмотреть проблематику разных типов речевого воздействия применительно к полученным количественным данным индексов метафоричности, то есть сформулировать искомую «отправную точку» для будущих исследований метафоричности и речевого воздействия.

На когнитивном уровне речевое воздействие, проявляющееся в подборе конвенциональных или новых метафор, отражается в значении индекса интенсивности метафор. Мы полагаем, что показатель $MI > 1,5$ будет свидетельствовать о наличии эмоционально-оценочного воздействия, тогда как $MI < 1,5$ – о наличии рационально-оценочного когнитивного воздействия. Для упрощения классификации, когнитивное речевое воздействие, оказываемое конвенциональными метафорами, мы будем именовать категоризационным, а новыми метафорами – эмоционально-аффективным.

На языковом уровне проявляется речевое воздействие метафоры как семантической аномалии. Это воздействие отражается в значении индекса функциональной типологии метафоры (MfTI): если $MfTI < 1,5$, то метафоры реализуют свой функциональный потенциал в репрезентативном воздействии, если $1,5 < MfTI < 2,1$, то оказывается идентификационное воздействие, если $MfTI > 2,1$, то в тексте метафоры больше реализуют функцию трансформационного семантического воздействия.

На коммуникативном уровне мы рассмотрели речевое воздействие, которое проявляется в позиции метафор относительно внешней и внутренней структуры текста как коммуникативной единицы. Структурно-коммуникативное воздействие отражается в индексе взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI(ex)): если значение $MStI(ex) < 1,2$, то метафоры реализуют аттрактивное воздействие, если $1,2 < MStI(ex) < 1,5$, то суггестивное воздействие, если $MStI(ex) > 1,5$, то персуазивное воздействие.

Структурно-коммуникативное воздействие также отражается в индексе взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста ($MStI(in)$): если значение $MStI(in) < 2$, то метафоры реализуют референциальное воздействие, если $MStI(ex) > 2$, то аргументативное воздействие.

Выводы:

Рассмотрение метафоры как семантической аномалии, отражающей концептуальный перенос и реализующей свой функциональный воздействующий потенциал в дискурсе, позволило нам определить три уровня речевого воздействия метафор и соответствующие им виды речевого воздействия:

1. Когнитивный уровень соотносится с когнитивным речевым воздействием, реализуемым за счет использования метафор разного уровня интенсивности, которые базируются на разных когнитивных механизмах. Конвенциональные метафоры оказывают рационально-оценочное воздействие за счет «смягчения» когнитивного напряжения и апелляции к известным адресату концептуальным и категоризационным моделям. Новые метафоры будут оказывать также эмоционально-оценочное воздействие, осуществляемое за счет смягчения аргументов и стимуляции когнитивной обработки.

2. Языковой уровень соотносится с семантическим речевым воздействием, которое осуществляется за счет использования ориентационных, онтологических и структурных метафор, которые базируются на разных по семантике смысловых переносах и выражаются отличающимися грамматическими формами. Ориентационные метафоры отражают результат сенсомоторного взаимодействия человека с окружающим миром; концепты, отражающие это взаимодействие, чаще всего давно категоризированы, поэтому ориентационные метафоры либо не оказывают речевого воздействия, либо речевое воздействие оказывается на репрезентативном уровне. Онтологические метафоры расширяют семантику сферы-цели и оказывают идентификационное воздействие. Структурные метафоры видоизменяют семантику сферы-цели,

выполняя функцию реструктуризации или трансформации концептуального содержания и семантического значения, поэтому они оказывают структурирующее или трансформационное воздействие.

3. Коммуникативный уровень соотносится с коммуникативным речевым воздействием, которое проявляется в выборе позиций использования метафор относительно композиционной структуры и тема-рематической иерархии речевого сообщения. Метафоры в начале речевого сообщения, которые участвуют в постановке проблемы, идентифицируют предмет и содержание текста и потому оказывают суггестивное речевое воздействие, связанное со снижением аналитичности и рациональности. Метафоры в основной части речевого сообщения нужны для повышения качества аргументации автора, установления контакта, повышения доверия к адресанту сообщения и становятся средством аттрактивного воздействия. Метафоры в заключительной части речевого сообщения обычно дублируют проблему или ее обоснование, то есть становятся средством убеждения, персуазивности и реализуют персуазивное речевое воздействие. Тема высказывания, по сути, соотносится с референтом как с объектом внеязыковой действительности, подразумеваемым автором конкретного речевого произведения, а рема представляет собой аргументы относительно темы. Поэтому в нашей работе под референциальным воздействием мы будем понимать формирование образа предмета высказывания посредством тематических метафор, а под аргументативным – изменение и дополнение этого образа за счет метафорических аргументов в реме.

Опираясь на данную таксономию типов метафорического речевого воздействия, мы определили конкретные числовые показатели, условно свидетельствующие о реализации в дискурсе определенных типов речевого воздействия.

4.3 Теоретические основания изучения взаимосвязи метафоричности и культуры

О взаимосвязи языка, культуры и писал еще В. фон Гумбольдта, который указал, что «язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [Гумбольдт, 1984: 48].

Точные слова классика нашли свое дальнейшее развитие в трудах в области лингвокультурологии, которая решает задачу «описания пространства той или иной лингвокультурной общности сквозь призму языка и дискурса и культурного фона коммуникативного пространства» [Красных, 2002: 13], а также «интерпретации языковых знаков в терминах культурной и исторической памяти народа» [Телия, 1996: 227].

На наш взгляд, «одной из точек пересечения языка, культуры и мышления, доступных для проведения эмпирически-ориентированных исследований, является анализ метафор и метафоричности» [Гурулева, Калинин, 2021: 28]. Метафора, представляя собой семантическую аномалию, отражающую концептуальную проекцию проекции знаний из одной понятийной области в другую, является «одним из способов организации культурно-исторического опыта человека» [Калинин, 2020: 32].

На взаимосвязь метафор с культурными характеристиками указывал еще Дж.Лакофф, утверждавший, что метафорические проекции «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff, 1993: 110]. Исследователи пришли к выводу, что «те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой» [Лакофф, Джонсон, 2004: 33].

Важной работой для рассмотрения метафоры как одновременно языкового, когнитивного и культурного феномена стала уже упоминаемая нами монография З. Ковечеша «Metaphor in Culture. Universality and Variation» (Метафоры в культуре. Универсальность и вариативность) [Kövecses, 2005].

Автор рассматривает виды вариативности метафоры: межкультурную и внутрикультурную, объясняя ее на уровне сферы-цели, сферы-источника, импликации метафор и приводя анализ причин вариативности метафорических проекций, к числу которых автор относит разницу в индивидуальном опыте, историко-культурные отличия, природные условия проживания языкового коллектива и так далее.

Взаимосвязь культурной вариативности автор рассматривает в других работах [Kövecses, 2009; Kövecses, 2015; Kövecses, 2015], где приходит к выводу, что культурные измерения метафоры играют основополагающую роль при выборе метафорических средств выразительности и воздействия [Kövecses, 2009: 12].

Работы З. Ковечеша положили начало новому направлению исследований в области метафоры в западной когнитивной лингвокультурологии. В данной работе мы не будем подробно рассматривать исследования в этом направлении и только обозначим, что большинство лингвистов, следуя за парадигмой классификации на универсальные и вариативные с позиции культуры метафор, проводили преимущественно описательные или сравнительно описательные исследования разных метафорических моделей. Так вопросами интракультурной вариативности занимались [Berberović, Mujagić, 2017; Krisnawati, 2014; Stampoulidis, Bolognesi, Zlatev, 2019], а вопросы интеркультурной вариативности изучали [Bisiada, 2018; Lei, 2016; Vereza, 2021] и другие авторы.

В отечественном языкознании также рассматривается лингвокультурологический аспект метафоры. Главным образом отечественные исследователи рассматривают метафору как специфическую форму отражения национально-культурного наследия в языке.

Например, В. Г. Гак, исследуя метафорическую типологию в функциональном аспекте, еще задолго до теории культурной вариативности метафоры З. Ковечеша подчеркивал, что в различных языках наряду с

универсальными моделями присутствует и специфическое моделирование [Гак, 1988].

По определению В. В. Красных метафора представляется «единицей культурно-исторического пласта ментально-лингвального комплекса» [Красных, 2002: 12] и, соответственно, является проявлением специфики языка, мышления и культуры.

При этом «уникальность метафоры заключается в том, что она может выступать как функциональная единица трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [Привалова, 2005: 46].

Г. Г. Кулиев отмечает, что «язык как постоянный процесс переконструирования семантического поля (матрицы значений) обеспечивает нас метафорами, необходимыми для освоения потока новой информации» [Кулиев, 1987: 25].

Большинство исследователей рассматривают метафору скорее как отражение национальной лингвокультуры. Так, Е. Е. Юрков убежден, что поиск «лингвокультурного вектора метафоризации ведет к изучению глубинных основ национально-культурного миропонимания, определяющего многие особенности национально-языковой картины мира, национального и индивидуального языкового сознания» [Юрков, 2012: 4]. Автор рассматривает метафоризацию как «направляемую национально-языковым сознанием когнитивный процесс освоения действительности», при этом подчеркивая, что не только метафоры, но и процесс метафоризации может иметь национально-культурную специфику.

Сходных позиций придерживается и Е. Стоянова, рассмотревшая в своей монографии метафоры как способ представления лингвокультурной ситуации. Автор указывает: «Метафорическая картина мира оказывается в прямой зависимости от лингвокультуры и формируется под влиянием лингвокультурной среды, отражающей особенности культурных приоритетов национально-культурной общности на определенном этапе» [Стоянова, 2013: 57].

Метафора как отражение национальной картины используется как теоретическая основа в большом количестве практических исследований. В работе Н. Г. Кондрахиной рассматриваются метафоры в экономическом дискурсе как отражение русской и английской лингвокультур [Кондрахина, Южакова, 2019]. О. В. Ртищева изучает метафору времени в культурно-антропологической парадигме [Ртищева, 2021], А. В. Соснин изучает антропоморфные метафоры в английской культуре [Соснин, 2018].

При этом метафора относительно национальной культуры играет двойственную роль: отражения и конструирования культуры. Здесь мы солидарны с Э. В. Будаевым, который подчеркивает, что «исследование ... метафоры в лингвокультурологическом аспекте имеет два измерения: семантическое и прагматическое. В первом случае метафора выступает для исследователя в качестве «зеркала» политической культуры, во втором – как «инструмент» конструирования культурной идентичности» [Будаев, 2007: 29].

Таким образом, метафора, когнитивная и лингвистическая, в ее соотношении с культурой – это довольно популярное и методологически разработанное направление исследований. В лингвистике изучены теоретические аспекты взаимодействия концептуальных переносов и культурно-исторического опыта носителей языка, рассмотрены вопросы вариативности метафор, метафора исследована как элемент языковой и концептуальной картин мира. Вместе с тем большая часть эмпирических исследований в этом направлении носит сугубо описательный характер. Чаще всего подобные работы сфокусированы на описании отдельных метафорических проекций, которые признаются характерными для той или иной лингвокультуре. Иными словами, отталкиваясь от описания метафорических моделей, исследователи стремятся охарактеризовать те или иные культурные константы.

Выводы:

Итак, рассматривая метафору как концептуальную проекцию знаний из одной понятийной области в другую, обладающую культурной

обусловленностью опытом взаимодействия людей с окружающим миром, мы полагаем, что метафора в дискурсе может рассматриваться одновременно как языковой, когнитивный и культурный феномен.

Теоретический анализ проведенных исследований в области взаимосвязи метафоры и культуры показал, что метафоры изучаются как средство отражения национально-культурных констант и реже как средство их формирования. Вопрос влияния характеристик культуры на сам процесс метафоричности практически не исследован.

4.4 Метафоричность как лингвокультурная и социокультурная характеристика дискурса

На основании разработанного метода комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA) и проведенного практического исследования мы также рассмотрели и взаимосвязь метафоричности с культурой.

Результаты анализа эмпирического материала показали, что метафоричность текстов, относимых к одному типу дискурса на разных языках с общими прагматическими и экстралингвистическими характеристиками, отличается.

Ниже представлены полученные значения индексов метафоричности, распределенные по дискурсам и языкам.

Таблица 48 – Значения индексов метафоричности для дискурсов разноструктурных языков

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Политический дискурс (русский язык)	19566	1,75	1,66	2,06	1,2	2,23
Политический дискурс (китайский язык)	10813	3,67	1,87	2,24	1,32	1,99
Политический дискурс (английский язык)	15541	1,88	1,75	2,05	1,41	2,1
Официально-документальный дискурс (русский язык)	9973	1,16	1,07	1,97	-	-

Официально-документальный дискурс (китайский язык)	15851	1,58	1,15	2,05	-	-
Официально-документальный дискурс (английский язык)	10080	1,44	1,15	2,03	-	-
Медиадискурс (русский язык)	58324	3,13	1,59	2,14	1,51	2,31
Медиадискурс (китайский язык)	54228	3,25	1,73	2,13	1,49	2,17
Медиадискурс (английский язык)	61951	2,47	1,46	2,02	1,53	2,22

В Таблице 48 мы видим, что для всех дискурсов тексты на китайском языке более насыщены метафорами, использованные метафорические обороты более интенсивны по содержанию и при этом в среднем в китайских текстах больше структурных метафор.

Рассмотрим средние показатели для всех дискурсов, разделенные по языкам

Таблица 49. Совокупные значения индексов метафоричности всех исследованных дискурсов разноструктурных языков

Текст	Объем	MDI	МП	MfTI
Тексты на русском языке	87863	2,11	1,49	2,07
Тексты на китайском языке	80892	2,99	1,64	2,15
Тексты на английском языке	84689	1,99	1,48	2,03
Среднее значение для всех текстов	253444	2,37	1,53	2,08

Стоит отметить, что более очевидной выглядит разница в значении индекса плотности метафор, так как разница в интенсивности метафор (МП) и в использовании обладающих большим потенциальным воздействием структурных метафор (MfTI) несколько меньше. Как мы видим в Таблице 49 для текстов на китайском языке в среднем использовалось 2,99 метафоры на 100 слов, в то время как для текстов на английском языке – только 1,99.

Таким образом, в результате сравнения метафоричности текстов разноструктурных языков мы можем сделать вывод, что «тексты на китайском

языке более метафоричны с точки зрения плотности метафор (MDI), при этом разница в плотности метафор между китайским и другими исследованными языками тем больше, чем больше в тексте «пространства для речевого воздействия», то есть эта разница выше для текстов политического дискурса, чем для медиатекстов и текстов официально-документального дискурса» [Гурулева, Калинин, 2021: 32].

С точки зрения интенсивности метафор (МИ) тексты на китайском языке также в среднем более метафоричны, однако разница в показателях индекса МИ (интенсивности) для текстов на разных языках не столь значительна.

Отсюда можно сделать вывод, что «интенсивность метафор, как и тип используемых метафор, во многом зависит от прагматических характеристик текста, и эта зависимость более значительная, чем взаимосвязь с типологическими характеристиками языка и национально-культурными особенностями. При этом плотность метафор, которая не обязательно связана с речевым воздействием, может считаться своего рода «типологической характеристикой» языка, свойственной для порождения дискурса в рамках той или иной культуры» [Гурулева, Калинин, 2021: 32].

В свете вышеприведенных результатов эмпирических исследований перед нами встает задача осмысления причин разницы в уровне метафоричности сходных по прагматическим и экстралингвистическим установкам текстов.

Мы полагаем, что эти отличия носят культурный характер, а метафоричность полагается как культурно-обусловленная дискурсивная характеристика. При этом под взаимосвязь с культурой мы рассмотрели в двух измерениях: лингвокультурном и социокультурном.

Особенности репрезентации китайской культуры в китайском языке, формирующие специфику китайской лингвокультуры, изучены в работах К. В. Волкова [Волков, Гурулева 2019], Т. Л. Гурулевой [Гурулева, 2019] и А. Р. Абдрахмановой [Абдрахманова, Гурулева, 2020], где указывается, что специфика китайской лингвокультуры связана с типологическими

особенностями китайского языка. Как отмечают К. В. Волков и Т. Л. Гурулева, «русский и китайский языки являются как бы «типологически противоположными» друг другу: китайский максимально изолирующий, русский – максимально флективный» [Волков, Гурулева, 2018]. Важнейшей характеристикой китайского языка выступает его слоговой характер, сопровождающийся совпадением границ слогов и морфем, что, помимо чрезвычайно частотной омофонии, также делает словосложение (корнесложение) преимущественным способом образования слов. Однако, «словообразование в китайском языке происходит не просто за счет сложения смыслов имеющихся в языке простых слов (односложных морфем), но и за счет их концептуального переосмысления» [Гурулева, Калинин, 2021: 33].

Типологические характеристики китайского языка, которые формируют особенности китайской лингвокультуры, можно выявить в разных языковых областях: графике, фонетике, лексике, грамматике и проследить в процессе построения дискурса на китайском языке.

Метафоричная природа китайского языка проявляется прежде всего на уровне графической репрезентации китайской письменности, выраженной иероглифами-пиктограммами (象形字 – досл. иероглиф-образ). Мнения о том, что пиктография в метафорической форме представляет связь между человеком и природой и основана на ассоциациях, которые объекты природы вызывают у человека, придерживается, в частности Фань Айсянь, которая подчеркивает, «что при этом не происходит полного копирования природных объектов, а «образная форма» – это, прежде всего, отражение образа объекта, а не его точное изображение и именно образ является фундаментом для создания иероглифа» [Фань, 2005: 4].

Линь Сюэ утверждает, что «дальнейшее развитие языка основано на том, что китайский народ путем создания пиктограмм передавал и закреплял в своей истории специфику восприятия человеком объектов и явлений природы. При этом развитие письменности проходило по пути создания новых иероглифов, передающих вновь возникающие понятия. Процесс создания новых иероглифов

протекал параллельно развитию мышления и в соответствии с развитием технического и культурного прогресса» [Линь, 2020: 24]. Все типы иероглифов, появившиеся впоследствии во многом отражают метафорическую природу:

1. Пиктограммы: на основании пиктограммы дерево (木) были образованы иероглифы 本 (*корень* – добавлена нижняя черта) и 末 (*верхушка, конец* – добавлена верхняя черта);

2. Идеограммы: образованы сложением нескольких иероглифов (木+木 два дерева = 林 лес; 人 человек + 木 дерево = 休 отдыхать (лежа под деревом));

3. Фоноидеограммы: состоят из двух частей. Где одна часть передаёт содержание иероглифа (ключ), вторая – его произношение (фонетик) (淋 [lín] *намокать*, где три черты слева – это ключ «вода» + 林[lín]. Ключ «вода» почти всегда говорит о том, что значение иероглифа связано с водой (海 – *море*, 河 – *река*).

Эту особенность китайской письменности можно определить как иконичность, то есть образность, выраженную графически. Линь Сюэ подчеркивает, что «иероглиф – это иконический знак, скрывающий в себе целую мысль или самостоятельный сюжет» [Линь, 2020: 22].

При попытке выявить взаимосвязь особенностей китайской лингвокультуры в лексическом аспекте с метафоричностью дискурса на китайском языке мы выяснили, что в этой области механизмы метафоризации скорее всего работают на уровне словообразования. «Вне зависимости от типа лексики и степени ее «национальной специфичности» двусложное слово в китайском языке, являющееся его количественной нормой, образовано преимущественным типом словообразования – словосложением (корнесложением) в основе которого лежит механизм метафорического переноса» [Гурулева, Калинин, 2021: 34].

Рассмотрим в качестве примера слово 鸭舌帽 (кепка, бейсболка). Данная лексическая единица образована способом словосложения простых слов 鸭 «утка», 舌 «язык» и 帽 «шапка», и буквально означает «шапка,

похожая на язык утки». Так в процессе словообразования в китайском коллективном национальном сознании форма «языка утки» переносится на концептуальную область головного убора с появлением новой лексемы, которая неравна простой сумме буквальных значений составляющих его компонентов.

Для непредметной лексики мы наблюдаем сходные процессы. Например, концепт «демократия» в китайском языке выражается лексемой 民主 *mínzhǔ* (дословно «народ» и «хозяин»), которое образовано посредством механизма метафорического переноса (осмысление власти через сферу-источник «хозяин»).

В лексическом аспекте репрезентацию китайской культуры в языке можно проследить и на уровне фразеологических единиц. В фразеологизмах формирование целостного фразеологического значения, так же как и в процессе словообразования, как правило, происходит посредством концептуального переосмысления. Например: *чэньюй 骑虎难下* (букв. «слезть с тигра трудно») конкретный образ тигра посредством метафорического переноса формируют новое семантически спаянное значение фразеологической единицы, носящее абстрактный характер «*безвыходная ситуация*».

Таким образом, мы можем заключить, что «в лексическом аспекте мы сталкиваемся с тем, что использование модели переноса одной концептуальной области на другую для получения нового значения проявляется в китайском языке, в первую очередь, на уровне словообразования лексических единиц и базируется на его слоговом характере, подкрепленном иероглифическим типом письма, а в процессе образования слов и фразеологических единиц метафорический перенос происходит на первоначальном «глубинном» уровне» [Гурулева, Калинин, 2021: 35].

Таким образом, мы можем утверждать, что особенности китайской лингвокультуры, представляющие собой репрезентацию китайской культуры в китайском языке в аспектах графики, фонетики и лексики, взаимосвязаны с метафоричностью дискурса на китайском языке.

Кроме того, метафоричность китайской лингвокультуры проявляются и в специфике построения дискурса на китайском языке, то есть в традиционной модели речевого поведения. В своем сопоставительном исследовании речевых портретов носителей русской, английского и китайской лингвокультур Т. Л. Гурулева пришла к выводу, что китайцы:

1) «в процессе общения стремятся любое положение подкреплять большим числом примеров, как правило, из классической или исторической литературы, что обуславливает использование в речи фразеологических единиц, большое количество которых происходит из древних философских, исторических и литературных произведений;

2) вместо анализа используют аналогии, раскрывая истину при помощи сравнений и образов;

3) коммуникативное поведение опосредуют ритуалом *ли* (礼 *lǐ*) и определяют его существующими с древности конфуцианскими морально-этическими нормами, которые предписывались «благородному мужу» и «идеальному герою»» [Гурулева, 2019: 125-126].

Рассмотрим каждую из перечисленных характеристик речевого портрета носителя китайского языка более подробно в ее соотнесенности с метафоричностью. Примеры, аналогии, сравнения, фразеологизмы как частое проявление коммуникативного поведения свидетельствует о высоком метафорическом потенциале коммуникации на китайском языке. Использование аналогий и сравнений для объяснения своей позиции создает такую специфику порождения речи, когда почти любое обоснование и анализ должны базироваться на сравнении, примере или аналогии, что априорно приводит к использованию метафоры, базирующейся на сравнении.

Кроме того, неоспоримым является значимость такого культурного явления как ритуал (礼 *lǐ*). Не вдаваясь в философские подробности этого конфуцианского понятия, мы отметим, что «применительно к речевому поведению «следование ритуалу» означает работу по совершенствованию красоты своей речи в зависимости от коммуникативной ситуации, что также

повышает вероятность более частого использования метафор в процессе построения дискурса на китайском языке» [Гурулева, Калинин, 2021: 36].

Таким образом, лингвокультурная специфика построения китайскоязычного дискурса, выраженная в особых моделях речевого поведения китайцев, повышает вероятность использования метафор, а следовательно, и метафоричность дискурса на китайском языке.

Для описания социокультурного фактора мы будем использовать известную теорию кросс-культурных измерений Г. Хофштеде [Hofstede, 1991], согласно которой «культура рассматривается как коллективные ментальные программы людей в определенной среде и может быть идентифицирована количественно по 6 основным параметрам:

- 1) дистанцированность власти;
- 2) избегание неопределённости: связано с уровнем общественного напряжения в ожидании неизвестного будущего;
- 3) индивидуализм / коллективизм: данный параметр связан с интеграцией индивидов в первичные группы;
- 4) маскулинность / феминность;
- 5) долгосрочная/краткосрочная ориентированность: связаны с выбором фокуса внимания для действий человека: будущее, настоящее или прошлое;
- 6) потворство желаниям/ сдержанность: связаны с удовлетворением базовых человеческих потребностей, относящихся к наслаждению жизнью, либо с самоконтролем» [Hofstede, 1991].

Данные параметры многократно описаны в культурологических исследованиях, поэтому в этой работе мы не будем углубляться в содержание каждого из них. Для выявления взаимосвязи между метафоричностью дискурсов на разных языках, мы возьмем значения каждого из параметров по классификации для русской, китайской и американской культур (вычисляются

от 1 до 100)²⁰ и проведем корреляционный анализ со значениями индекса плотности метафор (MDI) как наиболее значимой характеристикой исследованных дискурсов.

Таблица 50 – Результаты корреляционного анализа между показателями культурных измерений и метафоричностью

	Россия	Китай	США	Корреляция
Дистанция власти	93	80	35	0,40637714
Индивидуализм	39	20	89	-0,7855045
Маскулинность	36	66	66	0,40180719
Избегание неопределенности	95	30	35	-0,4641378
Долгосрочная ориентация	81	87	51	0,71027227
Сдержанность	20	24	69	-0,5313021

Мы видим, что взаимосвязь плотности метафор с такими параметрами как индивидуализмом и долгосрочная ориентацией довольно значимые. Так, чем выше уровень индивидуализма, тем менее метафоричности дискурса. Мы полагаем, что коллективистский тип китайской культуры, вероятно, предопределяет в речевом поведении использование устоявшихся метафорических конструкций, что и привело к подобной взаимосвязи. Долгосрочная ориентация культуры связана с уровнем метафоричности дискурса прямой корреляцией. Мы полагаем, что способность строить планы на долгий срок свидетельствуют о структурированности и отчасти шаблонности мышления носителей культуры, что в том числе может проявляться в дискурсивном использовании устоявшихся конвенциональных метафор.

Таким образом, как с лингвокультурной, так и социокультурной точек зрения существуют факторы, которые определяют предрасположенность к

²⁰ Доступно на сайте: <https://hi.hofstede-insights.com/national-culture>. Дата обращения 21.02.2022

использованию метафор в китайскоязычном дискурсе. Метафоричность дискурса взаимосвязана со спецификой китайской лингвокультуры, представленной репрезентацией китайской культуры в различных аспектах китайского языка (фонетический, лексический, синтаксический) и в особенностях построения китайскоязычного дискурса (склонность к аналогиям, сравнению с опытом прошлого, ритуальность и др.). Социокультурный фактор метафоричности китайскоязычного дискурса коррелирует с коллективистским типом китайской культуры и ее стремлением к долгосрочной ориентации и коллективизму.

Выводы:

Проведенное нами исследование показателей функционального потенциала метафор в разных дискурсах на разноструктурных языках продемонстрировало значительные отличия в метафоричности идентичных с прагматической и экстралингвистической точек зрения дискурсах на разных языках.

Эмпирические данные показали повышенную плотность метафор, характерную для текстов всех исследованных дискурсов на китайском языке. Эту особенность мы объясняем графическими, фонетическими, лексическими и синтаксическими аспектами языка, а также такими особенностями построения китайско-язычного дискурса как стремление к аналогиям, ритуальность общения, и обращение к прошлому языковому опыту. Кроме того, повышенная метафоричность дискурсов на китайском языке коррелирует с такими социокультурными факторами, как коллективистский тип китайской культуры и ее долгосрочная ориентация.

Признавая повышенную метафорическую насыщенность дискурсов на китайском языке специфической характеристикой китайской лингво- и социокультурой, мы полагаем, что при проведении анализа метафоричности текстов и дискурсов на китайском языке плотность метафор не стоит всецело соотносить с речевым воздействием, а при интерпретации показателей других

индексов следует также в значительной степени учитывать культурологические факторы.

Выводы по Главе 4:

Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать вывод, что метафоричность является дискурсивной характеристикой, отражающей прагматический потенциал речевого сообщения, и, следовательно, метод комплексного анализа метафоричности (MDDA) является действенным средством выявления прагматического потенциала дискурса, то есть по числовым показателям индексов метафоричности мы можем условно классифицировать тот или иной дискурс как информативный или воздействующий.

Рассмотрение метафоры как семантической аномалии, отражающей концептуальный перенос и реализующей свой функциональный воздействующий потенциал в дискурсе позволило нам рассмотреть три уровня метафорического речевого воздействия метафор и соответствующие им виды речевого воздействия: когнитивное (рационально-оценочное, эмоционально-оценочное), семантическое (репрезентативное, идентифицирующее, трансформирующее) и структурно-коммуникативное (суггестивное, аттрактивное, персуазивное, референциальное, аргументативное). Опираясь на данную таксономию типов метафорического речевого воздействия, мы определили конкретные числовые показатели, условно свидетельствующие о реализации в дискурсе определенных типов речевого воздействия.

Рассматривая метафору как проекцию знаний из одной понятийной области в другую, нацеленную на познание, категоризацию, концептуализацию, оценку и/или объяснение мира и обладающую культурной обусловленностью опытом взаимодействия людей с окружающим миром, мы полагаем, что метафора в дискурсе может рассматриваться одновременно как языковой, когнитивный и культурный феномен.

При этом разница в метафоричности дискурсов на разноструктурных языках обусловлена лингвокультурными и социокультурными факторами. В частности, мы объясняем повышенную плотность китайскоязычных дискурсов специфическими лингвокультурными и социокультурными характеристиками. Первые связаны репрезентацией китайской лингвокультуры на графическом, фонетическом, лексическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях, а вторые проявляются в коллективистском типе китайской культуры и ее долгосрочная ориентация. В этой связи при интерпретации значений индексов метафоричности в процессе применения метода комплексного анализа метафоричности необходимо учитывать культурный фактор порождения дискурса, и при анализе дискурса на китайском языке больше опираться на показатели интенсивности, проявления функций и позиций метафор в тексте, чем на плотность метафорических проекций.

Заключение

Неоспоримым является тот факт, что на современном этапе развития постинформационного общества трансформация процесса коммуникации между людьми неизбежно находит отражение на механизмах восприятия информации. Мы полагаем, что все большую значимость в этой связи приобретают средства персуазивности и суггестивности, непосредственно связанные с когнитивными механизмами концептуализации и категоризации действительности.

Особенно актуальным нам представляется исследование функционального потенциала метафоры как средства речевого воздействия на семантическом, когнитивном и коммуникативном уровнях. Метафора, являясь «семантической аномалией», имеет когнитивную природу, которая состоит в способности концептуализировать и категоризировать окружающую действительность. При этом свой функциональный потенциал метафора реализует в дискурсе; будучи многократно повторенной, метафорическая проекция закрепляется в языковом сознании как когнитивная модель, опосредованная национальной культурой. Однократное использование метафоры активизирует новые когнитивные связи, воздействуя на направление и степень когнитивной обработки информации.

Функциональный потенциал метафоры в дискурсе реализуется имплицитно, воздействие посредством метафор зачастую не опосредовано интенцией автора, что безусловно связано с когнитивной природой метафоры как формы организации концептов. Несмотря на очевидную значимую роль метафоры в дискурсе как когнитивной модели, одновременно отражающей и формирующей социальное и индивидуальное сознание, методы выявления функционального потенциала метафорических проекций малоисследованы и практически не разработаны.

В нашей работе разработана концепция разноуровневого имплицитного метафорического воздействия в дискурсе. Будучи использованной в дискурсе,

метафора оказывает имплицитное речевое воздействие, форма и степень которого зависит от типа метафоры, ее позиции в тексте и количества метафор на определенный объем текста, а степень выраженности этих особенностей функционирования метафор в тексте и дискурсе являются собой метафоричность, которую следует полагать как неотъемлемую характеристику дискурса. При этом особенности функционирования метафор в дискурсе могут иметь количественную детерминированность, выраженную в числовом значении специально разработанных индексов метафоричности.

Каждая из характеристик функционирования метафор в дискурсе была изучена нами в теоретическом и практическом ключе. Так, было выяснено, что при порождении речевого сообщения автор в большинстве случаев подсознательно стремится использовать больше метафор для описания позиции, наиболее близкой ему, однако конкретная плотность метафор соотносится со стилевыми особенностями речевого сообщения. Для выявления взаимосвязи количества метафор и функционально-воздействующего потенциала дискурса был использован индекс плотности метафор [Landtsheer De, 2014] (Metaphor Density Index, $MDI = nme * 100 / nwords$, где nme – количество метафор, а $nwords$ – количество слов в тексте).

Мы подтвердили, что конвенциональные и новые метафоры, базирующиеся на категоризации и сравнении соответственно, по-разному воздействуют на адресата речевого сообщения. Конвенциональные метафоры влияют на когнитивное восприятие текста, делая речевое сообщение более понятным и легким для восприятия посредством снижения сложности воспринимаемого сообщения и повышения качества воспринимаемых аргументов. Новые метафоры позволяют увеличить эмоциональную привлекательность сообщения и возбудить воображение реципиента речевого сообщения, тем самым улучшая эмоциональное восприятие речевого сообщения. Отражая новые когнитивные переносы, этот тип метафор образует новые категоризационные связи между концептами. Выявление типа воздействия (когнитивно-рационального и эмоционально-рационального)

возможно с использованием индекса интенсивности метафор [Landtsheer De, 2014] (Metaphor Intensity Index, МИИ = $(1*w+2*a+3*s)/nme$, где w – количество низкоинтенсивных (стертых, конвенциональных), a – количество метафор средней интенсивности, s – количество высокоинтенсивных (новых, авторских метафор)).

Семантика сферы-источника и сферы-цели метафоры связана с воздействующим потенциалом речевого сообщения, однако этот уровень воздействия не поддается валидному количественному вычислению, так как степень этого воздействия обусловлена социокультурными ценностями, психологическими особенностями и жизненным опытом реципиента речевого сообщения. Тем не менее, проведенные нами практические исследования демонстрируют роль метафорических выражений по формированию социально значимых концептов, конструированию общественного мнения (метафорическая репрезентация эпидемии коронавируса) и созданию образа государственных институтов (метафорический образ ВС РФ и НОАК).

Мы изучили возможность анализа воздействующего потенциала метафор с точки зрения разделения на ориентационные, онтологические и структурные. Данная классификация метафорических переносов предполагает учет семантического значения сферы-источника и сферы-цели, кроме того, разные метафоры по-разному реализуются в языке. Так, ориентационные метафоры, отражающие базовый физический опыт взаимодействия с миром, выполняют репрезентативную функцию; онтологические метафоры, определяющие дополнительные когнитивные признаки референта метафоризации, выполняют идентификационную функцию; структурные метафоры реализуют когнитивно-трансформационную функцию за счет реструктуризации когнитивного и семантического значения концепта. Количественный анализ, показывающий доминирующую функцию метафоры в дискурсе, осуществляется подсчетом специально разработанного нами индекса функциональной типологии метафор (Metaphor Functional Typology Index, MfTI = $(1*Or+2*O+3*St)/nme$, где Or – количество ориентационных метафор, O –

количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте).

Реализация функционально-воздействующего потенциала метафор также связана с распределением метафор по композиционной структуре и тема-рематической иерархии текста. Нами было последовательно доказано, что использование метафор в разных частях композиционной структуры текста отражает разные функции метафоры: во введении – суггестивно-идентификационную (связано с имплицитным изменением концептуального содержания темы высказывания), в середине – аттрактивную (связано с повышением качества аргументов автора и улучшения образа автора), в конце – персуазивную (связано с повторением концептуального переноса относительно темы высказывания, тем самым усиливает персуазивный эффект). На этом основании мы предложили и описали применение индекса взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (Metaphor Structural Index external, $MStI(ex) = (1*M+2*I+3*C)/nme$, где M – количество метафор в основной части, I – количество метафор во введении (вступлении), C – количество метафор в заключении, nme – количество всех метафор в тексте).

Метафоры, соотносимые с разными частями тема-рематической иерархии текста, также выполняют разные функции в тексте: «тематические метафоры» концептуализируют тему высказывания, формируя отношение к основной мысли высказывания, воздействующий потенциал «рематических метафор» состоит в изменении содержания предмета речевого сообщения за счет изменения аргументов вокруг темы. На этом основании мы разработали индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста (Metaphor Structural Index internal, $MStI(in)$), который отражает распределение метафор по блокам внутренней структуры текста: $MStI(in) = 1*T+3*R/nme$, где T – количество метафор, относящихся к блоку «тема текста», R – количество метафор, относящихся к блоку «рема текста»).

В целом, нами был предложен метод комплексного анализа метафоричности дискурса (Metaphor-Driven Discourse Analysis – MDDA),

представляющий собой последовательность из нескольких шагов по вычислению индексов плотности, интенсивности, функций и распределения метафор по структуре текста, а также модель интерпретации значений индексов в их соотнесенности с метафорическим речевым воздействием. В работе описана математическая логика каждого из индексов, а также эмпирически обоснована интерпретация их числовых значений, на основании которых можно определять степень потенциального речевого воздействия. Комплексное применение предложенного метода предполагает интерпретацию значений всех индексов в совокупности, так как каждый из них отражает одно из проявлений дискурсивного функционального потенциала метафорической проекции.

Мы провели апробацию разработанного метода анализа метафоричности с целью выявления функционально-воздействующего потенциала метафор на материале политического, официально-документального и медиадискурсов на русском, китайском и английском языках общим объемом 255 119 слов.

Отметим, что для оптимизации и уточнения процесса подсчета и структурирования результатов исследования текста и дискурса посредством метода комплексного анализа метафоричности дискурса нами было разработано специальное программное обеспечение Metaphor Index Calculator, которое позволяет исследователю последовательно и в удобной форме вычислить индексы метафоричности, отражающие вышеперечисленные аспекты реализации функционального потенциала метафор в дискурсе.

Полученные практические результаты привели нас к ряду выводов как относительно предложенного метода, так и относительно прагматических характеристик исследованных дискурсов.

Так, распределение значений разработанных и рассчитанных индексов для текстов разных дискурсов на разных языках показывает, что наибольшая плотность метафор была характерна для медиадискурса, в особенности для текстов с «проблемной повесткой». Политический дискурс, в особенности тексты устных публичных выступлений политиков, характеризуется

использованием метафор с более высоким уровнем интенсивности. С точки зрения типов используемых метафор, наибольшее количество структурных метафор, которые отличаются когнитивным воздействием, характерно для обращений политиков к нации. Наименьшими показателями метафоричности по значениям всех индексов отличается официально-документальный дискурс.

Эмпирическое исследование подтвердило, что использование метода комплексного анализа метафоричности дискурса (MDDA) эффективно при одновременной интерпретации и учете значений всех индексов, которые отражают разные аспекты функционирования метафор и, соответственно, уточняют и дополняют друг друга. При этом, индексы взаимосвязи метафоричности и структуры текста признаны вспомогательными, так как не могут быть применены ко всем типам дискурсов. Мы признали необходимость подсчета относительного распределения ориентационных, онтологических и структурных метафор как вспомогательного средства анализа функционального потенциала метафор.

Дополнительно было установлено, что метод анализа метафоричности может быть действенным инструментом выявления жанровых отличий текстов, что было продемонстрировано при исследовании текстов военных доктрин. Это свидетельствует о том, что функциональный потенциал метафор проявляется также в формировании определенных жанрово-стилистических характеристик текста. Кроме того, выявлено, что интенсивность метафоры больше связана с прагматическими и экстралингвистическими характеристиками текста, чем с лингвокультурными, что следует из разницы в использовании конвенциональных и новых метафор, использованных разными авторами текстов на английском языке.

Среди значимых результатов исследования стоит также отметить, что мы выделили опорные показатели индексов метафоричности для текстов разной прагматической направленности. Прагматически связанные с убеждением, формированием мнения дискурсы в среднем отличаются более высокими показателями плотности ($MDI > 2,5$) и интенсивности ($MII > 1,5$)

метафор, в них использовано больше структурных метафорических проекций ($MfTI > 2$), а распределение метафор по структуре текста ($MStI(ex) > 1,5$ и ($MStI(in) > 2$)) отражает также речевое воздействие на коммуникативном уровне. Эти показатели могут использоваться для выявления прагматического потенциала текстов посредством анализа метафоричности в будущих исследованиях.

Мы также составили своего рода классификацию метафорического речевого воздействия в дискурсе, предполагающую его реализацию на разных уровнях: когнитивном, языковом и коммуникативном. Проведенное эмпирическое исследование соотносит полученные числовые показатели индексов метафоричности с разными типами речевого воздействия, тем самым создана «отправная точка» для будущих исследований метафоричности и речевого воздействия.

Так, на когнитивном уровне речевое воздействие, проявляющееся в подборе конвенциональных или новых метафор, отражается в значении индекса интенсивности метафор (МИ). Проведенный практический анализ дискурсов разноструктурных языков показал, что опорное значение $МИ > 1,5$ будет свидетельствовать о наличии эмоционально-оценочного (эмоционально-аффективного) воздействия, тогда как $МИ < 1,5$ – о наличии рационально-оценочного когнитивного (категоризационного) воздействия.

На языковом уровне речевое воздействие метафоры отражается в значении индекса функциональной типологии метафоры (MfTI): если $MfTI < 1,5$, то метафоры реализуют свой функциональный потенциал в репрезентативном воздействии, если $1,5 < MfTI < 2,1$, то оказывается идентификационное воздействие, если $MfTI > 2,1$, то в тексте метафоры больше реализуют функцию трансформационного воздействия.

На коммуникативном уровне мы рассмотрели речевое воздействие, которое проявляется в позиции метафор относительно внешней и внутренней структуры текста как коммуникативной единицы. Структурно-коммуникативное воздействие отражается в индексе взаимосвязи

метафоричности и внешней структуры текста ($MStI(ex)$). Наше исследование показало, что, если значение $MStI(ex) < 1,2$, то метафоры реализуют аттрактивное воздействие, если $1,2 < MStI(ex) < 1,5$, то суггестивное воздействие, если $MStI(ex) > 1,5$, то персуазивное воздействие.

Структурно-коммуникативное воздействие также отражается в индексе взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста ($MStI(in)$): если значение $MStI(in) < 2$, то метафоры реализуют референциальное воздействие, если $MStI(ex) > 2$, то аргументативное воздействие.

Эти числовые показатели основаны на результатах нашего практического исследования и вычислены посредством применения методов математической статистики.

Указанные опорные значения индексов метафоричности, которые могут применяться в будущих исследованиях на этапе интерпретации метода комплексного анализа метафоричности MDDA, являются условными показателями проявления разных типов речевого воздействия. Осмысление и интерпретация полученных на этапе количественного анализа числовых значений во многом остается в зоне ответственности исследователя, так как в лингвистических исследованиях нельзя априорно опираться на цифры, а анализ таких многокомпонентных явлений как дискурс требует учета множества факторов.

Эмпирическое исследование показало, что китайскоязычные дискурсы в среднем отличаются значительно более высоким уровнем плотности метафор, чем дискурсы на русском и английском языках. Исследованные тексты на китайском языке также были в среднем чуть более метафоричны по плотности и интенсивности метафор и с точки зрения использования структурных метафор, чем тексты на русском и английском языках.

Эту особенность мы объясняем специфической репрезентацией китайской культуры в графическом, фонетическом, лексическом и синтаксическом аспектах языка, а также такими особенностями построения китайскоязычного дискурса как стремление к аналогиям, ритуальность

общения, обращение к прошлому языковому опыту. Кроме того, экспериментально доказано, что повышенная метафоричность дискурсов на китайском языке коррелирует с такими социокультурными факторами (по Г. Хофштеде), как коллективистский тип китайской культуры и ее долгосрочная ориентация. В этой связи мы полагаем, что при практическом применении метода комплексного анализа метафоричности MDDA необходимо принимать во внимание культурные основания порождения дискурса, так как для некоторых культур, в частности, для китайской повышенная метафоричность является типичной и не обязательно соотносится с речевым воздействием. В случае анализа дискурсов на китайском языке мы полагаем более значимыми значения индексов интенсивности и функциональной типологии, чем индекса плотности метафор.

В ходе проведенного исследования были решены следующие **задачи**:

- на основе критического осмысления научных трудов по теме исследования метафора была рассмотрена с точки зрения семантического, прагматического, когнитивного и дискурсивных подходов;
- были изучены основные достижения дискурсивного направления исследований метафоры на онтологическом, аксиологическом и гносеолого-квантитативном уровнях;
- были детально проанализированы работы зарубежных и отечественных исследователей, связанные с методами выявления метафор в тексте, анализа метафорических моделей и систем и вычисления уровня метафоричности дискурса;
- выявлена взаимосвязь речевого воздействия с количеством метафор, их интенсивностью, семантикой сферы-источника и сферы-цели метафоры, функциями и распределением метафорических переносов в частях композиционной структуры и тема-рематической иерархии текста;
- разработан комплексный метод анализа метафоричности дискурса (MDDA), основанный на вычислении индексов метафоричности, два из которых (MDI – индекс плотности метафор, MII – индекс интенсивности

метафор) предложены К. де Ландтсхеер, и три (MfTI – индекс функциональной типологии метафор, MStI(ex) – индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста и MStI(in) – индекс взаимосвязи метафоричности и внутренней структуры текста) обоснованы и впервые предложены к использованию в этой работе;

- создано и апробировано программное обеспечение, позволяющее упростить вычисление индексов (Metaphor Index Calculator);

- проведен комплексный анализ метафоричности текстов политического, официально-документального и медиадискурсов на материале русского, китайского и английского языков;

- запечатлены показатели метафоричности каждого из дискурсов для каждого из языков и проведен сравнительный анализ по типам дискурса, прагматическим характеристикам текстов и лингвокультурам, в рамках которых исследуемые тексты были созданы;

- полученные числовые показатели метафоричности для дискурсов на разных языках изучены с точки зрения разницы для прагматически сходных текстов на разных языках;

- показатели индексов метафоричности соотнесены с положениями теории речевого воздействия, определены количественные маркеры разных типов речевого воздействия метафор в дискурсе;

- рассмотрена проблематика взаимосвязи полученных числовых показателей метафоричности дискурса и лингво- и социокультурных характеристик.

Эмпирическую базу исследования составил достаточно обширный языковой материал. Тем не менее, настоящая работа не может претендовать на всеобъемлющую универсальность выводов относительно взаимосвязи функционального потенциала метафор и воздействующей роли метафор в дискурсе. Мы полагаем, что полученные числовые значения могут рассматриваться как «отправная точка» для будущих исследований, в ходе которых показатели метафоричности, отражающие разные типы речевого

воздействия, могут уточняться и корректироваться в их зависимости с лингвокультурами, жанровыми и стилистическими особенностями разных текстов и прагматическими особенностями порождения речевого высказывания в рамках разных дискурсов.

Несомненный интерес для дальнейшего научного анализа представляют такие формы метафорического воздействия как визуальные и аудиальные метафоры, оставшиеся за скобками в данном исследовании. Поликодовый, мультимодальный текст – весьма популярное направление современного языкознания, и рассмотрение других форматов метафор, отличных от текстового, довольно перспективно и малоизучено.

Эвристически перспективным направлением исследований мыслится дальнейшая разработка вопросов речевого воздействия посредством использования образного языка в дискурсе. Особенно перспективным исследование функционального потенциала метафоры выглядит с точки зрения нейролингвистики, практический инструментарий которой может уточнить полученные при исследовании текстового материала выводы.

Интерес для дальнейшего теоретического осмысления представляет осознание метафоры как дискурсообразующей характеристики и дальнейшая разработка дополнений к теории дискурса с этой точки зрения. Проведенные практические исследования по анализу метафорических моделей, репрезентирующих коронавирус, показали высокий потенциал метафор по формированию смыслового содержания всего дискурса. Однако данный вопрос выходил за рамки нашей работы и требует дополнительного теоретического осмысления.

Наряду с перечисленными направлениями дальнейших исследований означенной проблематики, считаем перспективным использование достижений компьютерной лингвистики в части, касающейся автоматизированного поиска и выявления метафор в тексте. Создание подобных систем в совокупности с предложенным нами методом комплексного анализа метафоричности дискурса позволит автоматизировать исследование функционального потенциала

метафор в дискурсе и получать данные о потенциальном речевом воздействии дискурса без непосредственного трудозатратного участия исследователя.

Список литературы:

1. Абдрахманова А. Р. Системы классификации языков мира и классификационные характеристики китайского языка / А. Р. Абдрахманова, Т. Л. Гурулева. — Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. — 2020. — Т. 10. — С. 132—138.
2. Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1993. — Т. 3. — С. 27—35
3. Аржанова И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе / И. А. Аржанова. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — Т. 6, № 139. — С. 161—164.
4. Аристотель. Поэтика ; Риторика / Аристотель ; пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. — 348 с. — ISBN 978-5-91181-359-8. — Текст : непосредственный.
5. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Теория метафоры : [сборник] / сост. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 895 с. — ISBN 5-7859-0027-0. — Текст : непосредственный.
7. Бадрызлова Ю. Г. Правила применения процедуры лингвистической идентификации метафоры (mīrvu) в русскоязычном корпусе: лингвокогнитивный опыт (уточнения и дополнения) / Ю. Г. Бадрызлова, Е. В. Исаева, Р. Д. Керимов, Н. Г. Шехтман. — Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. — 2013. — Т. 4, №36. — С. 19—29.
8. Бадрызлова Ю. Г. Основные методы и принципы создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры: опыт разметки с применением инструмента brat / Ю. Г. Бадрызлова, Р. Д. Керимов,

Н. Г. Шехтман. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — Т. 3, № 23. — С. 82–92.

9. Баженова Е. А. Композиция текста / Е. А. Баженова. — Текст : непосредственный // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожина. — Москва : Флинта, 2006. — С. 168–173.

10. Балашова Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект) / Л. В. Балашова — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2. — С. 10–17.

11. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К. А. Долинина. — 2-е изд., стер. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 393 с. — ISBN 5-8360-0407-2. — Текст : непосредственный.

12. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 330 с. — EDN RTAORN.

13. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основания и практика : учебное пособие / А. Н. Баранов. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 591 с. — ISBN 978-5-9765-0083-9. — ISBN 978-5-02-034561-4. — Текст : непосредственный.

14. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва: Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — ISBN 978-5-9905856-7-6. — Текст : непосредственный.

15. Баранов А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Текст : непосредственный // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. — 1997. — Т. 56, № 1. — С. 11–21.

16. Баранов, А. Н. Метафорическое представление России в современном политическом и социально-поэтическом дискурсах: к проблеме конвергенции дискурсивных практик / А. Н. Баранов, О. И. Северская // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2017.

– № 22-1. – С. 45-48. – EDN ZRYAKD.

17. Бардовская А. И. Цвето-звуковые метафоры русского языка (данные национального корпуса русского языка) / А. И. Бардовская. — Текст : электронный // Russian Journal of Education and Psychology. — 2013. — Т. 4. — С. 48. — URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/4201337> (дата обращения: 28.01.2020).

18. Бекасова Е. Н. Антропоморфная метафора в осмыслении генезиса языка / Е. Н. Бекасова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — Т. 6, № 402. — С. 18–21.

19. Белоусов К. И. Синергетика текста: от структуры к форме / К. И. Белоусов. — Москва : Либроком : URSS, 2008. — 248 с. — ISBN 978-5-397-00015-4. — Текст : непосредственный.

20. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Р. М. Блакар. — Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия : сборник статей / сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 88–125.

21. Блэк М. Метафора / М. Блэк. — Текст: непосредственный // Теория метафоры : [сборник] / сост. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 153–172.

22. Богословская И. В. Денотатная структура содержания текста / И. В. Богословская. — Текст : непосредственный // Вестник ВЭГУ. — 2011. — Т. 5. №55. — С. 60–66.

23. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. Н. Болдырев. — Изд. 4-е, испр. и доп. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 235 с. — ISBN 978-5-89016-938-9. — Текст : непосредственный.

24. Борисова, Е. Г. Язык общественно-политической коммуникации : Учебное пособие для магистратуры по специальности «Реклама и связи с общественностью» / Е. Г. Борисова. — Москва : Московский городской

педагогический университет, 2012. – 168 с. – EDN UGMKSN.

25. Борисова, Е. Г. Лексическая номинация в информационных войнах / Е. Г. Борисова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – № 1(21). – С. 61-65. – EDN VURRDL.

26. Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации / С. Ю. Бородай. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 2013. — № 4. — С.17–54.

27. Бородулина Н. Ю. Метафора «умный дом»: условия формирования, характеристики содержания и способы вербализации (на основе контент-анализа ресурсов Национального корпуса русского языка) / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева, О. Н. Апраксина. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 11-2 (89). — С.292–296.

28. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С.19–35.

29. Будаев Э. В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Аналитика культурологии. — 2007. — № 3(9). — С.28–32.

30. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 2011. — 359 с. — ISBN 978-5-8299-0206-3 (в пер.). — Текст : непосредственный.

31. Будаев Э. В. Метафоры природы в англоязычном дискурсе моды / Э. В. Будаев, А. А. Кильдюшевская. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2018.— № 2. — С. 73–78.

32. Будаев Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Уральский гос.

пед. ун-т, 2006. — 208 с. — ISBN ISBN 5-7186-0165-8 : 500. — Текст : непосредственный.

33. Бюлер К. Теория языка : Репрезентатив. функция яз. / К. Бюлер . — Москва: Прогресс :Универс, 1993. — 501 с. — ISBN 5-01-001595-1 (в пер.). — Текст : непосредственный.

34. Дейк, Тён ван. Язык. Познание. Коммуникация / Тён ван Дейк. — Москва : ЛЕНАНД, сор. 2014. — 309 с. — ISBN 978-5-9710-1387-7. — Текст : непосредственный.

35. Великова Л. Н. Антропоморфизм и метафоричность категории времени / Л. Н. Великова. — Текст : непосредственный // Язык и культура : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Чернова С. С. — Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества, 2014. — С. 169–172.

36. Волков К. В. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков / К. В. Волков, Т. Л. Гурулева. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 8 (131). — С.148–154.

37. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. — Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте : коллективная монография / [В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф] ; отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1988. — С. 11–26.

38. Галлямова М. С. Идентификация и классификация метафор на материале британского музыкального издания nme / М. С. Галлямова, Т. Ю. Баклыкова. — Текст :непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10-2 (76). — С.70–74.

39. Гапоненко Л. А. Коммуникативная структура сложного синтаксического целого: функционально-прагматический аспект / Л. А. Гапоненко. — Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 3. — С. 134–142.

40. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды

этого воздействия / Е. Г. Гришечко. — Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. — 2008. — № 4. — С. 53–59.

41. Гришина Е. А. Перспективы развития Национального корпуса русского языка / Е. А. Гришина, В. А. Плунгян. — Текст : непосредственный // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы [сборник]. — Москва : Индрик, 2005. — С. 330–339.

42. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. — Москва : Прогресс, 1984. — 397 с. — Текст : непосредственный.

43. Гурулева Т. Л. Китайская языковая личность: характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ : монография / Т. Л. Гурулева. — Москва: Издательский дом ВКН, 2019. — 160 с. — ISBN 978-5-907086-20-3. — Текст : непосредственный

44. Гурулева, Т. Л. Метафоричность как культурно обусловленная характеристика дискурса / Т. Л. Гурулева, О. И. Калинин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 3. — С. 26-40. — DOI 10.29025/2079-6021-2021-3-26-40. — EDN DZNFBSB.

45. Должикова С. Н. Взаимосвязь мышления и метафоричности языка / С. Н. Должикова. — Текст : непосредственный // Культурная жизнь Юга России. — 2008. — № 1 (26). — С. 126–127.

46. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология : [Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика»] / Т. М. Дридзе ; под ред. А. А. Леонтьева. — Москва: Высшая школа, 1980. — 224 с. — Текст : непосредственный.

47. Еремин В. С. Русская армия глазами британских публицистов «THE QUARTERLY REVIEW» в годы наполеоновских войн / В. С. Еремин. — Текст : непосредственный // История и историческая память. — 2020. — № 21. — С. 25-46.

48. Жантурина Б. Н. Перцептивные метафоры звука / Б. Н. Жантурина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 17 (198). — С. 12–15.

49. Жантурина Б. Н. Метафоры на основе перцептивного компонента (на материале русского и английского языков) : монография / Б. Н. Жантурина. — 2-е издание, стереотипное. — Москва : Издательство «ФЛИНТА», 2016. — 163 с. — ISBN 978-5-9765-2910-6. — Текст : электронный.

50. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Р. Желтухина. — Москва, 2005. — 358 с. + Прил. (с.359-722: ил.) — Текст : непосредственный.

51. Жуйкова О. В. Артефактные метафоры как вербальные средства объективации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта / О. В. Жуйкова. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 3 (75). — С. 177–186.

52. Зарипов Р. И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 145–158.

53. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 172–180.

54. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте Олимпийских игр в Сочи / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1 (51). — С. 169-174.

55. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : монография / Р. И. Зарипов. — Москва : Р.Валент, 2016. — 217 с. — ISBN 978-5-93439-516-3. — Текст : непосредственный.

56. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии / Р. И. Зарипов. — Текст :

непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 76–85.

57. Зуева Т. А. Человек сквозь призму артефактной метафоры в русской идиоматике / Т. А. Зуева. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2016. — № 2. — С. 102–110.

58. Исмаилова О. И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе / О. И. Исмаилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 54–59.

59. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Лки, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7. — Текст : непосредственный.

60. Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа : монография / О. И. Калинин. — Москва: КноРус, 2018. — 148 с. — ISBN 978-5-4365-2963-9. — Текст : непосредственный.

61. Калинин О. И. Метафорический образ НОАК в СМИ КНР / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 6 (72). — С. 55–59.

62. Калинин О. И. Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 8 (837). — С. 26–37.

63. Калинин О.И. Зависимость персуазивности речевого сообщения от содержания метафорического переноса / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2020b. — № 4. — С. 82–92.

64. Калинин О. И. Метафоричность текстов публичных выступлений Си Цзиньпина / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Социолингвистика. — 2020с. — № 3 (3). — С. 101–112.

65. Калинин О. И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2020d. — № 2. — С. 31–43.

66. Калинин О. И. Метафора как предмет лингвистических исследований : монография / О. И. Калинин. — Москва : РУСАЙНС, 2020e. — 124 с. — ISBN 978-5-4365-6033-5. — Текст : непосредственный.

67. Калинин О. И. Внутрикультурная вариативность концептуальной метафоры со сферой-целью ВОЙНА: зависимость от профессионального и личного опыта / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020f. — Т. 18, № 3. — С. 103-117.

68. Калинин, О. И. Обзор современных когнитивно-дискурсивных исследований метафоры / О. И. Калинин // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2020g. — № 3. — С. 51-57. — EDN OZDVUV.

69. Калинин, О. И. Дискурсивная метафора и метафора в дискурсе: к вопросу о дискурсообразующей роли когнитивной метафоры / О. И. Калинин // Когнитивные исследования языка. — 2020h. — № 3(42). — С. 213-219. — EDN QQOIWT.

70. Калинин, О. И. Речевое воздействие метафоры и тема-рематическая структура текста / О. И. Калинин // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2020k. — № 4. — С. 60-69. — DOI 10.15593/2224-9389/2020.4.6. — EDN DQZUIB.

71. Калинин О. И. Метафора как средство анализа имплицитной информации в политическом дискурсе / О. И. Калинин, Р. Р. Мавлеев. — Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2019a. — № 1. — С. 175-179.

72. Калинин О. И. Сопоставительный анализ метафоричности военно-политических дискурсов языков разной типологии (на примере русского и

китайского языков) / О. И. Калинин, Р. Р. Мавлеев. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка — 2019b. — № 38. — С. 546-553.

73. Калинин О. И. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея / О. И. Калинин, Д. В. Мавлеева. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — Т. 18, № 4. — С. 99-109.

74. Калинин О. И. Курс лекций по стилистике китайского языка : учебное пособие / О. И. Калинин, Л. А. Радус. — Москва : ВКН, 2017. — 344 с. — ISBN 978-5-7873-1115-0. — Текст : непосредственный.

75. Калинин О. И. Метафоричность и типология: опыт сопоставительного анализа / О. И. Калинин, Д. В. Селезнёва. — Текст : непосредственный // Филология: научные исследования. — 2019. — № 4. — С. 72-80.

76. Калинин, О. И. Метафора: риторический, прагматический, когнитивный и дискурсивный подходы / О. И. Калинин, Т. Л. Гурулева // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2019. — № 3. — С. 128-134. — EDN GMRRDD.

77. Калинин, О. И. Речевое воздействие и содержание метафоры: к вопросу об индексе функциональной типологии / О. И. Калинин // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 90-102. — DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_3_90_102. — EDN ITBMSQ.

78. Карташкова Ф. И. Номинация в речевом общении / Ф. И. Карташкова. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. — 199 с. — ISBN 5-7807-0134-2. — Текст : непосредственный.

79. Карташова А. В. Метафорическая модель и возможности ее реализации в научном тексте / А. В. Карташова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 3 (131). — С. 153-156.

80. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер. — Текст : непосредственный // Теория метафоры : [сборник] / сост. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5–32.

81. Киосе, М. И. О некоторых техниках параметризации при распознавании имплицитности / М. И. Киосе // Когнитивные исследования языка. — 2019. — № 36. — С. 162-171.

82. Киосе, М. И. Р. Водак. политический дискурс в действии: политика без прикрас / М. И. Киосе // Политическая наука. — 2016. — № 3. — С. 260-275. —

83. Кленина А. В. Связное высказывание в научной речи : на материале полит. экономики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Кленина. — Москва, 1975. — 207 с. — Текст : непосредственный.

84. Ковальчук О. В. Метафоричность как определяющая черта дипломатического дискурсивного пространства / О. В. Ковальчук — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2019. — № 1 (39). — С. 252-261.

85. Ковязина М. А. Средства выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран в отношении России и российских ответных санкций в текстах британских сетевых СМИ: корпусное исследование / М. А. Ковязина, Т. А. Ильющенья, С. Б. Хабибуллина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2 (68). — С. 61-67.

86. Кондратьева О. Н. Особенности развертывания концептуальной метафоры в цикле политических анекдотов (на материале анекдотов о баллотировании Ксении Собчак на пост Президента Российской Федерации) / О. Н. Кондратьева. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 60. — С. 28-44.

87. Кондрахина Н. Г. Сравнение систем метафор в английских и русских текстах по экономике с точки зрения межкультурной коммуникации / Н. Г. Кондрахина, Н. Е. Южакова. — Текст : непосредственный // Образование и право. — 2019. — № 10. — С. 245-248.

88. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Лекц. курс. / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 282 с. — ISBN 5-94244-009-3. — Текст : непосредственный.
89. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Яз. славян. культуры, 2004. — 555 с. — ISBN 5-94457-174-8. — Текст : непосредственный.
90. Кузнецов И. Н. Диссертационные работы : методика подгот. и оформления : учеб.-методическое пособие / И. Н. Кузнецов. — Москва : Дашков и Ко, 2007. — 453 с. — ISBN 5-91131-155-0. — Текст : непосредственный.
91. Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание / Г. Г. Кулиев. — Баку : Элм, 1987. — 155 с. — Текст : непосредственный.
92. Курбанов И. А. Природоморфные метафоры в дискурсе инвалидности российских и американских СМИ / И. А. Курбанов, С. Г. Носкова. — Текст : непосредственный // Русистика. — 2016. — № 2. — С. 57-62.
93. Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута — Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. — 113 с. — ISBN 5-94356-104-8. — Текст : непосредственный.
94. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : УРСС, 2004. — 252 с. — ISBN 5-354-00222-2. — Текст : непосредственный.
95. Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика : на материале австрийских печатных СМИ : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. В. Лапшина. — Москва, 2006. — 151 с. — Текст : непосредственный.
96. Линь С. Специфика оценочной метафоры в русском и китайском языках : на материале текстов политического дискурса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Линь С. — Москва, 2020. — 330 с.

— Текст : непосредственный.

97. Литвиненко Т. Е. Метафора в религиозном дискурсе / Т. Е. Литвиненко. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2015. — № 5 (716). — С. 79-88.

98. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 томах / Ю. М. Лотман. — Таллин : Александра, 1992-1993. — 3 т. — Текст : непосредственный.

99. Любимова О. Ю. Метафорическая концептуализация эмоционального состояния «ГНЕВ»: на материале английского и русского языков : диссертация ... кандидата филологических наук :10.02.19 / О. Ю. Любимова. — Москва, 2020. — 178 с. — Текст : непосредственный.

100. Мавлеев Р. Р. Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений председателя КНР Си Цзиньпина и президента РФ В. В. Путина в рамках международного форума «Один пояс — один путь») / Р. Р. Мавлеев, А. Г. Фомин // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 112-121.

101. Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку : (для студентов-журналистов) : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению 030600 «Журналистика», специальностям 030601 «Журналистика», 030602 «Связи с общественностью», 032401 «Реклама» / Л. М. Майданова. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2007. — 520 с. — ISBN 978-5-7996-0281-1. — Текст : непосредственный.

102. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус. — Текст : непосредственный // Пражский лингвистический кружок : Сборник статей / сост. Н. А. Кондрашова. — Москва : Прогресс, 1967. — С. 239.

103. Матова Ю. В. Оценочный характер антропоцентрической метафоры трудовой деятельности в русском и английском языках / Ю. В. Матова, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы

языкознания и педагогики. — 2019. — № 2. — С. 82-89.

104. Мелихова И. Н. Метафорическое моделирование образа Евросоюза в российском медиадискурсе / И. Н. Мелихова. — Текст : электронный // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот: материалы Международной научной конференций по политической коммуникации / отв. редактор Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург, 2019. — С. 143-146. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41476658&pff=1> (дата обращения: 21.02.2020). — Режим доступа: науч. — электрон. б-ка «eLibrary», требуется авторизация.

105. Миньяр-Белоручева А. П. Язык предвыборной политической рекламы США: динамика развития / А. П. Миньяр-Белоручева. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2015. — Т. 12, № 4. — С. 26-33.

106. Москальская О. И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков / О. И. Москальская. — Москва: Высшая школа, 1981. — 183 с. — Текст : непосредственный.

107. Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации / В. П. Москвин. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2000. — № 2. — С. 66-74.

108. Нечаева Е. А. К вопросу об исследовании тактик речевого воздействия, используемых в предвыборных листовках / Е. А. Нечаева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 122-127.

109. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / А. И. Новиков ; под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. — Москва: Институт языкознания РАН, 2007. — 224 с.

110. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони. — Текст : непосредственный // Теория метафоры: [сборник] / сост. Н. Д. Арутюнова. — Москва: Прогресс, 1990. — С. 219–236.

111. Остапова Л. Е. Антропоморфная метафора в парфюмерном дискурсе немецкоязычной рекламы / Л. Е. Остапова, О. В. Островская, Г. В. Миронова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12-1 (66). — С. 133-135.

112. Остин Д. Л. Слово как действие / Д. Л. Остин. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : сб. статей : в 25 т. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. — Москва, 1960-1989. — вып. XVII : Теория речевых актов. — С. 22-129.

113. Павлова Д. С. Семантическая структура устного спонтанного текста: теоретические и методологические подходы к исследованию / Д. С. Павлова, Е. В. Ерофеева. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2015. — № 1 (29). — С. 5-17.

114. Пелевина Н. Н. Рассуждение в композиционно-речевой структуре научного и художественного текстов / Н. Н. Пелевина. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2006. — Т. 7, № 21-1. — С. 71-78.

115. Песина С. А. Феномен «воплощенность» в когнитивистике / С. А. Песина. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2018. — № 33. — С. 693-698.

116. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика : учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с. — ISBN 978-5-17-045103-6. — Текст : непосредственный.

117. Попова Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5 (65). — С. 125-129.

118. Попова, Т. Г. Метафора как важный элемент когниции / Т. Г. Попова, Е. В. Саушева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 1(79). — С. 68-72.

119. Попова, Т. Г. Метафора в межкультурной коммуникации / Т. Г. Попова, О. В. Мингалева, И. Г. Аникеева // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 5. – С. 188-190.

120. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики / Г. Г. Почепцов. — Киев : Вища шк., 1987. — 129 с. — Текст : непосредственный.

121. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак : лингвистические основы межкультурной коммуникации : монография / И. В. Привалова. — Москва : Гнозис, 2005. — 469 с. — ISBN 5-7333-0185-6. — Текст : непосредственный.

122. Прокопьева А. А. Социоморфная метафора в произведениях В. В. Набокова на русском и английском языке / А. А. Прокопьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — № 19. — С. 259-264.

123. Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская. — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1989. — 165 с. — ISBN 5-02-027871-8. — Текст : непосредственный.

124. Ричардс А. Философия риторики / А. Ричардс. — Текст : непосредственный // Теория метафоры : [сборник] / сост. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 44–67.

125. Романова Т. В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками / Т. В. Романова. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2013. — № 14. — С. 493-496.

126. Ртищева О. В. Языковая темпоральность как метафора культуры / О. В. Ртищева. — Текст : непосредственный // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 14, № 6. — С. 834-841.

127. Рычкова О. В. Образ Красной Армии в американской прессе в конце Второй мировой войны / О. В. Рычкова. — Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. — 2008. — № 10. — С. 33-36.

128. Рюкова А. Р. Языковые способы реализации персуазивности / А. Р. Рюкова, Е. А. Филимонова. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21, № 2. — С. 431-435.

129. Самкова М. А. Прагматика метафоры и метонимии в медиатексте / М. А. Самкова. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4-2. — С. 99-111.

130. Самоделкин А. А. Тема-рематический анализ в функциональной лингвистике: от актуального членения предложения к тексту / А. А. Самоделкин. — Текст : непосредственный // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. — 2015. — № 25. — С. 278-280.

131. Самоделкин А. А. Тема-рематическая иерархия текста / А. А. Самоделкин. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7-3 (61). — С. 132-138.

132. Складаревская Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания / Г. Н. Складаревская. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1987. — № 2. — С. 58-65.

133. Складаревская Н.Г. Языковая метафора в толковом словаре. Опыт системного описания / Н. Г. Складаревская. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1987. — № 2 — С. 58-65.

134. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 150 с. — ISBN 5-02-028138-7. — Текст : непосредственный.

135. Слобин Д. Психоллингвистика / Д. Слобин, Дж. Грин. — Москва : Прогресс, 1976. — 350 с. — Текст : непосредственный.

136. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе : монография / Г. Г. Слышкин. — Москва : Academia, 2000. — 125 с. — ISBN 5-87444-012-3. — Текст : непосредственный.

137. Солопова О. А. Диахронический анализ метафор в британском

корпусе текстов: колокола Победы и Russia's V-Day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2018. — Т. 22, № 2. — С. 313-337.

138. Соснин А. В. Метафора организма как ключевая метафора в формировании лондонского текста английского языка и культуры / А. В. Соснин. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — Т. 16, № 2. — С. 101-112.

139. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. — Москва : Прогресс, 1977. — 695 с. — Текст : непосредственный.

140. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации : монография / Е. Стоянова. — Шумен : Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2013. — 276 с. — ISBN 978-954-577-663-2. — Текст : непосредственный.

141. Сунь Ю. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков / Ю. Сунь, О. И. Калинин, А. В. Игнатенко. — Текст : непосредственный // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Т. 25, № 1. — С. 250-277.

142. Сухомлинова М. А. Особенности композиционно-смысловой организации академических текстов (на материале английского языка) / М. А. Сухомлинова. — Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. — 2018. — № 4 (96). С. 102-109.

143. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория / Е. Ф. Тарасов. — Текст : непосредственный // Оптимизация речевого воздействия : коллективная монография / [Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомоллова и др.]; Отв. ред. Р. Г. Котов. — Москва : Наука, 1990. — С. 5-18

144. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов. — Текст : непосредственный // Языковое сознание и образ мира

[Сб. науч. ст.] / [Отв. ред. Н. В. Уфимцева]. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 24-33.

145. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия. — Текст: непосредственный // Метафора в языке и тексте : коллективная монография / [В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф] ; отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1988. — С. 26–52.

146. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. — 284 с. — ISBN 5-88766-047-3. — Текст : непосредственный.

147. Тураева З. Я. Лингвистика текста : (Текст: структура и семантика) : [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. N2103 «Иностр. яз»] / З. Я. Тураева. — Москва : Просвещение, 1986. — 126 с. — Текст : непосредственный.

148. Усмонов Р. А. Логико-композиционная структура текста публичных выступлений / Р. А. Усмонов. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2011. — № 2. — С. 107-110.

149. Фань А. Метафорические характеристики китайского языка.: дисс. ... канд. филос. наук. Шаньдун: Шаньдун. ун-т., 2005. 138 с.

150. Фахертдинова Г. Ф. Особенности тема-рематической организации различных видов текстов / Г. Ф. Фахертдинова. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2010. — Т. 15, № 1. — С. 99-101.

151. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1991. — № 6. — С. 46-50.

152. Филатова Е. А. Лексико-стилистические средства реализации непрямого речевого воздействия (на материале англоязычного политического дискурса) / Е. А. Филатова. — Текст : непосредственный // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — № 1 (18). — С. 78-81.

153. Филимонов О. И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. И. Филимонов. — Ставрополь, 2003. — 191 с. — Текст : непосредственный.

154. Цилл Р. Субструктуры мышления. Границы и перспективы истории метафор по Хансу Блюменбергу / Р. Цилл. — Текст : непосредственный // История понятий, история дискурса, история метафор : сборник статей / [под ред. Ханса Эриха Бёдекера]. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 155-188.

155. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста : учебное пособие для студентов старших курсов, магистрантов и аспирантов вузов, обучающихся по направлению 540300 (050300) «Филологическое образование» : [стиль, текст, дискурс] / В. Е. Чернявская. — Изд. 5-е. — Москва : URSS, 2009. — 127 с. — ISBN 978-5-397-00914-0. — Текст : непосредственный.

156. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540300 - Филологическое образование / В. Е. Чернявская. — Москва : Директ-Медиа, 2014. — 184 с. — ISBN 978-5-4458-5891-1. — Текст : непосредственный.

157. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8. — Текст : непосредственный.

158. Чудинов А. П. Политическая метафорология. Дискурсивный поворот : монография / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 232 с. — ISBN 978-5-9765-4326-3. — Текст : непосредственный.

159. Чурилина Л. Н. Лексическая структура текста в психолингвистическом аспекте (часть первая) / Л. Н. Чурилина. — Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета.

— 2012. — № 1-2 (37). — С. 98-100.

160. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — Текст : непосредственный.

161. Шелестюк Е. В. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия / Е. В. Шелестюк. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 30. — С. 170-175.

162. Шкляр М. Ф. Основы научных исследований : учебное пособие / М. Ф. Шкляр. — 3-е изд. — Москва : Дашков и К°, 2009. — 242 с. — ISBN 978-5-394-00392-9. — Текст : непосредственный.

163. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. Е. Юрков. — Санкт-Петербург, 2012. — 55 с. — Текст : непосредственный.

164. Ягунова Е. В. Коммуникативная и смысловая структуры текста и его восприятие / Е. В. Ягунова. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 2007. — № 6. — С. 32-49.

165. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. — Самара : Самар. ун-т, 1995. — 328 с. — ISBN 5-230-06020-4. — Текст : непосредственный.

166. Agbo I. I., Kadiri G. C., Ijem B. U. Critical Metaphor Analysis of Political Discourse in Nigeria // English Language Teaching. — 2018. — Vol. 11, No. 5. — pp. 95-103.

167. Ahrens K. Metaphor Mapping and Knowledge Representation: Principles and Processing // Conference: The Symposium on Selected NSC Projects in General Linguistics from 1998-2000. At: Taipei: National Taiwan University, 2001.

168. Ahrens K., Liu H.-L., Lee C.-Y., Gong S.-P., Fang S.-Y., Hsu Y.-Y. Functional MRI of conventional and anomalous metaphors in Mandarin Chinese // Brain and Language. — 2007. — V. 100 (2). — pp. 163-171.

169. Ahrens K. Mapping principles for conceptual metaphors // *Researching and Applying Metaphor in the Real World* / Edited by G. Low, Z. Todd, A. Deignan, L. Cameron. — Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2010. — pp. 185–207.
170. Ahrens K., Chung S.-F., Huang C. R. Conceptual Metaphors: Ontology-based Representation and Corpora Driven Mapping Principles // *Proceedings of the ACL 2003 Workshop on the Lexicon and Figurative Language*. At: Sapporo, Japan, 2003. — pp. 35–41.
171. Ahrens K., Jiang M. Source Domain Verification Using Corpus-based Tools // *Metaphor and Symbol*. — 2020. — V. 35, No. 1. — pp. 43–55.
172. Al-Tashi Q., Hasan A. M. Word Sense Disambiguation: A Review [Electronic resource]. — URL: <https://osf.io/dbkzm/> (date of treatment: 18.01.2020).
173. Anaki D., Faust M., Kravetz S. Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors // *Neuropsychologia*. — 1998. — V. 36, No. 7. — pp. 691–700.
174. Andreou G., Galantomos I. Neurolinguistic aspects of metaphor theory // *Proceedings of the 2nd ISCA Workshop on Experimental Linguistics, ExLing*. At: Athens, Greece, 2008. — pp. 17–20.
175. Ang S. H., Lim E. A. C. The Influence of Metaphors and Product Type on Brand Personality Perceptions and Attitudes // *Journal of Advertising*. — 2006. — V. 35, No. 2. — pp. 39–53.
176. Anthony L. A critical look at software tools in corpus linguistics // *Linguistic Research*. — 2013. — V. 30, No. 2. — pp. 141–161.
177. Baranov A. N., Zinken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // *Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten. Beiträge zu einem Symposium in Münster 20–21 Juni 2002*. — Hamburg: Verlag Kovač, 2003. — pp. 93–121.
178. Baranov A., Zinken J. Blühende Landschaften - wuchernde Staaten. Das Metaphernmodell FLORA im russischen und im deutschen Transformationsdiskurs // *Sprache – Literatur - Politik. Ost- und Südosteuropa im Wandel. Beiträge zu einem*

Symposium in Münster 28-29 Juli 2003. — Hamburg: Verlag Kovač, 2004. — P. 15-31.

179. Beach L. R. Image theory: Decision Making in Personal and Organizational Contexts. Chichester: John Wiley & Sons, 1990. — 254 p.

180. Belt T. L. Metaphor and Political Persuasion : A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School University of Southern California. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy (Political Science)/ — 2003. — 510 p.

181. Beneš E. Thema – Rhema – Gliederung und Textlinguistik // Studien zur Texttheorie und zur deutschen Grammatik / herausgegeben von H. Sitta und K. Brinker. — Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1973. — pp. 42-62.

182. Berbeira Gardón J.L. William Croft y D. Alan Cruse (2004), Cognitive Linguistics, Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 0 521 66770, 356 págs // Pragmalinguística. — 2006. — No. 14. — pp. 133-140.

183. Berberović S., Mujagić M. A marriage of convenience or an amicable divorce: Metaphorical blends in the debates on Brexit // ExELL. — 2017. — V. 5, No. 1. — pp. 1-24.

184. Birke J., Sarkar A. A Clustering Approach for Nearly Unsupervised Recognition of Nonliteral Language // Proceedings of 11th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. At: Trento, Italy, 2006. — pp. 329-336.

185. Bisiada M. A cross-linguistic analysis of the ‘homework’ metaphor in German and English political discourse // Discourse & Society. — 2018. — V. 29, No. 6. — pp. 609–628.

186. Black M. Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, Vol. 55 (1954-1955) — : Blackwell Publishing, 1955. — pp. 273–294.

187. Black M. More about metaphor // Dialectica. — 1977. — V. 31, No. 3/4. — pp. 431–457.

188. Bock B., Manerova K. V. Reproduktion von Phrasemen im politischen Diskurs (am Beispiel von Zeitmetaphern während der Perestroika und in der

deutschen Wendezeit) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете = German philology in St. Petersburg State University : сборник научных статей / Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского гос. университета, 2016. — Вып. IX: Диалогическое взаимодействие текстов и дискуссов / под ред. С. Т. Нефедова, И. Е. Езан, — 2019. — С. 245–265.

189. Voeunaems A., Burgers C., Konijn E. A., Steen G. J. The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review // *Metaphor and Symbol*. — 2017. — V. 32, No. 2. — pp. 118–134.

190. Voeunaems A., Burgers C., Konijn E. A., Steen G. J. The Impact of Conventional and Novel Metaphors in News on Issue Viewpoint // *International Journal of Communication*. — 2017. — V. 11. — pp. 2861–2879.

191. Borisov A. A., Madhava I. N., Oganyan Z. V. Pragmatic potential of neurolinguistic programming techniques in journalistic discourse // *Philology. Theory & Practice*. — 2019. — V. 12, No. 5. — pp. 197–201.

192. Boroditsky L. Does Language Shape Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // *Cognitive Psychology*. — 2001. — V. 43 (1). — pp. 1-22.

193. Bort Mir L. Developing, applying and testing FILMIP: the filmic metaphor identification procedure : Thesis for: PhD. — Castelló de la Plana, 2019. — 425 p.

194. Bosman J. Persuasive Effects of Political Metaphors // *Metaphor and Symbolic Activity*. — 1987. — V. 2, No. 2. — pp. 97-113.

195. Bosman J., Hagendoorn L. Effects of Literal and Metaphorical Persuasive Messages // *Metaphor and Symbolic Activity*. — 1991. — V. 6, No. 4. — pp. 271-292.

196. Bottini G., Corcoran R., Sterzi R., Paulesu E., et al. The role of the right hemisphere in the interpretation of figurative aspects of language. A positron emission tomography activation study // *Brain*. — 1994. — V. 117. — pp. 1241–1253.

197. Bowdle B. F., Gentner D. The Career of Metaphor // *Psychological*

Review. — 2005. — V. 112, No. 1. — pp. 193-216.

198. Bowers J. W., Osborn M. M. Attitudinal effects of selected types of concluding metaphors in persuasive speeches // *Speech Monographs*. — 1966. — V. 33, No. 2. — pp. 147-155.

199. Brantner C., Lobinger K., Wetzstein I. Effects of Visual Framing on Emotional Responses and Evaluations of News Stories about the Gaza Conflict 2009 // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. — 2011. — V. 88, No. 3. — pp. 523-540.

200. Branum J., Charteris-Black J. The Edward Snowden affair: A corpus study of the British press // *Discourse & Communication*. — 2015. — V. 9, No. 2. — pp. 199-220.

201. Brdar-Szabo R., Brdar M. Religious Discourse and (Cognitive) Metaphor Theory // *Leuvense Bijdragen*. — 2003. — V. 92, No. 1. — pp. 199-212.

202. Brugman B. C., Burgers C., Vis B. Metaphorical framing in political discourse through words vs concepts: A meta-analysis // *Language and Cognition*. — 2019. — V. 11, No. 1. — pp. 41-65.

203. Burgers C, Konijn E. A., et al. Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising // *International Journal of Advertising*. — 2015. — V. 34, No. 3. — pp. 515–532.

204. Burgers C., Ahrens K. Change in Metaphorical Framing: Metaphors of Trade in 225 Years of State of the Union Addresses (1790–2014) // *Applied Linguistics*. — 2020. — V. 41, No. 2. — pp. 260–279.

205. Burnard L. Reference Guide for the British National Corpus (XML Edition) [Electronic resource]. — URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/URG/> (date of treatment: 24.04.2020).

206. Cacciari C., Glucksberg S. Understanding figurative language // *Handbook of Reading Research*. — New York: Academic Press, 1994. — pp. 447-477.

207. Cameron L., Maslen R., et al. The Discourse Dynamics Approach to

Metaphor and Metaphor-Led Discourse Analysis // Metaphor and Symbol. — 2009. — V. 24, No. 2. — pp. 63-89.

208. Cameron L., Deignan A. Combining Large and Small Corpora to Investigate Tuning Devices Around Metaphor in Spoken Discourse // Metaphor and Symbol. — 2003. — V. 18, No. 3. — pp. 149-160.

209. Cameron L., Maslen R. Metaphor Analysis: Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities. — London, UK: Equinox, 2010. — 298 p. — ISBN 9781845534479.

210. Cameron L., Pelosi A., Feltes H. P. de M. Metaphorizing Violence in the UK and Brazil: A Contrastive Discourse Dynamics Study // Metaphor and Symbol. — 2014. — V. 29, No. 1. — pp. 23-43.

211. Camus J. Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press // Discourse Studies. — 2009. — V. 11, No. 4. — pp. 465-495.

212. Carston R., Wearing C. Metaphor, hyperbole and simile: A pragmatic approach // Language and Cognition. — 2011. — V. 3, No. 2. — pp. 283-312.

213. Carver T. Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World. — London: Routledge, 2008. — 293 p. — ISBN 978-0-415-41735-8.

214. Casasanto D., Gijssels T. What Makes a Metaphor an Embodied Metaphor? // Linguistics Vanguard. — 2015. — V. 1, No. 1. — pp. 327-337.

215. Charteris-Black J. Speaking With Forked Tongue: A Comparative Study of Metaphor and Metonymy in English and Malay Phraseology // Metaphor and Symbol. — 2003. — V. 18, No. 4. — pp. 289-310.

216. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. — London: Palgrave Macmillan, 2004a. — 293-p. — ISBN 978-1-4039-3292-1.

217. Charteris-Black J. Why “an angel rides in the whirlwind and directs the storm”: A corpus-based comparative study of metaphor in British and American political discourse // Advances in Corpus Linguistics: Papers from the 23rd International Conference on English Language Research on Computerized Corpora (ICAME 23) Goteborg 22-26 May 2002. — Amsterdam – New York: Rodopi, 2004b. — pp. 133-151.

218. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. — London: Palgrave Macmillan, 2016 — 239 p.

219. Cirstea B.-I., Chiru C.-G. *Metaphor Detection // Proceedings of 19th International Conference on Control Systems and Computer Science*. At: Bucharest, Romania, 2013. — pp. 210-217.

220. Cornelissen J. P., Holt R., Zundel M. *The Role of Analogy and Metaphor in the Framing and Legitimization of Strategic Change // Organization Studies*. — 2011. — V. 32, No. 12. — pp. 1701–1716.

221. Coulson S., Petten C. Van. *Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study // Memory & Cognition*. — 2002. — V. 30 (6). — pp. 958-968.

222. Creed A., McIlveen P. *Metaphor identification as a research method for the study of career // International Journal for Educational and Vocational Guidance*. — 2018. — V. 18, No. 1. — pp. 27–44.

223. Cunningham J. W. *Metaphor and Reading Comprehension // Journal of Reading Behavior*. — 1976. — V. 8, No. 4. — pp. 363–368.

224. Daneš F. *Zur semantischen und thematischen Struktur des Kommunikats // Probleme der Textgrammatik. Studia Grammatica*. [vol. XI]. Berlin, 1976. — pp. 29-40.

225. Dankers V., Rei M., Lewis M., Shutova E. *Modelling the interplay of metaphor and emotion through multitask learning // Proceedings of the 2019 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing and the 9th International Joint Conference on Natural Language Processing (EMNLP-IJCNLP)*. At: Hong Kong, China, 2019. — pp. 2218-2229.

226. Deignan A. *MIP, the corpus and dictionaries: What makes for the best metaphor analysis? // Metaphor and Social World*. — 2015. — V. 5, No. 1. — pp. 145-154.

227. Demmen J., Semino E., Demjen Z., et al. *A computer-assisted study of the use of Violence metaphors for cancer and end of life by patients, family carers and health professionals // International Journal of Corpus Linguistics*. — 2015. —

V. 20, No. 2. — pp. 205-231.

228. Dijk T. A. van. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach.* — New York: Cambridge University Press, 2008. — 267 p. — ISBN 978-0-521-89559-0.

229. Dijk T. A. van. *Principles of critical discourse analysis // Discourse & Society.* — 1993. — V. 4 (2). — pp. 249–283.

230. Dinh E.-L. Do, Wieland H., Gurevych I. *Weeding out Conventionalized Metaphors: A Corpus of Novel Metaphor Annotations // Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing.* At: Brussels, Belgium, 2018. — pp. 1412-1424.

231. Dorst A. G. *Metaphor in Fiction: Linguistic Forms, Conceptual Structures, Cognitive Representations.* — Oisterwijk: BOXpress 2011.

232. Dorst A. G. *More or different metaphors in fiction? A quantitative cross-register comparison // Language and Literature: International Journal of Stylistics.* — 2015. — V. 24 (1), pp. 3–22.

233. Drulak P. *Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union // EUI Working Paper.* — 2004. — V. 15.

234. Đurović T., Silaški N. *The end of a long and fraught marriage. Metaphorical images structuring the Brexit discourse // Metaphor and the Social World.* — 2018. — V. 8, No. 1. — pp. 25-39.

235. Evans V., Green M. *Cognitive linguistics. An introduction.* — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. — 830 p. — ISBN 0 7486 1831 7.

236. Eviatar Z., Just M. A. *Brain correlates of discourse processing: An fMRI investigation of irony and conventional metaphor comprehension // Neuropsychologia.* — 2006. — V. 44 (12). — pp. 2348–2359.

237. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language.* — Abingdon: Routledge, 2013. — 590 p.

238. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language.* — Cambridge, MA: MIT Press, 1985. — 238 p.

239. Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language.* — : Cambridge

University Press, 1997. — 220 p. — ISBN 978-0521599535.

240. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. — New York: Basic Books, 2002.

241. Fauconnier G., Turner M. B. *Conceptual Projection and Middle Spaces* [Electronic resource]. - URL:https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1290862 (date of treatment: 12.01.2020).

242. Flanik W. *Mapping Metaphorical Frames of U.S. Strategic Defense*. — London: SAGE Publications Ltd, 2019. — 20 p.

243. Florou E., Perifanos K., Goutsos D. Neural embeddings for metaphor detection in a corpus of Greek texts // *Proceedings of 2018 9th International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA)*. At: Zakynthos, Greece. — 4 p.

244. Flusberg J. S., Matlock T., Thibodeau P. H. War metaphors in public discourse // *Metaphor and Symbol*. — 2018. — V.33 (1). — pp.1-18.

245. Gauss H. *Human behavior during long-term economic recession*. Malle, Belgium: De Sikkel, 1981. 1981 c.

246. Gentner D. Structure-mapping: A theoretical framework for analogy // *Cognitive Science*. — 1983. — V. 7 (2). — pp. 155–170.

247. Gentner D., Bowdle B. *Metaphor as Structure-Mapping* // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / edited by R. W. Gibbs, Jr. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — pp. 109-128.

248. Gentner D., Bowdle B. F. Convention, Form, and Figurative Language Processing // *Metaphor and Symbol*. — 2001. — V. 16 (3&4). — pp. 223-247.

249. Gevaert C. The evolution of the lexical and conceptual field of anger in Old and Middle English // *A Changing World of Words: Studies in English Historical Lexicography, Lexicology and Semantics* / edited by J. E. Diaz Vera. — Amsterdam and New York: Rodopi, 2002. — pp. 275-299.

250. Gibbs R. W., Tendahl M., Okonski L. Inferring Pragmatic Messages from Metaphor // *Lodz Papers in Pragmatics*. — 2011. — V. 7.1. — pp. 3-28.

251. Gibbs R. W. Cognitive Linguistics and Metaphor Research: Past Successes, Skeptical Questions, Future Challenges // DELTA: Documentação de estudos em lingüística teórica e aplicada. — 2006. — V. 22: Especial. — pp. 1-20.
252. Gibbs R. W. Do pragmatic signals affect conventional metaphor understanding? A failed test of deliberate metaphor theory // Journal of Pragmatics. — 2015. — V. 90. — pp. 77-87.
253. Gibbs R. W. Does deliberate metaphor theory have a future? // Journal of Pragmatics. — 2015. — V. 90. — pp. 73-76.
254. Gibbs R. W., Colston H. L. Interpreting Figurative Meaning. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 390 p. — ISBN 978-1-107-02435-9.
255. Gibbs R. W., Tendahl M. Cognitive Effort and Effects in Metaphor Comprehension: Relevance Theory and Psycholinguistics // Mind & Language. — 2006. — V. 21 (3). — pp. 379-403.
256. Giora R., Fein O., Kronrod A., et al. Weapons of Mass Distraction: Optimal Innovation and Pleasure Ratings // Metaphor and Symbol. — 2004. — V. 19 (2). — pp. 115-141.
257. Glucksberg S. Understanding Metaphors: The Paradox of Unlike Things Compared // Affective Computing and Sentiment Analysis / edited by Khurshid Ahmad. — Dordrecht: Springer, 2011. — pp. 1-12.
258. Glucksberg S. Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms. — : Oxford University Press, 2001. — 136 p.
259. Glucksberg S., Keysar B. Understanding metaphorical comparisons: Beyond similarity. // Psychological Review. — 1990. — V. 97 (1). — pp. 3-18.
260. Glucksberg S., Keysar B., McGlone M. S. Metaphor understanding and accessing conceptual schema: Reply to Gibbs (1992) // Psychological Review. — 1992. V. 99 (3). — pp. 578-581.
261. Glucksberg S., McGlone M. S. When love is not a journey: What metaphors mean // Journal of Pragmatics. — 1999. — V. 31 (12). — pp. 1541-1558.
262. Goldstein W.M., Weber E.U. Content and Discontent: Indications and

Implications of Domain Specificity in Preferential Decision Making // *The Psychology of Learning and Motivation*. — 1995. — V. 32. — pp. 83–136.

263. Gong S.-P., Ahrens K. Processing Conceptual Metaphors in On-Going Discourse // *Metaphor and Symbol*. — 2007. — V. 22 (4). — pp. 313-330.

264. Grady J., Taub S., Morgan P. Primitive and Compound Metaphors // *Conceptual Structure, Discourse and Language* / Edited by A. Goldberg. — Stanford: Center for the Study of Language and Information Publications, 1996. — pp. 177-187.

265. Grady J. Theories are buildings revisited // *Cognitive Linguistics*. — 1997. — V. 8-4. — pp. 267-290.

266. Grady J. A typology of motivation for conceptual metaphor: Correlation vs. resemblance // *Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, 1997* / Edited by R. W. Gibbs, Jr., G. J. Steen. — John Benjamins Publishing Company, 1999. — pp. 79-100.

267. Grady J. Primary metaphors as inputs to conceptual integration // *Journal of Pragmatics*. — 2005. — V. 37, No. 10. — pp. 1595–1614.

268. Graesser A. C., Mio J., Millis K. K. Metaphors in persuasive communication // *Comprehension of literary discourse: Results and problems of interdisciplinary approaches* / Edited by D. Meutsch, R. Viehoff. — Berlin: Walter de Gruyter, 1989. — pp. 131-154.

269. Guthrie M. Effects of credibility, metaphor, and intensity on comprehension, credibility, and attitude change — Unpublished master's thesis, Illinois State University, Normal, 1972.

270. Halliday M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. — London: Edward Arnold, 1978. — 256 p.

271. Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. — London: Hodder Education Publishers, 1994. — 427 p. — ISBN 978-0340574911.

272. Hamblin J. L., Gibbs R. W. Processing the meanings of what speakers say and implicate. // *Discourse Processes*. — 2003. — V. 35. — pp. 59-80.

273. Hart C. *Metaphorical World Politics: Beer, Francis A., Christ'1 De Landtsheer (Eds.), Michigan University Press, Michigan, 2004, x + 342 pp., ISBN 0 87013 726 3 : book review // Journal of Pragmatics. — 2006. — V. 38, No. 7. — pp. 1135-1140.*

274. Hart C. *Critical Discourse Analysis and Conceptualisation: Mental Spaces, Blended Spaces and Discourse Spaces in the British National Party // Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory / Edited by C. Hart, D. Lukes. — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. — pp. 107-132.*

275. Hart C., Lukes D. *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis // Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory / Edited by C. Hart, D. Lukes. — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. — pp. ix-xiii.*

276. Hartman T.K. *Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality // Political Communication. — 2012. — V. 29 (3). — pp. 278-298.*

277. Hashimoto C., Kawahara D. *Compilation of an idiom example database for supervised idiom identification // Language Resources and Evaluation. — 2009. — V. 43, No. 4. — pp. 355-384.*

278. Haxby J. V., Ungerleider L. G., Horwitz B., et al. *Hemispheric differences in neural systems for face working memory: A PET-rCBF study // Human Brain Mapping. — 1995. — V. 3, No. 2. — pp. 68-82.*

279. Heath C., Tversky A. *Preference and belief: Ambiguity and competence in choice under uncertainty // Journal of Risk and Uncertainty. — 1991. — V. 4. — pp. 5-28.*

280. Heerik van den R. A. M., Droog E., et al. *Thinking out of the box. Production of direct metaphor in a social media context // Internet Pragmatics. — 2020. — V. 3:1. — pp. 64-94.*

281. Hiraga M. *Metaphors Japanese Women Live By // Working Papers on Language, Gender & Sexism. — 1991. — V. 1, No. 1. — pp. 38-57.*

282. Hobbs J. R., Gordon A. S. The Deep Lexical Semantics of Emotions // *Affective Computing and Sentiment Analysis: Emotion, Metaphor and Terminology* / Edited by Khurshid Ahmad. — : Springer, 2011. — pp. 27-34.

283. Hoeken H., Swanepoel P., et al. Using Message Form to Stimulate Conversations: The Case of Tropes // *Communication Theory*. — 2009. — V. 19, No. 1. — pp. 49-65.

284. Hoey M. *Lexical priming: A New Theory of Words and Language*. — London: Routledge, 2005. — 220 p.

285. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. — London, New York: McGraw-Hill, 1991. — 306 p.

286. Hu C., Liu H. Inflation Metaphor in the TIME Magazine Corpus // *English Language Teaching*. — 2016. — V. 9, No. 2. — pp. 124-135.

287. Hu C., Xu Y. WAR Metaphor in the Chinese Economic Media Discourse // *Higher Education Studies*. — 2017. — V. 7, No. 1. — p. 94-106.

288. Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // *Zeitschrift für Internationale Beziehungen*. — 2003. — V. 10 (2). — pp. 211-246.

289. Hussey K. A., Katz A. N. Metaphor Production in Online Conversation: Gender and Friendship Status // *Discourse Processes: A Multidisciplinary Journal*. — 2006. — V. 42, No. 1. — pp. 75-98.

290. Ide N., Reppen R., Suderman K. The American National Corpus: More Than the Web Can Provide // *Proceedings of the 3rd International Conference on Language Resources and Evaluation, LREC 2002*. At: Las Palmas, Canary Islands, Spain, 2002. — pp. 839-844.

291. Jaffe F. *Metaphors and memory: A study in persuasion*: Doctoral Dissertation, Northwestern University, 1988. — *Dissertation Abstracts International*, 49, 2311.

292. Johnson E. *Sculpting Public Opinion: Understanding the (Mis)use of Metaphors in the Media* // *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory*. — Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. —

pp. 28-56.

293. Johnson J. T., Taylor S. E. The Effect of Metaphor on Political Attitudes // *Basic and Applied Social Psychology*. — 1981. — V. 2 (4). — pp. 305-316.

294. Jones L. L., Estes Z. Roosters, robins, and alarm clocks: Aptness and conventionality in metaphor comprehension // *Journal of Memory and Language*. — 2006. — V. 55, No. 1. — pp. 18-32.

295. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*. — 1979. — V. 47 (2). — pp. 263-292.

296. Kalinin O. Virus Image in the Chinese Media: Comparative Analysis of Coronavirus and Ebola Metaphoric Representation // *Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication*. Moscow: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2020. — pp. 331-337.

297. Kalinin O. Comparative Analysis of Coronavirus Metaphoric Representation in Chinese and Russian Online Media // *Acta Linguistica Asiatica*. — 2021. — V. 11(2). — pp. 51-63.

298. Kalinin O., Mavleev R. The “War” Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment // *Proceedings of “DICTUM - FACTUM: from Research to Policy Making”*. — 2019. — pp. 80-92.

299. Kellermann K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic // *Communication Monographs*. — 1992. — V. 59(3). — pp. 288-300.

300. Kelly L. H. Critical metaphor analysis of cosmetics metaphorical advertising slogans: A cross-cultural perspective // *Cognitive Linguistic Studies*. — 2016. — V. 3 (1). — pp. 134-150.

301. Kesarwani V., Inkpen D., et al. Metaphor Detection in a Poetry Corpus // *Proceedings of the Joint SIGHUM Workshop on Computational Linguistics for Cultural Heritage, Social Sciences, Humanities and Literature*. At: Vancouver, Canada, 2017. — pp. 1-9.

302. Khaleghi M. R., Keikhaie Y. Comprehending conventional and novel metaphor processing: A reaction time study // *Advances in Cognitive Sciences*. — 2019. — V. 21, No. 3. — pp. 120-129.

303. Kimmel M. Metaphor Variation in Cultural Context: Perspectives from Anthropology // *European Journal of English Studies*. — 2004. — V. 8, No. 3. — pp. 275-293.

304. Knudsen S. Communicating novel and conventional scientific metaphors: a study of the development of the metaphor of genetic code // *Public Understanding of Science*. — 2005. — V. 14, No. 4. — pp. 373-392.

305. Kodak B., Awino C. A Critical Discourse Analysis of Love Metaphors in Selected Songs of Benga Maestro Dr. Osito Kalle // *South Asian Research Journal of Arts, Language and Literature*. — 2019. — V. 1, No. 2. — pp. 56–66.

306. Koller V. «A Shotgun Wedding»: Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // *Metaphor and Symbol*. — 2002. — V. 17, No. 3. — pp. 179-203.

307. Koller V. Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text // *metaphoric.de*. — 2003. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.metaphorik.de/de/journal/05/metaphor-clusters-metaphor-chains-analyzing-multifunctionality-metaphor-text.html> (date of treatment: 14.04.2020).

308. Koller V. *Metaphor and Gender in Business Media Discourse: A critical cognitive study*. — London: Palgrave Macmillan, 2004. — 244 p.

309. Köper M., Schulte im Walde S. Improving Verb Metaphor Detection by Propagating Abstractness to Words, Phrases and Individual Senses // *Proceedings of the 1st Workshop on Sense, Concept and Entity Representations and their Applications*. At: Valencia, Spain, 2017. — pp. 24-30.

310. Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 314 p.

311. Kövecses Z. *Metaphor, Culture, and Discourse: The Pressure of Coherence* // *Metaphor and Discourse* / Edited by A. Musolff, J. Zinken. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — pp. 11-24.

312. Kövecses Z. *Aspects of Metaphor in Discourse* // *Belgrade English Language and Literature Studies*. — 2009. — V. 1 (1). — pp. 81-95.

313. Kövecses Z. *Where Metaphors Come From*. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 232 p.

314. Kövecses Z. *Metaphor in media language and cognition: A perspective from conceptual metaphor theory // Lege Artis*. — 2018. — V. 3, No. 1. — pp. 124-141.

315. Krennmayr T., Steen G. *VU Amsterdam Metaphor Corpus // Handbook of Linguistic Annotation / Edited by Ide N., Pustejovsky J.* — Dordrecht: Springer Netherlands, 2017. — pp. 1053-1071.

316. Krieger J. L., Parrott R. L., Nussbaum J. F. *Metaphor Use and Health Literacy: A Pilot Study of Strategies to Explain Randomization in Cancer Clinical Trials // Journal of Health Communication*. — 2011. — V. 16 (1). — pp. 3-16.

317. Krishnakumaran S., Zhu X. *Hunting Elusive Metaphors Using Lexical Resources // Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Figurative Language*. At: Rochester, NY, 2007. — pp. 13-20.

318. Krisnawati E. *Metaphors in Indonesian Soccer News // Theory and Practice in Language Studies*. — 2014. — V. 4, No. 1. — pp. 24-29.

319. Kryshtaleva V. E. *Military Metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century // NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. — 2019. — V. 17 (2). — pp. 77-90.

320. Kyratzis S. *Metaphorically Speaking: Sex, Politics and the Greeks: Thesis for: PhD*. — University of Lancaster, 1997.

321. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Edited by A. Ortony*. : Cambridge University Press, 1993. — pp. 202-251.

322. Lakoff G. *The neural theory of metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / Edited by R. W. Gibbs*. — Cambridge: Cambridge University Press., 2008. — pp. 17-38.

323. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. — Chicago & London: The University of Chicago Press, 1980. — 128 p. — ISBN 0-226-46801-1.

324. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh : The embodied mind and its challenge to Western thought*. — New York: Basic Books, 1999. — 624 p. —

ISBN 0-465-05673-3.

325. Landtsheer C. De. The language of prosperity and crisis: A case study in political semantics // *Politics & the Individual*. — 1994. — V. 4 (2). — pp. 63-85.

326. Landtsheer C. De. Crisis Style or Radical Rhetoric? The Speech by Dyab Abou Jahjah, Leader of the Arab European League // *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory* / Edited by C. Hart, D. Lukes. — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. — pp. 57-81.

327. Landtsheer C. De. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor // *Metaphor and Discourse* / Edited by A. Musolff, J. Zinken. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — pp. 59-78.

328. Landtsheer C. De. Methods for the Study of Political Metaphor in Leadership Studies // *ECPR General Conference*. At: Glasgow, Scotland, 2014.

329. Larson B. M. H., Nerlich B., Wallis P. Metaphors and Biorisks: The War on Infectious Diseases and Invasive Species // *Science Communication*. — 2005. — V. 26, No. 3. — pp. 243-268.

330. Lee M. Critical metaphor analysis of citizenship education discourse // *Public Relations Inquiry*. — 2015. — V. 4, No. 1. — pp. 99-123.

331. Lei Z. *Metaphor and Intercultural Communication*. Andreas Musolff, Fiona MacArthur, and Giulio Pagani (Eds.). London, UK; New Delhi, India; New York, NY; Sydney, Australia: Bloomsbury, 2014. 232 pages, £50.04 (hardcover), ISBN 978-1-4411-6547-3 : Book Review // *Metaphor and Symbol*. — 2016. — V. 31, No. 4. — pp. 260-263.

332. Leong C. W., Beigman Klebanov B., Shutova E. A Report on the 2018 VUA Metaphor Detection Shared Task // *Proceedings of the Workshop on Figurative Language Processing*. At: New Orleans, Louisiana, 2018. — pp. 56-66.

333. Li W. Rethinking Critical Metaphor Analysis // *International Journal of English Linguistics*. — 2016. — V. 6, No. 2. — pp. 92-98.

334. Light M., Greiff W. Statistical models for the induction and use of selectional preferences // *Cognitive Science*. — 2002. — V. 26, No. 3. — pp. 269-281.

335. Lima P. L. C. About Primary Metaphors // D.E.L.T.A. — 2006. — V. 22, No. Especial. — pp. 109-122.

336. Littlemore J., Krennmayr T., et al. An Investigation into Metaphor Use at Different Levels of Second Language Writing // Applied Linguistics. — 2014. — V. 35, No. 2. — pp. 117-144.

337. Liu Q. Metaphors addressing the relationship between Chinese and Western cultures in Mao's speeches // Critical Discourse Studies. — 2019. — V. 18, No. 2. — pp. 207-225.

338. Low G. Metaphor and positioning in academic book reviews // Confronting Metaphor in Use / Edited by M. S. Zanotto, L. Cameron, M. C. Cavalcanti. : John Benjamins Publishing Company, 2008. — pp. 79-100.

339. Lu X., Wang B. P. Y. Towards a metaphor-annotated corpus of Mandarin Chinese // Language Resources and Evaluation. — 2017. — V. 51, No. 3. — pp. 663-694.

340. Luo R. A Study on Chinese LIFE Metaphors from Corpus-Based Approach // NeuroQuantology. — 2018. — V. 16, No. 5. — pp. 67-75.

341. Martin J. R. English Text: System and structure. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. — 620 p. — ISBN 9789027220790.

342. Mashal N., Faust M., Hendler T. The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: application of principal components analysis to fMRI data // Neuropsychologia. — 2005. — V. 43, No. 14. — pp. 2084-2100.

343. Matsuki K. Metaphors of anger in Japanese // Language and the Cognitive Construal of the World / Edited by J. R. Taylor, R. E. MacLaury. — Berlin: De Gruyter Mouton, 1995. — pp. 137-152. — ISBN: 9783110143010.

344. McCroskey J. C., Combs W. H. The Effects and the Use of Analogy on Attitude Change and Source Credibility // Journal of Communication. — 1969. — V. 19, No. 4. — pp. 333-339.

345. McGuire W. J. Standing on the Shoulders of Ancients: Consumer Research, Persuasion, and Figurative Language // Journal of Consumer Research. —

2000. — V. 27. No. 1. — pp. 109-114.

346. *Metaphor and Thought* / Edited by A. Ortony. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — 678 p. — ISBN 0-521-40547-5.

347. Micholajczuk A. The metonymic and metaphoric conceptualization of anger in Polish // *Speaking of emotions: Conceptualization and expression* / Edited by A. Athanasiadou, E. Tabakowska. — Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1998. — pp. 153-191.

348. Mio J. S., Riggio R. E., et al. Presidential leadership and charisma: The effects of metaphor // *The Leadership Quarterly*. — 2005. — V. 16, No. 2. — pp. 287-294.

349. Mishlanova S. L., Suvorova M. V. Evaluation of Metaphor Identification p\Procedure VU (MIPVU) by the Criteria of a Truly Scientific Method // *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. — 2017. — V. 9, No. 1. — pp. 46-52.

350. Morris M. W., Sheldon O. J., et al. Metaphors and the market: Consequences and preconditions of agent and object metaphors in stock market commentary // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. — 2007. — V. 102. — pp. 174-192.

351. Mothersbaugh D. L., Huhmann B., Franke G. R. Combinatory and Separative Effects of Rhetorical Figures on Consumers' Effort and Focus in Ad Processing // *Journal of Consumer Research*. — 2002. — V. 28, No. 4. — pp. 589-602.

352. Mubarak A. S. J. American Offensive Funny Riddles: A Critical Metaphor Analysis // *Journal of University of Babylon, Humanities*. — 2018. — V. 26, No. 4. — pp. 107-121.

353. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. — 2000. — V. 21, No. 3. — pp. 216-229.

354. Musolff A. Is There Such a Thing as a Discourse History? The Case of Metaphor // *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and*

Theory / Edited by C. Hart, D. Lukes. — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. — pp. 1-28.

355. Musolff A. The study of metaphor as part of critical discourse analysis // *Critical Discourse Studies*. — 2012. — V. 9, No. 3. — pp. 301-310.

356. Musolff A. Cross-cultural variation in deliberate metaphor interpretation // *Metaphor and the Social World*. — 2016. — V. 6, No. 2. — pp. 205-224.

357. Musolff A. Metaphor Framing in Political Discourse // *Mythos-Magazin: Politisches Framing*. — 2019. — V. 1. — pp. 1-11.

358. Nacey S., Dorst A. G., et al. MIPVU in multiple languages // *Metaphor Identification in Multiple Languages: MIPVU around the world* / Edited by S. Nacey, A. G. Dorst, et al. — : John Benjamins, 2019. — pp. 2-21.

359. Neuendorf K. A. *The Content Analysis Guidebook*. — Los Angeles: SAGE, 2017. — 438 p.

360. Neuman Y., Assaf D., et al. Metaphor Identification in Large Texts Corpora // *PLOS ONE*. — 2013. — V. 8, No. 4. — e62343.

361. Nissim M., Markert K. Syntactic Features and Word Similarity for Supervised Metonymy Resolution // *Proceedings of the 41st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. At: Sapporo, Japan, 2003. — pp. 56-63.

362. Nokele A. B. Identifying conceptual metaphors using the Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU) // *South African Journal of African Languages*. — 2014. — V. 34, No. 1. — pp. 75-86.

363. Novitskaya I. V. The conceptual metaphor theory and the development of alternative theories within the cognitive approach to metaphor (a review of European and American metaphor studies) // *Language and Culture*. — 2019. — No. 46. — pp. 76-101.

364. Ortony A. Why Metaphors Are Necessary and Not Just Nice // *Educational Theory*. — 1975. — V. 25, No. 1. — pp. 45-53.

365. Ortony A. Beyond literal similarity // *Psychological Review*. — 1979. — V. 86 (3). — pp. 161-180.

366. Ostanina-Olszewska J., Despot K. S. When “soul” is lost in translation:

Metaphorical conceptions of “soul” in Dostoyevsky’s original “Братья Карамазовы” (“The Brothers Karamazov”) and its translations into Polish, Croatian and English // *Cognitive Studies. Études Cognitives*. — 2017. — No. 17.

367. Otieno R. F. The Role of the “Path” and the “Container” Image Schemas in Political Discourse in Kenya // *English Language Teaching and Linguistics Studies*. — 2019. — V. 1, No. 2. — pp. 123-140.

368. Ottati V. C., Renstrom R. A. Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach // *Social and Personality Psychology Compass*. — 2010. — V. 4 (9). — pp. 783-794.

369. Park S. A Corpus-Based Study on Metaphors of FEAR // *The Journal of Linguistics Science*. — 2019. — V. 91. — pp. 269-287.

370. Patterson K. J. Understanding Metaphor through Corpora: A Case Study of Metaphors in Nineteenth Century Writing. — New York: Routledge, 2018. — 236 p.

371. Payne J. W., Bettman J. R., Johnson E. J. The Adaptive Decision Maker. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — 330 p. — ISBN 0-521-41505-5.

372. Pennington N., Hastie R. A theory of explanation-based decision making // *Decision Making in Action: Models and Methods* / Edited by G. A. Klein, J. Orasanu, et al. — Norwood: Ablex Publishing Corporation, 1993. — pp. 188-201.

373. Phillips B. J., McQuarrie E. F. Impact of Advertising Metaphor on Consumer Belief: Delineating the Contribution of Comparison Versus Deviation Factors // *Journal of Advertising*. — 2009. — V. 38 (1). — pp. 49-61.

374. Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // *Metaphor and Symbol*. — 2007. — V. 22, No. 1. — pp. 1-39.

375. Pynte J., Besson M., et al. The Time-Course of Metaphor Comprehension: An Event-Related Potential Study // *Brain and Language*. — 1996. — V. 55 (3). pp. 293-316.

376. Quinn N. The Cultural Basis of Metaphor // *Beyond Metaphor: The Theory of Tropes in Anthropology* / Edited by J. Fernandez. — Stanford: Stanford

University Press, 1991. — pp. 56-93.

377. Rapp A. M., Felsenheimer A. K., et al. The Comprehension of Familiar and Novel Metaphoric Meanings in Schizophrenia: A Pilot Study // *Frontiers in Psychology*. — 2018. — V. 8.

378. Read S. J., Cesa I. L., et al. When Is the Federal Budget Like a Baby? Metaphor in Political Rhetoric // *Metaphor and Symbol Activity*. — 1990. — V. 5, No. 3. — pp. 125-149.

379. Reijnierse W. G., Burgers C., et al. On Metaphorical Views, Dynamite, and Doodlings: Functions of Domain Adjectives in Metaphorical Domain Constructions // *Review of Cognitive Linguistics*. — 2018. — V. 16, No. 2. — pp. 431-454.

380. Reijnierse W. G., Burgers C., et al. Metaphor in communication: The distribution of potentially deliberate metaphor across register and word class // *Corpora*. — 2019. — V. 14, No. 3. — pp. 301-326.

381. Reinsch N. L., Jr. Attitudinal effects of brief and extended similes and metaphors: Doctoral dissertation, University of Kansas // *Dissertation Abstracts International*, 1973. — V. 34. — P. 7914.

382. Richards I. A. *The Philosophy of Rhetoric*. Oxford: Oxford University Press, 1965. — 138 p. — ISBN 0195007158, 9780195007152.

383. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // *Metaphor and Symbol*. — 2003. — V. 18, No. 1. — pp. 49-53.

384. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // *Metaphor and Symbol*. — 2004a. — V. 19, No. 3. — pp. 233-244.

385. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // *Metaphor and Symbol*. — 2004b. — V. 19, No. 4. — pp. 265-287.

386. Ritchie L. D. *Context and Connection in Metaphor*. — London: Palgrave Macmillan UK, 2006. — ISBN 978-0-230-28682-5.

387. Robins S., Mayer R. E. The Metaphor Framing Effect: Metaphorical Reasoning About Text-Based Dilemmas // *Discourse Processes*. — 2000. — V. 30,

No. 1. — pp. 57-86.

388. Romanyshyn N., Dosyn D., Levchenko O. Method of Automated Identification of Metaphoric Meaning in Adjective + Noun Word Combinations (Based on the Ukrainian Language) // Modern Machine Learning Technologies, Workshop Proceedings of the 8th International Conference on "Mathematics. Information Technologies. Education", MoMLeT&DS-2019. At: Shatsk, Ukraine, 2019. — pp. 370-380.

389. Sandahl C. Performing metaphors: AIDS, disability, and technology. // Contemporary Theatre Review. —2001. — V. 11, No. 3_4. — pp. 49-60.

390. Searle J. R. Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979. — 287 p. — ISBN 9780521229012.

391. Semino E., Demjén Z., et al. The online use of Violence and Journey metaphors by patients with cancer, as compared with health professionals: a mixed methods study // BMJ Supportive & Palliative Care. — 2017. — V. 7. — pp. 60-66.

392. Seo S. A Critical Discourse Study on the Metaphors of the Arab Spring in the News Representations // Sociolinguistic Journal of Korea. — 2019. — V. 27, No. 4. — pp. 141-165.

393. Shiner R. A. On Metaphor (review) // Philosophy and Literature. — 1982. — V. 6, No. 1-2. — pp. 196-205.

394. Shitikov P. M. Applying Metaphor Identification Procedure (MIPVU) to Biblical Texts // Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates. — 2018. — V. 4, No. 2. — pp. 34-43.

395. Shutova E., Teufel S., Korhonen A. Statistical Metaphor Processing // Computational Linguistics. — 2013. — V. 39, No. 2. — pp. 301-353.

396. Silaški N., Đurović T. The Journey metaphor in Brexit-related political cartoons // Discourse, Context & Media. — 2019. — V. 31. — A. 100318.

397. Simpson P., Mayr A., Statham S. Language and Power: A Resource Book for Students. — : Routledge, 2018. — 310 p. — ISBN 9781138569232.

398. Skorczynska H., Ahrens K. A corpus-based study of metaphor signaling

variations in three genres // *Text&Talk*. — 2015. — V. 35 (3). — pp. 359-381.

399. Smith E. E., Jonides J. Working Memory: A View from Neuroimaging // *Cognitive Psychology*. — 1997. — V. 33 (1). — pp. 5-42.

400. Sopory P. Metaphor and Attitude Accessibility // *Southern Communication Journal*. — 2006. — V. 71, No. 3. — pp. 251-272.

401. Stampoulidis G., Bolognesi M., Zlatev J. A cognitive semiotic exploration of metaphors in Greek street art // *Cognitive Semiotics*. — 2019. — V. 12, No. 1.

402. Stee van S. K. Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages // *Communication Studies*. — 2018. — V. 69, No. 5. — pp. 545-566.

403. Stee van S. K., Noar S. M., et al. The Effects of Metaphor Use and Message Format on Cognitive Processing and Persuasive Outcomes of Condom Promotion Messages // *Communication Studies*. — 2018. — V. 69, No. 1. — pp. 23–41.

404. Steen G. The Paradox of Metaphor: Why We Need a Three-Dimensional Model of Metaphor // *Metaphor and Symbol*. — 2008. — V. 23 (4). — pp. 213-241.

405. Steen G. Deliberate Metaphor Affords Conscious Metaphorical Cognition // *Cognitive Semiotics*. — 2014. — V. 5, No. 1-2. — pp. 179-197.

406. Steen G. Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory // *Journal of Pragmatics*. — 2015. — V. 90. — pp. 67-72.

407. Steen G. Deliberate Metaphor Theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues // *Intercultural Pragmatics*. — 2017. — V. 14 (1). — pp. 1-24.

408. Steen G. J. Finding Metaphor in Grammar and Usage. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. — 430 p. — ISBN 9789027238979.

409. Steen G. J. When is metaphor deliberate? // *Selected Papers from the Stockholm 2008 Metaphor Festival*. — 2011. — pp. 47-63.

410. Steen G. J., Biernacka E., et al. Pragglejazz in practice // *Researching and Applying Metaphor in the Real World* / Edited by G. Low, Z. Todd, et al. — : John Benjamins Publishing Company, 2010a. — pp. 165-184.

411. Steen G. J., Dorst A. G., et al. Metaphor in usage // *Cognitive Linguistics*. — 2010b. — V. 21-4. — pp. 765-796.

412. Steen G. J., Dorst A. G. A Method for Linguistic Metaphor Identification. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010c. — 238 p. — ISBN 9789027239037.

413. Steen G. J. What does 'really deliberate' really mean?: More thoughts on metaphor and consciousness // *Metaphor and the Social World*. — 2011. — V. 1, No. 1. — pp. 53-56.

414. Stringaris A. K., Medford N. C., et al. Deriving meaning: Distinct neural mechanisms for metaphoric, literal, and non-meaningful sentences // *Brain and Language*. — 2007. — V. 100 (2). — pp. 150-162.

415. Taira T., Kusumi T. A review of metaphor research // *The Japanese Journal of Psychology*. — 2011. — V. 82, No. 3. — pp. 283-299.

416. Terai A., Sugyo T. Construction of a Corpus-Based Metaphor Generation Support System Built on Japanese Literature // *2019 IEEE 11th International Workshop on Computational Intelligence and Applications*. At: Hiroshima, Japan, 2019. — pp. 41-46.

417. Thibodeau P., Durgin F. H. Productive figurative communication: Conventional metaphors facilitate the comprehension of related novel metaphors // *Journal of Memory and Language*. — 2008. — V. 58 (2). — pp. 521-540.

418. Thibodeau P. H., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning // *PLoS ONE*. — 2011. — V. 6, No. 2. — e16782.

419. Thibodeau P. H., Boroditsky L. Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning // *PLoS ONE*. — 2013. — V. 8, No. 1. — e52961.

420. Thibodeau P. H., Durgin F. H. Metaphor Aptness and Conventionality: A Processing Fluency Account // *Metaphor and Symbol*. — 2011. — V. 26 (3). — pp. 206-226.

421. Torres Rivera A., Oliver A., Coll-Florit M. Metaphoricity Detection in Adjective-Noun Pairs // *Procesamiento del Lenguaje Natural*. — 2020. — V. 64. — pp. 53-60.

422. Trčková D. Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers // *Topics in Linguistics*. — 2015. — No. 16. — pp. 29-41.

423. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Edited by A. Barcelona. — Berlin: De Gruyter Mouton, 2003. — pp. 133-145.

424. Turney P., Neuman Y., et al. Literal and metaphorical Sense Identification through Concrete and Abstract Context // *Proceedings of the 2011 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. At: Edinburgh, Scotland, UK, 2011. — pp. 680-690.

425. Ureña Gómez-Moreno J. M. Refining the understanding of novel metaphor in specialised language discourse // *Terminology*. — 2016. — V. 22:1. — pp. 1-29.

426. Vereza S. The fabric of metaphor in discourse // *Figurative Language – Intersubjectivity and Usage* / Edited by A. Soares da Silva. — : John Benjamins Publishing Company, 2021. — pp. 339-356.

427. Wagenaar W. A., Keren G., Lichtenstein S. Islanders and hostages: Deep and surface structures of decision problems // *Acta Psychologica*. — 1988. — V. 67 (2). pp. 175-189.

428. Walter J., Helmig J. Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors // *ECPR Granada Workshop Metaphors in Political Science*. At: Budapest, Hungary, 2005.

429. Washer P. Representations of SARS in the British newspapers // *Social Science & Medicine*. — 2004. — V. 59, No. 12. — pp. 2561–2571.

430. Wężyk A. Metaphors of Pride in Polish and English – A Corpus-Based Study // *Contacts and Contrasts in Cultures and Languages* / Edited by . B. Lewandowska-Tomaszczyk. — : Springer, 2019. — pp. 103-117.

431. Whaley B. B. Toward a comprehensive model of analogy in persuasion: A test of the persuasive roles of analogy // *Dissertation abstracts international*, 1991. — V. 53. — p. 20.

432. Wilks Y. A preferential, pattern-seeking, Semantics for natural language

inference // *Artificial Intelligence*. — 1975. — V. 6, No. 1. — pp. 53-74.

433. Wilks Y. A Preferential, Pattern-Seeking, Semantics for Natural Language Inference // *Words and Intelligence I* / Edited by K. Ahmad, C. Brewster, M. Stevenson. — Dordrecht: Springer Netherlands, 2007. — pp. 83-102.

434. Williams A. E., Davidson R., Yochim E. C. Who's to Blame When a Business Fails? How Journalistic Death Metaphors Influence Responsibility Attributions // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. — 2011. — V. 88, No. 3. — pp. 541-561.

435. Winter B., Matlock T. Primary Metaphors Are Both Cultural and Embodied // *Metaphor: Embodied Cognition and Discourse*. / Edited by B. Hampe. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — pp. 99-116.

436. Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // *Discourse Studies*. — 2006. — V. 8 (1). — pp. 179-190.

437. Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // *Discursive Pragmatics* / Edited by J.-O. Östmann, J. Verschueren, J. Zienkowski. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. — pp. 50-70.

438. Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse analysis*. — London: SAGE Publications Ltd, 2009. — 216 p. — ISBN: 978-1847874559.

439. Wolff P., Gentner D. Structure-Mapping in Metaphor Comprehension // *Cognitive Science*. — 2011. — V. 35, No. 8. — pp. 1456-1488.

440. Wu C., Wu F., et al. Neural Metaphor Detecting with CNN-LSTM Model // *Proceedings of the Workshop on Figurative Language Processing*. At: New Orleans, USA, 2018. — pp. 110-114.

441. Xu C., Zhang C., Wu Y. Enlarging the scope of metaphor studies // *Intercultural Pragmatics*. — 2016. — V. 13 (3). — pp. 439-447.

442. Zawisławska M. *Metaphor and Senses. The Synamet Corpus: A Polish Resource for Synesthetic Metaphors*. — Berlin: Peter Lang, 2019. — 202 p. — ISBN 9783631793176.

443. Zawisławska M., Falkowska M. Metaphors in Polish wine discourse: A corpus approach // *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. — 2019. — V. 55,

No. 3. — pp. 601-629.

444. Zhao X., Han Y., Zhao X. A Corpus-based Study of Metaphor in Pavilion of Women // Chinese Semiotic Studies. — 2019. — V. 15, No. 1. — pp. 95-117.

445. Zinken J., Hellsten I., Nerlich B. Discourse metaphors // Body, language, and mind. Vol. 2, Sociocultural situatedness / Edited by R. Dirven, R. Frank, T. Ziemke, J. Zlatev. — Berlin : Mouton, 2008. pp. 363-385.
pp. 363-385.